

М.И. ЦИПОРУХА

**ДРЕВНИЕ
МОРЕХОДЫ
И ЗАГАДКИ ПЛАНЕТЫ**

Москва
«Вече»
2005

Внимание оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Акционерное общество «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
тел./факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел.: (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел.: (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «Вече—Казань»
тел.: (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел.: (044) 537-29-20

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предания, мифы и легенды, занимающие важное место в историческом сознании народов, составляют существенную, неотъемлемую часть их духовной жизни и выражают довольно ярко главные черты национального характера.

Ученые уже давно убедились в реальной основе, скрытой за мифами и легендами. Об этом свидетельствовали в первую очередь результаты многих археологических исследований и изучения старинных текстов. Так, например, Шлиман на основе тщательного изучения текста эпических поэм легендарного Гомера сумел найти и раскопать древнюю Трою и гробницы ахейских владык на Пелопоннесе. Таким же образом ученые воссоздали историю открытия норманнами Гренландии и Северной Америки на основе изучения и анализа старинных исландских саг. Таких примеров можно привести множество.

Рассказ о почти фантастических для своего времени морских путешествиях древних людей свидетельствует о необычайном мужестве и выносливости человека, о постоянных попытках расширить для себя пределы обитаемого мира, понять стремления и запросы незнакомых народов, расширить свои знания и духовный опыт.

Древние мореходы и в плавании, и в чужеземных странах, где родная община не защитит и не поможет, должны были рассчитывать лишь на свои силы. Им необходимо было понять чужие обычаи и верования, установить контакт с иноземцами, осмыслить колоссальный объем новой информации. Они обязаны были учиться и совершенствовать свои знания и навыки буквально на ходу. Вместе с тем знакомство с далекими землями, с незнакомыми народами не только обогащало знаниями и расширяло кругозор — оно возвышало дух древ-

них мореходов, приобщая их к великой общности людей Земли. И это несмотря на то что заморские плавания часто стимулировались стремлением к обогащению, к захвату сокровищ и пленников, сопровождались зачастую кровавыми схватками и столкновениями. Но хочется думать, что не это было главным и определяющим.

Все это и подвигло автора на попытку найти фактическую основу в мифах, сказаниях, легендах, былинах и народных песнях о кажущихся фантастическими и как будто лишенными реальной почвы путешествиях древних мореходов.

Человека с давних времен тянуло в дальние неведомые края, он постоянно стремился узнать, что за страны, какие таинственные народы проживают там, за чертой морского горизонта. Так отправимся и мы, уважаемые читатели, вслед за древними мореходами и путешественниками в поисках фактической основы легенд и мифов. Пожелаем всем доброго пути и семи футов под килем.

ГЛАВА 1. МИФ ОБ АРГОНАВТАХ

*Черные две скалы вы узрите при моря теснинах,
Между которых никто не мог проскользнуть
безопасно,
Ибо внизу не на прочных корнях они утвердились,
Но то и дело одна другой навстречу стремиться;
Так и сшибаются обе, а вокруг вздымаются волны,
Страшно кипя, и раскатом глухой отзывается берег.*

Аполлоний Родосский.
«Аргонавтика», III в. до н.э.

*Прежде чем в Троию пошло броненосное племя ахейн,
Деять я раз в корабле быстроходном
с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил — и была нам удача.*

Гомер. «Одиссея», IX—VIII вв. до н.э.

Греки стали морским народом за много веков до начала великой греческой колонизации VIII—VI вв. до н.э., в ходе которой древние греки расселились по всему Средиземноморью и по берегам Черного моря.

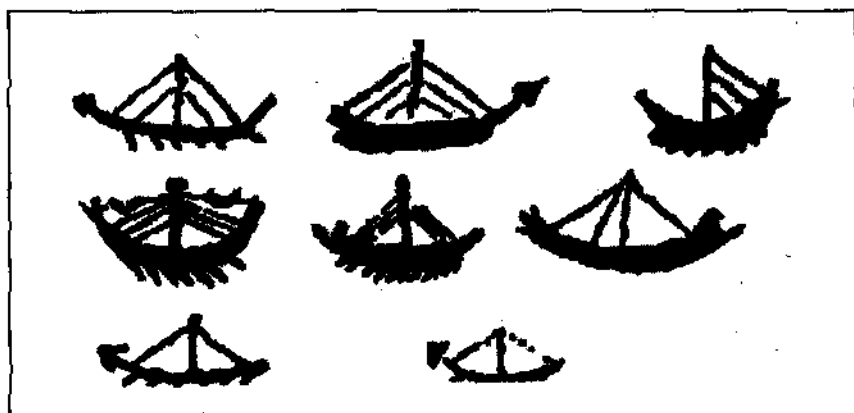
Еще в XVII—XVI вв. до н.э. ахейские племена, жившие на Пелопоннесе, образовали первые древнегреческие города-государства Микены, Пилос, Тиринф и другие, имевшие тесные торговые и культурные связи с древней островной державой на о. Крит.

Крит оказал огромное влияние на развитие воинственных ахейских государств. Нет никакого сомнения, что ахейцы восприняли от критян искусство постройки морских парусно-вельсельных судов и управления ими. Так же как таблички с письменами, найденные в Кноссе на Крите, таблички из Пилоса донесли до нашего времени имена строителей ахейских судов.

Став морским народом, ахейцы в XV—XIII вв. до н.э. колонизировали многие острова в Эгейском море. Они высадились на побережье Малой Азии и основали город Милет, который в более позднее время являлся важным центром греческой культуры. Но уже в XIV в. до н.э. он был по меркам того времени крупным городом.

Жизнь ахейского общества была тесно связана с морем и мореплаванием. Это нашло свое отражение в росписях, украшавших дворцы ахейских владык. При раскопке дворца в Тиринфе археологи обнаружили, что полы во многих парадных помещениях были покрыты изображениями дельфинов, осьминогов и других обитателей моря. Стены дворца в Пилосе также были покрыты фресками с изображениями морских растений и животных.

Древние греки-ахейцы были весьма предприимчивыми торговцами и поддерживали тесные связи со многими странами. Это подтверждается любопытными археологическими находками. В Микенах при раскопках нашли страусовое яйцо, которое могло попасть туда, вероятнее всего, морским путем из Африки. Там же обнаружили маленькую обезьянку из голубого стекла. Примечательно, что на плече обезьянки заметили штампель владельца. Им оказался египетский фараон Аменофис III (1422—1375 гг. до н.э.) [1, с. 110]. В свою очередь, в сокровищнице фараона Тутмоса III, пасынка и сопротителя царицы Хатшепсут (конец XVI — начало XV в. до н.э.),

Изображение кораблей на критских печатях XVII — XVI вв. до н.э.

ученые нашли большую коллекцию микенских vaz. Более того, образцы микенской керамики обнаружены на Кипре, в Сирии, Палестине, на островах Сицилия, Мальта, Сардиния и даже в Испании.

В XIV—XIII вв. до н.э. ахейские города-государства Микены, Пилос, Тиринф были сильнейшими в восточном Средиземноморье. Ахейцы как бы приняли морскую эстафету от древних критян. Микенские таблички линейного письма XIII в. до н.э. сохранили сведения о неоднократной посылке жораблей на Север [1, с. 114]. Очень возможно, что их сорокавесельные корабли совершали походы в Черное море. Многие ученые считают, что свидетельством первых походов ахейцев в Черное море служит поэтический миф об аргонавтах.

В наиболее полном виде миф об аргонавтах дошел до наших дней в изложении поэта Аполлония Родосского (III в. до н.э.), воспитателя египетского властителя Птолемея III и смотрителя (директора) знаменитой Александрийской библиотеки. Так что при изложении содержания этого мифа будем в основном придерживаться этой поэмы (прозаическое изложение поэмы дано по источнику 2).

В городе Орхомене, расположенном в Беотии (область Средней Греции), правил царь Афант, у которого было двое детей, — Фрикс и Гелла. Их матерью была богиня облаков Нефела. Царь изменил ей и женился на Ино, дочери финикийского героя Кадма основателя города Фивы. В результате коз-

Ахейский корабль. Рис. на сосуде. Ок. 1200—1075 гг. до н.э.

Спасение Фрикса и Геллы. Рис. на вазе

ней Ино Афант согласился принести в жертву богам своего сына Фрикса. Но когда все уже было готово для жертвоприношения, богиня Нефера окутала жертвенный алтарь, где находились Фрикс и Гелла, облаком. У алтаря появился посланный Нефелой златорунный овен (баран), дар бога Гермеса. Дети взобрались на овна и он унес их из Греции.

Когда овен несся над узким проливом, отделяющим Херсонес Фракийский (Галлипольский полуостров) от азиатского берега, то Гелла испугалась волн, упала в воду и утонула. С тех пор этот пролив стали называть Геллеспонт, т.е. морем Геллы (ныне Дарданеллы). Фрикса овен доставил в далекую Колхиду на берег р. Фасис (современная р. Риони), где правил сын бога Гелиоса, волшебник Эет. Царь Эет воспитал Фрикса, а когда тот вырос, то женил его на своей дочери Халкиопе.

Золотого овна, спасшего Фрикса, Эет принес в жертву богу Зевсу. Золотое руно он повесил в священной роще бога войны Ареса, а сторожить его поставил извергающего пламя дракона, никогда не смыкавшего глаз.

Вскоре молва о золотом руно распространилась по всей Греции, а потомки царя Афаманта знали, что только обладание золотым руном принесет благоденствие их роду.

На берегу морского залива побережья Фессалии (область на северо-востоке Греции) брат царя Афаманта Кретей основал город Иолк, который вскоре благодаря морской торговле стал богатым и процветающим. Когда Кретей умер, то править в городе стал его сын Эсон. Но брат Эсона по матери Пелий отнял у него власть.

Вскоре у Эсона родился сын. Из опасения, что Пелий погубит младенца, его отец объявил, что мальчик скончался, а сам отнес его на склоны горы Пелион к мудрому кентавру Хирону. Хирон прославился в древнем мире как воспитатель и наставник героев Геракла, Ахилла и даже бога врачевания Асклепия. Хирон дал младенцу имя Ясон, что означает «целитель».

Ясон прожил у кентавра 20 лет, научился в совершенстве владеть мечом, копьем и стрелять из лука, стал ловким, храбрым и выносливым воином. Отличался Ясон и особой красотой. Он возвратился в Иолк и потребовал, чтобы Пелий передал ему власть в городе. Пелий согласился с условием, чтобы Ясон вернул из Колхиды в Грецию золотое руно. При этом он заявил, что об этом его в сновидении молила тень Фрикса. На самом деле Пелий надеялся, что Ясон погибнет в пути или в самой Колхиде.

Ясон не стал перечить царю и приступил к сбору достойного экипажа. Он пригласил к участию в экспедиции знаменитых греческих героев. Аполлоний Родосский насчитывает в составе экипажа 53 героя. Трое из них были кормчими: Анкей, Тифий и Эвфем, все остальные — гребцами. Значит, корабль экспедиции являлся пентеконтерой (военным гребнопарусным пятидесятивесельным кораблем, на котором гребцами были сами воины [3, с. 26]).

В состав экипажа вошли «богоподобный» Геракл со своим любимцем и оруженосцем Гилом, «прекрасным, как солнечный день»; победитель чудовища Минотавра могучий Тесей; сыновья Зевса и Леды Кастор и Полидевк со своими братьями Идасом и быстрооким Линкеем, «взгляд которого проникал сквозь толщу морской воды»; крылатые герои, сыновья бога ветров Борей Калаид и Зет; Мелеагр из Калидона, могу-

чий Анкей, Адмет, Теламон и многие другие. Среди героев были также легендарный певец Орфей и бог врачевания Асклепий.

Герои мифа построили большой корабль и назвали его «Арго», что означает «Быстрая», «Юркая» (в греческом языке корабль — женского рода). Другое толкование названия легендарного корабля связано с именем «седовласого» корабельного мастера Арга, руководившего его постройкой [4].

В нос корабля вставили кусок священного дуба, который мог говорить человеческим голосом и указывать дорогу в морских просторах. Участников похода на «Арго» прозвали аргонавтами (моряки с «Арго»). Предводителем похода аргонавты избрали Ясона, старшим кормчим — Тифия, а впередсмотрящим — Линкея.

Наконец все приготовления к походу были закончены. «Арго» спустили на воду, погрузили на него запасы провизии и пресной воды. Ясон принес жертвы Аполлону и всем морским богам. Счастливые предзнаменования дало жертвоприношение.

Ранним утром разбудил кормчий Тифий аргонавтов. Взошли они на корабль, отдали канаты, которыми корабль удерживался у причала, и взялись за весла. И вот выплыл «Арго» из гавани в открытое море, на голубой простор. Теплый, но сильный ветер наполнил парус, так что грести не нужно было. Корабль понесся по волнам на восток.

Заиграл Орфей на золотой кифаре, далеко разнеслась его песнь по морскому простору. Аргонавты с восхищением внимали песне. А из глубины моря выплыли рыбы и-быстрые дельфины. Очарованные песней они плыли за кораблем подобно стаду, которое, внимая звукам пастушьей свирели, послушно следует за пастухом.

Множество опасностей подстерегало аргонавтов в пути: жестокие бури, злые шестирукие великаны, коварные волшебники, чудовища — все старались преградить путь героям.

У побережья Мизии (область на западе Малой Азии) аргонавты пристали к берегу, чтобы запастись водой и провизией. Могучий Геракл направился в лес, чтобы сделать себе взамен сломавшегося весла новое. Полифем сообщил ему, что слышал крик юного Гиля, который звал их. Вдвоем они направились на поиски Гиля. Аргонавты отправились в путь, не заме-

тив отсутствия Геракла и его друзей. Но вскоре это было обнаружено и вызвало волнение среди героев. Появившийся из волн моря морской бог Плавк остановил «Арго», схватившись за киль рукой, и сообщил аргонавтам, что все свершилось по воле богов: Геракл должен вернуться в Грецию и совершить 12 великих подвигов, а оставшиеся в Мизии герои ищут похищенного нимфами прекрасного Гила.

У берегов Фракии аргонавты сошли на берег, чтобы пополнить свои припасы. На берегу они посетили слепого прорицателя Финея, наказанного богами. Крылатые аргонавты Зет и Калаид преследовали мучивших Финея гарпий — полудев-полуптиц. В благодарность старец рассказал аргонавтам, какие еще опасности ждут их на пути в Колхиду, и дал им советы, как преодолеть их. Он также советовал героям по прибытии в Колхиду призвать на помощь Афродиту, богиню любви, так как лишь она может помочь Ясону добыть золотое руно.

И вот «Арго» прошел Пропонтиду (Мраморное море). Тут аргонавты услышали впереди отдаленный шум, похожий на рев приближающейся бури. И наконец впереди показались Симплегадские скалы (в переводе «сталкивающиеся»). Аргонавты наблюдали, как эти скалы разошлись, а затем сошлись, ударяясь друг о друга со страшным грохотом. Аргонавты знали, что ни один корабль не мог проплыть мимо этих скал. Море вокруг них хлопотало, потоки воды захлестывали Симплегады при каждом столкновении скал. Когда скалы расходились, то между ними возникал бурный водоворот.

По совету, данному Финеем, аргонавты должны были пустить между скал голубя. Прорицатель убедил их, что если голубь пролетит между скал, то и «Арго» проплывет невредимым мимо Симплегад. Вот «Арго» подошел к самим скалам. После столкновения они стали расходиться. И тут кормчий Эвфем, сын Посейдона, выпустил голубя. Скалы столкнулись, но голубь пролетел невредимым, лишь кончик хвоста вырвали у него столкнувшиеся скалы.

Скалы начали расходиться, а аргонавты дружно налегли на весла. Громадная волна подхватила «Арго» и бросила его в пролив. Но навстречу неслась уже другая волна, которая откинула корабль назад. Гребцы не снижали темпа гребли, гнулись весла, отбрасывая в корму воду. Но опять обрушилась на корабль новая волна, и закружился он в огромном водоворо-

те. Скалы начали сближаться, еще миг — и корабль будет раздавлен. Тогда пришла на помощь героям богиня Афина Паллада. Могучей рукой удержала она одну из скал, а другой протолкнула «Арго» вперед, и он стрелой вынесся из пролива. Скалы при столкновении сумели раздробить только конец рулевого весла.

Снова разошлись скалы и навеки остались недвижимыми по обеим сторонам пролива. Так исполнилось веление рока: только тогда будут недвижимы Семплигады, когда проплывет между ними корабль. Так аргонавты вышли в неведомое море и открыли путь в него для всех.

Есть и другая поэтическая легенда, по которой страшные скалы остановила музыка Орфея.

А существуют ли сейчас скалы Симплегады? Знаток древнего мореплавания А.Б. Снисаренко считает, что, вероятно, это скала Рокет, расположенная в 90 м к востоку от мыса Румели на европейском берегу Босфора, и одна из безымянных скал у азиатского мыса Анадолу. Расстояние между ними не превышает двух миль, и в непогоду это пространство представляет собой сплошной водоворот [3, с. 29].

Нам сейчас трудно оценить подвиг аргонавтов и представить себе, что он означал для древних ахейских мореходов. «...В гомеровскую эпоху, — отмечал древний географ Страбон (64—63 г. до н.э. — 23 г. н.э.), — Понтийское море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами [Гибралтарским проливом]. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя «Понт», подобно тому как Гомера называли просто «поэтом» [5, с. 21].

К тому же, как справедливо отметил А.Б. Снисаренко, представление о громадных размерах Понта укоренилось с древнейших времен, когда Понт, Меотиду и Пирканское море (Черное, Азовское и Каспийское моря) считали единым Сарматским морем, о котором Страбон уже не упоминает [3, с. 148].

Любопытно, что вначале древние греки называли вновь открытое море Аксинским Понтом, то есть Негостеприимным морем, из-за бурь и дикости населяющих его берега племен. Только после более близкого знакомства с ним они стали на-

Прибытие аргонавтов в Колхиду. Вверху справа Ясон и Медea.

Рис. на вазе

зывать Черное море Эвксинским Понтом, то есть Гостеприимным морем.

Долго плыли аргонавты вдоль южных берегов Понта. По дороге на острове, где обитали птицы-стимфалиды, покрытые медными перьями, они подобрали четырех юношей. Это были сыновья Фрикса, которые покинули Колхиду, чтобы вернуться в Беотию. Бурной штормовой ночью их корабль потерпел крушение и волны выбросили юношей на этот остров. Узнав, что «Арго» плывет в Колхиду за золотым руном, старший из спасенных братьев Аргос обещал помогать аргонавтам, но предупредил их, что царь Эет могуч, жесток и беспощаден.

На следующее утро аргонавты поплыли далее на восток. Наконец вдали, подобно тучам, собравшимся на горизонте,

засинели вершины Кавказа. Теперь уже недалеко было и до Колхиды.

Корабль подошел к устью р. Фасис. Аргонавты на веслах поднялись вверх по течению и встали на якорь в затоне, заросшем густым камышом. Ясон совершил благодарственное возлияние богам и призвал богов Колхиды и души умерших героев помочь ему добыть золотое руно.

Закрепив канатами свой корабль на пристани, аргонавты сошли на берег. Благодаря помощи младшей дочери царя Эета, волшебницы Медеи, которая полюбила красавца Ясона, ему удалось добыть золотое руно, охраняемое страшным драконом. Так что аргонавтам действительно помогла Афродита, богиня любви.

Рано утром отплыли герои в обратный путь. С ними была Медея, решившая оставить отчий дом. Узнав, что Ясон увез золотое руно и о том, что Медея бежала из родного дома, царь Эет послал в погоню флотилию кораблей во главе со своим сыном Абсиртом.

Обратный путь аргонавтов из Колхиды в Грецию был не простым. Когда «Арго» вышел в открытое море, подул попутный ветер. Аргонавты подняли парус, и корабль быстро понесся по волнам. Три дня плыли герои. Наконец вдали показались берега Скифий (северо-западное побережье моря). Аргонавты решили плыть вверх по течению Истра (Дуная). Но когда они приплыли к устью реки, то увидели там корабли колхидцев, преградившие им путь. Хитростью Ясон и Медея заманили предводителя колхидцев, царевича Абсирта, на один из островов в храм, и там Ясон предательски умертвил его, а тело бросил в волны Истра.

Колхидцы были угнетены и пали духом, узнав о смерти своего предводителя, а аргонавты быстро поплыли вверх по Истру. Долго плыли аргонавты, наконец по рукаву реки спустились они в Адриатическое море к берегам Иллирии (таковы были географические представления древних греков — они считали, что Истр сообщается особым рукавом с Адриатическим морем).

Поднялась ужасная буря. На «Арго» обрушились пенные валы, ветер рвал парус. Казалось, что гибель корабля неизбежна. Вещий голос, исходивший из вделанного в корпус куска священного дуба, возвестил, что аргонавты должны напра-

Корабль Одиссея плывет мимо о. Сирен. Рис. на вазе

виться к волшебнице Кирке, чтобы та очистила Ясона и Медею от осквернившего их убийства Абсирта.

Через Эридан (современная р. По), а затем волоком по руше добрались аргонавты до р. Родан (современная р. Рона) и по ней приплыли в Лионский залив и далее вышли в Тирренское море. В конце концов аргонавты приплыли к острову Кирки, где волшебница очистила Ясона и Медею от скверны богохульственного убийства в храме.

Оттуда отправились аргонавты в дальнейший путь.

Благополучно проплыли они между чудовищами Сциллой и Харибдой, обитавшими в Сицилийском проливе между Италией и о. Сицилия. В этом им помогла жена Зевса богиня Гера. Проплыли они и мимо острова сирен, полуптиц-полуженщин, которые завлекали чудесным пением мореплавателей и губили их. Певец Орфей заиграл на золотой кифаре, и песнь его победила чары сирен.

Приплыли аргонавты к Планктам, узкому проливу, над которым сводом поднимались громадные скалы. Море волновалось между скалами, волны образовывали страшный водоворот. Но тут опять помогла аргонавтам богиня Гера, она упросила морскую богиню Амфитриду смирить волны у Планкт, чтобы «Арго» благополучно проплыл там.

На острове феакийцев Ясон и Медея совершили свадебный обряд и стали мужем и женой. Казалось, Греция уже близка. Но страшный вихрь отбросил «Арго» к африканскому побережью. После многих приключений, включая и перенос корабля на плечах героев через пустыню, аргонавты благополучно прибыли в Иолк.

Теперь следует остановиться на том, что же символизировало золотое руно, почему аргонавты отправились на край света, чтобы вернуть его в Элладу? Самой распространенной версией, высказанной известным историком древних путешествий Р. Хеннигом, является мысль о том, что «поводом для похода аргонавтов послужило стремление раздобыть золото. В пределах греческого мира ощущался недостаток в этом металле» [6, с. 36].

Но А.Б. Снисаренко считает, что это не так, ссылаясь на сведения, приведенные Гомером, о богатых золотых рудниках на кикладском острове Сифнос (Китнос), в Скаптесиле (Восточная Македония), на Фасосе и др. [3, с. 37].

В свою очередь многие древние авторы прямо указывают, что целью аргонавтов и других ахейских искателей приключений в Колхиде был захват богатств этой страны. Так, Страбон пишет: «Богатства тамошней страны, состоящие из золотых, серебряных, железных и медных рудников внушают мысль об истинном мотиве похода, что заставило и Фрикса еще раньше предпринять такое путешествие» [5, с. 45]. И еще его высказывание: «И хотя Эратосфен сказал, что древнейшие греки совершали плавания ради грабежа и торговли, правда не в открытом море, а вдоль берегов, как например Ясон» [5, с. 48].

По поводу самого золотого руна Страбон полагал, что это обычная баранья шкура, опущенная в золотоносную реку. «В их стране [на Кавказе. — *Авт.*], как передают, горные потоки приносят золото, и варвары ловят его решетами и косматыми шкурами [то есть намыывают золотой песок. — *Авт.*]. Отсюда, гово-

рят, и возник миф о золотом руно. Некоторые называют их также иберийцами — одинаково с западными — от золотых россыпей, находящихся в обеих странах» [5, с. 499].

Можно согласиться с А.Б. Снисаренко, который утверждает, что для жителей Пелопоннеса золотое руно всегда являлось символом царской власти. Он напоминает о высказываниях Платона, который, изучая древние мифы, прямо говорит о том, что золотое руно — это признак царской власти. По мнению А.Б. Снисаренко об этом свидетельствуют многие события мифа об аргонавтах: золотой баран уносит законных наследников престола в дальние края, Пелий согласен вернуть престол Ясону, если он возвратит в Иolk золотое руно, золотой овен приобретает ценность для царя Колхиды только после принесения его в жертву богам и т.д. Таким образом, при подобной расшифровке смысла золотого руна миф приобретает для древних греков четкую политическую окраску [3, с. 38].

Но главное, миф об аргонавтах, где говорится о выходе греков в Черное море, можно рассматривать, по словам Р. Хеннига, как «символ открытия греками Черного моря» [6, с. 36]. К тому же новейшие исследования подтверждают, что уже в III в. до н.э., а именно к этому времени относят поход аргонавтов, на колхидской земле были развиты земледелие и металлургия и появились крупные селения. Значит, сама Колхида стала тогда лакомым объектом для колонизационных усердений древнегреческих мореплавателей.

Своеобразным подтверждением возможности плавания ахейских судов к берегам Колхиды явился успешный поход в 984 г. гребно-парусного корабля «Арго», совершенный под руководством знаменитого ирландского ученого, географа, историка и путешественника Тима Северина. Он разработал чертежи двадцативесельного гребно-парусного корабля ахейской эпохи, используя находки остатков древних судов, описания их в древних рукописях, изображения на вазах, стелах, стенах храмов и дворцов. Новодел «Арго» был построен греческими мастерами с о. Спеце без использования металлических гвоздей и каких-либо современных материалов. Затем корабль с интернациональным экипажем совершил плавание под парусом и на веслах из греческого порта Волос к берегам Колхиды до порта Потти.

Археологи убедительно доказали, что в XV—XIII вв. до н.э. ахейцы не только поддерживали старые критские торговые связи, но и прокладывали новые морские маршруты на Кавказ, в Сицилию, в государство Тартесс на юго-западе Пиренейского полуострова, в Северную Африку. Эти маршруты с большой точностью совпадали с направлениями благоприятных морских течений и соответствующих сезонных ветров, способствующих плаванию под парусом. Конечные пункты этих маршрутов являлись местами, где впоследствии возникли многие греческие колонии.

Во второй половине XIII в. до н.э. ахейцы высадились на побережье Африки в 300 км к югу от о. Крит. Объединившись с местными ливийскими племенами, они в 1225 г. до н.э. двинулись на восток вдоль берега моря и вторглись в Египет. Согласно древнеегипетским надписям отряды «морских народов» были остановлены у западной границы дельты Нила армией фараона Мернептаха и разгромлены.

После этого ахейцы откатились на запад и осели на землях своих союзников ливийцев. Видимо, они еще не раз пытались вторгнуться в богатую долину Нила. Не исключено, что ахейские дружины приняли участие и в первой исторически засвидетельствованной морской битве на рубеже XIII и XII в. до н.э. при Магдоле в дельте Нила, в ходе которой египетская армия и флот фараона Рамсеса III разгромили морскую флотилию «народов моря».

Анализируя новые сведения, добытые археологами во второй половине XX в., немецкий профессор Кеншерпер отметил, что «ахейцы были не только умелыми строителями и смелыми воинами, но и выдающимися мореходами и отменными торговцами» [1, с. 115]. О мастерстве ремесленников и предприимчивости торговцев ахейской эпохи свидетельствует изучение поднятых со дна моря останков самого древнего из найденных судна.

В 1958 г. в Эгейском море возле мыса Гелидонья на юго-западном побережье Турции были найдены останки корабля, затонувшего около 1200 г. до н.э. Судя по всему, судно принадлежало медных дел мастеру-кузнецу, который совершал плавание вдоль побережья с грузом медных и бронзовых слитков. Не исключено, что он собирал лом, пригодный для переплавки. В корзине, которую нашли на дне рядом с останками судна, среди слитков лежали сломанные орудия.

Руководитель подводной археологической экспедиции, обследовавшей это судно, американец Джордж Басс, так описал в своем отчете находки: «40 медных и бронзовых слитков, 27 из которых содержали клейма мастерских, где они были изготовлены. Оружие и бытовые предметы, включая топоры, широкие секиры, мотыги, кирки, лопату, молотки, резцы, ножи, наконечники для копий и стрел, бронзовое зеркало и шило» [7, с. 55]. Вместе с готовыми инструментами были обнаружены заготовки новых изделий и рабочие инструменты кузнеца: бронзовый пуансон, пара каменных молотков, плоский камень-наковальня, маленькая бронзовая наковальня, шлифовальные камни.

Мастер-кузнец был одновременно и купцом, так как на борту обнаружили 48 гирь, составивших три полных комплекта: два из них — круглые гири с плоским днищем, гири третьего комплекта были похожи на крошечные шарики, сплюсненные с одной стороны.

Были найдены украшения: четыре скарабея (священные жуки) и тонко выгравированная печатка из твердого черного камня для оттиска на глиняных табличках. На печатке изображена целая сцена: богиня с высокой короной на голове благославляет двух молящихся. Печать была изготовлена в Сирии на 500 лет ранее гибели судна. Найдены были лампа и игральные кости, а также большое количество керамических сосудов, изготовленных в конце XIII в. до н.э.

Судно имело длину около 10 м и ширину 2 м, его грузоподъемность была около 1,5 т. Подводные археологи обнаружили даже остатки трапезы моряков — рыбы кости и косточки от маслин. Судно шло, очевидно, с о. Кипр. Застигнутый штормом капитан пытался провести его сквозь рифы, но не смог этого выполнить. Судно разбилось и затонуло.

Археологи подняли со дна останки деревянного корпуса. Они дивились мастерству древних судостроителей, которые искусно построили деревянное судно без использования гвоздей. Шипы верхних досок обшивки точно входили в отверстия досок, расположенных ниже. В трюме под грузом для сохранения товаров сухими находились несколько вязанок хвороста. Гомер в поэме «Одиссея» упоминал о таком хворосте, но ранее ученые никак не могли понять, для чего он требовался при постройке судов. Недаром Джордж Басс сказал:

«Находка этого судна явилась самым крупным и наиболее значительным из подобного рода открытий. Оно принадлежит к числу тех, которые дают нам возможность увидеть облик эпохи» [1, с. 166].

Мореходное искусство ахейцев особенно проявилось во время войны между коалицией ахейских государств и Троей. Ясно, что со времени проникновения ахейцев в Черное море история восточного Средиземноморья во многом связана с борьбой за контроль над черноморскими проливами. В XIII в. до н.э. резко обострилась борьба за господство в этом регионе. Сохранились сведения о налете ахейцев на финикийский город-государство Тир. Микенцы разграбили побережье Мизии (западное побережье Малой Азии), троянцы опустошили финикийский город Сидон. Ожесточилась борьба между сильнейшим ахейским городом-государством Микенами и могущественной Троей, имевшей многочисленных союзников в Малой Азии.

Во II тысячелетии до н.э. крепость Троя, возведенная у самого входа в Геллеспонт, благодаря своему географическому положению стала играть важную роль в торговле и политике. Троянские владыки контролировали как дорогу через пролив, так и сухопутные подходы к нему с востока. Под контролем Трои находилась приносящая большие доходы черноморская торговля золотом, серебром, а затем и железом, киноварью, корабельным лесом, льном, коноплей, сушеной рыбой, маслом и медом. Находил себе через Причерноморье дорогу на Крит и в Микены нефрит, доставляемый из Китая. Поэтому легенда о Троянской войне, так красочно описанная в поэмах Гомера, может рассматриваться как отражение борьбы ахейцев за контроль над морскими путями через черноморские проливы и вдоль побережья моря. Можно сказать, что эта «война, вспыхнувшая вскоре после похода аргонавтов, была предприятием по прорыву греческого флота в Пропонтиду и далее в Понт» [3, с. 30].

Сейчас ученые почти единогласно утверждают, что время Троянской войны — вторая половина XIII в. до н.э. Трудно установить, был ли это один длительный поход или серия набегов государств ахейской Греции. Гомер описывает состав ахейской эскадры, прибывшей под Трою, во второй песне поэмы «Илиада», где приведен «каталог кораблей». Ряд отече-

Карта Ахейской Греции и Малой Азии эпохи Троянской войны

ственных историков считает, что этот «каталог» мог восходить к письменным источникам микенской эпохи, так что его критическое изучение в какой-то мере позволяет восстановить историческую картину ахейских морских походов [8, с. 30].

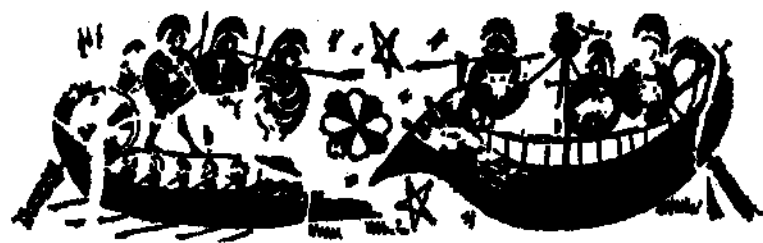
Согласно «каталогу кораблей» глава ахейцев царь Микен Агамемнон привел с собой 100 кораблей, всего на 10 меньше было во флотилии Нестора — правителя города Пилоса. Гомер определяет состав ахейской армады в 1186 кораблей, на которых размещалось до 50 тыс. воинов. Вполне возможно, что это не преувеличение. Так в первом исторически засвидетельствованном морском сражении египтян с «народами моря» участвовало по древнеегипетским источникам до 2000 египетских судов.

По Гомеру греческий флот состоял из беспалубных гребно-парусных судов с одним рядом весел-монокротос, длиной 18—21 м. Эти суда имели таран и рулевые весла. В носовой части судов была сделана платформа, на которой в случае необходимости размещались лучники. В морском бою монокротос перемещались на веслах, всего весел было по 20—25 с каждого борта.

В 25-й песне поэмы Гомера упоминается об особом корабельном оружии ахейцев — большом копье в 22 локтя длиной (примерно 7,5 м) с бронзовым наконечником. Этим оружием ахейцы, находившиеся на судах, защищались от нападавших на них с берега троянцев. Можно предположить, что такое копье подвешивалось на мачте и раскачивалось несколькими воинами. При движении в сторону нападавших копье, как таран, поражало вражеских бойцов. Для его использования на мачте, вероятно, была закреплена целая система канатов.

Ряд историков считает, что Троя не могла не иметь флота. То, что Гомер не упоминает ничего о троянских кораблях, еще ничего не значит. А.Б. Снисаренко убедительно писал: «Из того, что Гомер не говорит ни слова о троянских кораблях, трудно делать выводы: ведь и Геродот ни разу не упомянул Рим, а Гомер — Тир, но никому на этом основании не приходится в голову утверждать, что этих городов в то время не было» [9, с. 76].

Очень вероятно, что Троянская война началась со внезапного нападения на корабельные стоянки троянского флота и его уничтожения. А то как иначе можно объяснить превраще-

Морское сражение в эпоху Троянской войны

не троянских корабельных стоянок Сигея и Тенедоса в местах стоянки ахейских кораблей. Только предварительным уничтожением троянского флота то ли в местах стоянок, то ли в морском сражении можно объяснить то, что ахейцы, как сообщает Гомер, приплыв к малоазиатскому берегу, вытащили свои корабли по прорытым рвам на берег, установили их на опоры и долго оставляли место стоянки кораблей незащищенным.

Этому обстоятельству удивлялись и некоторые античные авторы. Так, Страбон писал: «Однако Корабельная Стоянка (еще и теперь носящая такое название) находится так близко от современного города [Трои или Илиона. — Авт.], то естественно удивляться безрассудству греков и малодушию троянцев; безрассудству греков, потому что они держали Корабельную Стоянку столь долго неукрепленной, когда они были близко от города и от такого множества врагов в самом городе союзников вокруг. Ведь поэт говорит, что стена возведена была только недавно (или же она вовсе не была построена, а поэт ее только выдумал и снова уничтожил ее, по словам Аристея); малодушию же троянцев можно удивляться оттого, что они только после возведения стен штурмовали их, ворва-

лись в самую Корабельную Стоянку и напали на корабли; однако пока эта местность не была обведена стеной, они не решились проникнуть туда и начать осаду, хотя расстояние было незначительным; ведь Корабельная Стоянка находится у Сигея, а поблизости от нее — устье Скамандра, в 20 стадиях от Илиона [стадий аттический = 177,6 м. — *Авт.*]. Но если кто-нибудь возразит, что так называемая Гавань Ахейцев и есть Корабельная Стоянка, то он будет говорить о месте, еще более близком к Илиону, приблизительно только в 20 стадиях от города, даже если включить сюда и приморскую равнину, потому что вся эта равнина образовалась от речных наносов, именно приморская равнина перед городом. Если в настоящее время [I в. до н.э. — *Авт.*] пространство между городом и морем 12 стадий, то в древности оно было наполовину меньше» [5, с. 598].

Все это объясняется при принятии гипотезы о предварительном уничтожении ахейцами троянского флота. Только после этого они смогли начать осаду крепости. Во время вылазок из крепости троянцы пытались уничтожить ахейские корабли, но это им не удалось [10, с. 47].

Следует отметить, что в античную пору писатели и историки, затрагивавшие в своих произведениях тему Троянской войны, принимали факт наличия у троянцев флота как очевидную истину. Так, например, Овидий в своих «Парных посланиях» в послании Париса Елене сообщает:

Ждет троянский наш флот, людей и оружия полный,
Весла и ветер легко нас понесут по волнам.

А в послании Елены Парису есть такие строки:

И пока говоришь со мной о скором свиданье,
Ветер подует, неся в море твой корабли.

[11, сс. 248, 253]

Разгром Трои привел, видимо, к захвату Микенами и союзным с ним Родосом ключей от черноморской торговли, то есть к контролю над проливами и проходившими по ним морским торговым путям. Так что, по словам Р. Хеннига, «Возможно даже, что вся легендарная Троянская война, если рассматривать ее с историко-экономической точки зрения, была

борьбой греков за открытие проливов и за выход в Черное море, доступ к которому был прежде якобы закрыт легендарными Симплегадами» [6, с. 37].

Но уже около 1200 г. до н.э. ахейские города подверглись опустошительному разгрому племенами дорийцев, вторгшимися в Грецию с севера Балканского полуострова. Видимо, ослабленные после Троянской войны, микенские цари не смогли противостоять натиску дорийских и других северных племен. Но ничего не пропадает даром в поступательном ходе развития мировой цивилизации. Как четко определила Т.Д. Златковская, «эгейская эпоха [ее важной и неотъемлемой частью которой была культура ахейских городов-государств. — *Авт.*], во время которой были изобретены и усовершенствованы замечательные орудия труда, получило широкое распространение мореходство и накоплен огромный трудовой опыт в области ремесла и сельскохозяйственного труда, оказала огромное влияние на дальнейшее развитие греческого общества и его культуры» [12, с. 185].

ГЛАВА 2. СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ СТРАНА АМАЗОНОК?

*Тут в спокойный залив Фемискирского мыса понижее
Тихо впадает река, через весь материк протекая.
Там Дойанта поля, а от них недалеко три града,
Где амазонки живут.*

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика»

В мифах и преданиях древних греков не раз упоминается о стране амазонок, которую населяли воинственные и прекрасные женщины. Согласно древним преданиям они для сохранения рода вступали в брак с мужчинами других племен, но, зачав от них, отсылали мужей на родину. Родившихся мальчиков отдавали отцам, а девочек оставляли у себя и воспитывали их так, чтобы они стали такими же храбрыми и искусными в боевом деле воительницами, как и их матери. Их стремление к овладению приемами использования всех видов оружия было таково, что по преданию амазонки выжигали себе правую грудь, чтобы удобнее было метать копьё или натягивать тетиву тяжелого лука.

Именно в стране амазонок совершил свой 9-й подвиг величайший герой Древней Греции Геракл, сын бога-громовержца Зевса и смертной женщины Алкмены.

Царь Эврисфей послал Геракла в страну амазонок за поясом царицы амазонок Ипполиты. Этот пояс ей подарил бог войны Арес, и она носила его как знак своей власти над всеми амазонками. Геракл отправился в далекий путь с небольшим отрядом воинов, среди которых был и славный герой Аттики Тесей.

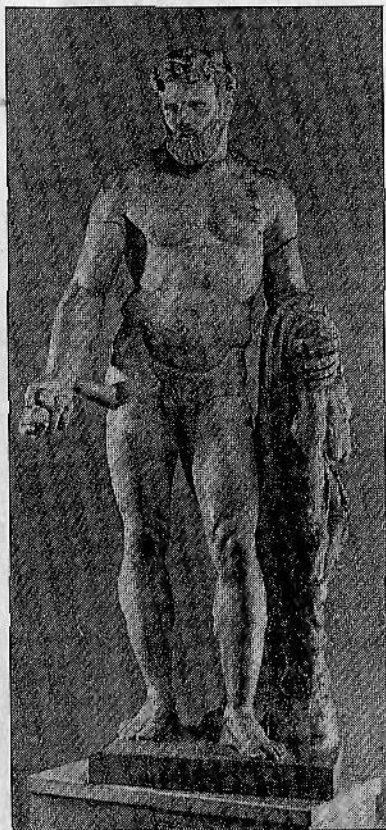
Страна амазонок со столицей Фемискирой по представлению древних греков находилась на самых дальних берегах Эвксинского Понта (Черного моря), которые во времена, предшествовавшие великой греческой колонизации побере-

жья западного Средиземноморья и Черного моря в VIII—VI вв. до н.э., считались поистине краем света.

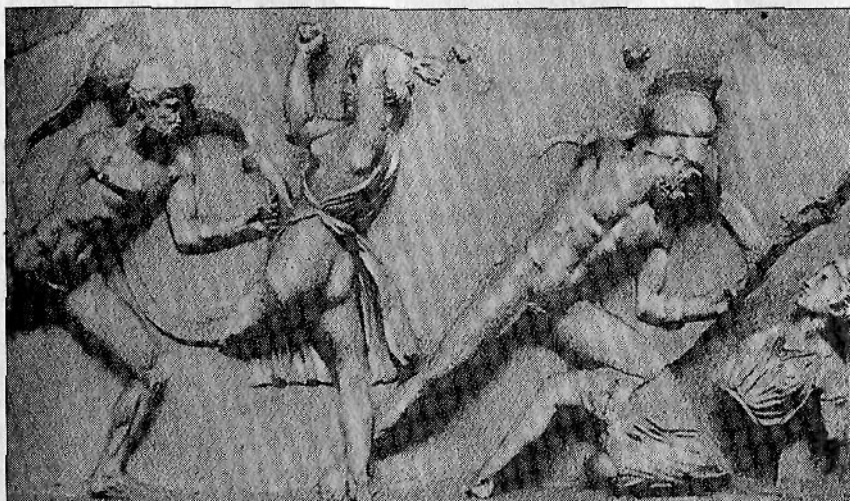
Когда корабль Геракла пристал к причалу в Фемискире, то амазонки во главе с царицей вышли навстречу герою. Геракл сразу же заявил Ипполите, что послан царем Микен Эврисфеем за ее поясом, подарком бога Ареса. Прекрасная амазонка уже была готова добровольно отдать Гераклу свой пояс, но богиня Гера, желая погубить ненавистного ей Геракла, приняла вид амазонки и стала убеждать прекрасных воительниц напасть на отряд героев.

Амазонки взяли за оружие и напали на греков. Впереди войска амазонок неслась быстрая как ветер Аэлла. И она первой напала на Геракла, но он, отразив натиск, обратил амазонку в бегство, настиг и убил ее. Амазонка Протея сразила семь спутников Геракла, но сама пала, пораженная его стрелой. Затем Геракл поразил палицей семь напавших на него амазонок. Он взял в плен Меланиппу и Антиопу, после чего все войско амазонок обратилось в бегство. Пришлось амазонкам заключить с Гераклом мир. Царица Ипполита обменяла могучую Меланиппу на свой пояс, а Антиопу Геракл отдал в награду Тесею за его храбрость.

Царь Афин герой Тесей женился на Антиопе и пышно отпраздновал свою свадьбу. Амазонки решили отомстить грекам и освободить Антиопу от тяжкого, как они думали, плена у Тесея. Они вторглись с большим войском в Аттику и осадили

Скульптура Геракла, победителя амазонок (римская копия с греческого оригинала II в. до н.э.)

**Битва греков с амазонками. Древнегреческий скульптор Скопас.
Фрагмент фриза Галикарнасского мавзолея, ок. 350 г. до н.э.**

Афины. Затем воительницы ворвались в город и заставили афинян укрыться в неприступном акрополе. Афиняне не прекращали вылазок, и, наконец, произошла решительная битва. Антиопа сражалась рядом с мужем против бывших боевых подруг, так как горячо полюбила Тесея. В ходе битвы Антиопу поразило насмерть вонзившееся в грудь копьё. Тесей в горе склонился над телом жены. Сражение прекратилось. Полные скорби амазонки и афиняне похоронили молодую прекрасную царицу. Амазонки покинули Аттику и возвратились на далекую родину [2, сс. 167, 168, 218, 219].

Согласно преданию, по пути в Колхиду посетили страну амазонок и аргонавты на корабле «Арго». О том, что амазонки проживали в Малой Азии, первым указал Гомер в «Илиаде», где амазонки по-соседски помогают троянцам одолеть греков, о чем расскажем ниже. «Отец истории» Геродот в V в. до н.э. утверждал, что амазонки первоначально жили в Малой Азии в Каппадокии, а впоследствии они будто бы переселились в Скифию, где положили начало племени савроматов. Так что для античных авторов страна амазонок была не поэтическим вымыслом, а реальностью [3, с. 31]. Однако никто из греков никогда никакой страну амазонок не посещал.

Тем не менее античный географ Страбон (ок. 64/63 г. до н.э.—23/24 г. н.э.) в своей эпохальной «Географии в 17 книгах», где описаны все известные древним грекам и римлянам страны, отметил: «Как говорят, в горах над Албанией [Кавказские горы. — *Авт.*] обитают амазонки. Феофан, который сопровождал Помпея в походе и посетил страну албанцев, рассказывает, что скифские племена гегов и легов живут между амазонками и албанцами и что в этой стране протекает река Мермадалида посередине между этими племенами и амазонками. Другие писатели, также прекрасно знакомые с этими местами (среди них Метродор Скепсийский и Гипсикрат), утверждают, однако, что амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими. Все остальное время [то есть 10 месяцев в году. — *Авт.*] амазонки употребляют только для себя, выполняя отдельные работы, как пахота, садоводство, уход за скотом и в особенности за лошадьми; наиболее сильные из амазонок занимаются главным образом охотой верхом на лошадях и военными упражнениями. С детства у всех них выжигают правую грудь, чтобы свободно пользоваться правой рукой при всяком занятии и прежде всего при метании копья. У них в ходу также лук, боевой топор и легкий щит; из шкур зверей они изготавливают шлемы, плащи и пояса. Весной у них есть два особых месяца, когда они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргарейцев. По некоему стародавнему обычаю и гаргарейцы также восходят на эту гору, чтобы, совершив вместе с женщинами жертвоприношение, сойтись с ними для деторождения; сходятся они тайком и в темноте, кто с кем попало; сделав женщин беременными, гаргарейцы отпускают их домой. Всех новорожденных женского пола амазонки оставляют у себя, младенцев же мужского рода приносят на воспитание гаргарейцам. Каждый гаргареец принимает любого принесенного ему младенца, считая его по неведению своим сыном.

Река Мермода [иначе Мермодалида. — *Авт.*], с шумом низвергающаяся с гор, протекает через страну амазонок, Сиракенду и через всю лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду [Азовское мор. — *Авт.*]. Гаргарейцы вместе с амазонками, как говорят, поднялись в эти места из Фемискиры [на черноморском побережье Малой Азии. — *Авт.*]...

Со сказаниями об амазонках произошло нечто странное. Дело в том, что во всех остальных сказаниях мифологические и исторические элементы разграничены. Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, историческое — будь то древняя или новая, — требуют истины, а чудесному в ней нет места или оно встречается редко. Что же касается амазонок, то в них всегда — и раньше, и теперь — были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные. Кто, например, поверит, что когда-нибудь войско, город или племя могло состоять из одних женщин без мужчин? И мало того, что состояло из них, но даже могло делать набеги на чужую землю и побеждать не только соседние племена, так что это войско дошло до теперешней Ионии и могло предпринять даже морской поход вплоть до Аттики? В самом деле, это допущение равносильно тому, если сказать, что тогдашние мужчины были женщинами, а женщины — мужчинами. Более того, такие же сказания об амазонках распространены и теперь, и наша склонность верить больше древним сказаниям, чем современным, еще более усиливает упомянутую странность» [5, сс. 504, 505].

Древнегреческие и древнеримские поэты в своих поэмах рассказали об участии легендарных амазонок в Троянской войне между Троей и объединенным войском государств ахейской Греции, которая велась, по современным воззрениям, во второй половине XIII в. до н.э.

После гибели троянского героя Гектора тяжелые времена настали для осажденной Трои. Но неожиданно пришла помощь. С далеких берегов восточного Понта явились на помощь Трое конные отряды амазонок во главе со своей царицей Пенфесилией. Царица хотела искупить свою вину перед богиней-охотницей Артемидой, покровительствовавшей троянцам. Пенфесилия на охоте нечаянно убила свою сестру, и Артемида особо гневалась на нее за это. Царь Трои Приам принял царицу амазонок как родную дочь и устроил в ее честь роскошный пир.

На следующий день амазонки в блестящем вооружении выступили во главе троянцев против греков. Началась кровопролитная битва. Пенфесилия со своими амазонками сразили множество ахейцев. Греческое войско дрогнуло и стало отступать. Амазонки и троянцы оттеснили ахейцев до самой сто-

**Нападение троянцев и амазонок на ахейские корабли,
вытащенные на берег недалеко от Трои**

инки греческих кораблей. Но в этот миг в битву вступили герои Ахилл и Аякс Теламонид. До этого они не участвовали в битве, а предавались скорби у могильного холма своего друга Патрокла, ранее сраженного троянским царевичем Гектором.

Пенфесилия храбро сразилась с Ахиллом. Она метнула в него копьё, но оно разлетелось на куски, ударившись о щит героя. Тут Ахилл поразил ее в грудь. Царица хотела обнажить меч, но Ахилл пронзил ее копьём вместе с конем. Он снял с нее шлем и был поражен красотой царицы. В это время подошел к нему Терсит и, издеваясь над печалью героя, пронзил копьём глаз Пенфесилии. Ахилл в гневе ударил Терсита по лицу с такой силой, что тот упал замертво.

Греки выдали троянцам тела погибших царицы и еще 12 амазонок вместе с их вооружением, а те устроили пышные похороны, предав трупы сожжению на костре [2, сс. 361, 362].

Не забыли об амазонках историки и географы эпохи Римской империи. У Корнелия Тацита (ок. 55—120 гг. н.э.), опиывавшего племена Северной Европы, рядом со свионами (шведами) он поместил ситонов, управляемых царицей. Средневековая легенда превратила страну ситонов в «страну женщин». Возможно, что собственное название одного финского или ассимилированного финнами племени квэнов из Северной Швеции было принято за слово «женщины» (можно сравнить с англ. «queens» — «дамы»).

А у великого географа и астронома эпохи Римской империи Клавдия Птолемея (II в. н.э.) амазонки живут между реками Ра (Волга) и Танаис (Дон) южнее места сближения этих рек [13, сс. 347, 357].

Память о легендарных прекрасных воительницах воскресла в Западной Европе в эпоху Возрождения, когда усилился интерес к античной культуре. В эпоху великих географических открытий стали искать страну амазонок в недавно открытом Новом Свете, на Американском континенте.

Гонсало Писарро, брат знаменитого завоевателя Перу Франциско Писарро, в феврале 1541 г. вышел из Кито (столица современного Эквадора) с отрядом из 320 испанцев и 4000 индейцев-носильщиков. В декабре того же года в поисках новой «золотой страны» отряд перевалил Восточную Кордильеру и открыл полноводную р. Напо, один из притоков верхней Амазонки. Г. Писарро с отрядом поплыл вниз по реке и впервые добрался до Амазонской низменности.

Для плавания по реке всего отряда не хватало судов, а по берегу через заболоченные джунгли двигаться было невозможно. Кончались запасы продуктов, начался голод. Г. Писарро выслал на разведку и за провиантом вниз по Напо Франсиско Орельяно с 57 испанцами на построенной на берегу реки бригантине и четырех каноэ. С Орельяно поплыли два монаха, один из которых, Гаспар Карвахаль, составил описание этого путешествия.

Быстрое течение за несколько дней унесло испанцев за сотни километров от места нахождения Г. Писарро, а по берегам реки им все еще не встретилось ни одного селения. Орельяно и его солдаты страдали от голода. Только с 5 января 1542 г. стали попадаться деревни, где возможно было добыть продукты. Возвратиться обратно было невозможно, по реке против течения плыть на веслах пришлось бы не один месяц, а по суше дороги просто не было. Орельяно решил плыть до моря.

12 февраля бригантина прошла место, где соединяются три реки, и самая большая из них была «широка, как море». Так они вышли на Амазонку. В марте—апреле испанцы построили вторую бригантину и 24 апреля поплыли по течению на восток через абсолютно неведомую страну. Проходили недели, а конца плавания не было видно. В громадную реку впадали огромные притоки. Испанцы страшно страдали от укусов москитов. В редких селениях на берегу они отбирали или выменивали у индейцев продукты.

В середине мая отряд вступил в густонаселенную «страну Омагуа», вероятно, между низовьями рек Журуа и Пурус.

Иногда индейцы на легких пирогах нападали на испанцев, которые с трудом отбивались от них, так как порох отсырел, а тетивы самострелов потеряли упругость.

3 июня бригантины дошли до громадного левого притока, где «воды были черными, как чернила». Орельяна назвал его «Черной рекой» — Риу-Негро (приток Амазонки длиной 2300 км). «Она неслась с такой стремительностью и таким бешенством, — писал Карвахаль, — что ее воды текли в водах... [Амазонки. — *Авт.*] струей длиной свыше двадцати лиг [120 км. — *Авт.*] и ни та вода, ни другая не смешивались».

Стали встречаться большие селения, по словам Карвахалья, они будто бы располагались по берегам на 2—3 лиги. 10 июня суда прошли мимо громадного правого притока, «очень большого и мощного, гораздо больше той реки, по которой плыли». Это была Мадейра длиной 3230 км. Через несколько дней отряд достиг страны, где было много селений, в том числе и больших. «Так мы неожиданно набрали на благодатную землю и владение амазонок», — отметил в отчете о плавании Карвахаль.

24 июня испанцы высадились на берег и вступили в бой с индейцами, предводителями которых были амазонки. «Эти женщины, — по словам Карвахалья, — очень высоки ростом, белокожие, волосы у них очень длинные, заплетены в косы и обернуты вокруг головы. Они очень сильны, а ходят почти нагие — только прикрывают стыд. В руках у них лук и стрелы, а в бою они не уступают доброму десятку индейцев». Амазонки атаковали испанцев, но были отбиты и потеряли 7 человек.

Все это произвело большое впечатление на современников после того, как отчет Карвахалья стал известен в Испании. Невольно при этом вспомнили мифических древнегреческих амазонок. И великая река, которую Орельяна хотел назвать своим именем, получила и сохранила название реки Амазонки («Амасонас», в России ее называют в единственном числе — Амазонка). Правда, сейчас ряд ученых предполагает, что название реки произошло от местного слова «амасуну», т.е. «большая вода». Но индейское слово в сознании европейцев ассоциировалось именно со словом «амасонас» — «амазонки».

Путешествие испанцев близилось к концу. Ближе к морю, за «страной амазонок» также встречались большие селения, но посещения их испанцами прошли мирно. Наконец бриган-

тины вошли в громадную островную дельту, и 2 августа 1542 г. суда вышли в «Пресное море» — район океана вблизи дельты Амазонки, открытое еще в 1500 г. участником первой экспедиции Колумба Винсенте Я. Пинсоном.

Все плавание по великой реке продолжалось почти 6 месяцев. Испанцы покрыли палубами оба судна, сшили паруса из своих перуанских плащей и поплыли на север вдоль материкового побережья. Наконец 11 сентября Орельяна достиг испанского поселения на о. Маргарита.

Не все поверили рассказам Орельяны и Карвахалю. Некоторые историки считают, что они все выдумали о «республике женщин воительниц-амазонок». В течение XVI—XVII вв. несколько раз отправлялись отряды по следам Орельяны, но никаких амазонок не обнаруживали.

Любопытно, что в речи индейцев некоторых племен, населяющих внутренние районы Южной Америки, имелись слова, обозначающие «страна безмужних женщин» и «страна женщин, которые живут одни». Учеными отмечена одна из легенд индейцев Амазонии, по которой воинственные женщины живут без мужчин, но в апреле приглашают к себе в селение мужчин из соседних племен. Рожденных после этого мальчиков убивают. Как видим, эта легенда во многом совпадает с древнегреческими мифами о прекрасных амазонках.

Знаменитый немецкий ученый Александр Гумбольдт, путешествовавший по Южной Америке в начале XIX в., попытался объяснить происхождение рассказов конкистадоров об индейках-амазонках следующим образом. Испанцы не нападали на индейские деревни в тот момент, когда мужчин там не было: они в это время воевали с соседними племенами или охотились. Индейские женщины, спасая детей и себя, оказывали яростное сопротивление конкистадорам. Отсюда и появление рассказов о будто бы встреченных испанцами амазонках [14, сс. 78, 79].

В подтверждение этой гипотезы следует отметить, что путешественники, посетившие Амазонию в 30-х гг. XX в., сообщали о том, что индейки тех мест активно участвовали в битвах между индейскими племенами и между индейцами и пришлыми чужаками-охотниками и искателями сокровищ.

Для справедливости необходимо отметить, что Орельяна и его спутники совершили удивительное путешествие. Они

первые пересекли с запада на восток, от океана до океана таинственный и неисследованный Южно-Американский континент почти в самой широкой его части, открыли на протяжении более 3 тыс. км все среднее и нижнее течение Амазонки — крупнейшей в мире реки по величине стока, по водности и по площади своего бассейна, — и доказали, что «Пресное море» Пинсона — это и есть устье Амазонки, по которой можно проплыть на судах от Атлантического океана до предгорий Анд [15, сс. 173—175].

Завершая очерк отметим, что сказания об амазонках — это в какой-то степени отражения воспоминаний об эпохе матриархата, одной из форм общественного устройства первобытно-общинного общества, при котором существовало доминирующее положение женщин в роду. Именно на основе анализа древнеклассических мифов, в том числе и сказаний об амазонках, ученые и выделили этот период в истории человечества. Любопытно, что пережитки матриархата сохраняются у ряда народностей в Индонезии, Микронезии и др. местах, а также прослеживаются в старинных мифах, преданиях и сказках многих народов мира.

ГЛАВА 3. АРИСТЕЙ ИЗ ПРОКОННЕСА

*Берегись остроклювых, безгласных псов Зевса,
грифов, и одноглазой конной рати аримасов,
которые живут у златоносного Плутонова
потока.*

Эсхил. V в. до н.э. [6, с. 91]

Геродот (V в. до н.э.) в своей «Истории» рассказал о необычайном путешествии древнего грека Аристея в неведомые страны: «Впрочем, Аристей, сын Каистробия из Проконнеса [современный о. Мармара в Мраморном море. — *Авт.*], в своей эпической поэме [Аримаспея. — *Авт.*] сообщает как он, одержимый Фебом [Аполлоном. — *Авт.*], прибыл к исседонам. По его рассказам, за исседонами [то есть к северу от места проживания исседонов. — *Авт.*] обитают аримасы — одноглазые люди; за аримасами — стерегущие золото грифы, а еще выше за ними — гиперборейи [народ крайнего севера, буквально — «живущие за северным ветром Бореем». — *Авт.*] на границе с морем [то есть до северной части океана, который по представлениям древних греков окружал со всех сторон Ойкумену — обитаемую часть Земли. — *Авт.*]. Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримасы). Аримасы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны потеснили скифов, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря [в данном случае у Черного моря (Понта Эвксинского). — *Авт.*], под напором скифов покинули свою родину...

Откуда происходил сочинитель этой поэмы Аристей, я уже сказал. Теперь сообщу также и то, что мне довелось слышать о нем в Проконнесе и Кизике [город-полис на южном берегу Мраморного моря. — *Авт.*]. Как передают, Аристей был родом из самых знатных граждан Проконнеса. Однажды он при-

шел в сукновальную мастерскую и там умер. Валяльщик запер свою мастерскую и пошел сообщить родственникам усопшего. По городу между тем уже прошла молва о смерти Аристея, но какой-то кизикенец из города Артаки оспаривал эту весть. По его словам, он встретил Аристея на пути в Кизик и сам говорил с ним. Кизикенец настойчиво убеждал, что он прав. Родственники усопшего пошли между тем в сукновальню со всем необходимым для погребения. Но когда они открыли двери дома, то там не оказалось Аристея ни мертвого, ни живого. Через 7 лет Аристей, однако, снова появился в Проконнесе [значит, его путешествие в дальние страны продолжалось 7 лет и для какой-то цели Аристей скрывал от сограждан время и цель своего убывания из родного города. — *Авт.*] и сложил свою эпическую поэму, которая теперь у эллинов называлась «Эпос об аримаспах». Сочинив эту поэму, он исчез вторично.

Так рассказывают в этих городах. Я же знаю, что в Метапонтии в Италии через 240 лет после вторичного исчезновения Аристея произошло следующее... Аристей, по словам метапонтийцев, явился в их страну и повелел воздвигнуть алтарь Аполлону и возле него поставить статую с именем Аристея из Проконнеса. Ведь Аполлон пришел, говорил он, из всех италиотов только с ним одним [в их город Метапонтий. — *Авт.*], а в свите бога прибыл также и он сам — ныне Аристей. А прежде как спутник Аполлона он был вороном [ворон — священная птица Аполлона. — *Авт.*]. После этих слов Аристей исчез...

Об областях севернее страны, о которой я начал свой рассказ [Скифии — области проживания скифов и других народов в степных районах Причерноморья и Приазовья от Дуная до Дона. — *Авт.*], никто ничего определенного не знает. И я не видел ни одного человека, который сказал бы, что земли эти он знает как очевидец. Ведь даже сам только что упомянутый мною Аристей говорит в своей эпической поэме, что не заходил дальше страны исседонов; о землях севернее исседонов он передавал сведения по слухам, ссылаясь на рассказы исседонов. Впрочем, я расскажу в точности и как можно обстоятельнее все, что мне, хотя и понаслышке, довелось узнать об этих северных странах» [39, IV, 13—16].

К сожалению, текст поэмы Аристея «Аримаспея», которая, видимо, являлась стихотворным отчетом автора о проделанном путешествии, не сохранился. До наших дней дошел толь-

ко один отрывок из поэмы, приведенный византийским комментатором XII в. Цецом: «Исседоны, чванящиеся длинными волосами (собственно гривами). — Эти люди [то есть ари-маспы. — *Авт.*] живут вверху, в соседстве с Бореем, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков. — Каждый из них имеет один глаз на прелестном челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей» [6, с. 91].

Вероятнее всего, Аристей — личность мифическая, но безусловно, что поэма о казалось бы фантастическом дальнем путешествии грека, во время которого он узнает о существовании одноглазых людей, стерегущих золотые сокровища грифов, и многие другие фантастические сведения, она в своей сущности зиждется на реальных фактах дальних путешествий греческих купцов в страны, лежащие к северу от Скифии.

Причем легенды об одноглазых конниках и страшных грифах упомянуты у целого ряда древних авторов. Так, о них упоминает великий древнегреческий поэт и драматург Эсхил (V в. до н.э.) в трагедии «Прометей».

Схему расселения народов севернее Понта Эвксинского, приведенную Аристеем, приняли после Геродота и другие античные авторы. Так, Дамаст Сигейский — древнегреческий логограф (прозаик), известный нам по «Географическому словарю» Стефана Византийского (VI в. н.э.), сообщал, в частности, «выше Скифов живут исседоны, еще выше этих — ари-маспы, за ари-маспами находятся Рипейские горы, с которых дует Борей и никогда не сходит снег, а за этими горами живут Гипербореи до другого моря» [6, с. 92].

Древнеримский ученый Плиний Старший (I в. н.э.) в своих сочинениях также писал о северных Рипейских горах, ари-маспах и грифах: «Затем идут Рипейские горы и области, из-за постоянных снегопадов и сходства с перьями получившие название пероносные. Эта часть света, отверженная природой и окутанная тьмой, служит лишь образованию льда и холодным обиталищем северо-восточного ветра...

Недалеко от места возникновения Аквилона и так называемой его пещеры, называемой Гекмитрон [то есть «земная дверь» или «земной запор». — *Авт.*], обитают уже упомянутые ари-маспы, отличающиеся одним глазом по середине лба; они будто бы постоянно воюют из-за рудников с грифами, ко-

торых предание представляет в виде крылатых зверей, выпыпывающих в подземных шахтах золото, причем и звери с удивительной алчностью берегут золото и аримаспы похищают; об этом писали многие, а особенно знаменитые Геродот и Аристей Проконнеский» [6, с. 92].

И наконец, известный античный географ Страбон (ок. 64/63 г. до н.э. — 23/24 г. н.э.), утверждая первенство Гомера в описании античного мира, замечает: «Может быть, Гомер заимствовал свое представление об одноглазых Киклопах из истории Скифии, ибо есть известие о существовании одноглазого народа аримаспов, о которых сообщает Аристей из Проконнеса в своем «Эпосе об аримаспах» [5, с. 21].

Он же, описывая народы севера Ойкумены, указывал: «Старинные греческие историки называли все северные народы общим именем скифов или кельтоскифов. Однако еще более древние историки установили различие между ними, называя племена, жившие над Евксинским Понтом, Истром [так древние греки называли Дунай. — *Авт.*] и Адриатическим морем, гиперборейцами, савроматами и аримаспами» [5, с. 507].

Так куда фактически добрался Аристей и существовал ли такой путешественник действительно? Можно с большой степенью вероятности утверждать, что в поэме «Аримаспея» описывались события, связанные с торговлей древнегреческих купцов с народами далекого северо-востока.

Активная колонизация древними греками побережий Черного моря началась в VIII в. до н.э. Вполне вероятно, что и до этого древнегреческие мореходы, купцы — пираты, плавали там и вели с местными приморскими племенами торговлю, а то и при возможности захватывали там пленников и имущество.

Особенно активными в освоении черноморских побережий были ионийцы, в частности, жители крупного центра Ионии города Милета, которые основали на берегах Понта Эвксинского более 70 поселений, часть из которых превратилась в крупные города-полисы. Бесспорно, что древние греки в это время проникли через Босфор Киммерийский (Керченский пролив) в Меотийское озеро (Азовское море).

На западном берегу Черного моря ионийцы в VII в. до н.э. основали ряд торговых факторий, две из них, Томы и Истрия,

стали значительными городами-полисами (первый располагался в районе современной Констанцы, а второй — немного южнее дельты Истра). У входа в Днепровский лиман на о. Березань милетцы устроили торговую факторию Борисфениду (древнегреческое название Днепра — Борисфен), древнейшее древнегреческое поселение в Северном Причерноморье [35, с. 82]. Затем была основана в устье Гипаниса (Южного Буга) Ольвия, а на берегу Днестровского лимана — Тирас (так древние греки называли и саму р. Днестр).

Уже в середине VII в. до н.э. милетцы создали колонии на южном побережье моря — Синоп и Трапезунт. В VI в. до н.э. была основана на крымском побережье Феодосия, а у Керченского пролива — пять поселений, в том числе Пантикапей (Керчь). На берегах Таманского полуострова, где жило одно из меотийских земледельческих племен — синды, ионийцы основали ряд поселений, в том числе Гермонассу (Таманск) и Фанагорию, близ дельты Кубани. А около 550 г. до н.э. древние греки основали на северо-востоке озера Меотиды (Азовского моря) колонию Танаис (в дельте Дона, который они именовали Танаис).

В первой половине VI в. до н.э. милетцы основали ряд колоний на побережье южнее Таманского полуострова и вели торговлю с синдами через их порт Синдскую гавань (Анапа). В том же столетии, вероятнее всего, колонистами из Милета на восточном побережье Черного моря были основаны Фасис (Поти) у устья р. Риони и Диоскуриада (Сухуми) [35, с. 83].

Таким образом, в VII—VI вв. до н.э. древние греки имели свои колонии на северном побережье Черного моря и в устье Дона и вели активную торговлю с причерноморскими и приазовскими племенами. Так что вполне обоснованно предположение о том, что целью путешествия Аристея было желание древнегреческих купцов городов-полисов Причерноморья и Приазовья разведать новые прибыльные для торговли области севернее Скифии.

Кочевые племена скифов вторглись в южнорусские степи и вытеснили оттуда киммерийцев примерно в конце VIII в. до н.э. По сообщению Геродота Аристей в поэме рассказал о том, что, пройдя значительный путь от Понта Эвксинского, он достиг района проживания племени исседонов, которые поведали ему о народах, проживавших в более далеких странах.

Вполне возможно, что исседоны специально расцветили свои сообщения различными страшными подробностями, чтобы этим, в соответствии с практикой древних народов, отпугнуть, отпугнуть чужеземных купцов от поездок в эти страны и тем устранить торговых конкурентов.

Стефан Византийский в своем «Географическом словаре» сообщил, что об исседонах (или эседонах) упоминал якобы еще древнегреческий поэт Алкман, живший около 690 г. до н.э. Значит, вполне возможно, что торговые сношения древнегреческих купцов с народами, обитавшими значительно севернее Черноморско-Азовского бассейна, начались уже в VII в. до н.э.

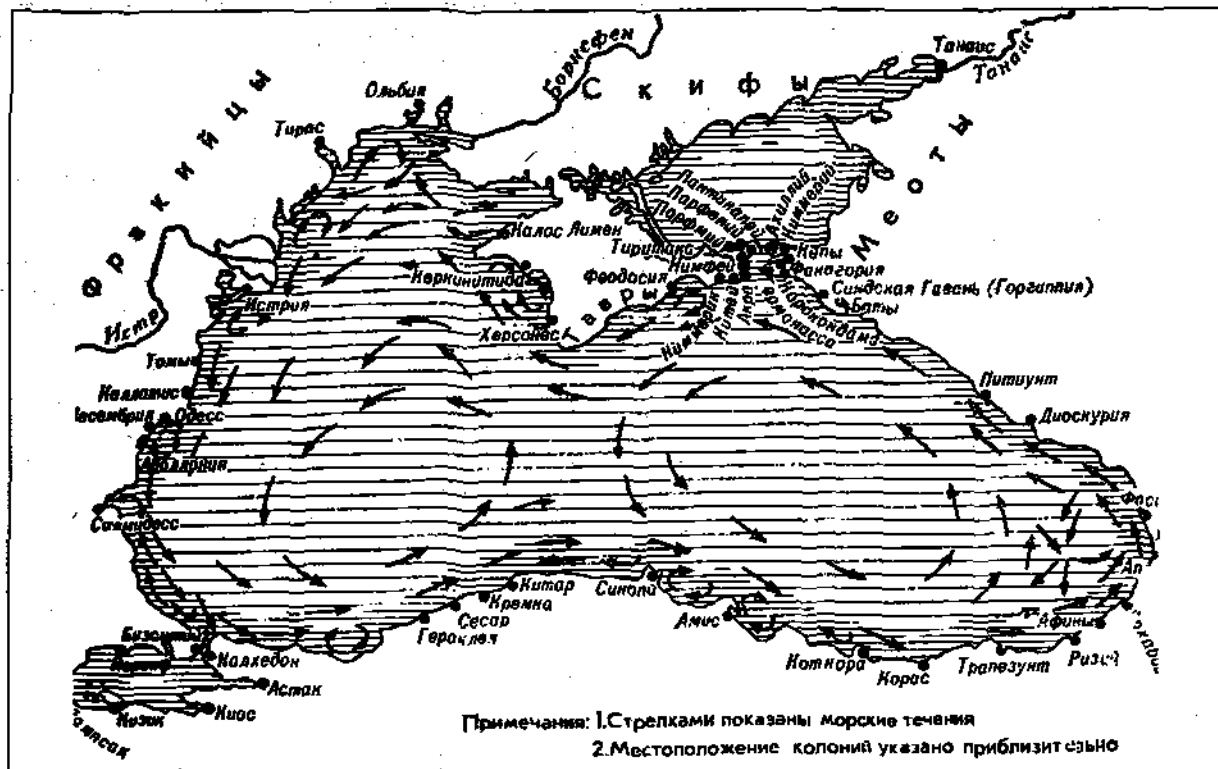
Зачем Аристей отправился так далеко от освоенных древними греками районов? Целью путешествия, видимо, было знакомство с далекими областями, откуда поступало в Черноморский бассейн золото и ценные меха.

Поэму о путешествиях Аристея можно сравнить с былинами о Садко — богатом новгородском госте, который отправился для торговли в дальние моря и попал к морскому царю. Несмотря на множество сказочных мотивов в основе этой былины лежат сведения о фактических торговых экспедициях новгородских купцов, о жизни обитателей Великого Новгорода.

Для того чтобы определить, как далеко продвинулся на северо-восток Аристей, следует в первую очередь попытаться решить вопрос о том, где жили исседоны. Сделать это совсем не просто. По мнению знаменитого астронома и географа II в. н.э. Птолемея, два города — Исседон Серикский и Исседон Скифский — находились в восточной части Средней Азии. Некоторые ученые даже в XIX в. считали, что исседоны проживали в Центральной Азии.

Но великий немецкий ученый Александр Гумбольдт (1759—1859 гг.) утверждал, что Страна золота, где обитали согласно древнегреческому эпосу страшные грифы, стерегущие золотые клады, и в которую проникали аримаспы, — это Алтай. Тогда более всего вероятна гипотеза, что исседоны по Аристею — посредники в торговле золотом — могли быть племенами, проживавшими на Южном Урале.

Так что вполне возможно, что Аристей воспользовался древним торговым путем и из Скифии проследовал на севе-

Важнейшие греческие колонии VIII — VI вв. до н.э. на побережье Черного, Азовского и Мраморного морей

ро-восток через лесные области Поволжья и районы Приуралья, а затем достиг Южного Урала, а, возможно, и Зауралья. Именно там, по мнению авторитетных историков Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского, находилась страна исседонов [35, с. 83].

В какой-то мере помочь нам определить путь Аристея и подтвердить предположения о нахождении места обитания исседонов в Зауралье могут и сведения, приведенные Геродотом. Вот как он описывает местности и проживавшие там народы по маршруту путешествия Аристея к исседонам: «За р. Танансом [Доном. — *Авт.*] — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на 15 дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля здесь покрыта густым лесом разной породы.

За будинами к северу сначала простирается пустыня на семь дней пути, а потом далее на восток живут фиссагеты — многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени нирки [ряд ученых считает, что нирки — предки мадьяр, жившие на Урале. — *Авт.*]. Они также промышляют охотой и ловят зверя следующим образом. Охотники подстерегают добычу на деревьях (ведь по всей их стране густые леса). У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и бросается в погоню, собака же бежит за ним. Над нирками к востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю.

Вплоть до области этих скифов вся упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем почвы. А оттуда земля уже твердая, как камень, и неровная. После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножья высоких гор обитают люди. Как передают, все они, как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками [возможно, что у этих племен в те времена существовал по гигиеническим или ритуальным причинам обычай коротко стричь или сбривать волосы, ряд историков отождествляет эти племена с предками башкир. —

Авт.] Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, — понтик. Величиной это дерево почти что со смоковницу, плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием «асхи». Сок этот они лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гущи асхи они готовят в пищу лепешки. Скота у них немного, потому что пастбища там плохие. Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без крыши. Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными и у них даже нет боевого оружия. Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, то его никто не смеет обидеть [трудно представить себе существование в то время племен, не имеющих боевого оружия. Видимо, речь идет о наиболее авторитетных старейшинах племени, осуществлявших функции судейства не только внутри племени, но и в качестве посредников в улаживании межплеменных конфликтов. — *Авт.*]. Имя этого народа аргиппеи.

Страны до этих лысых людей и народы, живущие по сю сторону их [то есть по пути от Скифии к аргиппеям. — *Авт.*] хорошо известны, так как к ним иногда приходят скифы. Ведь сведения о них можно легко получить не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов. Скифы же, когда приходят к аргиппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках.

Итак, области до этих лысых людей нам еще знакомы, о том же, что выше их, никто с точностью сказать не может. Эти страны отделяют высокие, неприступные горы, и никто их еще не переходил. По словам лысых, на горах обитают, хотя я этому не верю, козлоногие люди, а за этими горами — другие люди, которые спят шесть месяцев в году. Этому-то я уж вовсе не верю. Области к востоку от лысых достоверно известны: там живут исседоны. Но о землях к северу от исседонов и лысых мы ничего не знаем, кроме того, что они сами рассказывают» [39, IV, 21—25].

В связи со сведениями о «козлоногих людях» невольно вспоминается одно из преданий предков гуннов, живших в

древние времена в районе Байкала. По преданиям северные динлины (ветвь гуннов) отличались тем, что у них были «лошадиные голени и они быстро бегали». Историк Л.П. Потапов объясняет это предание тем, что северные динлины носили меховую обувь, сшитую из шкур, которые снимали с ног лошади или козули, и ходили зимой на лыжах, подбитых той же шкурой. Подобную обувь носили в недалеком прошлом некоторые группы жителей Южной Сибири — тывинцы, алтайцы, хакасы, шорцы, которые пользовались такими же лыжами [115, с. 266].

Затем Геродот рассказал немного об обычаях и нравах исседонов. Он отметил обычай в случае смерти старшего в семье устраивать пышную тризну, закалывая для этого быков. «С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому как это происходит на поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами.

Итак, об исседонах у нас есть еще сведения. Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: «арима» у скифов значит единица, а «спу» — глаз» [39, IV, 26, 27].

Историки географических открытий И.П. Магидович и В.И. Магидович считают, что именно севернее исседонов жили аримаспы [35, с. 83]. Но в более северных районах Западной Сибири во времена Аристея не было племен «богатых конями и стадами овец и быков». Не было там и районов добычи золота.

В настоящее время большинство историков склоняется к тому, что золото, о котором говорит Геродот в связи с поэмой Аристея, добывалось на Алтае и в бассейне Верхнего Енисея. Так что путь, проделанный Аристеем, шел по той торговой дороге, которую в Средние века использовали византийские и арабские купцы: от устья Дона через упоминаемый Диодором Сицилийским (I в. до н.э.) район сближения Дона и Волги (у современного Волгограда), затем вверх вдоль Волги и

Камы (или по этим рекам) к перевалам через Уральские горы у современного Екатеринбурга к району р. Исети, где, видимо, исседоны не жили, но вели торговый обмен. Возможно, что и название р. Исети сохраняет память об кочевниках-исседонах, которые проникали в этот район, а может быть и жили там в летние периоды [6, с. 98].

Итак, кочевники-исседоны населяли бассейн Тобола и Среднего Иртыша и доходили до долины р. Исеть. Тогда ари-маспов, ясно не одноглазых, а вполне нормальных, можно довольно уверенно отождествить с племенами скифско-сибирской культуры, проживавших в I тысячелетии до н.э. на Алтае, в Тыве и в Минусинской котловине, торговые и культурные связи которых с районами Скифии, а значит и с древнегреческими колониями на побережье Черного моря, Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, подтверждены находками в древних захоронениях на Алтае, в Тыве, на Верхнем Енисее и в Северной Монголии.

В курганах Алтая и Тывы находят бусы западного происхождения. В одном из курганов Алтая найден месопотамский или персидский ковер, древнейший из известных в мире. Такие ковры выделывались в I тысячелетии до н.э. в Вавилоне, Ассирии, Мидии и Персии. Этот многоцветный ковер размером 1,83 x 2 м, извлеченный из могильника в кургане, заполнен изображениями пятнистых оленей, всадников, орнаментальными фигурами и крылатыми грифонами (вспомним грифов-хранителей золотых рудников из поэмы Аристея).

Местные мастера перенимали иноземные сюжеты и использовали их в своей работе. Так, в могильнике было найдено большое настенное войлочное полотнище, на котором с помощью аппликации была изображена богиня с вечнорастущим деревом жизни. Перед нею всадник на коне, по облику — представитель явно средиземноморской расы. На другом полотнище местного производства был изображен крылатый финкс, сюжет явно не местный [115, с. 233]. Археологи обнаружили даже в районе Байкала в могильниках остатки древних тканей, несомненно происходящих из древнегреческих ионтийских колоний. Ученых поразили на этих тканях с вышивкой шерстью прекрасные изображения скифских всадников в их характерной одежде. На них весьма живо изображены лошади [6, с. 93]

Р. Хенниг предположил, что наряду с золотом, которое играло главную роль в торговых обменах, по описанному Геродотом торговому пути от Зауралья до понтийских торговых центров перевозили лечебный ремень и меха. Знаменитый древнеримский врач Гален (II в. н.э.) считал, что прибывавший с Понта ремень с медицинской точки зрения был самым лучшим. Ну а произрастал ремень на Южном Урале, в Южной Сибири и на Алтае [6, с. 100]. Сам Геродот сообщал о том, что в районах к северу от Скифии водилось множество бобров, речных выдр и «животных с квадратной мордой» (куниц) [39, IV, 109]. Так что вполне вероятно, что греки получали по этой торговой дороге и ценные меха.

Вернемся к вопросу об отождествлении аримаспов с древними племенами, проживавшими в I тысячелетии до н.э. на территории Южной Сибири. В степях Восточной Европы и Азии в VIII—VII вв. до н.э. совершился переход пастушеско-земледельческих племен, проживавших там, к кочевому скотоводству. Этот переход привел к образованию новых племенных союзов и к развитию новых очень своеобразных культур. У всех племен этой степной зоны Евразии возникли в общих чертах сходные, родственные культуры, которые получили название скифского, скифско-сарматского или скифско-сибирского типов.

Яркими представителями этих типов культуры явились племена, проживавшие в VII—I вв. до н.э. в Минусинской и Чулымо-Енисейской степных котловинах, на Алтае и в Тыве. Их оружие (кинжалы, стрелы и чеканы), формы конской сбруи были сходны с оружием и конской сбруей скифских племен Восточной Европы, ряда областей Центральной Азии и Восточного Казахстана.

Основным занятием этих племен было кочевое скотоводство. Сибирские скифы разводили мясных курдючных овец. Из шерсти овец изготавливали ткани, валяли кошмы. Помимо овец разводили молочный скот и лошадей. Можно считать, что земледелие у них было побочным занятием, зато охота играла важную роль в жизни.

Во главе объединений этих племен стояли могущественные вожди, которых хоронили в высоких курганах. Сооружение таких грандиозных усыпальниц производилось с огромной затратой труда и времени. Меньшие по размерам курга-

ны воздвигались для захоронения представителей племенной знати.

Жизнь этих племен проходила в непрерывных войнах между отдельными племенами и племенными союзами, в первую очередь за выгодные пастбища, за овладение главным богатством — стадами скота. В ходе таких столкновений конных отрядов победители захватывали чужие земли. Любопытно, что при этом они разрывали усыпальницы побежденных вождей племенных объединений и родовой знати. Такое осквернение могил считалось у них, видимо, тягчайшим оскорблением и способом мести.

Тела умерших вождей скифы бальзамировали, используя трепанагию черепов (в связи с этим вспомним упоминание Геродота про способы сохранения памяти о покойных у исседонов). В усыпальницы клали и тела умерщвленных при захоронении приближенных вожда, а также женщин-наложниц или младших жен. Сами тела погребенных часто помещали в колоды — деревянные саркофаги, выдолбленные из стволов сибирских лиственниц. Вместе с вождями и знатными скифами хоронили их любимых лошадей в богатом убранстве: с бронзовыми удилами, золотыми налобными бляшками, цветными камнями, подвесками из клыков кабана. Хвосты коней опоясаны золотыми полосками.

Основным оружием этих племен были лук со стрелами, кинжал и чекан. Наконечники стрел и кинжалы отливали из бронзы, а носили их у пояса в деревянных составных ножнах, обшитых кожей и часто украшенных аппликацией. Воины, видимо, отлично владели массивными бронзовыми чеканами, насаженными на деревянные рукоятки длиной до 70 см, второй конец которых вдевался в бронзовый остроконечник — сток. Чекан, одно из самых смертоносных по тем временам рубящее и колющее оружие, носили также у пояса, обычно прикрыв его кожаным футляром. Воины имели щиты, изготовленные из деревянных планок, закрепленных полосками кожи.

На Алтае и на Верхнем Енисее, в Тыве племена скифской культуры добывали медные руды, которые затем переплавлялись в специальных печах. Металл плавился в тиглях и далее разливался в формы. При отливке бронзовых изделий мастера использовали присадки мышьяка или олова. Племена

Золотая бляха из Сибирской коллекции
Петра I

скифской культуры на Алтае добывали довольно значительное количество золота.

На Алтае и в Тыве в те времена мастера создали замечательные произведения искусства из дерева, кости, бронзы и золота, кожи, меха, войлока, выполненные в «скифско-сибирском зверином стиле», которые и сейчас, через 2000—2600 лет после их создания, продолжают восхищать современных людей.

Что же это за чудо — «скифско-сибирский звериный стиль»? Трудно выразить это в нескольких строках. Видимо, дело в том, что в искусстве древних обитателей Алтая и Тывы гармонично сочетались две, казалось бы, противоположные особенности — острая стилизация и реализм. «В нем, — по словам академика А.П. Окладникова, — контрастно сочетаются два противоположных качества: реалистически точная передача тех или иных признаков формы животного и необычная их стилизация. Наблюдается смелое сочетание обыденного и фантастического. Произведения этого стиля отмечены динамизмом, наполнены борьбой и страстью. В них нет и следа ясного спокойствия, той былой уравновешенности, которая наполняет бесчисленные композиции неолитического времени на скалах и в тайге» [116, сс. 82, 83].

Мы видим, что главным сюжетом в произведениях искусства «скифо-сибирского» стиля является борьба зверей. Видимо, это — явное отражение повседневной жизни скифских

Золотая пантера, выполненная в «скифско-сибирском зверином стиле» из коллекции в Эрмитаже

племен, наполненной набегами, боевыми схватками, проявлениями силы и беспощадности к врагу. И этот стиль вполне соответствует характеру аримаспов, описанному Геродотом.

В настоящее время многие уникальные изделия мастеров скифского времени хранятся в Эрмитаже, где находится знаменитое собрание художественных золотых изделий, известное под названием «Сибирская коллекция Петра I». Все эти золотые предметы, изготовленные мастерами VII—II вв. до н.э., найдены в курганах Южной Сибири. В эту коллекцию вошли гривны, поясные бляхи и другие украшения с изображением зверей. В 1715 г. Никита Демидов, известный предприниматель и основатель уральских горных заводов, преподнес в дар царице Екатерине «богатые золотые могильные вещи». Этот дар состоял из литых блях с изображением борьбы зверей и шейных гривн с фигурками зверей на концах. Царь высоко оценил золотые сибирские древности и распорядился о дальнейшем их приобретении. Уже через два месяца сибирский губернатор князь Гагарин прислал 10 древних золотых предметов, а спустя год из Сибири прибыло еще более ста. Золотые вещи мастеров скифского времени поступали из Сибири в императорскую коллекцию и в дальнейшем.

На этом закончим рассказ о путешествиях древнего грека Аристеея и его контактах с племенами, населявшими в далеком прошлом просторы нашей Родины.

ГЛАВА 4. ПЛАВАНИЕ САМОСЦА КОЛЕЯ В ТАРТЕСС

Тут широко лежит побережье Тартессийского залива...

Река Тартесс... разольется по широким полям этой местности,

Со всех сторон она омывает своим течением остров.

Эта река катится не одним простым потоком, И не одним своим руслом бороздит она прилегающие к ней земли;

Три потока идут по полям с той стороны, где свет с востока появляется,

Четырьмя другими она омывает город с юга...

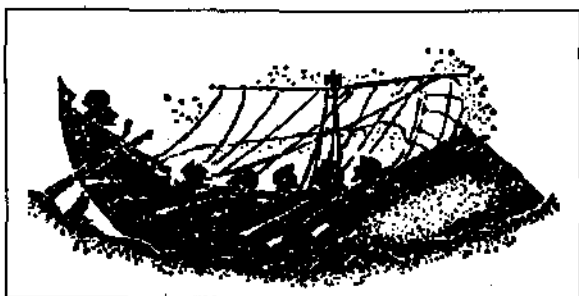
Эта же река в своем течении катит крупницы тяжелого олова

И подгоняет к городу этот дорогой металл.

Руфий Фест Авиен.

Поэма «Морские берега», IV в. н.э.

О первом плавании древних греков на запад от Столбов Геракла (Гибралтарского пролива) также поведал Геродот: «Вскоре после этого самосский корабль, шедший в Египет (владельцем корабля был Колей) [житель о. Самос, одного из островов Эгейского моря, составлявшего вместе с другими островами и прибрежными эллинскими городами побережья Малой Азии Ионию — родину многих древнегреческих купцов-мореходов. — *Авт.*], был отнесен к этому острову [о. Платея, современный о. Бамба в одноименном заливе у северного побережья Африки к западу от современного Тобрука. — *Авт.*]... сами же они снова вышли от острова в открытое море и направились в Египет. Однако восточным ветром их отнесло назад, и так как буря не стихала, то они, миновав Геракловы Столпы, с божественной помощью прибыли в Тартесс. Эта

Греческое торговое судно

торговая гавань была в то время еще не известна эллинам. Поэтому из всех эллинов самосцы получили от привезенных товаров по возвращении на родину (насколько у меня об этом есть достоверные сведения) больше всего прибыли, исключая, конечно, Сострата, сына Лаодаманта, эгинца (с ним-то ведь никто другой в этом не может состязаться). Самосцы посвятили богам десятую часть своей прибыли — 6 талантов — и велели изготовить медный сосуд вроде арголийского кратера. Вокруг чаши по верхнему краю был словно венец из голов грифонов. Этот-то сосуд они принесли в дар в храм Геры, установив его на подпорках в виде трех огромных коленопреклоненных бронзовых статуй в семь локтей высотой [примерно 3,1 м. — *Авт.*]» [39, IV, 152].

Так, по Геродоту, начались примерно в середине VII в. непосредственные контакты древних греков с государством Тартесс, по поводу которого историки много спорили. Данных об этом государстве, ведшем интенсивную торговлю ценными цветными металлами, сохранилось очень мало. До посещения Тартесса Колеем древние греки вели с ним торговлю при посредничестве финикийян, которые всячески препятствовали установлению прямых контактов потребителей металлов с самим Тартессом.

Тартесс торговал медью, серебром, свинцом, которые в значительных количествах добывались на Пиренейском полуострове в горах Сьерра-Морена, а также оловом из месторождений на юге Пиренейского полуострова, у истоков Гвадалквивира. Поэтому для определенного периода были правдивы строки стихов Авиена, будто эта река несла олово в Тартесс. Кстати, ряд ученых считает, что стихотворное описание

берегов Иберии [название Пиренейского полуострова в античные времена. — *Авт.*] в «Морских берегах» Авиена основывалось на сведениях из какого-то древнего перипла VII—VI вв. до н.э. [периплы — др.-греч. Описание морских путешествий вдоль берегов. — *Авт.*]

Считается, что Тартесс многие столетия был главным посредником при вывозе олова из Бретани и юго-западной Англии. А ведь олово было крайне необходимо для изготовления в странах Средиземноморья изделий из бронзы. Наилучшая бронза являлась сплавом из 90 процентов меди и 10 процентов олова. Эта «классическая» пропорция, по мнению многих ученых, была впервые открыта на Пиренейском полуострове. Бронзовые изделия играли огромную роль в экономике античного времени, и Тартесс торговал как самими цветными металлами, так и бронзой, которая производилась в Иберии.

Много споров среди историков было о точном местонахождении государства и города Тартесса. Основой для поиска служили скудные сведения из античных источников.

Страбон в своей «Географии» так определяет место расположения Тартесса: «Недалеко от Касталона находится гора, откуда, как передают, берет начало река Бетий [другое произношение названия реки — Бетис. — *Авт.*]. Эту гору называют «Серебряной» оттого, что на ней находятся серебряные рудники. Согласно Полибию [греческий историк II в. до н.э. — *Авт.*], эта река, как и Ана [другое произношение Анас, теперь называется Гвадиана. — *Авт.*], берет начало в Кельтиберии, причем они отстоят друг от друга почти на 900 стадий; кельтиберы, достигнув могущества, дали всей соседней стране свое имя. Древние, по-видимому, называли реку Бетий Тартессом, а Гадиры и примыкающие острова — Эрифией. По этой причине, как думают, Стесихор так сказал о волопасе Герiona [убитом, по преданию, Гераклом. — *Авт.*]:

...он был рожден

Почти напротив славной Эрифии

Вблизи Тартесса безгранных источников, среброкоренных,

Во впадине скалы.

Так как река имеет два устья, то, как говорят, прежде на территории, расположенной между ними, находился город,

который назывался Тартессом по имени реки; и страна, занимаемая турдулами [одно из иберийских племен на юге Пиренейского полуострова. — *Авт.*], называлась Тартессидой» [5, с. 148].

А Павсаний, греческий писатель II в. н.э., отметил: «Есть в Олимпии так называемая сокровищница сикионян, дар Мирона, бывшего тираном в Сикионе. Мирон выстроил ее, одержав победу в состязании колесниц в 33-ю олимпиаду [то есть в 648 г. до н.э. — *Авт.*]... но тартессийская ли это медь, как говорят элейцы, — этого я не знаю. Говорят, что Тартессом называется река в области Иберии, вливающаяся в море двумя устьями. Посреди, между устьями реки, лежит город, одноименный с рекою [река Тартесс — это современный Гвадалквивир, которого тогда называли еще Бетисом. Кроме современного, у реки были и другие устья. — *Авт.*]» [6, сс. 73, 74].

Наиболее раннее упоминание о Тартессе ученые нашли в финикийской надписи IX в. до н.э., обнаруженной на о. Сардиния. В Ветхом Завете («Книга пророка Иезекииля») сообщается, что страны Ближнего Востока получали из богатого города Тартесс цветные металлы: «Тартесс был торговым союзником твоим по множеству всякого богатства и в обмен давал тебе серебро, железо, олово и свинец» [6, с. 121].

В Ветхом Завете упоминается и таршишский корабль, на котором доставлялось золото для царя Соломона. Дело в том, что финикийцы называли Тартесс Таршишом. Они разработали особо прочную конструкцию корпуса кораблей, предназначенных для дальних плаваний из портов Финикии в Тартесс и называли такие корабли таршишскими. Позже финикийцы называли таршишскими все корабли с усиленным корпусом, предназначенные для дальних плаваний.

Большинство ученых считает, что государство Тартесс с одноименной столицей в устье Гвадалквивира было основано до 1100 г. до н.э. Ряд ученых связывают основание Тартесса с появлением на побережье Южной Иберии этрусков. Считается, что этруски и союзные им морские народы, жившие на побережье Сардинии и Сицилии, вместе с ливийцами совершили в конце XIII в. до н.э. нападение на Египет. В битве с египтянами, возглавляемыми фараоном XIX династии Мернептой I (Менефтесом), которая произошла в 1221 г. до н.э. у г. Просописа на Розеттском рукаве Нила, они были разгром-

лены и откатились на запад, а затем обосновались на Аппенинском полуострове и в Южной Иберии.

Видимо, в образовании Тартессийского государства приняли участие и выходцы с Крита. Об этом в известной степени свидетельствует тартессийская письменность, которая, по мнению большинства ученых, связана по происхождению с критским слоговым письмом и возникла в IX—VIII вв. до н.э. Безусловно, в строительстве этого государства активное участие приняли и представители местных южноиберийских племен.

Благодаря находкам древнеиберийских надписей и монет на территории Пиренейского полуострова ученые смогли с большой долей вероятности определить территорию государства Тартесс в период его расцвета: полоса этого полуострова шириной от 50 до 250 км в его южной и восточной частях от Атлантического побережья до Пиренеев, включая всю долину Гвадалквивира, низовья рек Гвадианы и Эбро, хребты Сьерра-Морена, Кордельера Бетика и южные склоны средиземноморской половины Пиренейских гор. Тартессийцы владели также Балеарскими островами [35, с. 76].

В стремлении найти залежи оловянных руд тартессийские купцы добрались с юга полуострова до богатых рудников Галисии. Тартессцы нашли морской путь к Эстремнидам. Так называли побережье полуострова Бретань и прибрежные острова у его побережья, в частности о. Уэссан. Именно туда привозили для продажи олово, добываемое на полуострове Корнуэлл (юго-западное побережье Англии). Большинство ученых считают, что тартессцы не заплывали далее к северу от о. Уэссан. Об этом свидетельствует Авиен в «Морских берегах»: «...колонны Геркулеса [в языке древних греков и римлян словом «колонны» обозначали пределы пути...] Шумит вокруг них могучий ветер севера, они ж незыблемо стоят. Выдаваясь вперед, высокий горный кряж здесь к небу поднимает свою главу — Эстримнидой она звалась в более древние времена. Вздвигаясь вверх, громада каменных вершин вся главным образом на юг обращена, к дыханью Нота теплого [Нот — южный ветер. — Авт.]. Внизу же этих гор, у самого подножия, где выступает мыс, перед глазами жителей широко открыт залив Эстримнидийский. В нем лежат те острова, которые зовутся Эстримнидами: широко раскинувшись, богаты они металлами,

свинцом и оловом. Народу много тут живет, по духу гордого, настойчивый и ловкий он; им всем прирождена любовь к торговле.

На сшитых своих судах они широко бороздят и море бурное, и бездны океана, чудищ полные. Не из сосны они сбивают корабли, и не из клена, не из ели, как обычно, они сгибают кили челноков, но — чудное дело — они готовят себе корабли из сшитых шкур, и часто на таких судах из твердой кожи они переплывают широкие моря.

Отсюда до острова «Священного» [Hierne — Ирландия. — *Авт.*]... лежит двухдневный путь для кораблей. Среде вод он поднимается широкою поверхностью, и на большом пространстве живет на нем и трудится Гиерново племя. Поблизости от него открывается остров племени альбионов. Обычно было для жителей Тартесса вести торговлю в пределах Эстримнид...» [6, сс. 103, 104].

Из приведенных выше строк стихов Авiena можно вполне надежно установить географическое положение таинственных Эстримнид. С учетом указанного времени пути до Ирландии и нахождения поблизости острова племени альбионов (кельтов, проживавших в Англии, «Альбион» — кельтский термин, означающий «Горный остров» и используемый для обозначения гористого полуострова Корнуолл на юго-западе Англии — 35, с. 88) это могут быть только острова у побережья Бретани.

Действительно, о кельтских судах из сшитых кож, натянутых на деревянный каркас, сообщал также Юлий Цезарь (I в. до н.э.). Так что доставка олова из Корнуолла на побережье Бретани могла осуществляться именно на таких судах.

Был ли Колей первым греком, который добрался до Тартесса? Это трудно установить, но, вероятнее всего, можно согласиться с мнением историка Мейера, который в исследовании о связях Древней Греции с западной частью Средиземноморья отметил по поводу плавания Колея: «По нашему мнению, это было лишь одно, возможно наиболее успешное, из многочисленных плаваний в Тартесс в течение VII в. до н.э., в которых участвовали фокейцы, родосцы, халкидяне, самосцы и другие греки» [6, с. 80].

Вполне возможно, что Колею предание приписало подвиги, которые совершили несколько греческих мореходов. Это не раз случалось в истории дальних плаваний древних и гео-

графических открытий, связанных с этими плаваниями. Так что, вероятнее всего, Колей не был просто заброшен восточным ветром к Тартессу, а с самого начала своего плавания хотел попасть туда и поплыл для этого на восток к Столбам Геракла.

Ясно одно: после плавания Колея в Тартесс установились довольно тесные связи древних греков с тартессцами. Геродот писал о том, что греков в Тартессе принимали приветливо и даже одаривали, стараясь привлечь их к более частым посещениям. Он отметил по этому поводу: «Жители этой Фокеи первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению [область в Италии. — *Авт.*], Иберию и Тартесс. Они плавали не на «круглых» торговых кораблях, а на 50-весельных судах. В Тартессе они вступили в дружбу с царем той страны по имени Арганфоний. Он царствовал в Тартессе 80 лет [предположительно около 630—550 гг. до н.э. — *Авт.*], а всего жил 120. Этот человек был так расположен к фокейцам, что сначала даже предложил им покинуть Ионию и поселиться в его стране, где им будет угодно. А затем, когда фокейцы не согласились на это, царь, услышав об усилении могущества лидийского царя [Лидия — область у средиземноморского побережья Малой Азии. — *Авт.*], дал им денег на возведение стен в их городе. Дал же он денег, не скупясь, так как окружность стен [Фокеи. — *Авт.*] составляет немало стадий, а вся стена состоит целиком из огромных тщательно прилаженных камней» [39, 1, 163].

В 20-х гг. прошлого века в районе устья Гвадалквивира был найден греческий шлем, изготовленный примерно около 625 г. до н.э., то есть во времена начала царствования Арганфония. Видимо, этот царь явно отдавал предпочтение эллинам перед финикийцами, которые не раз угрожали уничтожить Тартесс — своего торгового конкурента. И действительно, после смерти Арганфония и разгрома карфагенянами и этрусками флота древних греков-фокейцев в морском сражении при Алалии на восточном побережье о. Корсика (около 537 г. до н.э.) началась ожесточенная война между карфагенянами и тартессцами. В связи с этим плавания греков в Тартесс прекратились и в Гибралтарском проливе хозяином стал Карфаген. О захвате карфагенянами Гадеса, города, расположенного недалеко от Тартесса, упоминает древнеримский писатель II в.

н.э. Юстин. О захвате Тартесса данных в древних источниках не обнаружено. Возможно, что карфагеняне его полностью разрушили, но не исключено, что город Тартесс в связи с захватом карфагенянами всей торговли цветными металлами просто потерял свое значение, обезлюдел и превратился в «мертвый город».

Вероятнее всего, датой плавания Колея в Тартесс следует считать вторую половину VII в. до н.э. (примерно 650—630 гг. до н. э). После захвата в 586 г. до н.э. вавилонским царем Навуходоносором Тира, главного города-порта в Финикии, финикийское купечество во многом потеряло свои позиции в Средиземноморье и как торговый конкурент меньше стесняло деятельность греков. Последние в течение примерно полувека прочно держали в своих руках торговлю цветными металлами, приобретаемыми ими в Тартессе. Только усиление влияния карфагенян в Южной Иберии преградили грекам доступ к этой торговле.

Память о богатом и процветающем Тартессе осталась только в строках Библии и «Истории» Геродота.

ГЛАВА 5. ПУНТ— ТАИНСТВЕННАЯ СТРАНА БОГА

Его величество послал меня прорыть пять каналов в Верхнем Египте и построить три грузовых и четыре перевозочных судна из акации Уауата... Я выполнил все за один год. Они были спущены на воду и нагружены до отказа гранитом для пирамиды.

Вельможа Уна, живший на рубеже
XXV и XXIV вв. до н.э. [16, с. 21]

В первой половине III тысячелетия до н.э. корабли древних египтян появились в Красном море. Египтяне стремились достичь таинственной страны Пунт, которую они считали крайней землей на востоке. Там начинали свое движение по небесной сфере светила, для древних египтян — небесные боги. Недаром бога Солнца Амона они величали «князем Пунта», богиню неба Хатхор, дочь бога Ра, «госпожой и владычицей Пунта», а бога Гора — «львом Пунта, священной утренней звездой, восходящей на запад от страны Пунт». Именно поэтому Пунт древние египтяне называли Та-Нутер — «Страной бога». Оттуда доставляли в Египет драгоценные ароматические смолы — ладан, мирра и др., воскурения которых являлись неотъемлемыми элементами всех религиозных церемоний, ценные сорта древесины, диковинных животных.

Ученые до сих пор спорят о том, где находилась эта таинственная страна. Привозимые из Пунта ароматические смолы собирали с деревьев, произраставших на полуострове Сомали и на юго-западе Аравии. Поэтому ученые отождествляют таинственный Пунт как с Сомали, так и с Йеменом в Аравии, а некоторые из них — с обеими странами вместе.

Правда, в настоящее время многие историки придерживаются мнения, что Пунт находился на суданском побережье

Красного моря и его территория включала побережье до северной границы Эритреи и прилегающие районы материка [17, с. 10]. В любом случае, где бы не располагалась эта страна, плавание к ее берегам для древнеегипетских моряков было трудным и опасным делом.

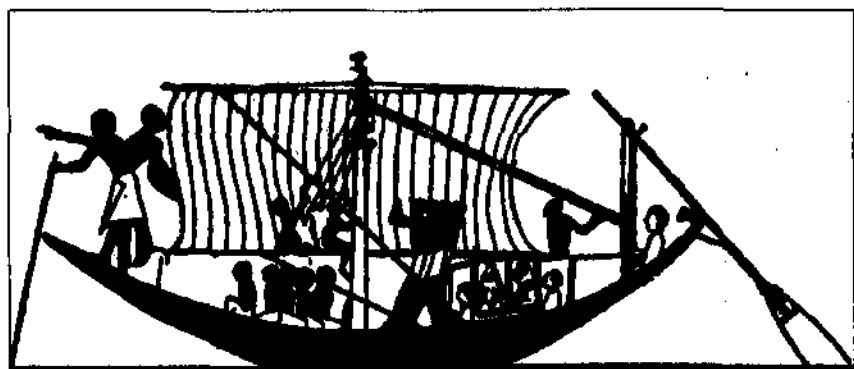
Первое исторически доказанное плавание морских судов Древнего Египта в Пунт состоялось в XXVI в. до н.э. при фараоне Сахура (вполне возможно, что египтяне плавали туда и ранее). Египетские войска к тому времени покорили нынешнюю Аравийскую пустыню, в древние времена покрытую лесами и кустарниковыми зарослями, и вышли на берега Суэцкого залива и Красного моря. Египтяне основали здесь судостроительную верфь. Построенные корабли отправились на юго-восток вдоль берегов Суэцкого залива, а затем поплыли мимо африканского берега Красного моря. Пройдя более 1200 миль, египтяне вышли в Аденский залив.

Судя по надписям на стенах гробниц той эпохи, экспедиция благополучно возвратилась, доставив в Египет из «Страны бога» сказочное богатство: 80 тыс. мер мирры, 2600 стволов ценного черного дерева, 6 тыс. весовых единиц электрона (сплава золота с серебром), а также ароматические смолы и ладан [6, с. 25].

Плаванья в Пунт продолжились и в последующие столетия. Египтяне установили, что в «Страну бога» лучше плыть не из узкого и опасного Суэцкого залива, а из какого-либо пункта на берегу Красного моря, где удобнее строить корабли. Плавание лучше всего было начинать в июне, когда дуют попутные северо-западные ветры, позволявшие добираться до Пунта за 2—3 месяца. А назад возвращаться следовало осенью при менее устойчивых юго-восточных ветрах, так что часть пути приходилось идти на веслах.

Постепенно такие плаванья становились привычным делом для опытных моряков. Так, в одной из надписей времен фараона Пиопи II (XXIII—XXII в. до н.э.) сказано, что «начальник палаты» и флотоводец Хнумхотеп «вместе со своим господином, князем, казначеем бога Тета, одиннадцать раз плывал в Библ, в Финикию и с казначеем бога Хева — в Пунт и возвращался благополучно, посетив эти страны» [18, с. 51].

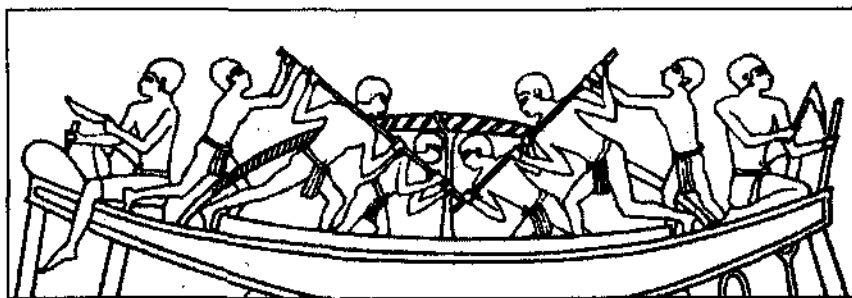
Правда, не всегда такие экспедиции заканчивались удачно. Многие опасности подстерегали египетских моряков на суше и на море по дороге к сокровищам дальних стран.

Древнеегипетский корабль второй половины III тыс. до н.э.
Барельеф из гробницы номарха Хвумхотепа

Не раз враги подстерегали их уже в самом начале путешествия. На стенах гробницы вельможи Пиопинахта, высеченной в скалах на западном берегу Нила напротив о. Элефантина, ученые прочитали надпись, повествующую об одной неудачной экспедиции в Пунт. Фараон Пиопи II направил в Пунт вельможу Ананхета, возглавившего отряд моряков, воинов, носильщиков и слуг. Отряд благополучно достиг берега Красного моря, но во время «строительства грузового корабля [для плавания. — *Авт.*] в Пунт» он подвергся нападению кочевников — местных жителей пустыни. В схватке погибли все египтяне. Вельможа Пиопинахт возглавил карательную операцию против кочевников. Он «обратил в бегство [кочевников. — *Авт.*] и уничтожил людей вместе с отрядом войска, что был с [властителем кочевников. — *Авт.*]» [16, с. 20].

Ранее среди историков существовало мнение, что древние египтяне не умели строить мореходные суда. Исследования, проведенные в XX в., заставили пересмотреть эту позицию. Ученые выяснили, что в начале III тысячелетия до н.э. египетские корабли работали в основном каменными инструментами, хотя все шире стали применяться медные. Об этом свидетельствовала находка семи медных пил в гробнице Джера (I династия) в Саккаре [19, с. 125]. Позже, во II тысячелетии до н.э., основными орудиями египетских судостроителей стали бронзовые пилы, топоры и ножи.

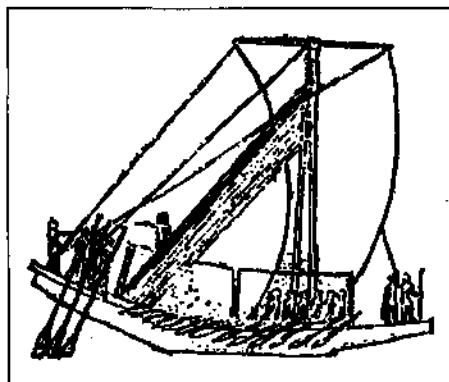

Постройка судна в Древнем Египте. Установка канатной стяжки, обеспечивавшей продольную прочность. Рельеф из гробницы

Как же древние египтяне, используя сравнительно небогатый набор инструментов, строили достаточно прочные деревянные суда для плавания в таинственный Пунт? Они блестяще решили сложную техническую задачу по обеспечению прочности бескилевых судов, у которых отсутствовали основа набора корпуса, килевая продольная балка и ребра-шпангоуты.

Древние египтяне применили для укрепления слабого деревянного корпуса канатные стяжки. Для этого, во-первых, весь корпус судна охватывали и обжимали вдоль бортов канатом, сплетенным из растительных волокон. Чтобы предотвратить перегиб корпуса, на носу и корме укладывали поперечные деревянные брусья, концы которых соединяли коротким канатом, обхватывавшим снаружи корпус. Кроме того, между этими поперечными брусьями натягивали еще один канат, опиравшийся на вертикальные стойки с развилками. Этот канат натягивался при помощи короткого стержня-закрутки, вставленного между его прядями. Таким образом, на корпус как бы надевали корсет из канатных стяжек.

Изучение барельефа, найденного в гробнице трех братьев, которые основали V династию фараонов (ок. 2550 г. до н.э.), позволило несколько расширить наши знания об устройстве древнеегипетских судов того времени. Один из братьев, фараон Сахура, о котором уже упоминалось, велел изобразить на стенах гробницы сцены, рассказывавшие о плавании египтян по Красному морю в страну Пунт. Так до наших дней сохранились изображения судов и своеобразный судовой жур-

Древнеегипетское судно 2500 г. до н.э. Рельеф из гробницы номарха Ти (морского военачальника)

нал с описанием древнего морского путешествия.

Часть судов того времени имела уже палубу, правда не по всей длине судна. Благодаря применению канатных стяжек египтянам уже в те далекие времена удавалось строить мореходные суда довольно значительных размеров. Их длина была от 15 до 25—30 м, ширина доходила до 5—8 м, а осадка была более 1 м. Для сравнения можно отметить, что флагманское

судно Колумба «Санта-Мария» было по размерам не больше этих древнеегипетских судов: его длина, вероятнее всего, была около 25 м, ширина около 8 м. Но ведь Колумб совершил свое плавание через 4000 лет после плавания в Пунт моряков фараона Сахура.

На древнеегипетских судах той поры канат с закруткой проходил под двуногой мачтой, раскрепленной при помощи специальных тросов-растяжек. Вверху две ноги мачты связывали и она имела вид перевернутой рогатки с короткой рукояткой. Такая форма мачты была унаследована деревянными судами от более древних папирусных судов-плотов, где каждая мачтовая нога устанавливалась на своем папирусном бунте-сигаре (такие бунты составляли основу корпуса папирусного судна). На мачте поднимали два рея с высоким и узким прямоугольным парусом.

Эти суда имели на корме до шести рулевых весел, прикрепленных к кормовому помосту, а также по 8—13 гребных весел с каждого борта, которыми гребли стоя без упора, как на современных каноэ. Весла нильских барок, а затем древнеегипетских морских торговых судов и военных кораблей в большинстве случаев обслуживались рабами-военнопленными — «живыми мертвыми», как их называли в Египте. Максимальный темп гребли лучших гребцов составлял на короткое время до 26 тактов в минуту, что позволяло судну развивать ско-

рость около 6,5 узла (12 км/ч) [20, с. 18]. На этих судах в качестве якоря использовали якорный камень — каменный блок пирамидальной формы с отверстием в верхней части для крепления якорного каната.

Плавания египтян в Пунт продолжались и в начале II тысячелетия до н.э. В этот период Пунт даже становится местом действия в одном из произведений древнеегипетской художественной литературы. Именно в XX—XIX вв. до н.э. была написана повесть «О потерпевшем кораблекрушение». Папирусный свиток, на котором была записана повесть, приобрел русский египтолог В.С. Голенишев. Он и опубликовал впервые текст повести в начале XX в.

В папирусе рассказывается о путешествии египетского моряка и гибели его судна в Красном море или, может быть, в Индийском океане: «Я расскажу о случившемся со мною, когда я отправился в рудники царя. Я спустился к морю на корабле в 150 локтей длиной и 40 шириной [примерно 75 м и 20 м, видимо, размеры судна рассказчик завысил по сравнению с размерами действительно плававших по Красному морю древнеегипетских судов. — *Авт.*]. На нем было 150 матросов, самых отборных в Египте. Они видели небо, они видели землю, и сердца их были мудрее львов. Они предсказывали бурю раньше, чем она наступала, и непогоду — прежде, чем она появлялась. Буря разразилась, когда мы еще были в море и не успели причалить. Налетел ветер и поднял волны до 8 локтей. Я схватил пучок дерева, а все бывшие на корабле погибли. Никто из них не спасся. Меня волна выбросила на остров. Здесь я оставался три дня один, имея спутником только собственное сердце. Я заснул в кустах, и тень объяла меня... Я услышал звук грома и подумал, что это рокот волн. Деревья трещали, земля содрогалась. Я открыл лицо и увидел, что идет змей в 30 локтей, с бородой более чем в два локтя... Он сказал мне: «Не бойся, не бойся, малый, не беспокойся... ты проведешь здесь месяц за месяцем, пока не окончишь внутри этого острова четыре месяца. Тогда из столицы придет корабль; на нем будут матросы, которых ты знаешь... Я царь Пунта... мне принадлежит мирра и благовонные масла... их много на этом острове...». Корабль прибыл, как он предсказал... он дал мне груз из мирры..., мази для глаз, жирафьих хвостов, большое количество ладана, слоновой кости, собак, обезьян и вся-

ких дорогих вещей. Я нагрузил это на корабль и упал на живот, благодаря его. Он мне сказал: «Ты прибудешь в столицу через два месяца, ты обнимешь своих детей» [21, сс. 8,9].

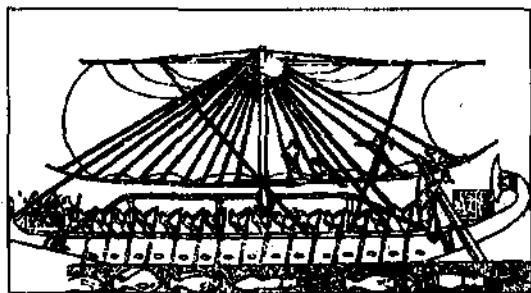
Примерно на 200—300 лет прекратились плавания древних египтян в Пунт. В XVIII—XVI вв. до н.э. Древний Египет пережил полосу смут и иноземного завоевания. Возобновление посещения «Страны бога» связывают с правлением царицы Хатшепсут, о незаурядной личности которой будет рассказано далее.

К середине II тысячелетия до н.э. египтяне значительно усовершенствовали конструкцию своих морских судов. Вполне возможно, что они что-то переняли в конструкции кораблей у финикийских мореходов. Корпуса египетских судов стали прочнее, так как для постройки в большей степени стали применять в качестве продольных связей длинные деревянные балки и доски, вытесанные из стволов ливанского кедра. Поперечная прочность корпуса была усилена за счет установки мощных поперечных балок-бимсов.

В составе корпуса появились носовой и кормовой брусья в виде своеобразных «фальшивых» приставных форштевня и ахтерштевня. На них были сделаны углубления, куда входили концы досок обшивки. Уменьшился носовой свес. На носу и корме наносились магические рисунки. Они должны были предохранить судно от повреждения в непогоду и от всяких других напастей, которые подстерегали моряков.

Благодаря усилению конструкции корпуса стало возможным отказаться от части обжимавших корпус канатных стяжек. Остался продольный канат на стойках, который обтягивал стяжки на носу и корме, представлявшие из себя канат, обернутый несколько раз вокруг корпуса. Эти стяжки устанавливались во избежание чрезмерного продольного изгиба корпуса на волне.

То, что египтяне в этот период отказались от двуногой мачты и заменили ее обычной одинарной, что облегчило управление парусом и маневрирование судна, явно свидетельствует о наличии в составе корпуса достаточно прочной килевой балки, к которой крепилось основание мачты. Иначе трудно представить себе крепление вертикально стоявшего шеста с парусом, испытывавшего значительные нагрузки от воздействия ветра на парус [9, с. 38]. По всей видимости, помимо

Древнеегипетский корабль XVI — XV вв.
до н.э. Фреска из храма Дер эль-Бахри

этого мачта крепилась тросом к усиленному поперечному бимсу, а также при помощи канатных растяжек в нос и корму.

Крепкая мачта несла четырехугольный парус, невысокий, но очень широкий, укрепленный на двух длинных сильно изогнутых реях, причем каждый рей представлял из себя два связанных вместе тонких бруса. Такой составной рей позволил увеличить его длину, не используя при этом массивные и тяжелые брусья, а, следовательно, позволил увеличить ширину паруса, а следовательно и скорость движения судна [9, с. 38]. При попутном ветре парус на таких двух реях надувался, принимал форму цилиндрической поверхности и поэтому лучше работал. Водоизмещение древнеегипетских морских судов этого периода достигало 60—90 тонн.

На верхнем бруссе корпуса вдоль бортов крепились небольшие колышки-уключины, к которым привязывались короткие гребные весла с копьевидными лопастями. Число рулевых весел сократилось до двух. Рулевые весла стали закреплять в специальных петлях, верхняя из которых размещалась на особом рулевом столбе в кормовой части судна, а нижняя на борту. Разворачивая весло вокруг его продольной оси и изменяя тем самым площадь сопротивления встречному потоку воды, можно было менять направление движения судна.

Появился также румпель, игравший роль рычага и облегчавший работу рулевого. На больших судах румпели рулевых весел связывали друг с другом, чтобы рулевому было удобнее править судном. Знакомство с деталями устройства рулевых весел позволяет нам еще раз убедиться в мастерстве древне-

египетских судостроителей и продуманности каждого элемента конструкции древних кораблей.

Известный ученый и путешественник Тур Хейердал, вспоминая о плавании через Атлантический океан на папирусном плоту «Ра», писал, что «лишь после того, как громадная волна все же переломила одно из толстенных рулевых весел «Ра II», опыт научил нас, что внизу, на уровне палубы, следовало крепить весло более тонким линем, чем наверху на мостике, — тогда мощная волна порвала бы лить, а весло просто отнесло бы в сторону и мы легко закрепили бы его снова.

Когда мы по возвращении рассказали Б. Ландстрему о практическом решении единственной испытанной нами проблемы с рулевыми веслами, он тотчас понял смысл одной детали, которую не раз наблюдал на древнеегипетских изображениях. Копируя многочисленные рисунки, он обратил внимание на странный факт: как правило, внизу рулевые весла явно крепились более тонкими веревками или меньшим количеством витков, чем наверху. Он не подозревал, что это неспроста, пока не услышал от нас, что крепления должны быть разной толщины и нижнее играет роль предохранителя» [22, с. 17].

Именно на таких морских судах, о которых рассказано выше, в конце XVI или в самом начале XV в. до н.э. крупную экспедицию в Пунт отправила царица Хатшепсут, которую историк Дж.Г. Брестед вполне справедливо назвал «первой великой женщиной, которую мы встречаем в истории» [6, с. 25]. Расскажем об этой незаурядной женщине подробнее, используя данные, приведенные в статье В.А. Большакова «Царица Хатшепсут» [23].

Она была дочерью воинственного фараона Тутмоса I (правил в 1524—1518 гг. до н.э.), совершившего успешные военные походы в Нубию и Переднюю Азию и воздвигшего в честь своих побед памятную стелу на берегах Евфрата. После смерти Тутмоса I власть перешла к его сыну Тутмосу II (правил в 1518—1504 гг. до н.э.), сводному брату Хатшепсут, ставшему ее мужем. Такие браки были обычны у древнеегипетских фараонов. После замужества в возрасте, вероятно, от 15 до 20 лет Хатшепсут стала «великой царской супругой».

Слабый здоровьем, Тутмос II умер, оставив после себя у власти малолетнего сына Тутмоса III от побочной жены Исет

и опытную царицу Хатшепсут, которая возложила на себя обязанности регента. На памятниках той поры Хатшепсут изображалась позади фигуры Тутмоса III под титулами царицы и великой царской супруги.

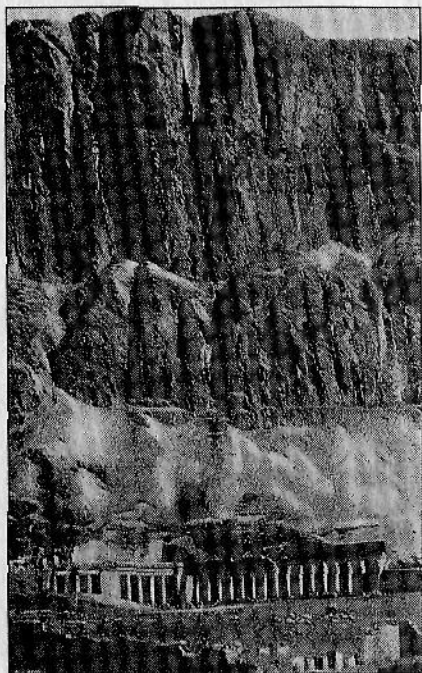
Именно такое положение Хатшепсут отразил в своих записях придворный архитектор и судостроитель Инени: «Сын его [Тутмоса II. — *Авт.*] стал на месте его в качестве царя Обеих Земель [Верхнего и Нижнего Египта. — *Авт.*]. Стал он властвовать на престоле зачавшего его. Сестра его, супруга бога [один из важных титулов египетских цариц. — *Авт.*] Хатшепсут осуществляла заботу о стране. Обе Земли [жили. — *Авт.*] по замыслам ее, работали для нее, Египет — в усердии великом! Семя бога полезное [то есть Хатшепсут. — *Авт.*], вышедшее из него! Носовой канат Юга, причальный кол южан, кормовой канат этой превосходной земли Северной [то есть Египет сравнивается с огромным кораблем. — *Авт.*].

Владычица приказаний, превосходная замыслами своими; та, согласно речи которой постоянно [пребывают. — *Авт.*] довольными Оба Берега [то есть Египет. — *Авт.*]» [24, с. 91].

Постепенно Хатшепсут заручилась поддержкой влиятельных вельмож при дворе. Она полностью закрепила за собой управление всеми делами в стране, удалив от реальной власти своего племянника. Ученые предполагают, что Хатшепсут прекратила экспансионистскую политику, характерную для предшествующих властителей, так что во время ее царствования Египет не вел захватнических войн. Возможно, именно с этими изменениями в политике и связано оживление торговых связей со страной Пунт.

Чтобы утвердить свое новое положение, через пять лет после начала царствования Тутмоса III и своего регентства Хатшепсут приказывает изображать себя уже в облике царя-мужчины со всеми знаками власти фараонов. Религиозные традиции предписывали, чтобы правящий фараон отождествлялся с богом Хором, но новая царица-фараон в ряде надписей именовалась Хором женского пола, что являлось явным разрывом с традицией. В скульптурах и рельефах этого периода она изображена в мужских одеждах и в соответствии с правилами изображения мужского тела в отличие от ранних ее статуй.

Историк В.А. Большаков, анализируя дошедшие до нашего времени изображения Хатшепсут, попытался воссоздать ее

**Храм царицы Хатшепсут.
Начало XV в. до н.э.**

истинный портрет: «Изящный, суживающийся к маленькому подбородку овал лица, отличительные для египтянки миндалевидные глаза, тонкий выступающий нос, узкие слегка улыбающиеся губы и длинные черные волосы» [23, с. 144].

Судя по найденным древним надписям, после возведения Хатшепсут в ранг фараона жрецы бога Амона заявили, что Хатшепсут была избрана в наследницы еще Тутмосом I и что у нее божественное происхождение от царицы Яхмес и царя богов Амона, принявшего облик фараона Тутмоса I.

Вероятно, сама Хатшепсут считала организованную ею морскую экспедицию в Пунт одним из значительнейших событий своего царствования.

Поистине большая удача, что до нашего времени сохранились надписи и рельефы знаменитого храма Дер эль-Бахри, посвященные описанию плавания кораблей экспедиции.

Этот великолепный храм, расположенный на западном берегу Нила, Хатшепсут стала строить на восьмой год правления после своего посвящения в фараоны. Храм должен был олицетворять ее могущество и величие. В первую очередь он посвящался Амону и Ка царицы — ее двойнику (душе), представление о котором составляло важную и неотъемлемую часть мировоззрения и религии древних египтян. В этом же храме поклонялись богам Ра, Хатор, Анубису и обожествленному Тутмосу I. Украшенный коллонадами портиков террасный храм прекрасно вписался в окружающий скальный ландшафт западного берега Нила. Храм украшали многочисленные полихромные рельефы, 200 статуй, 22 сфинкса, 40 ста-

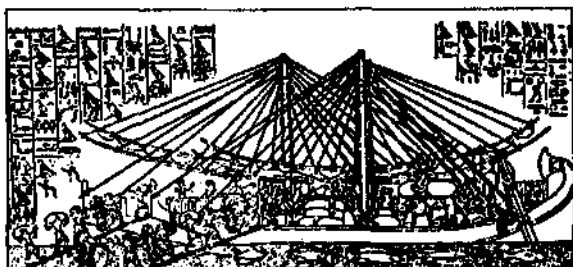
туй, изображавших сидящую или коленопреклоненную царицу, около 120 сфинксов установлены были во дворах и по дороге [25, сс. 232, 237].

Руководителем постройки этого чудесного храма считается приближенный царицы архитектор и крупный сановник Сенмут. Он же являлся одним из главных организаторов экспедиции в Пунт. Любопытно, что именно на храмовых террасах были посажены деревья мирры и разные благовонные растения, вывезенные египтянами из Пунта, так что после этого весь облик местности вокруг храма напоминал «Страну бога».

Экспедиция в составе пяти 30-весельных кораблей, на которых размещались отряды солдат, возглавил вельможа — «царский посол». На одном из кораблей везли огромную каменную статую царицы-фараона, ее собирались установить на далеком берегу Пунта.

От какого места отплыли корабли экспедиции? По этому поводу однозначного ответа у историков нет. Дж. Г. Брэстед считал возможным, что корабли вышли из Фив по Нилу и возвратились тем же путем, используя для прохода в Красное море канал между Нилом и этим морем. Он, как и ряд других историков, считал, что в эпоху Хатшепсут египтянам не нужно было совершать утомительный марш через пустыню к берегам Красного моря и там строить корабли. Флотилия поплыла по Нилу, а затем по каналу, соединявшему «Хапи-дышащую реку» (так называли древние египтяне Нил) с Красным морем. Канал, который строили 120 тыс. человек, был прорыт египтянами еще в конце III тысячелетия до н.э. Эти историки предполагают, что он был годен к использованию и во времена Хатшепсут.

Существует и другое мнение по этому поводу. Р. Хенниг и ряд других историков опровергают эту версию и утверждают, что соединительный канал мог появиться не ранее XIII в. до н.э. и что участники экспедиции в Пунт добирались до побережья Красного моря по суше, а там грузились на корабли. Сухопутный участок пути, по их мнению, проходил от Копта, который находился в той части долины Нила, где она ближе всего подходит к берегу Красного моря, до Левкос-Лимена (современный Кусейр). После завершения плавания участники экспедиции должны были возвращаться тем же путем. В лю-

Погрузка древнеегипетских судов перед отплытием из Пунта. Рельеф из Дер эль-Бахра

бом случае дальнейший путь в страну Пунт шел по Красному морю на юг вдоль африканских берегов.

По прибытии в Пунт «царский посол» вступил в переговоры с «великими» (то есть вождями) местных племен. На храмовых рельефах изображен владыка Пунта Пареху, его жена Итии, два его сына и дочь. Вожди Пунта вопрошают прибывших: «Зачем прибыли вы сюда в эту чужеземную страну, которая неведома людям? Шли ли вы дорогой неба, [плыли. — *Авт.*] ли по воде и [шли. — *Авт.*] по земле?» Египтяне прекрасно понимали, что могут увезти с собой богатства местного растительного и животного мира только с согласия и с помощью местных жителей. По словам автора храмовой надписи, они приглашали их посетить Египет. Надписи на рельефе, изображавшем шатер царского посла, установленный на берегу Пунта, свидетельствуют о стремлении египтян задобрить вождей Пунта: «Приготовление шатра для царского посла и его войска на террасе, [где растет. — *Авт.*] мирра в Пунте, на берегу моря, чтобы принимать вождей этой страны. Переданы для них хлеб, пиво, вино, мясо, фрукты и всякие вещи, находящиеся в Та-Мери [одно из обозначений Египта, в переводе «любимая земля». — *Авт.*], согласно повелению владыки, да будет он жив, благополучен и здоров» [17, с. 14].

Мировое дерево удостоилось от египтян особого приглашения: «Отправляйся с нами, дерево, находящееся в Земле бога, в дом Амона [то есть в Египет. — *Авт.*]! Будет место твое там, станешь ты расти ради Мааткара [тронное имя Хатшепсут. — *Авт.*] в ее саду вокруг храма, так как послано ты ради ее

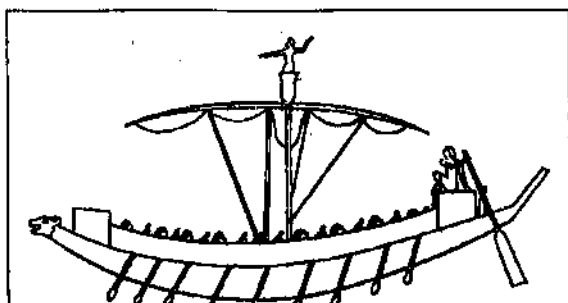
отца [то есть ради божественного отца Хатшепсут — бога Амона. — *Авт.*]» [17, с. 14].

Изображения и надписи подтверждают, что египтяне выкапывали и переносили на корабли мировые деревья. Наверное, это один из первых случаев, когда человек перевез деревья в корзинах с землей на значительное расстояние морем и высадил их в грунт на новом месте.

Один из рельефов изображал сцену погрузки судов перед отплытием из Пунта. Под ним надпись: «Нагружаются корабли весьма тяжело вещами прекрасными чужеземной страны Пунт, всякими прекрасными растениями Земли бога, грудой [смолы. — *Авт.*] мирры с деревьев мирры, эбеновым деревом и чистой слоновой костью, зеленым золотом [египетское обозначение электрона. — *Авт.*] [земли. — *Авт.*] Аму, [растениями. — *Авт.*] тишепес и хесит, [благовониями. — *Авт.*] ихмут, ладаном, черной краской для глаз, павианами, мартышками, собаками, многочисленными шкурами леопардов, [местными. — *Авт.*] жителями и их детьми. Никогда не приносилось подобного этому для какого-либо царя, жившего прежде во времена древности» [17, с. 15].

Кроме этих богатств, на рельефах храма изображены вывезенные из Пунта в Египет птицы на высоких лапах, возможно страусы, живые пантера и гепарды, страусовые перья и яйца, жираф, а также 3300 голов скота [17, с. 17].

Морская экспедиция в Пунт, доставившая в Египет такие несметные богатства, произвела, видимо, большое впечатление на современников. Судя по заключительной надписи к храмовым рельефам Дер эль-Бахри, Хатшепсут сама принимала привезенные из Пунта богатства, взвешивая золото и мирру: «Сама царица Мааткара [Хатшепсут. — *Авт.*] берет крупицы золота, накладывает и распределяет груды, первые предназначаются для места прекрасного, осматривает свежую мирру для Амона, владыки тронов Обеих земель, владыки неба, весь первый урожай, принесенный как чудо чужеземной страны Пунт, который владыка Шмуна Тот [бог мудрости, письма, Луны. — *Авт.*] определил и записал, а Сефхет-абуи [одно из египетских имен богини письма Сешат, обычно записывала добычу походов фараонов. — *Авт.*] подсчитала. Ее величество сама сделала [это. — *Авт.*] своими руками. Лучшая мирра на всем ее теле, ее благоухание как благоухание бога, запах

**Самое древнее изображение
древнеегипетского военного корабля
XIII — XII вв. до н.э. Барельеф
в храме дворца Мединет-Абу**

ее происходит из Пунта, кожа ее позолочена электроном и сверкает, как [то. — *Авт.*] делают звезды внутри храмового праздничного двора, перед лицом всей земли» [17, с. 18].

В эпоху правления Хатшепсут помимо знаменитого храма Дер эль-Бахри были построены различные храмовые сооружения в других городах страны.

Известно, что кончина царицы-фараона произошла между 20 и 22-м годами правления Тутмоса III. Видимо, на 22-м году правления он стал править один без Хатшепсут. Традиционно считалось, что Тутмос III после кончины соправительницы нещадно выкорчевывал всякую память о ненавистной мачехе-тетке, приказывая уничтожать ее статуи, изображения и имена. Но В.А. Большаков убедительно, на наш взгляд, утверждает, что он, скорее всего, «убирал памятники Хатшепсут не по личным мотивам, а руководствовался политико-религиозными соображениями, поскольку неестественное существование женщины-фараона противоречило мировоззрению древних египтян и не соответствовало идее космического миропорядка, где все занимало соответствующее место» [23, с. 146]. Он отмечает в связи с этим, что имена и изображения Хатшепсут в качестве царицы, а не фараона остались не уничтоженными.

Такой осталась в исторической памяти древнеегипетская царица-фараон Хатшепсут, одна из первых в истории феминисток, провозгласившая равенство с мужчинами в сфере государственно-религиозной идеологии, и с именем которой связано одно из выдающихся плаваний древнеегипетских моряков.

ГЛАВА 6. ПЛАВАНИЕ В ДИЛЬМУН— РАЙСКУЮ СТРАНУ ДРЕВНИХ ШУМЕРОВ

*Непорочна страна Дильмун,
Чиста страна Дильмун,
Священна страна Дильмун.*

Из шумерского сказания
III тысячелетия до н.э.

В мифах и сказаниях древних шумеров, проживавших в конце IV—III тысячелетия до н.э. в Южной Месопотамии в долинах рек Тигр и Евфрат, неоднократно упоминается сказочная страна Дильмун, где обитали боги и герои. Крупнейший исследователь в области шумерской литературы и письменности американский профессор Сэмюэль Н. Крамер, кстати родившийся в России, сумел в 1945 г. разобрать текст шумерского сказания «Энки и Нинхурсаг», написанного клинописью на глиняной табличке.

События, описанные в мифе, происходят в Дильмуне, и сказание начинается с восхваления этой страны:

Священные города — вручи их ему
[видимо Энки, великому шумерскому богу воды. — Авт.],
Священная страна Дильмун.
Священный Шумер даруй ему,
Священная страна Дильмун...

[26, с. 74]

Дильмун — «светлая страна живых» — священен, потому что там нет хищных зверей, нет болезней, нет старости:

В Дильмуне ворон не каркает,
Птица «иттидду» не кричит,

Лев не убивает,
 Волк не хватает ягненка,
 Дикая собака, пожирательница козлят,
 здесь не живет, [кабан. — *Авт.*],
 Пожиратель зерна здесь не живет.
 Вдов здесь нет...
 Голубь не прячет голову,
 Нет таких, которые бы говорили: «У меня болят глаза»,
 Нет таких, которые бы говорили: «У меня болит голова»,
 Нет старухи, которая бы говорила: «Я стара»,
 Нет старика, который бы говорил: «Я стар».
 Девы не омываются, прозрачная вода не струится по городу,
 Пересекающий реку [смерти. — *Авт.*]
 не произносит [слов прощания. — *Авт.*],
 Вокруг него не ходят с рыданиями жрецы,
 Певец не возносит жалоб,
 У стен города он не сетует и не плачет.

[27, с. 172]

Но вначале в стране не было воды, без которой не могли существовать растения и животные. Поэтому бог Энки приказал богу Солнца Уту доставить в Дильмун воду с земли.

Энки объявляет своей дочери Нин-сикилле (а из другой поэмы известно, что он назначил ее быть богиней-покровительницей Дильмуна) свое повеление:

Пусть Уту, пребывающий в небесах,
 Доставит тебе сладкую воду из земли, из подземных источников вод;
 Пусть наполнит водой твои обширные водохранилища;
 Чтобы город твой пил из них воду в достатке;
 Чтобы Дильмун пил из них воду в достатке;
 Пусть твои колодцы с горькой водой станут колодцами сладкой воды;
 Пусть пашни и поля твои отдадут тебе свое зерно;
 Пусть твой город станет «домом кораблей» обитаемой земли.
 Повеление Энки исполняется, и Дильмун превратился в божественный сад, где зеленые поля перемежались с цветущими лугами.

[26, с. 75]

В райском саду богов великая богиня-мать Нинхурсаг вырастила 8 божественных растений. В ходе их выращивания на свет появились три поколения богинь, зачатых богом воды, причем на свет они появились без страданий и мук.

Энки пожелал отведать божественных растений, выращенных Нинхурсаг. Его посланец срывает необычайные побеги один за другим, и Энки съедает их все без остатка.

Этот кощунственный поступок вызвал гнев великой богини-матери, она прокляла Энки и обрекла его на смерть, а для того, чтобы не изменить своего решения, она покинула общество богов.

Здоровье Энки начало ухудшаться, 8 его органов поразила болезнь. Остальные боги погрузились в траур. Даже царь всех шумерских богов, бог воздуха Энлиль не мог помочь Энки. Но тут появилась лиса и заявила, что за вознаграждение сможет найти Нинхурсаг. И действительно, она каким-то способом (этот отрывок текста, к сожалению, поврежден на глиняной табличке) убеждает богиню-мать возвратиться к богам и исцелить умирающего Энки. Нинхурсаг садится рядом с ним, спрашивает, какие части тела у него болят, и, по мере того как он их называет, производит на свет соответственно 8 исцеляющих божеств. Энки выздоравливает, смерть ему больше не грозит [27, сс. 169, 170].

Фигурирует Дильмун и в шумерском мифе о потопе. Правда, дошедшая до наших дней глиняная табличка, на которой записан этот миф, оказалась поврежденной и часть текста отсутствует. Но основное содержание ученые разобрали. Передадим его в изложении профессора С.Н. Крамера.

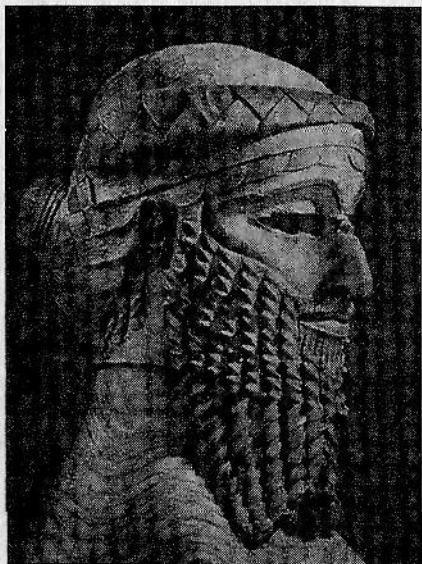
«Когда Ан [верховное божество шумеров — бог неба. — *Авт.*], Энлиль, Энки и Нинхурсаг.

Создали черноголовый народ [так называли себя сами шумеры. — *Авт.*].

Пышная растительность покрыла землю.

Животные, четвероногие [обитатели. — *Авт.*] равнины были искусно сотворены».

В отсутствующих строках, видимо, говорилось о решении богов ниспослать на землю потоп и уничтожить род человеческий. Затем в тексте сказано, что некоторые боги были недовольны и опечалены таким жестоким решением. Так, Нинту (одно из имен Нинхурсаг — «госпожи, давшей жизнь») за-

**Бронзовая фигура
шумерского царя**

рыдала, а богиня любви и войны «божественная Инанна» заплакала о своем народе.

И тут в мифе появляется набожный и богобоязненный царь Зиусудра (так сказать, шумерский предшественник библейского Ноя). Божественный голос возвестил ему о решении богов обрушить на землю потоп, дабы «уничтожить семя рода человеческого». Зиусудре голос предписал построить огромный корабль, чтобы спастись самому и спасти животных и растения. Царь вовремя и в точности выполнил предписания божества:

Все бури с небывалой силой разбушевались одновременно.

И в тот же миг потоп залил главные святилища.

Семь дней и семь ночей

Потоп заливал землю,

И огромный корабль ветры носили по бурным водам.

Потом вышел Уту [бог Солнца. — *Авт.*],

тот, кто дает свет небесам и земле.

Тогда Зиусудра открыл окно на своем огромном корабле,

И Уту, герой, проник своими лучами в огромный корабль.

Зиусудра, царь,

Простерся перед Уту,

Царь убил для него быка, зарезал овцу.

В заключительных строках таблички описано обожествление Зиусудры:

Зиусудра, царь,

Простерся перед Аном и Энлилем.

Ан и Энлиль обласкали Зиусудру,

Дали ему жизнь, подобно богу,
 Вечное дыхание, подобно богу, принесли для него свыше.
 Потом Зиусудру, царя,
 Спасителя имени всех растений и семени рода человеческого,
 В страну перехода, в страну Дильмун, где восходит солнце,
 они поместили.

[27, сс. 176, 179, 180]

Жаль, что остальная часть таблички разрушена и мы ничего не знаем о жизни Зиусудры в райской стране — обители бессмертия Дильмуне.

Вместе с тем в шумерских мифах Дильмун существует и в качестве реальной страны. Так, в мифе об Энки, боге воды, водяной бездны (бездонного моря-океана), в то же время боге мудрости, созидания, привнесшего в жизнь людей культуру и цивилизацию, он сам себя прославляет:

«Я принес искусство ремесел в мой [храм. — *Авт.*] Абзу [по-шумерски «бездна». — *Авт.*], в Эриду [город, где находился главный храм Энки. — *Авт.*].

Я — истинное семя великого дикого быка, старший сын Ана,

Могучий ураган, низвергающийся в «великое подземное [царство. — *Авт.*]», великий правитель Земли,

Первый среди вождей, отец всех стран,

«Старший брат» богов, ниспосылающий благоденствие,

Подводящий счета всей вселенной,

«Ухо» и «разум» всех стран...

Я повелитель, твердый в своих решениях, в их исполнении,

По моей воле воздвигнуты хлева, огорожены загоны для овец,

Я приближаюсь к небесам, и дождь льет с высоты,

Я приближаюсь к земле, и разливается могучий паводок...

Страны... Маган и Дильмун взирали на меня,

Суда Дильмуна привозили лес,

Суда Магана нагружены до неба,

Барки «магилум» из Меллухи

Везут золото и серебро,

Привозят все в Ниппур [город, где находился главный храм Энлиля. — *Авт.*] для Энлиля, царя всех земель» [27, сс. 117, 118].

Название Дильмун как реальной страны впервые встречается в тексте надписи Ур-Нанше — царя шумерского города-государства Лагаша, жившего в конце XXVI в. до н.э.: «Корабли Дильмуна из чужих стран доставляли мне дань в виде леса» [26, с. 47].

Одна из надписей, обнаруженная в Двуречье, содержит сведения о деятельности царя Саргона Аккадского (время правления 2316—2261 гг. до н.э.): «До пределов моря корабли Мелуххи [наиболее вероятно отождествляется с древними городами в долине Инда и на западном побережье Индии. — *Авт.*], корабли Магана [наиболее вероятно, что это Оман на юго-востоке Аравии. — *Авт.*] и корабли Дильмуна он причалил к пристани перед городом Аккадом [столица Саргона в Южном Двуречье. — *Авт.*]» [28, с. 222].

Так где же располагалась эта таинственная страна Дильмун? Ученые думали об этом уже во второй половине XIX в., когда была расшифрована древняя клинопись и достигнуты первые успехи в расшифровке древнеперсидского, вавилонского, ассирийского и, наконец, самого древнего шумерского языков.

Один из тех, чьи исследования привели к открытию секретов и расшифровке древней клинописи, сэр Генри Роулинсон высказал еще в 1880 г. пророческую догадку по этому поводу: «Следует указать, что на ассирийских табличках (плитках), от самых древних до самых последних, постоянно упоминается остров, именуемый на аккадском языке Нидукки, на ассирийском языке Тильвун или Тильмун, и название это несомненно подразумевает «Бахрейн» [26, с. 31].

В 1946 г. такую же версию высказал американский историк П.Б. Корнуолл. Он тщательно проанализировал все имевшиеся к тому времени в его распоряжении древние письменные источники и пришел к выводу, что легендарный Дильмун можно отождествить с Бахрейнскими островами [29, с. 359].

Во многом интуиция этих ученых основывалась на анализе ряда древних надписей, в том числе и клинописного текста на алебастровых плитах, найденных еще в 1843 г., который сообщал о походах другого Саргона — царя Ассирии (время правления 721—705 гг. до н.э.) и позволил даже уточнить расстояние от морского побережья Южного Двуречья до таинственного Дильмуна: «Я подчинил своей власти Бит-Иакин на

Походы Саргона и Саргонидов

берегу Горького моря [Персидского залива. — *Авт.*] до самых границ Дильмуна». Далее он сообщил, что покорил «Бит-Иакин, север и юг страны», вплоть до «четырех городов на эламской границе», после чего повелел одному из своих полководцев воздвигнуть крепость у «Саглата, на эламской границе». А затем в надписи сказано: «Упери, царь Дильмуна, обитель которого находится, словно рыба, в тридцати двойных часах посреди моря восходящего солнца, услышал о моем могуществе и прислал свои дары».

Значит, хотя царь Дильмуна жил на острове, его владения включали также часть материка, раз у них была общая граница с Бит-Иакином. Из текста на табличках ясно, что Бит-Иакин находился к югу от Вавилонии, помещался он «на берегу Горького моря» и у него была общая граница не только с Дильмуном, но и с Эламом, а последний размещался на территории нынешнего Ирана.

Из надписей царя Синнаххериба — сына и преемника Саргона Ассирийского ученые выяснили, что приморские области Бит-Иакина находились на аравийской стороне Персидского залива, а его общая граница с Эламом помещалась к северу от залива. Тогда материковый Дильмун следует отождествлять с аравийским побережьем к югу от Бит-Иакина.

Расположение островной части Дильмуна помогает уточнить упоминание о 30-и двойных часах хода до него. Дж. Биби считает, что если двойной час означает два часа плавания в Персидском заливе, то предполагаемое по тексту расстояние совпадает с фактическим расстоянием от объединенного устья рек Тигр и Евфрат (Шатт-эль-Араб) до Бахрейна (264 мили или 488,9 км).

Для Персидского залива наиболее типичен устойчивый северо-западный ветер «шамал». В общей сложности он дует не менее девяти месяцев в году, обычно 4 дня из каждых пяти. При таком ветре средняя скорость 4,4 узла (1 узел = 1 миля/ч = 1852 м/ч) в течение 60 часов плавания вполне достижима. Современные арабские парусно-моторные суда-дау, определенно более быстроходные, чем древние суда, проходят этот путь за 48 ч [26, сс. 45—47].

Уместно заметить, что при плавании от Бахрейна на север попутные ветры значительно менее устойчивы, так как антипод «шамалья» — резкий юго-восточный ветер «шарки» не ста-

билен и период его действия невелик, а главное, он легко переходит в шторм. Значит, экипажам древних судов при плавании от Бахрейнских островов на север приходилось чаще братья за весла.

Весомым подтверждением того, что Дильмун шумерских мифов и Дильмун — реальное государство отождествляются с Бахрейном и прилегающими к нему участками Аравийского полуострова, явились результаты многолетних исследований в этом регионе датской археологической экспедиции под руководством Джеффри Бибби в 1953—1968 гг.

За сравнительно небольшое время — полтора десятка лет эта экспедиция сделала очень существенные открытия. В районе от Кувейта на севере до Омана на юге были обнаружены и раскопаны поселения и могильники совершенно неизвестной до этого древней цивилизации III — первых столетий II тысячелетия до н.э. — «Культуры Барбар». Центром ее был, вероятнее всего, о. Бахрейн. Дж. Бибби удалось убедительно доказать отождествление этой вновь открытой цивилизации с легендарной страной Дильмун. Изучение обнаруженных в ходе раскопок многочисленных находок — стеатитовых печатей, бус, изделий из меди и слоновой кости подтвердило гипотезу о том, что в III—II тысячелетиях до н.э. Бахрейн-Дильмун играл важную посредническую роль в оживленной морской торговле между древними державами Месопотамии, Индии, Южной Аравии. Тем более что в 70-х гг. прошлого века датские археологи во главе с П. Глобом и Дж. Бибби раскопали на Бахрейне засыпанные песком остатки древнего портового города, улицы которого, как принято у солнцепоклонников, были ориентированы на север—юг и восток—запад. Главные ворота соединяли городскую площадь с экономическим центром города—портом. Раскопаны были портовые склады, древняя «таможня».

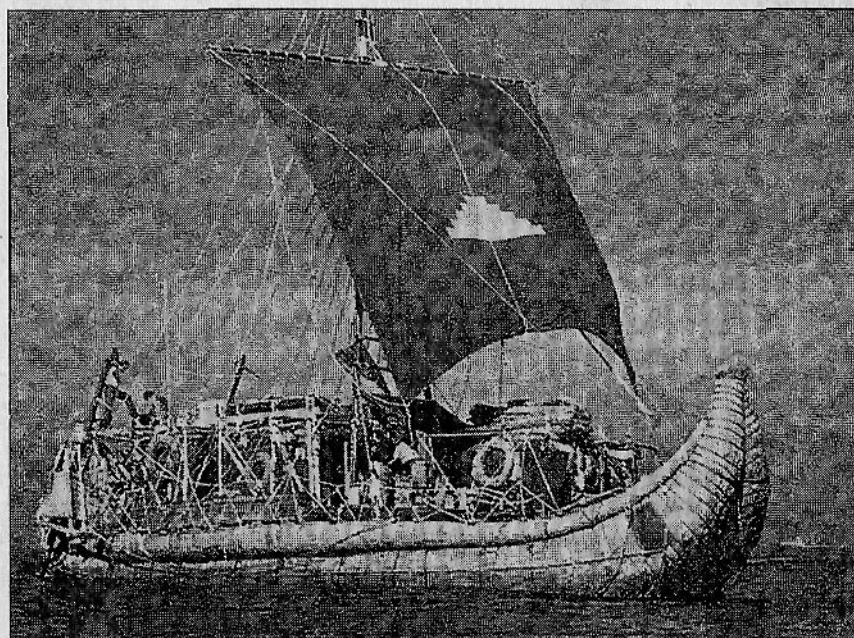
Археологи обнаружили, что защищенный бассейн гавани, расположенный в черте города, представлял собой выемку, выбранную в каменистом грунте за обращенной к морю городской стеной, игравшую роль мола. Малые глубины в остальной части гавани делали ее недоступной для килевых судов, но открытой для мелкосидящих камышовых судов, корпус которых состоял из обвязанных бунтов. Ученые посчитали, что такие суда могли свободно входить в гавань во время

прилива и ложились на дно в отлив, что, видимо, облегчало их разгрузку и погрузку [29, с. 361; 30, с. 155; 31, с. 52].

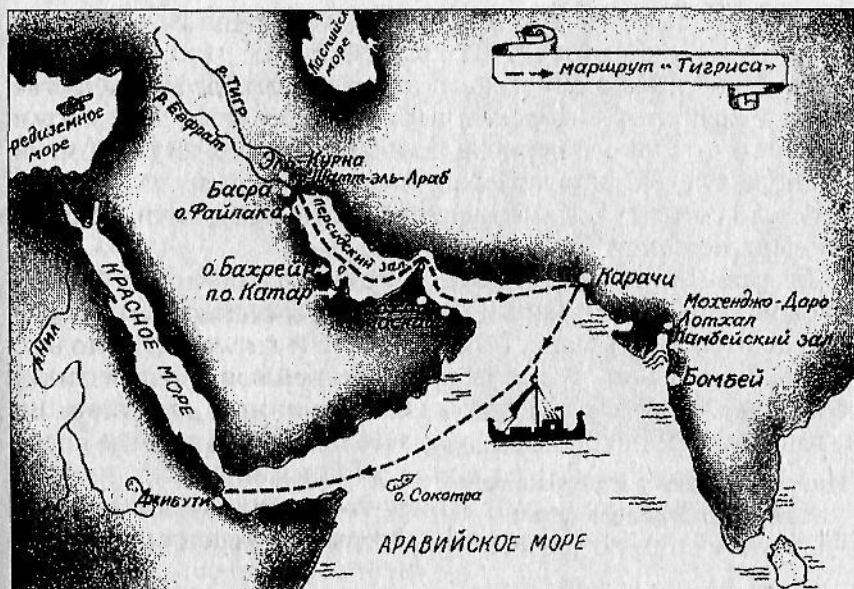
Наличие в районе древнего порта несметного количества медных крупинок в морском песке подтвердило, что здесь в течение длительного периода производилась перегрузка меди с одного судна, пришвартованного к причалу, на рядом стоявшее, то есть с судна, доставившего медь в Дильмун, на суда, пришедшие в порт за ценным металлом.

Безусловно, приходили в Дильмун и суда из Индии. О многовековых связях Шумера и Дильмуна с бассейном Инда сейчас уже известно немало. В III — начале II тысячелетия до н.э. в Западной Индии существовала древнейшая цивилизация, созданная, вероятно, предками современных дравидов. Ее называют харапской по названию селения Харappa, где впервые были обнаружены развалины города той эпохи.

Можно уверенно предполагать, что в начале III тысячелетия до н.э. харапцы завязали торговые отношения с Шуме-

Построенный по образцу камышовой ладьи древних шумеров в 1978 г. новодел «Тигрис»

Маршрут плавания на «Тигресе» в 1978 г. экспедиции Т. Хейердала

ром и Дильмуном. Считается, что наиболее прочные связи охватывают период XXV—XVIII вв. до н.э. О прочных связях с Мелуххой во времена Саргона Аккадского и позже свидетельствует находка печати, надпись на которой указывала на ее принадлежность официальному переводчику с аккадского на мелуххский язык [32, сс. 51, 272].

Одним из весомых подтверждений тесных торговых связей хараппцев с Дильмуном служит равенство мер веса в этих регионах. В то же время в Дильмуне, по-видимому, не использовали гири шумерского весового ряда.

Приведенный ранее отрывок из древней поэмы, где бог воды Энки поручает богу Солнца Уту наполнить водохранилища Дильмуна сладкой водой, объясняет, почему именно Бахрейн стал важным перевалочным пунктом на древних торговых путях. На всем протяжении Персидского залива только тут и на материке напротив Бахрейна находились значительные источники пресной воды.

Это в большой степени может объяснить и ту важную роль, которую Дильмун играл в шумерской мифологии. Вероятно,

Индская печать с изображением парусно-гребного судна

древних шумеров или их предков потрясла довольно необычная на фоне окружающей пустыни природа островов: цветущие сады, густые рощи финиковых пальм, многочисленные источники пресной воды, часть из которых находилась на дне моря у побережья. Для древних людей все это обилие пресной воды и зелени было необъяснимо и, естественно, считалось даром богов.

Только во второй половине XX в. геологи дали этому природному явлению объяснение. Оказалось, что истоки

подземных вод Бахрейна удалены на 500—700 км к западу от мест их выхода и расположены в районе возвышенностей Южной Аравии, где выпадают значительные муссонные осадки. Оттуда вода под землей проходит по водоносным слоям на восток к побережью Персидского залива [33, с. 27].

О характере дильмунской торговли свидетельствуют строки из мифологической поэмы «Энки и Нинхурсаг», таблички с текстом которой найдены в Уре-городе — государстве Южной Месопотамии. Ниже приведено обращенное к Дильмуну благословение бога Энки в толковании профессора С.Н. Крамера:

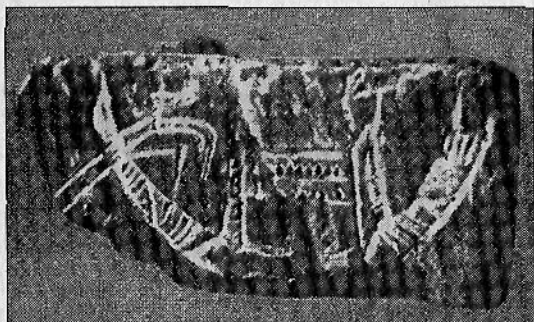
«Пусть страна Тукрим доставит тебе [то есть Дильмуну. — *Авт.*] золото из Харали, лазурит...;

Пусть страна Мелухха доставит тебе вожделенный драгоценный сердолик, дерево мес-шаган, отменное дерево для кораблей, а также моряков;

Пусть страна Мархаши доставит тебе драгоценные камни, хрусталь;

Пусть страна Маган доставит тебе множество меди, прочный... диорит, камень у, камень шуман;

Пусть заморский край доставит тебе слоновую кость..., украшение царя;

Изображение судна на печати
из Мохенджо-Даро

Пусть страна Заламгар доставит тебе шерсть, добрую руду;

Пусть страна Элам доставит тебе... шерсть, дань;

Пусть священный Ур, престол царства...; город поставит тебе зерно, кунжутное масло, благородные ткани, тонкие ткани, моряков;

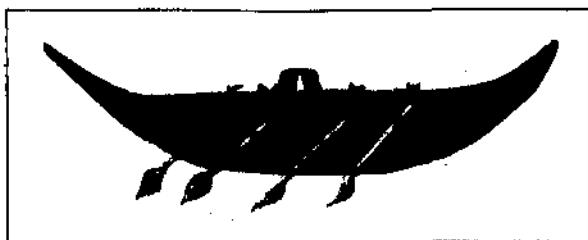
Пусть морские просторы принесут тебе изобилие.

Город — жилища его превосходны,

Дильмун — жилища его превосходны» [26, сс. 176, 177].

Свидетельством активных морских связей между Бахрейном-Дильмуном и Уром служат найденные при раскопках последнего таблички, относящиеся к XXI в. до н.э. На одной из них Ур-гур, «капитан большого судна» расписался в получении «10 талантов [около 300 кг. — *Авт.*] разного рода шерсти обычного качества, погруженной на судно для отправки в Дильмун». В другой табличке-расписке сообщается о получении из главного храма в Уре 60 талантов шерсти, 70 кусков ткани, 180 шкур и «шести курах доброго кунжутного масла», предназначенных для «уплаты за медь». Третья содержит уточнение: 15 кусков ткани и $2/3$ таланта шерсти предназначены «в уплату за медь из Макана».

Найдены две таблички начала XVIII в. до н.э., прямо свидетельствующие о цели плавания купцов Ура в Дильмун: «Лумешламтае и Натсисанабоа получили в долг от Ур-ниншара две мины серебра [более одного кг. — *Авт.*], пять кур кунжутного масла и 30 кусков ткани, чтобы внести пай в экспедицию в Дильмун для закупки там меди». Во второй табличке речь шла о займе пяти сиклей серебра «для покупки «рыбьего

Модель гребной лодки из серебра.
Ур, около 4000 г. до н.э.

глаза [наверное, жемчужины. — *Авт.*] и других товаров во время экспедиции в Дильмун» [26, сс. 174, 175].

С большой долей вероятности можно утверждать, что торговые связи Дильмуна через города-порты на Евфрате, город Алеппо в Сирии, долину реки Оронт доходили до Восточного Средиземноморья, а через порты Южной Аравии и на аравийском побережье Красного моря до Древнего Египта.

Важно, что археологическая экспедиция под руководством Джеффри Бибби обнаружила на Бахрейнских островах следы еще более древней цивилизации, чем шумерская. Предполагается, что каменные блоки отдельных сооружений этой древней цивилизации были доставлены на острова по морю на больших лодках. Отсюда вывод, что не исключено плавание древних людей по Персидскому заливу в дошумерскую эпоху.

Ряд ученых предполагает, что торговым партнером Дильмуна были вначале предки шумеров, представители дошумерской или убейдской цивилизации, названной так потому, что впервые она открыта при раскопках холма Эль-Убейд. Рядом с этим холмом найдены остатки морского порта убейдцев Эриду.

По древней легенде в этом районе обосновалось племя «полурыб-полулюдей», приплывших с юга, и именно там бог Энки научил их ремеслам, в частности судостроению. Можно предположить, что обитатели древнего Эриду были народом, знакомым с мореходством. Об этом свидетельствует обычай класть в могилы глиняные модели весельных и парусных лодок. Возможно, именно убейдцы доставили с Бахрейнских островов косточки или саженцы финиковой пальмы, которая затем стала типичным растением Двуречья. Вероятно, другие

неизвестные древние порты убейдцев были расположены в районах, которые около 4 тыс. лет до н.э. затопило водами Персидского залива при подъеме уровня Мирового океана примерно на 14 м [34, сс. 34, 35]. Нельзя исключить и того, что именно древние связи убейдцев и Дильмуна определили важную роль последнего в мифологии шумеров, явились побудительной причиной превращения в сказаниях страны Дильмун в мифический рай и обиталище богов и героев.

Заканчивая очерк, отметим, что поиски легендарного и в то же время реального Дильмуна расширили наши знания о жизни и развитии шумерского общества. А сама шумерская цивилизация непосредственно повлияла на формирование ассиро-вавилонской культуры. В свою очередь последняя много дала для развития литературы и культуры древних евреев, древних греков, а, следовательно, и культуры народов Европы.

ГЛАВА 7. ГДЕ НАХОДИЛАСЬ БИБЛЕЙСКАЯ СТРАНА ОФИР?

*Где только не искали копи царя Соломона!
От Испании до Аравии и от Индии до
Перу — все золотоносные рудники попере-
менно объявлялись страной Офир.*

Историк древнего мореходства
Александр Снисаренко [9, с. 85]

Об этой стране написано совсем немного в Ветхом Завете: «Царь Соломон [царь Израильско-Иудейского государства, X в. до н.э. — *Авт.*] также сделал корабль в Эцион-Гебере, что при Элафе на берегу Черного моря, в земле Идумейской [у современного Эйлата на берегу Красного моря. — *Авт.*]. И послал Хирам [правитель финикийского города-государства Тир. — *Авт.*] на корабле своих подданных-корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота 420 талантов [более 8400 кг. — *Авт.*] и привезли царю Соломону... Вдобавок к этому корабли Хирама, доставившие из Офира золото, привезли также много эбенового дерева и драгоценных камней... Ибо у царя был на море Фарсисский корабль [финикийский корабль для дальних походов, назван так по имени страны Тартесс. — *Авт.*] с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов [одно из разночтений оригинала, вместо «павлины» содержит «рабы» — 21, с. 16, а Иосиф Флавий (I в. н.э.), знаток Ветхого Завета, прочитал слово «павлинов» как «черных рабов» — 13, с. 56. — *Авт.*]...

Иосафат [израильский царь, время правления 876—851 гг. до н.э. — *Авт.*] сделал корабли на море [в 860 г. до н.э. — *Авт.*],

чтобы ходить в Офир за золотом; но они не дошли, ибо разбились в Эцион-Гебере» [6, с. 49].

Из присланного дерева царь Соломон сделал столбы в храме и своем дворце, из этого дерева изготовили арфы и псалтири [струнные инструменты, похожие на лиру. — *Авт.*] для певцов.

Так куда же плавали корабли Соломона и Хирама за золотом? Споры между учеными и богословами о местонахождении библейской таинственной страны Офир не утихают по сей день. Из библейского текста ясно, что экспедиции, посланные Соломоном и Хирамом, поплыли по Красному морю к Индийскому океану, так как порт отплытия был на берегу этого моря. Историки географических открытий И.П. и В.И. Магидовичи считают, что возможно, это страна Абхира в Южной Индии, в долине реки Тапти [35, с. 47]. Л.А. Ельницкий считает, что древнеарамейские наименования привезенных царю Соломону товаров схожи с соответствующими санскритскими словами. Он сопоставляет само наименование Офира с древнеиндийским племенным именем *Abhira*, помещаемым в Северной Индии [21, с. 17].

Некоторые историки, в частности Иосиф Флавий (I в.н.э.), высказывали предположение, что Офир — это «Золотой Херсонес» древности, то есть полуостров Малакка. Кстати, Колумб, отправляясь на запад в свое историческое плавание, завершившееся открытием Нового Света, собирался добраться до богатой золотом «восточной Индии», страны Офир.

С какими только странами не отождествляли Офир на протяжении последних столетий! Утверждали, что это Перу, даже острова в Тихом океане, открытые Альваро Менданьей в 1568 г., были названы им Соломоновыми. Первооткрыватель был убежден, что именно к ним плавали древние евреи и финикийцы.

Высказывались предположения о нахождении страны Офир в юго-западной части Аравии, но чаще всего эту библейскую страну помещают в Африке. Так, Р. Хенниг утверждает: «Если экспедиция все же отправилась в Офир с северного побережья Красного моря, то, по убеждению автора этих строк, ясно одно: Офир мог быть только африканской землей» [6, с. 54].

Но где же в Африке находилась богатая золотом земля? Проще всего было искать эту землю в южной части Восточ-

ной Африки. Еще византийский автор VI в. н.э. Косьма Индикоплов описал караванную торговлю абиссинцев с богатой золотом африканской страной Сасу, расположенной, по мнению видного историка-византиниста Ф.И. Успенского, недалеко от о. Занзибар [36, с. 343].

Марокканец Ибн-Баттута, посетивший побережье Софалы (Южный Мозамбик) примерно около 1335 г., сообщал, что на территории, лежащей за этой областью вглубь материка, находилась богатая золотом страна Йоуфи (даже несколько созвучно с Офиром). Это предположение, что Офир мог находиться в глубине Юго-Восточной Африки, распространилось после открытия немцем Карлом Маухом в 1871 г. загадочных развалин Зимбабве. В районе, богатом золотом, на р. Замбези найдены руины построек времен царства Мономотапы (возникло в XIII в.). Изучение этих руин позволило сделать вывод о высокой культуре добычи золота и обработки металлов, на достижение которой безусловно должны были уйти века.

Там же на приисках обнаружены погребальные постройки зороастрийцев-огнепоклонников (дахмасы), которые по оценке новозеландского ученого В.В. Клемеша можно отнести к началу VII в. до н.э. (возможно, это — завышенная на 100—200, а может быть и больше лет — оценка древности этих построек) [37, с. 182].

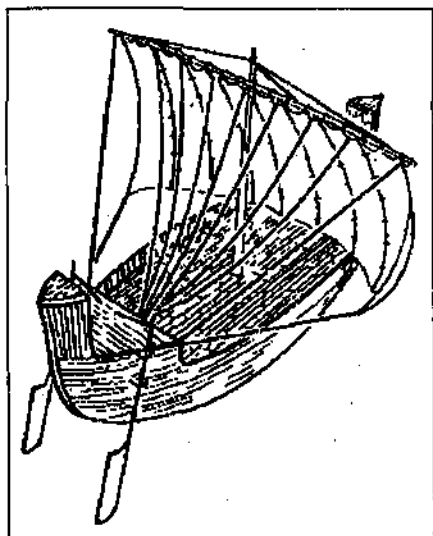
Правда, возникают сомнения о нахождении Офира на побережье Софалы или на прилегающей территории, если вспомнить о том, что древние мореплаватели при плавании из Красного моря к побережью Юго-Восточной Африки вряд ли могли преодолеть сильное течение в Мозамбикском проливе. Да и то, что античные географы, включая великого Птолемея (II в. н.э.), ничего не знали о побережье Софалы, также говорит не в пользу отождествления Офира с страной Зимбабве или Софала.

Вероятнее всего, Офир находился где-то в Африке, но ближе к царству Соломона. Таблица стран и родов в «Первой книге Моисеевой» *Ветхого Завета*, которую, по мнению Р. Хеннига, можно рассматривать как географический перечень, упоминает Офир среди сыновей Иоктана непосредственно рядом с Шебой (то есть Савой — страной в Южной Аравии), с которым эта страна была как-то связана [6, с. 56].

Золото из Офира упоминается в Библии еще в связи с царствованием Давида, правившего до Соломона. Но при царе Соломоне золото поступило в Израильско-Иудейское государство в большом количестве. Благодаря этому с небывалой роскошью был отделан храм в Иерусалиме и «серебро вменялось ни во что». Экспедиции при царе Соломоне, видимо, были чем-то необычайным.

Р. Хенниг утверждает, и нам кажутся его предположения обоснованными, что страной Офир можно считать Нубию и страны, расположенные между средним течением Нила и Красным морем. В древности по сообщению многих источников там добывалось довольно значительное количество золота. Древние египтяне считали завоеванную ими Нубию прежде всего «Страной золота». И страны, расположенные восточнее Нила и никогда не подчинявшиеся фараонам, также были богаты золотом. Античные историки и географы Геродот, Страбон и Плиний отмечали, что в этих странах кроме слонов и черного дерева имелось много золота. В 1500—1200 гг. до н.э. в период могущества Египта золото из этих областей шло главным образом в страну фараонов. Но в X в. до н.э. Нубия была независимой, а Египет совсем ослаб. Добычей золота активно занимались предки современной народности бега, жившие между Эфиопией, Голубым Нилом и Атбарой. Еще Страбон подчеркивал, что у этих политически независимых народов было очень много золота: «Самая богатая царская резиденция у них — Мерое, город, одноименный с островом. Остров, как говорят, по форме похож на продолговатый щит. Его величина, может быть, указана преувеличенной: в длину около 3000, в ширину — 1000 стадий. На острове много гор и огромные лесные чащи. Население состоит отчасти из кочевников, охотников и отчасти из земледельцев; есть там медные, железные и золотые рудники и разного рода драгоценные камни» [5, С. 821]. В античное время область между Голубым Нилом и р. Атбарой представляли именно как «остров Мерое».

И в XX в. в восточной части Судана добывали золото. Значит, вполне вероятно, что в X в. до н.э. у местных племен, находившихся на низком уровне развития, могло скопиться значительное количество золота, которое в более ранние века уходило в Египет.

Модель
финикийского грузового судна

Финикийские мореходы во время своих плаваний в Сомали и Юго-Западную Аравию за благовониями обнаружили, что на западном побережье Красного моря имеется значительное количество золота, которое они начали приобретать в ходе торговых операций.

Вполне возможно, что при этом они проводили неадекватный обмен своих товаров на золото, используя низкий уровень развития племен, владевших запасами этого драгоценного металла.

Возможно, что бесцеремонные финикийские купцы-мореходы захватывали

золото в ходе пиратских нападений на прибрежные народы, так как в тот период пиратство считалось таким же допустимым делом, как и торговля. В подтверждение данного предположения сообщим, что народность, населяющая побережье между Массауа и Баб-эль-Мандебским проливом, носит сейчас название адал или данакиль, но ранее называлась афер.

Так как финикийцы использовали израильский порт Эцион-Гебер, то им пришлось привлечь к экспедиции и израильтян. Длительность экспедиции — 3 года — можно объяснить тем, что финикийские купцы часто и подолгу оставались в чужеземных гаванях. Не исключено, что корабли Соломона и Хирама одновременно посетили гавани лежащего в Юго-Западной Аравии Сабейского царства, где традиционно закупали благовония. Не исключено и то, что израильское участие в данном предприятии в приведенных отрывках из Библии преувеличено, ведь составители текста были израильские авторы.

Дата путешествия в Офир может быть определена с достаточной точностью. Считается, что Соломон царствовал с 972 по 939 г. до н.э. На 4-м году своего царствования он начал

строить Иерусалимский храм и свой дворец. На постройку ушло 20 лет. Экспедиция в Офир состоялась немногим позднее, предположительно в 40-х гг. X в. до н.э. Это согласуется с известным временем царствования Хирама — 969—936 гг. до н.э.

Таким нам видится решение загадочной проблемы Офира в свете последних исследований историков.

ГЛАВА 8. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПЛАВАНИЯ ФИНИКИЙСКИХ МОРЕХОДОВ

И здесь финикийцы подали первый пример; от них узнали, что девочки и мальчики, захваченные где-нибудь в поле, доставляют больше дохода, чем все другие товары.

Историк Эрнст Курциус [9, с. 21]

*Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах
бесстрашен.*

Вергилий Марон Публий. «Энеида»,
I в. до н.э.

В последние века II тысячелетия до н.э. господство в Средиземноморье перешло к финикийцам вплоть до VII—VI вв. до н.э. Финикийские мореходы — купцы и пираты — совершают поистине фантастические по тому времени океанские плавания в Индийском и Атлантическом океанах. Не раз упоминается о финикийских мореходах в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея». Поэт свидетельствует об их пиратских и грабительских действиях, что, впрочем, было обычным поведением для мореходов в те далекие времена. Одиссей, рассказывая о приключениях, которые он себе приписал, не желая открыть свое настоящее имя, говорил:

Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;
Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,

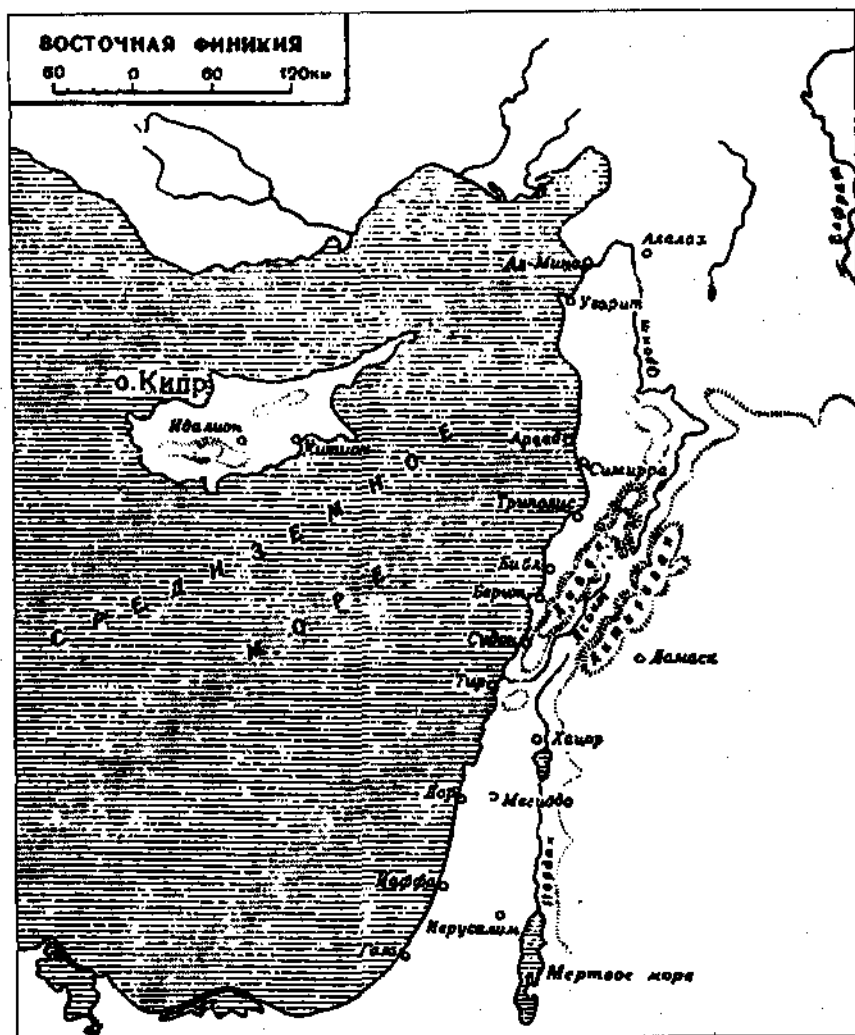
Где и поместье, и дом он имел, убедил посетить с ним: Там я гостил у него до скончания года. Когда же Дни протекли, миновалися месяцы, полного года Круг совершился и Оры весну привели молодую, В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем; Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил.

[38, с. 146].

А Геродот (V в. до н.э.) уже на первой странице своего сочинения «История» рассказал о событиях, связанных с финикийцами, которые произошли задолго до его жизни: «По словам сведущих среди персов людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикийцы. Последние прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю [первое, видимо, Персидский залив, Красным морем в эпоху античности называли и весь Индийский океан, а второе — это Средиземное море. — *Авт.*] и поселились в стране, где и теперь еще живут. Финикийцы тотчас же пустились в дальние морские путешествия. Перевозя египетские и ассирийские товары во многие страны, они, между прочим, прибыли в Аргос... На пятый или шестой день по их прибытии, когда почти все товары уже были распроданы, на берег моря среди многих других женщин пришла и царская дочь. Ее имя было Ио... Женщины стояли на корме корабля и покупали наиболее приглянувшиеся им товары. Тогда финикийцы по данному знаку набросились на женщин. Большая часть женщин, впрочем, спаслась бегством. Ио же с несколькими другими они успели захватить. Финикийцы втащили женщин на корабль и затем поспешно отплыли в Египет» [39, 1, 1].

Древние греки — извечные соперники финикийских купцов-мореходов — называли финикийцев фойнами («багровыми людьми»). Название это, видимо, произошло от греческого слова «феникс» — пурпур. Так греки называли жителей городов Ливанского побережья, потому что финикийцы добывали из моллюсков-пурпурниц пурпур и торговали окрашенными алыми тканями, которые носили цари и властители всего Средиземноморья.

Вероятно, финикийцы одни из первых в Средиземноморье, а возможно и в мире, использовали обитателей моря для

Восточная Финикия

технических нужд. При раскопках финикийского города Тира археологи обнаружили остатки сооружений, которые предназначались для получения пурпура из моллюсков-пурпурниц. Их собирали в море в корзины и вместе с раковинами растрали в каменных бассейнах.

Финикийцам удавалось получать до двух десятков оттенков цвета — от светло-красного до темно-фиолетового. А глав-

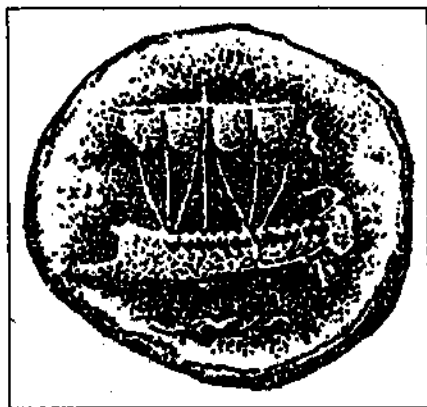
ное, финикийский пурпур имел большую стойкость. До сих пор сверкает пурпурный цвет на древних тканях, хранившихся в течение двух тысяч лет в глиняных сосудах, найденных археологами [40, с. 129]. Ученые до сих пор не смогли раскрыть тайны производства финикийского пурпура.

Откуда же появился этот морской народ? Финикийские народные предания, которые донесли до нас античные историки Геродот и Помпей Трог, гласили, что «багровые люди» пришли в благодатный ливанский край с берегов Эритрейского моря (видимо, Красного моря или Индийского океана). Страшное землетрясение вынудило их покинуть свою прежнюю родину. Возможно, что так отразилось в народных преданиях переселение предков финикийцев из Аравии или глубинных районов Сирии. С другой стороны, некоторые древние историки считали, что финикийцы были исконными обитателями полосы средиземноморского берега у гор Ливана [41, с. 5].

Ясно одно, что финикийские города-государства Тир, Сидон, Библ и некоторые другие возникли в очень отдаленные времена. Долгое время древнейшим городом считали Сидон. Он возник, видимо, как рыбацкий поселок, жители которого с самого начала были тесно связаны с морем. Даже само название Сидон означает «рыба». В Библии этот город назван «первородным» — самым старшим сыном Ханаана (так называли свою страну сами местные жители, в отличие от древних греков, которые предпочитали название «Финикия»).

Другим выдающимся морским центром Финикии был город-государство Тир. Его основание датируется III тысячелетием до н.э. и даже ранее. Сами тиряне считали, что храм главного городского бога Мелькарта, который впоследствии почитался всеми финикийцами как покровитель мореплавания, был построен не позже чем в XXVIII в. до н.э. Впоследствии, куда бы тиряне не доплывали, они воздвигали святилища в честь своего бога.

О городе Библ известно, что в V тысячелетии до н.э. он уже существовал в виде небольшого поселка. В конце IV — начале III тысячелетия до н.э. Библ являлся довольно крупным по тем временам городом, обнесенным мощной каменной стеной. Уже в первые столетия III тысячелетия до н.э. жители города стали снаряжать экспедиции в Египет.

**Финикийский военный корабль,
изображенный на монете города-
государства Сидон**

Во II тысячелетии до н.э. морское дело в Финикии стало быстро развиваться. Финикийцы становятся одними из главных поставщиков золота, меди, олова и рабов для могучих империй древности — Египта, Вавилонии, Ассирии, государства хеттов. Стремление к захвату новых рабов и овладению рудниками, где добывали ценные металлы, влекло финикийцев все дальше и дальше в новые неизведанные края.

Переняв от древних египтян и моряков древнего Крита

все их достижения в судостроении и добавив к этому собственный опыт морских походов, финикийцы научились строить большие гребно-парусные суда с прочной продольной днищевой балкой-килем, «ребрами»-шпангоутами и сплошной палубой.

Подобно всем остальным древним мореплавателям, они, видимо, никогда по собственному желанию не удалялись от берега за пределы его видимости. Но ясно, что они научились ориентироваться по звездам. Считается, что именно финикийцы начали использовать для ориентирования Полярную звезду (Малая медведица). Греко-римский историк Арриан (II в. н.э.), говоря об определении мореходами пути в море по звездам, специально отметил, что «финикийские мореплаватели делают это по Малой Медведице, а остальные люди [то есть древнегреческие и древнеримские мореходы. — Авт.] — по Большой» [3, с. 16].

Вообще древние греки и римляне высоко оценивали знание финикийскими мореходами ночного неба и их умение ориентироваться по звездам. Древний географ Страбон (63 г. до н.э. — 23 г. н.э.), описывая финикийские города, заметил: «Предание изображает сидонян мастерами во многих изящных искусствах, как об этом ясно говорит и Гомер. Кроме этого они занимались научными исследованиями в области аст-

рономии и арифметики, начав со счетного искусства и ночных плаваний. Ведь каждая из этих отраслей знания необходима купцу и кораблевладельцу» [5, с. 757].

Видимо, у финикийян существовали какие-то описания морских торговых путей, но они не дошли до нашего времени. Более поздние наставления для моряков, а именно древнегреческие лоции-периплы, содержали только перечисленные населенных пунктов, мимо которых вдоль берега должны были проходить суда с указанием расстояний между ними. Кстати сказать, древние моряки обычно не плавали в ночное время и в межнавигационные периоды вытаскивали свои суда на берег.

Прибрежные морские течения в восточной части Средиземного моря направляются с запада на восток, а затем вдоль берегов Палестины и Сирии на север. Поэтому из финикийских портов сперва обычно плавали в северном направлении. Затем финикийяне освоили южные маршруты в Египет и западные к о. Кипр. Далее они достигли о. Крит и многочисленных южных островов Эгейского моря. Считается, что финикийяне начали плавать по Черному морю ранее древних греков. У финикийян это море имело даже собственное название Ашкенас (Северное). Ясно, что они так его назвали с учетом расположения по отношению к Средиземному морю [3, с. 153].

Довольно неудобным для мореходов временем считалось лето (июль — сентябрь), когда в Средиземном море дуют сильные северные ветры. Весной с февраля по май древние мореходы также предпочитали не плавать, так как в это время можно было ожидать внезапных перемен погоды. Они считали наиболее благоприятным временем для дальних морских походов период с конца сентября по конец ноября.

Крупнейшим центром финикийского судостроения был Тир. В нем имелось множество верфей, на которых, кроме местных жителей, работали выходцы из Арвида и других городов. Работы на верфях велись, видимо, непрерывно, так как потребность в судах была велика. Как только спускали на воду одно судно, немедленно закладывали другое.

Сперва финикийцы строили суда, предназначенные для плаваний на сравнительно небольшие расстояния, в основном в пределах восточной части Средиземного моря. Древнейшие изображения таких судов обнаружены в египетской гроб-

Финикийское судно на древнеегипетской фреске

нице середины II тысячелетия до н.э. То, что мы судим о финикийских судах по египетским изображениям, говорит само за себя. Рисунки на стенках гробниц убедительно свидетельствуют о тесных контактах Финикии с Египтом, которые осуществлялись морским путем.

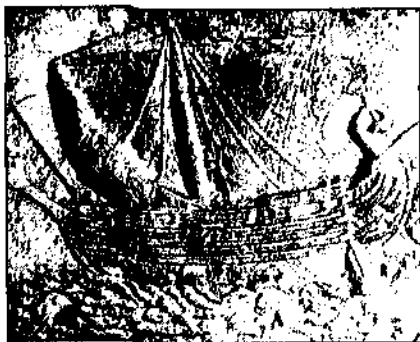
Первые морские суда финикийцев были одномачтовыми с небольшой осадкой и поднятыми носом и кормой. Парусное вооружение состояло из большого четырехугольного паруса. Основу корпуса судна составляла мощная деревянная продольная балка в нижней части днища — киль, на котором закреплялись «ребра» — шпангоуты. В свою очередь шпангоуты обивали досками. Борта соединялись палубным настилом. Все щели между досками обшивки, очевидно, тщательно конопатились. Вдоль бортов крепились в качестве фальшборта решетки из прутьев для ограждения груза, расположенного на палубе.

Судно имело носовой и кормовой штевни — оконечности, представлявшие из себя массивные деревянные балки, прикрепленные к килю вертикально по отношению к нему. К носовому штевню часто крепился большой сосуд из обожженной глины (амфора) для хранения питьевой воды.

Парус закреплялся на двух реях: нижний рей подвешивался на нескольких тросах из растительных волокон или кожаных ремней и для свертывания паруса поднимался вверх. На корме имелись массивные рулевые весла.

Финикийцев с полным основанием можно считать в числе первых настоящих торговых мореплавателей. Они везли в

Египет в качестве палубного груза древесину, быков, а под палубой оливковое масло в больших и малых амфорах, отверстия которых заливались воском или асфальтом, золото, рабов. Путь от финикийских портов к устью Нила занимал 8—10 суток, зато обратно до мыса Кармель финикийцы, используя попутное течение, добирались быстрее [41, с. 19].

Финикийское торговое судно —
«таршишский» корабль

Видимо, уже в XVI—XIII вв. до н.э. финикийцы создали корабли для дальних походов, а позже, в XI—X вв. до н.э., их стали называть «таршишскими» судами.

Путь в Таршиш от восточных берегов Средиземного моря был по тем временам крайне трудным и длительным. Поэтому суда, предназначенные для плавания в Таршиш, строились, видимо, особо тщательно. Они имели усиленный корпус за счет установки дополнительных продольных, поперечных и вертикальных деревянных связей. Палубный настил у них был установлен на многочисленных деревянных стойках — пиллерсах и обнесен перилами, соединяющими носовую и кормовую площадки. Большой прямоугольный парус таршишского судна простегивался для прочности кожаными ремнями. Финикийцы обычно красили паруса в черный цвет [9, с. 72]. В дальнейшем финикийцы, вероятно, называли таршишскими все суда усиленной конструкции, предназначенные для дальних морских походов.

Изучая немногочисленные дошедшие до нас изображения таршишских судов, можно предположить наличие на них свободного скольжения фалов — канатов для подъема и спуска рея с парусом по вилкообразному топу (верхней оконечности мачты). Это могло позволять финикийским морякам быстро «подбирать» парус, подвывая его на рей при усилении ветра.

В качестве якорного устройства финикийцы использовали якорные камни. Часто они пробивали в таких камнях два

отверстия для более надежного крепления якорного каната в двух местах. Затем на финикийских кораблях появился новый вид якорей — колоды из ливанского кедра, нагружаемые кусками олова. Таким образом древние моряки решали сразу две задачи: изготавливали надежный якорь и увеличивали количество перевозимого на судне ценного металла.

Знарок древних якорей Л.Н. Скрыгин приводит по этому поводу любопытные сведения. Древнегреческий историк Дидор Сицилийский, живший в I в. до н.э., сообщал, что возвращаясь с грузом олова, принятого в дальних странах за Столбами Мелькарта (за Гибралтарским проливом), финикийцы заходили на о. Сицилия за серебром. И когда для его размещения на судне совсем не оставалось места, они вынимали из якорных кедровых колод олово и наполняли их более дорогим серебром [42, с. 17].

Затем на финикийских судах появились усовершенствованные каменные якоря с пятью отверстиями, в четырех из которых вставлялись деревянные кольца. Это были якоря, похожие на те, что ранее изобрели мореплаватели древнего Крита.

Во внутреннюю часть корпуса судна нередко на ходу попадала вода, поэтому там перевозили в основном только амфоры. Боящиеся воды грузы крепили на верхней палубе. Носовая часть имела металлическую оковку, защищавшую корпус при ударе о борт вражеского судна. В те времена все торговые суда были полувоенными и могли защищаться при нападении на судно пиратов.

Финикийские суда, воплощая в себе лучшие достижения ремесла и техники той эпохи, зачастую восхищали современников, которые оставили красочные описания их конструкции и оборудования. В книге библейского пророка Иезекииля сказано:

«Из кипарисов сенирских [или сennaарских, то есть шумерских. — *Авт.*] делали тебе [Тиру. — *Авт.*] доски; кедры Ливана брали, чтобы сделать мачту над тобой. Из дубов башанских [Басан—район Палестины. — *Авт.*] делали твои весла; сиденья для твоих гребцов делали из слоновой кости и бука, что с острова Кипра. Узорчатое полотно из Египта было парусом твоим, чтобы быть для тебя знаменем; яхонтовым и пурпурным цветом с островов Элиша покрыта была твоя палуба» [41, с. 45].

По-видимому, развитие торговли и мореплавания в значительной степени способствовало изобретению финикийцами буквенно-звукового алфавита. Ранее финикийцы пользовались ассиро-вавилонской клинописью. Но в этой системе письменности каждый знак обозначал либо целое слово, либо слог. Поэтому ассиро-вавилонский алфавит содержал до 600 знаков. Конечно, для овладения таким сложным алфавитом необходимо было долго и упорно учиться. Приходилось поручать ведение записей специальным писцам, длительное время проходившим обучение в писцовых школах. Возможно, что все это не устраивало финикийских купцов-мореходов. На судне во время плавания каждый лишний человек был обузой. Да и лучше было купцам не доверять своих торговых тайн посторонним, вести свои записи самим.

На наш взгляд, гипотеза о том, что именно такая общественная потребность способствовала тому, что в южной Финикии (видимо, в Библие) возникло линейное письмо, обоснованна и может рассматриваться историками. То же можно сказать и о создании другого варианта буквенно-звукового алфавита на севере Финикии в городе Угарите [41, с. 20].

Когда финикийцы проникли в бассейн Эгейского моря, то с их буквенно-звуковым алфавитом познакомились греки. Он привлек их внимание простотой и легкостью усвоения. Греки создали более усовершенствованный вариант алфавита, около X в. до н.э. И началось его победное шествие по странам и векам. Сегодня большинство народов Земли пользуется алфавитами, общим предком которых является алфавит, изобретенный «багровыми людьми». Финикийцы давно исчезли с лица земли, но их культурные завоевания остались, они прочно вошли в сокровищницу мировой культуры. Уже за одно это «багровые люди» заслужили право на благодарную память человечества.

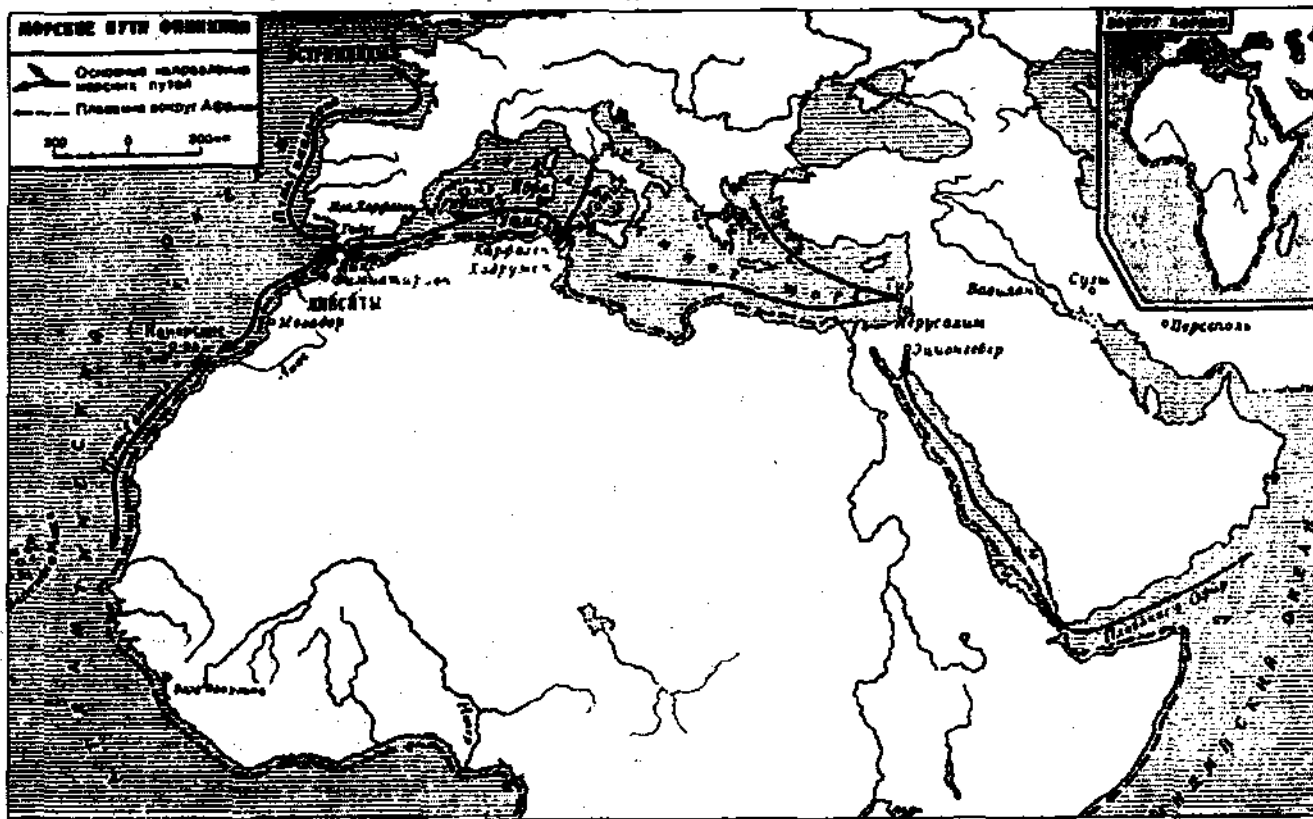
Не позже середины II тысячелетия до н.э. финикийцы создали несколько опорных пунктов на южном берегу о. Кипр и в других местах Эгейского бассейна. Известно даже имя одного из купцов города Угарит, чьи суда в XIII в. до н.э. регулярно ходили на о. Крит: его звали Синарану, сын Сигину, а посещать этот остров финикийцы начали, вероятно, не позднее чем за 15 веков до н.э.

Одновременно с критянами или несколько позже финикийцы открыли Сицилию и высадились на его западном побережье. К югу от Сицилии в самом центре Средиземного моря в XIII в. до н.э. финикийцы колонизировали о. Мелиту (современная Мальта).

Следуя вдоль средиземноморского берега Африки на запад, финикийцы исследовали почти 2000 км береговой линии. Самые первые колонии жителей Тира в западном Средиземноморье были основаны в XII в. до н.э. на африканском берегу за Гибралтарским проливом. Это Ликс в устье реки Лукос (ныне г. Лараш) и Тингис (ныне Танжер). Основывая Ликс, тиряне заняли правый берег реки и остров в дельте, где был построен храм бога Мелькарта.

Вскоре на юге Пиренейского полуострова финикийцы основали город Гадес или Гадир (современный Кадис) в 30 км к югу от устья р. Гвадалквивир, затем колонию в вершине Кадисского залива (современная Уэльва) и Малаку (Малагу), у восточного входа в Гибралтарский пролив.

Эти колонии, как и Ликс, должны были служить базой для торговли металлами: испанским серебром, британским оловом, западноафриканским золотом. Из Гадеса и Ликса финикийские мореходы, вероятно уже в XI—IX вв. до н.э., плавали на юг вдоль Атлантического побережья Африки. Об этих и более поздних походах сообщал Геродот в своей «Истории»: «Карфагеняне [жители финикийской колонии Карфаген, расположенный на побережье Тунисского залива. — *Авт.*] рассказывают еще вот что. Обитаемая часть Ливии [Африки. — *Авт.*] простирается даже по ту сторону Геракловых Столпов [Гибралтарского пролива. — *Авт.*]. Всякий раз, когда карфагеняне прибывают к тамошним людям, они выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым. Местные же жители, увидев дым, приходят к морю, кладут золото за товары и затем уходят. Тогда карфагеняне опять высаживаются на берег для проверки: если они решат, что количество золота равноценно товарам, то берут золото и уплывают. Если же золота, по их мнению, недостаточно, то купцы опять садятся на корабли и ожидают. Туземцы тогда вновь выходят на берег и прибавляют золота, пока купцы не удовлетворятся. При этом они не обманывают друг друга: купцы не прикасаются к золоту, пока

Морские пути финикийцев

оно неравноценно товарам, так же как и туземцы не уносят товаров, пока те не возьмут золота» [39, IV, 196].

Путь из Финикии до самых западных колоний занимал обычно более двух месяцев. Финикийцы нуждались в промежуточных базах-укрытиях. Около 1100 г. до н.э. тирийцы основали первую на средиземноморском берегу Северной Африки колонию — город Утика. Несколько позже в Северной Африке появились новые колонии: города Гиппон (современный порт Аннаба), Гадрумет (современный Сус) и Лептис, основанный не позже VIII в. до н.э. гражданами Сидона, изгнанными из родного города в ходе гражданской войны. Основали финикийцы опорные пункты в Западной Сицилии и на побережье о. Сардиния.

В 825 г. до н.э. (либо на 11 лет позже) в глубине Тунисского залива финикийцы заложили свой «Новгород», по-финикийски Карт-Хадашт (Карфаген — это уже от латинской формы этого названия — Carthago) [41, с. 34]. Во время своих плаваний в Таршиш и далее они присмотрели это удобное для укрытия судов от непогоды место и даже построили там небольшое святилище. Теперь же была основана постоянная колония.

Древний историк Юстин (II в. н.э.) сообщил любопытную легенду, связанную с основанием финикийского «Новгорода». В Тире вспыхнуло народное восстание. Царь Тира Пигмалион воспользовался недовольством тирян, чтобы уничтожить своих врагов среди городской аристократии. Разгневанные притеснениями богачей горожане убили главного жреца Ахербу. Жена Ахербы царица Элисса (она была сестрой Пигмалиона) со своими сторонниками, принадлежавшими к партии богачей-аристократов, бежали из города. К ним присоединились финикийцы с о. Кипр. Беглецы добрались до Тунисского залива и высадились у холма Бирса. Легенда гласила, что «Элисса, занесенная на берег Африки, склонила к дружбе обитателей этого места, радовавшихся прибытию чужеземцев и взаимному обмену товарами. Затем она купила участок, который можно было бы покрыть шкурой быка, будто бы для того, чтобы восстановить силы спутников, утомленных долгим плаванием, прежде чем они отправятся далее. Шкуру она приказала разрубить на тончайшие куски и так заняла больше пространства, чем просила» [41, с. 34].

Сперва поселок финикийских колонистов располагался на холме — хорошем естественном укреплении — и на прилегающем к нему морском берегу. Вскоре удобное положение города на морском торговом пути привело к быстрому росту самого поселения и его влияния на прилегающие районы. В городе были построены многочисленные верфи, где работали государственные и частные рабы. Множество рабов погибло от непосильной работы при строительстве искусственного порта. После его создания карфагенские и пришлые суда были укрыты значительно лучше, чем в естественной гавани.

Греческий историк Аппиан (конец I в. — 70-е годы II в. н.э.) подробно описал устройство этого порта. Он состоял из двух частей, соединенных между собой небольшим узким каналом: внутренней гавани Котон — военного порта, имевшего форму почти правильного круга, и внешней акватории — прямоугольного торгового порта. В военном порту находился искусственный остров, на котором размещались верфи и склады морского имущества, находилась резиденция командующего флотом (суффета) и управление начальника гавани. В торговом порту всегда было множество судов самих карфагенян и их союзников [43].

В годы господства карфагенян в западном Средиземноморье в военном порту размещалось более 200 тяжелых боевых галер-пентер, где на каждом весле работали пять гребцов, и еще более крупных флагманских гептер (где каждым веслом гребли семь гребцов). В случае опасности со сторожевой башни на искусственном острове подавались определенные звуковые и световые сигналы, а узкий проход между внешним и внутренним портами перегораживался массивными цепями [9, с. 88].

Финикийяне создали ряд колоний на западном и восточном берегу Пиренейского полуострова. Само название Испании, видимо, произошло от финикийского «И-шпанним» («Берег кроликов») [35, с. 45]. Ряд колоний финикийяне основали на Питуузских и Балеарских островах.

Не прекращали финикийяне попыток проникнуть и прочно обосноваться на торговых путях в Красном море и Индийском океане, о чем уже рассказывалось ранее в связи с плаваниями в страну Офир.

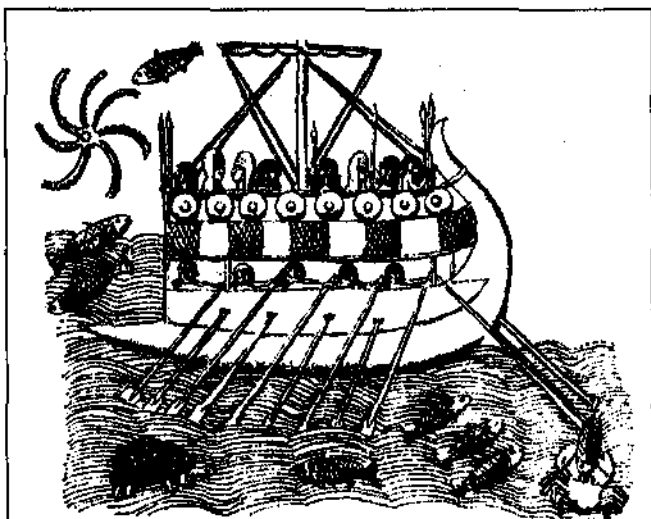
В VIII—VII вв. до н.э. и в более поздние века финикийские мореходы считались лучшими моряками своего времени,

и их охотно привлекали на службу властители таких мощных держав Передней Азии и Африки, как Ассирия, Персия, Египет. К этому времени «таршишские» корабли финикийян стали еще совершеннее. Их длина была до 30 м, ширина до 5—7 и даже до 10 м, а осадка до 2 м. Корпуса приобрели более округлую форму, стали более высокими, что увеличило грузоподъемность и улучшило остойчивость. Финикийяне и называли свои торговые суда «круглыми». Их увенчанные конской головой форштевни и выполненные в виде загибающихся назад рыбьих хвостов ахтерштевни вполне оправдывали часто встречающийся в источниках и относящийся к ним термин «морской конь» [9, с. 103].

Возможно, финикийяне повысили прочность корпусов своих «морских коней» за счет установки дополнительных продольных связей на вертикальных стойках — пиллерсах и поперечных балок. А увеличение продольной прочности корпуса позволило им строить «длинные» военные корабли с более узким, вытянутым корпусом, что уменьшило сопротивление движения по воде.

Финикийяне одними из первых использовали по два ряда гребных весел с каждого борта. Корпуса таких судов — «диер» — делались как бы двухэтажными, причем верхний этаж был предназначен для размещения помимо гребцов еще кормчих и воинов. Для увеличения остойчивости таких судов финикийяне опустили сиденья для гребцов ниже. Они заимствовали, видимо, от древних критян и установили окованный медью массивный, выступающий словно рог из отвесно установленной носовой балки таран — главное оружие узкой, быстроходной диеры. Корма ее была закруглена и высоко поднималась над палубой, прикрывая ее и защищая от нападения с тыла. Для защиты от стрел, дротиков и камней финикийяне вешали вдоль фальшборта воинские щиты.

Парусное вооружение финикийских кораблей существенно не изменилось. Сравнительно позже на финикийских судах появилась вторая мачта, расположенная наклонно к носу, тоже с четырехугольным, но меньшим по размерам, чем основной, парусом. Этот малый парус использовался в первую очередь для маневрирования в случае движения судна при боковом ветре. На корме таких судов устанавливали по два массивных рулевых весла.

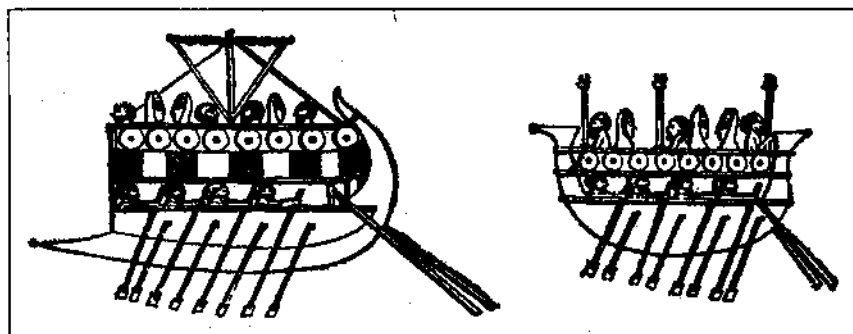

Финикийская военная галера.
Рельеф из дворца Синаххериба (начало VII в. до н.э.)

Вдоль каждого борта в два ряда размещали 10 и более весел. На каждом весле работало по несколько гребцов-рабов и наемных работников. Ритм гребли устанавливался при помощи равномерных ударов барабана. На судне имелся надсмотрщик, вооруженный длинной пlectью, которой он подгонял недостаточно проворных гребцов.

Некоторые финикийские боевые корабли имели массивные кормовое и носовое рулевые весла. Наличие рулевых весел на носу и корме позволяло кораблю менять курс на обратный, не разворачиваясь. Это значительно увеличивало маневренность кораблей. Кроме того, в бою эти рулевые весла, будучи прочно закрепленными на корпусе, могли играть роль надводных таранов.

При раскопках ассирийского города Дур-Шаррукин, в 50 км севернее Мосула, археологи обнаружили дворец царя Саргона II (время правления 721—705 гг. до н.э.). На одном из рельефов, находящихся теперь в Лувре, изображено груженное лесом судно. Оно имеет крутой форштевень с конской головой и ахтерштевень в виде рыбьего хвоста. Судно мало отличается от того, что изображено на рельефах ворот дворца царя Сал-

Финикийские дiereы — военная и торговая

манасара III (858—824 гг. до н.э.), но лишено мачты, так как на нем вся палуба предназначена для груза, и могло иметь как один, так и два ряда весел с каждого борта.

Знаток древнего судостроения и мореходства А.Б. Снисаренко считает, что оно, наверное, построено на верфи Ниневии (близ современного Мосула в Ираке), где при строительстве судов брали за образец халдейские суда, но внешне делали их похожими на финикийские, в отличие от верфей в Тир-Балсибе (г. Тель-Ахмар, на восточном берегу Евфрата в Сирии), где строили точно по типу финикийских. По его мнению, об остойчивости подобного типа судов, что свидетельствует о совершенстве конструкции, можно судить по рельефам ассирийских царей от Салманасара III до Синахериба, создававшимися на протяжении почти двух веков [9. с. 103].

Военные корабли Финикии изображены на рельефах дворца Синахериба (704—681 гг. до н.э.), сына Саргона, использовавшего финикийский флот в войнах с соседями. Это — двухпалубные корабли, на которых основным двигателем были гребцы с веслами. Высокий фальшборт прикрывает гребцов, сидящих на двух уровнях: нижние не видны, их весла движутся в широких продольных прорезях фальшборта; у гребцов верхнего ряда весла установлены поверх фальшборта и закреплены они обычным способом. Над верхним рядом гребцов устроена боевая палуба, обнесенная сплошным ограждением с развешенными на нем плетеными щитами, в которых застревали неприятельские стрелы и дротики.

По мнению А.Д. Снисаренко, управление таким кораблем представляло определенные трудности, так как рулевой находился на уровне верхнего ряда гребцов, а штаги (канаты, крепящие мачту в плоскости вдоль судна) одинарной мачты с единственным реем, а также брасы для поворота рея закреплялись на боевой палубе. Таким образом командир корабля, матросы и воины находились наверху на боевой палубе, а рулевой — внизу с гребцами. Вероятно, в палубе прорезали люк, чтобы слова команды слышны были всему экипажу.

Вместо привычного форштевня на военном корабле финикийян устанавливали мощный таран. Носовая часть оканчивалась сплошной вертикальной стенкой, проходящей от киля до верха ограждения боевой палубы. Эту стену для прочности обносили поверху толстым канатом, привязанным к изогнутому наподобие оконечности лука ахтерштевню. Под стенкой киль был вынесен вперед и заострен. А.Б. Снисаренко обоснованно предполагает, что эта часть киля была составной, так как тараны ломались, и что внутри таран заливался свинцом, а снаружи обивался медными листами [9, сс. 103, 104].

Среди множества выдающихся плаваний, совершенных в древние времена финикийскими моряками, одно является уникальным и поразительным. Имеется в виду плавание финикийян вокруг Африки. Об этом живо повествует Геродот: «Ливия же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Нехо, царь Египта [Нехо II, фараон Египта в 609—594 гг. до н.э. — *Авт.*]. После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив [Суэцкий канал. — *Авт.*] царь послал финикийян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столпы, пока не достигнут Северного моря [Средиземного моря. — *Авт.*] и таким образом не возвратятся в Египет. Финикийяне вышли из Эритрейского [Красного. — *Авт.*] моря и затем поплыли по Южному [Индийскому океану. — *Авт.*]. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикийяне обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне.

Так впервые было доказано, что Ливия окружена морем. Впоследствии карфагеняне утверждали, что им также удалось обогнуть Ливию [вероятно, до Геродота дошли сведения об экспедиции Ганнона в VI в. до н.э., о которой расскажем ниже. — *Авт.*]» [39, IV, 42, 43].

Несмотря на сомнения великого грека, именно последние строки отрывка из его сочинений убеждают нас в правдивости рассказа о плавании финикийян вокруг Африки. Действительно, Геродот, живший в V в. до н.э. и не имевший наших представлений о Солнечной системе, считал, что Солнце может находиться на небосводе только в южной его половине. А финикийяне, огибая с юга Африку и двигаясь при этом с востока на запад, видели солнце с правой стороны, то есть в северной половине небосвода.

Плавание вокруг Африки было поистине великим географическим открытием финикийян. Не следует забывать, что повторно по этому пути, только с запада на восток, корабли португальцев прошли лишь через 2100 лет в 1497—1498 гг.

Правда, в 1975 г. английский историк А. Ллойд высказал сомнение в том, что экипажи судов, посланных фараоном Нехо, были финикийскими. Он доказывал, что более вероятно их греческое происхождение [35, с. 48]. На наш взгляд, греческий патриот Геродот не стал бы умалять заслуги греческих моряков и приписывать такое выдающееся достижение финикийцам — традиционным соперникам греческих купцов-мореходов. Поэтому поверим ему и еще раз воздадим должное отваге и высокой морской выучке древних финикийских моряков, успешно осуществивших такое трудное и опасное плавание.

Об искусстве финикийских моряков свидетельствует и крупная колониальная экспедиция карфагенян в Западную Африку под командой флотоводца Ганнона, проведенная в конце VI — начале V в. до н.э. О ней известно из «Перипла» Ганнона, сохранившегося до наших дней (к сожалению, лишь в греческом переводе X в.). Там указано, что Ганнон возглавил экспедицию из 60 больших пятидесятивесельных судов-пентеконтер, на которых находилось 30 тыс. колонистов. На суда погрузили «хлеб и другие припасы». Значит, на каждом корабле разместилось 500 человек, что почти невозможно.

Историк А.Д. Снисаренко считает, что вероятнее всего, на каждом корабле было не более 100 человек [3, с. 103]. На наш взгляд, такая оценка количества участников экспедиции — 6—8 тыс. моряков и колонистов — значительно ближе к истине.

Возможно, что эта массовая эмиграция была вызвана обострением борьбы карфагенских бедняков против богачей-аристократов. Последние, чтобы обезопасить себя, решили предоставить суда и припасы для желающих уплыть в далекие края и основать новые колонии. Именно об этом сообщал римский историк I в. до н.э. Гай Саллюстий: «...финикийцы, одни ради уменьшения населения на родине, а другие из жажды власти, возбудив плебс [простой народ. — Авт.] и прочих, жадных до новшеств, основали колонии на морском побережье...» [35, с. 45].

Экспедиция Ганнона основала семь новых колоний. Керна, самая южная из них, разместилась на небольшом острове или полуострове, видимо, в заливе Рио-де-Оро в Западной Африке. Это уже была тропическая Африка, населенная темнокожими «эфиопами». Все остальные колонии были расположены на атлантическом берегу Африки в современном Южном Марокко на плодородных прибрежных равнинах.

До какой самой южной точки западного побережья Африки добрались корабли Ганнона? В «Перипле» указано, что колония Керна была основана на таком расстоянии к югу от Столпов Мелькарта (Гибралтарского пролива), на каком к востоку от них находился Карфаген.

Пройдя далее на юг, карфагеняне обнаружили «реку большую и широкую, в которой было много крокодилов и гиппопотамов» (видимо, это был Сенегал). Оттуда Ганнон вернулся к Керне и вновь повернул на юг. Как указано в «Перипле», примерно через 20—25 дней плавания «...ночью мы увидели землю, заполненную огнем; в середине же был некий огромный костер, достигавший, казалось, звезд. Днем оказалось, что это была большая гора, называемая Колесницей богов. Плывя оттуда три дня мимо горячих потоков [очевидно, потоков лавы, которые текли прямо в море. — Авт.], мы прибыли в залив, называемый Южным Рогом... дальше мы не плавали, так как пища у нас кончилась» [44, с. 26].

Ряд ученых считает, что это реалистическое описание более всего соответствует действующему и в настоящее время вулкану Камерун высотой 4070 м, расположенному недалеко от экватора у 4 градуса с. ш. на берегу залива и поэтому кажущемуся очень высоким.

В заливе Южный Рог на одном из островов моряки обнаружили стадо крупных обезьян. Переводчики называли их гориллами. После возвращения в Карфаген три шкуры убитых моряками горилл были помещены в храм, где они находились до уничтожения города римлянами в 146 г. до н.э. Безусловно, плавание карфагенян почти к самому экватору также было выдающимся достижением древних моряков.

До сих пор открыт в исторической науке вопрос: достигали ли финикийские моряки Канарских и Азорских островов, а также о. Мадейра. Видимо, на некоторых из них они все же побывали.

Об интенсивном плавании финикийских купцов у западных берегов Африки свидетельствует и ряд древнегреческих источников. Так, в «Перипле внутреннего моря», составленном неизвестным автором, которого ученые условно назвали Псевдо-Скилаком, в середине IV в. до н.э. сказано: «Целиком же плавание от Геракловых Столпов до о. Керна [продолжается. — *Авт.*] 12 дней...Однако местность за Керной непригодна для плавания из-за мелей, ила и водорослей...Торговцы же здесь — финикийцы; когда они подходят к острову, они ставят на якорь грузовые суда, а на [самой. — *Авт.*] Керне разбивают для себя шатры, сами же забирают товары и перевозят их на материк на малых судах. На материке живут эфиопы; как раз с ними-то и идет торговля.

Иноземцы продают [свой товар. — *Авт.*] в обмен на олени, львиные, леопардовые шкуры, на кожи домашних животных, на бивни слонов...Финикийские же купцы ввозят мирру, египетский камень [видимо, драгоценные камни. — *Авт.*], камушки для украшения, керамическую посуду из Аттики и кувшины для вина...Эфиопы...из винограда...приготавливают много вина, еще его доставляют им и финикийцы. Есть у них Большой город, к которому подплывают финикийские купцы. Некоторые утверждают, что селения этих эфиопов тянутся до

самого Египта и море это — сплошное, а Ливия — полуостров» [17, с. 51].

Первое дальнее плавание карфагенян в Атлантическом океане в северном направлении по отношению Столпов Мелькарта древнеримские авторы натуралист Плиний Старший (I в. н.э.) и поэт Руф Фест Авиен (IV в. н.э.) приписывают флотоводцу Гимилькону, жившему в конце VI — начале V в. до н.э. Авиен в своем сочинении «Морские берега», ссылаясь на древние карфагенские летописи, сообщил, что Гимилькон доплыл даже до Британских островов. Но, видимо, такие плавания финикийцы совершали и ранее.

Поэт описывает далекий западный край Европы: «Тут начинается залив Атлантический... широко открыт залив Эстремнидийский. В нем лежат те острова, которые зовутся Эстремнидами... богаты они металлами, свинцом и оловом. Народу много тут живет... Они широко бороздят и море бурное, и бездны океана, чудищ полные... но — чудное дело — они готовят себе корабли из шитых шкур... Гимилькон... с трудом доплыв сюда, говорит, что сделать такой путь возможно только в 4 месяца... Далее на запад от этих Столпов море безбрежно, как говорит Гимилькон... Никто не доходил до этих вод, никто на эти моря не посылал своих кораблей» [35, с. 52; 6, сс. 103, 119].

Мы мало знаем о плаваниях финикийцев и можем зачастую только догадываться о маршрутах движения их судов в дальних морях, которые составляли торговые тайны финикийцев-купцов. Они старались, чтобы сведения о дальних странах, посещаемых ими, не попали в руки торговых конкурентов и врагов, сперва греков, а затем римлян. Античные историки не раз сообщали о готовности финикийцев пожертвовать кораблем, грузом и даже жизнью, но сохранить при этом в тайне маршрут следования судна.

По этому поводу Страбон в I в. до н.э. писал: «Когда римляне однажды пустились преследовать какого-то финикийского капитана корабля, чтобы самим узнать местонахождение торговых портов, то этот капитан из алчности [справедливее было бы сказать в этом случае — из патриотизма и преданности долгу. — Авт.] намеренно посадил свой корабль на мель, погубив таким образом своих преследователей. Сам, однако, он спасся на обломках разбитого корабля и получил

от государства возмещение стоимости потерянного груза» [5, сс. 175, 176].

Ясно одно, и морское дело, и судостроение, и греческая культура многим обязаны смекалистым и предприимчивым «багровым людям». Шли столетия, человека по-прежнему манили море, новые земли за горизонтом, опасные приключения и неведомые народы. Морскую эстафету от финикийян приняли и понесли далее древние греки и римляне.

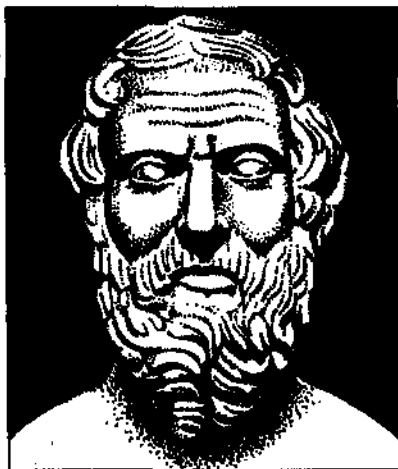
ГЛАВА 9. ПУТЕШЕСТВИЕ ПИФЕЯ

*Все паруса распустив и земли пустынной пределы
С правой имея руки, под дыханьем Зефира поплыли.
С новой зарей увидали они изгиб побережья —
Мыс, выбегавший вперед, и за мысом лежащее море.
Вскоре улегся Зефир, и дыхание быстрого Нота
Их вперед понесло.*

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика»
[Зефир — западный ветер,
Нот — южный. — *Авт.*]

Этому древнему греку, жившему во второй половине IV в. до н.э., уготована была странная посмертная судьба. Некоторые известные античные географы считали его закоренелым лжецом, другие античные ученые признавали его научные заслуги, ссылались на него и цитировали его сочинения. Так кто же он был, Пифей из Массалии (так назывался в древности Марсель)? Известно по обмолвкам античных авторов, что Пифей совершил одно или два путешествия в «страны олова и янтаря» и написал одно-два сочинения — «Об океане» и (или) «Описание Земли» [45, с. 13]. Его сочинения не сохранились, поэтому попытаемся проанализировать сведения о Пифее, дошедшие до нашего времени в ряде произведений античных географов, астрономов и историков.

Особенно пристрастны были к Пифею древнегреческие географ Страбон (ок. 64/63 г. до н.э. — 23/24 г. н.э.) и историк и путешественник Полибий (ок. 201—120 гг. до н.э.). Вот одно из высказываний Страбона о Пифее: «...Фулу [Туле. — *Авт.*] среди всех известных стран считают самой северной. Но то, что все рассказы Пифея о Фуле (как и о других местах этой области) действительно являются измышлениями, очевидно из его сообщений об известных нам странах; ведь в большин-

«Отец истории» Геродот
(V в. до н.э.) признал,
что достоверно ничего не знал
о северо-западе Европы

стве случаев он сообщал о них, как я уже сказал раньше, ложные сведения, поэтому он, очевидно, еще больше лгал об отдаленных странах» [5, с. 201].

Категорически отвергал Страбон сообщение Пифея о том, что обитаемая часть Ойкумены простирается далее на север, чем предполагали до этого древние греки: «Пифей из Массалии говорит, что Фула, самый северный из Бреттанских островов, является наиболее отдаленной страной и там летний тропик одинаков с полярным кругом [то есть в Фуле меняющийся полярный круг имеет определенную величину летнего тропика.

Отсюда широта Фуле является дополнением широты земного тропика. — *Авт.*] У других писателей я не нашел ничего по этому вопросу: ни о том, что существует какой-то о. Фула, ни о том, что земля до тех пор обитаема, где летний тропик становится полярным кругом. Я полагаю, что северный предел обитаемого мира гораздо южнее того места, где летний тропик становится полярным кругом. Ведь современные писатели ничего не могут сообщить о какой-либо стране севернее Иерны, которая находится к северу от Бреттании и вблизи от нее и является местом обитания совершенно диких людей, вследствие холода живущих в скудости; поэтому я полагаю, что северный предел обитаемого мира следует считать здесь» [5, с. 114].

Мы не будем приводить все обвинения Пифея во лжи со стороны античных авторов. Сейчас с высоты современных знаний о Земле и о северных странах абсолютно ясна беспочвенность этих обвинений. Так что со сведениями Страбона о Пифее и его путешествиях получилось то же, что с сообщениями «отца истории» Геродота о плавании финикийян вокруг Африки: то, что вызывало сомнения у древних авторов, для

нас служит подтверждением истинности рассказов древних путешественников о их плаваниях в неведомые страны.

До путешествия Пифея античный мир фактически достоверно ничего не знал о северо-западе Европы. Геродот был вынужден признать это: «Что же до самых отдаленных стран Европы, именно на западе, то я не могу сообщить о них ничего определенного. Я-то ведь не верю в существование реки, называемой у варваров Эриданом, которая впадает в Северное море (откуда, по рассказам, привозят янтарь). Я ничего не знаю также, существуют ли действительно острова Касситериды, откуда к нам привозят олово. Ведь само название «Эридан» оказывается эллинским, а не варварским и придумано каким-нибудь поэтом. С другой стороны, несмотря на все мои старания, я не мог ни от одного очевидца узнать подробности об этом море на севере Европы. Впрочем, верно то, что олово и янтарь привозят из самых далеких стран» [39, 111, 115].

Поэтому сведения, сообщенные Пифеем, не были восприняты в качестве правдивых многими его современниками и в особенности рядом (но не всеми) античных ученых последующих столетий.

Так что же нам достоверно известно о путешествиях Пифея и о чем можно догадываться? Пифей из Массалии совершил во второй половине IV в. до н.э. плавание к берегам Северо-Западной Европы. О Пифее нет ни слова в сочинениях Аристотеля, скончавшегося в 322 г. до н.э. Но о нем упоминает ученик Аристотеля Дикеарх из Мессины. Значит, косвенно можно определить время путешествия Пифея около 320 г. до н.э.

При этом он несомненно достиг берегов Британии. Вполне возможно, что это ранее сделали финикийцы или карфагенянин Гимилькон. Но именно Пифей четко определил местонахождение крупнейшего острова Европы, его конфигурацию и размеры и первым назвал его Британией.

Даже в отношении возможности снаряжения экспедиции Пифея Страбон выражает свои сомнения и приводит мнение Полибия: «Таким образом, во-первых, Полибий считает невероятным, чтобы частный человек — и к тому же бедняк — мог проехать такое большое расстояние по морю и суше» [5, с. 104].

Но ведь в IV в. до н.э. Массалия была самостоятельным городом-полисом, крупным портом и торговым центром западного Средиземноморья. Из Массалии вывозили в Италию и Элладу лен, полотно, сушеную и соленую рыбу, зерно, сушеные фрукты в обмен на ремесленные изделия: посуду, ювелирные украшения, а также вино и оливковое масло.

Купцы Массалии торговали с кельтами и германцами. Важной транспортной артерией этой торговли являлась р. Рона, по которой массалийские купцы отправляли вино и масло, а также кораллы и гранаты с Йерских островов (у южного побережья Галлии). В обмен кельты и германцы привозили в Массалию олово и янтарь. А оттуда эти ценные материалы перепродавались в Грецию для изготовления там бронзы и украшений из янтаря [46, с. 213].

Известно, что олово и янтарь высоко ценились в античную эпоху. Так, древнеримский ученый Гай Плиний Старший (24—79 гг. н.э.) в своей «Естественной истории» с возмущением писал: «Как драгоценность он [янтарь. — *Авт.*] имеет такую высокую цену, что за самую маленькую изготовленную из него фигурку платят больше, чем за живого здорового человека [раба. — *Авт.*], — распутство, которое заслуживает многократного порицания» [6, с. 369].

Так что купцы Массалии были очень заинтересованы в разведывании районов добычи олова и янтаря и скупке этих ценных материалов. Поэтому, вероятнее всего, они и предоставили средства для проведения экспедиции. А то, что ее возглавил наблюдательный и образованный человек, который, судя по всему, был хорошо знаком с астрономией и географией, явилось счастливой случайностью, какие случаются в истории научных исследований.

Каков был маршрут Пифея к берегам Британии и далее на север? Многие историки считают, что весь путь из Массалии в Британию он проделал морем, пройдя Геракловы Столпы (Гибралтарский пролив). Правда, знаток древнего мореходства А.Б. Снисаренко является сторонником другой версии. Он считает, что Пифей по Днепру, Березине и Западной Двине вышел в Балтику, поплыл на запад и по Северному морю добрался до Британии [3, с. 117]. Нам кажется, что эта версия менее достоверна, чем первая. Ведь А.Б. Снисаренко согласен с тем, что возвратился Пифей на родину, пройдя Бискай-

ский залив, и вдоль побережья Пиренейского полуострова, а затем через Геракловы Столпы в Средиземное море. Древнегреческое морское судно, на котором плыл Пифей, вряд ли могло быть проведено через Днепровские пороги и волок между притоками Березины и Западной Двины. Да и сам путь, по которому через 1200 лет ходили «из варяг в греки» и обратно, был в эпоху Пифея практически абсолютно незнаком средиземноморским народам.

Ряд историков утверждают, что Пифей не мог выйти в Атлантику через Геракловы Столпы, так как в IV в. до н.э. Карфаген установил блокаду пролива и не пропускал в океан торговые суда греков. Значит, Пифей поплыл по рекам Галлии — Роне и Луаре — и затем вышел в Атлантику.

Другие ученые резонно возражали, указывая на то, что в сведениях, сообщенных Пифеем о своем путешествии, нет никаких упоминаний о плавании по рекам через Галлию, и, как пишет Л.А. Ельницкий, «во всяком случае путешествие, якобы им предпринятое, не увеличило ничуть познаний греков о внутренних областях Галлии в доцезареву эпоху» [48, с. 116].

Нам кажется более вероятным, что Пифей отправился в путешествие через Геракловы Столпы и обогнул с юга Пиренейский полуостров. Предполагается, что он вышел из Масалии в марте. Пройдя Геракловы Столпы, путешественник проследил все побережье Галльского моря — Бискайского залива — и первым отметил большую излучину, образованную берегом Атлантического океана к северу от Пиренейского полуострова. Это, естественно, имело важное значение для расширения географических знаний античных ученых об Иберии (Пиренейском полуострове) [47, с. 30]. Затем Пифей пересек Галльский пролив (Ла-Манш) и достиг юго-западного побережья Великобритании.

Отечественные исследователи истории географических открытий И.П. Магидович и В.И. Магидович считают, что «Пифей высадился на гористый полуостров Корнуолл и, вероятно, именно там услышал название Альбион, которое позднее распространили, неправильно произведя его от латинского *albus* (белый), на весь полуостров. По более правдоподобному толкованию «Альбион» — кельтский термин, означающий «Горный остров» [35, с. 88].

Возможно, Пифей побывал в центрах добычи и торговли оловом на о. Уксисама (о. Уэссан к западу от полуострова Бретань), на Корнуолле и на островах у берегов Корнуолла.

Видимо, из сочинений Пифея почерпнул свое знание о жителях юго-запада Британии Диодор Сицилийский (I в. до н.э.): «Жители Британии, обитающие около мыса Белерион [современный мыс Лэндс-Энд, юго-западная оконечность Великобритании. — *Авт.*], весьма гостеприимны и, занимаясь торговлей с иноземными купцами, стали более цивилизованными. Они добывают олово, искусно выплавляя его из руды. Из олова они изготавливают слитки в виде кубиков и переправляют их на близлежащий остров Иктис [Сент-Майклс-Маунт, Корнуэлл. — *Авт.*]. Когда отмель при отливе обнажается, они перевозят туда большое количество олова на повозках... Там олово скупают у жителей купцы и переправляют его в Галлию, а через 30 дней оно попадает к устью Роны [то есть в Массалию. — *Авт.*]» [6, с. 175].

Пифей выяснил из расспросов местных жителей, что за морем, омывающим побережье Корнуолла, лежит большой остров. Его античные авторы называли «Иерна» и «Иберния». Это была Ирландия.

Далее, вероятнее всего, Пифей поплыл на север, пересек Иернское (Ирландское) море и вышел из него Северным проливом. При этом он не мог не видеть северо-восточный берег Ирландии. Но он неверно определил его местоположение и утверждал, что остров расположен к северу от Британии. Затем Пифей побывал на Гебридских и Оркнейских островах, расположенных у северо-восточных и северных берегов Шотландии.

После этого Пифей направился к северу и достиг какого-то острова, который позднее в географической литературе именовали латинскими словами *Ultima Tule* («Крайняя Туле»). Согласно сообщениям античных авторов эта земля находится где-то на северных румбах от Шотландии в 5—6 днях пути. Если принять протяженность дневного перехода судна в 100 миль, то до Туле от северного побережья Шотландии 500—600 миль, что примерно равно расстоянию до Исландии.

Согласно Страбону, Пифей считал, что широта Туле является дополнением широты земного тропика [5, с. 114]. Считая широту последнего 24 градуса, Пифей помещал Туле на

66 градусе с. ш. И мнения ученых по поводу конкретного отождествления Туле с землями, расположенными примерно в полосе 66-й параллели, очень разнятся.

И.П. Магидович и В.И. Магидович согласны с выводами канадского полярного исследователя и автора многочисленных книг о Севере В. Стефансона, который, обобщив работы древних авторов, пришел к выводу, что Туле — это Исландия. Об этом свидетельствуют сообщения Пифея о продолжительности дня и ночи в Туле в летний и зимний периоды, которые соответствуют исландским данным, часть — для южного побережья, другая — для северного.

Подтверждением того, что Туле — это Исландия, можно считать и сообщение Пифея о близости Туле (один день плавания) к «замерзшему морю». Ведь Пифей мог добраться до Исландии в середине лета, а первые плавающие в Восточно-Гренландском течении морские льды в это время ежегодно можно встретить примерно менее, чем в 100 милях севернее Исландии [35, с. 89].

А вот Р. Хенниг считает, что Туле находится на западном побережье Норвегии. Это утверждение обосновал в 1911 г. известный полярный исследователь и знаток древнего мореходства на Севере Ф. Нансен, развивший по этому поводу идеи немецкого геолога Л. Буха, высказанные еще в начале XIX в. [6, с. 185].

Р. Хенниг убежден, что Туле — это Норвегия в районе Тронхеймс-фьорда. Его убежденность основана, во-первых, на том, что эта область находится у 64 градуса с. ш., то есть к ней подходит описание Пифея, что летние ночи, как и в Исландии, продолжаются там всего 2—3 часа. Пифей считал Туле островом, но и Скандинавию до XI в. и даже позже также считали островом, а не полуостровом. А главное, Р. Хенниг считает, что в те времена уже существовали прочные торговые связи между Британией и Норвегией (обмен британского металла на северные меха). Значит, Пифей отправился в шестидневное плавание по Северному морю не наугад, а с явной целью попасть в известные британцам земли. В те времена мореходы обычно не совершали плаваний в открытом море наобум, без видимой цели. В отличие от Исландии, которая в эпоху Пифея была безлюдной, Туле являлась заселенной землей. Ее жители занимались земледелием и торговлей [6, сс. 186—188].

В единственно достоверном оригинальном отрывке из утерянного сочинения Пифея, приведенном в труде древнегреческого астронома Гемина (I в. до н.э.), речь идет о коренных жителях Туле: «Варвары показали нам то место, где солнце отправляется на покой. Ибо случилось как раз, что ночь в этих областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других — три часа, так что через короткое время после захода солнце снова поднималось» [6, с. 175].

В подтверждение своих взглядов по идентификации о. Туле как побережья Средней Норвегии, Р. Хенниг приводит слова древнеримского писателя III в. н.э. Гая Юлия Солина: «Плавание от Оркнейских островов до Туле продолжается 5 дней и 5 ночей. Туле плодородна и богата поздно созревающими плодами. С начала весны жители там живут вместе со своим скотом и питаются кореньями и молоком; для зимы они запасают плоды деревьев» [6, с. 178].

А.Б. Снисаренко в свою очередь высказал любопытную, но, на наш взгляд, спорную гипотезу, что «наиболее вероятным претендентом на роль Туле представляется открытый в начале XVII в. о. Ян-Майен» [3, с. 130].

Описывая район Северной Атлантики, Пифей дал образную картину густого тумана, который, видимо, так поразил греков: «Он... прибавил рассказ о Фуле и об областях, где нет более ни земли в собственном смысле, ни моря, ни воздуха, а некое вещество, стусившееся из всех этих элементов, похожее на морское легкое; в нем, говорит Пифей, висят земля, море и все элементы, и это вещество является как бы связью целого: по нему невозможно ни пройти, ни проплыть на корабле. Что касается этого, похожего на легкое вещество, то он утверждает, что видел его сам, обо всем же остальном он рассказывает по слухам» [5, с. 104].

Очень изящное разъяснение этого отрывка из рассказа Пифея дает А.Б. Снисаренко: «Ян-Майен почти всегда окутан туманом. Зимой пуржистая туманная мгла сливается с покрывающей море шугой и плавучим пористым льдом, образуя сплошную слепящую массу, по которой нельзя ни ходить, ни плавать на легких судах. Вероятно, это и есть то «морское легкое», которое доставило столько хлопот толкователям Пифея» [3, с. 131]. Правда, следует прибавить, что Пифей плавал в Северной Атлантике летом, а не зимой, и утверждал, что видел «морское легкое» сам.

Северо-западная Европа по Пифею

Можно предположить, что от Туле Пифей направился на юг и прошел вдоль всего восточного берега Британии до Кантия (Кента), юго-восточного выступа острова. По словам Страбона, «Пифей... заявляет, что длина Бреттании больше 20 000 стадий» [5, с. 63], тогда как фактическая протяженность Британских островов с севера на юг более, чем в три раза меньше. Но он довольно верно представлял контур острова в виде треугольника с соотношением сторон 3: 6: 8 (южное, восточное и западное побережье) и приблизительно верно определил их длину — по Пифею «береговая линия острова составляет более 40 тыс. стадий» [5, с. 104], а это 7104 км (фактически в наше время она примерно на 925 км больше) [3, с. 122].

Страбон передал первые достоверные сведения о природе, сельском хозяйстве и быте жителей Британии и расположенных к северу и к западу от нее островов, сообщенные

Пифеем: «Он, по-видимому, достаточно хорошо использовал бывшие в его распоряжении факты в отношении людей, живущих вблизи холодного пояса, говоря о крайней скудости и недостатке домашних животных и плодов, о том, что люди, живущие там, питаются просом и другими злаками, плодами и кореньями; а где есть хлеб и мед, там из них готовится и напиток [видимо, пиво. — Авт.]. Что касается хлеба, говорит он, то, так как у них не бывает ясных солнечных дней, они молотят хлеб в больших амбарах, свозя его туда в колосьях; ибо молотильный ток они не употребляют из-за недостатка солнечных дней и из-за дождей» [5, с. 201].

От юго-восточного побережья Британии Пифей направился на северо-восток вдоль берегов Европы и достиг берегов Германии. По пути он видел ряд безлюдных (Фризских) островов и доплыл до места, где кончаются области, заселенные кельтами, и начинаются «земли скифов». У Плиния находим: «Пифей сообщает, что германское племя гуйонов обитает на отмели моря, называемого Метуонис, простирающейся на расстоянии 60 тыс. стадий. Оттуда якобы один день плавания на парусниках до острова Абалус. На этот остров волны весной выбрасывают янтарь, который является продуктом сгустившегося моря. Жители применяют его в качестве топлива вместо дров и продают соседним им тевтонам» [6, с. 176]. Значит, Пифей открыл побережье Нидерландов и северо-западное побережье Германии с прилегающими островами, до о. Гельгоlanda и устья Эльбы включительно. Ученые спорили по вопросу идентификации о. Абалус. Но следует помнить, что 2300 лет назад германское побережье Северного моря в районе устья Эльбы выглядело совсем иначе, чем теперь. В частности, район современной нижней Эльбы представлял собой большой залив, в котором, возможно, были острова и среди них о. Абалус.

Ранее в XIX в. польский ученый И. Лелевель и французский ученый Л. Вивьен де Сен-Мартен считали, что Пифей мог обогнуть полуостров Ютландия и проникнуть в Балтийское море. Посещенный, видимо, Пифеем о. Абалус располагается в восточной части Балтийского моря.

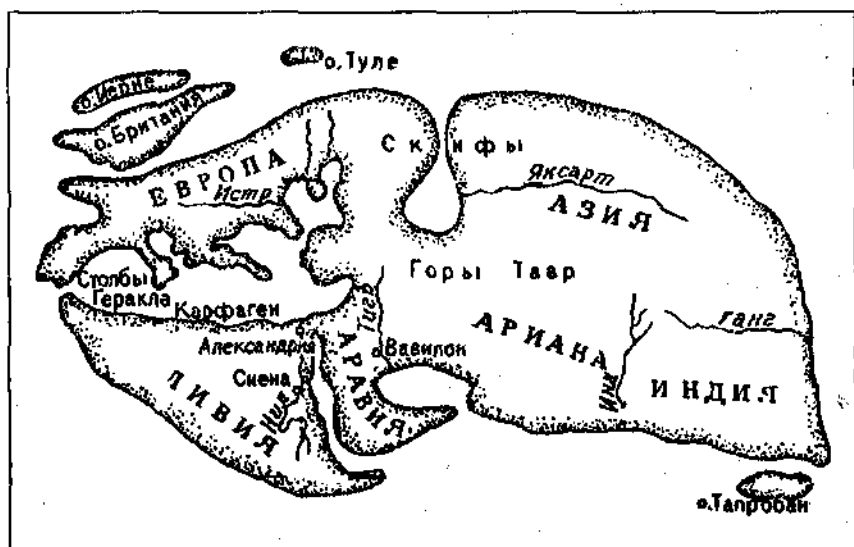
Но Р. Хенниг, крупный авторитет в области древнего мореходства, в этом отношении категоричен и заявляет: «Приписываемые Пифею плавания вокруг северного побережья

Ютландии в Балтийское море к Земландскому полуострову или, чего доброго, даже к Неве представляют собой фантастические вымыслы» [6, с. 192]. Более того, он считает, что самое правдоподобное и убедительное объяснение Пифеевского «морского легкого» заключается в следующем: речь шла об отмелях в Северном море во время отлива в прибрежных районах Нидерландов и Германии, «где вода как бы дышит, подобно живому организму. Такая отмель обычно покрыта густой сетью водных потоков, разветвленных наподобие легкого. И ее действительно нельзя считать ни сушей, ни водой, а смесью того и другого да еще воздуха, когда она покрыта густым туманом Северного моря. Ни ходить, ни плыть по ней нельзя. Кроме того, потоки, образующиеся в покрывающем отмель иле во время отлива, своими многочисленными разветвлениями поразительно напоминают кровеносную систему легких» [6, с. 198]. Нам кажется, что это наиболее верное объяснение Пифеевского «морского легкого».

Не все античные ученые категорически отрицают ценность открытий и наблюдений Пифея. Так, сведения об атлантическом побережье Западной Европы и островах в океане использовал древнегреческий географ, картограф, астроном и математик Эратосфен Киренский (ок. 276—194 гг. до н.э.) при составлении карты известного тогда обитаемого мира — Ойкумены.

Эратосфен и древнегреческий астроном Гиппарх Никейский (ок. 190/180—125 гг. до н.э.) согласились с расчетами Пифея по поводу равноденствий, широт определенных пунктов и наклона эклиптики. Вот характерная цитата из Страбона: «Эратосфен, определяя широту обитаемого мира, утверждает, что от Мерое, на меридиане, проходящем через Мерое, до Александрии [в Египте. — *Авт.*] 10000 стадий, оттуда до Геллеспонта — около 8100, потом до Борисфена [Днепра. — *Авт.*] — 5000: далее, до параллельного круга, проходящего через Фулу (которая, по словам Пифея, отстоит от Британии к северу на 6 дней морского пути и находится вблизи замерзшего моря), около 11 500 стадий. Таким образом, если мы еще добавим 3400 для стран к югу от Мерое, то получим 38 000 стадий...

Что касается отношения солнечных часов к тени, которое Пифей указывал для Массалии, то Гиппарх заявляет, что в Византии он нашел то же самое отношение в то же время года» [5, сс. 62, 63]. Кстати, измеряя отношение высоты гномона к

Карта Ойкумены Эратосфена

длине его тени в Массалии, Пифей определил широту, на которой располагался город, равной 43 градуса 13 минут, что всего на 6 минут меньше истинной широты Марселя. При этом им был рассчитан и принят угол наклона эклиптики к экватору — 24 градуса, что также почти соответствует современным данным (23 градуса 27 минут).

Гиппарх подтверждает сообщение Пифея о том, что «небесный полюс лишен звезды, это пространство свободное, а рядом с ним имеются три звезды, расположенные так, что вместе с полюсом образуют почти правильный четырехугольник» [3, с. 123].

По мнению Л.А. Ельницкого, эти звезды были Бета Малой Медведицы, а также Альфа и Каппа Дракона. Точка Северного полюса в середине IV в. до н.э. была ближе всего к звезде Бета Малой Медведицы, в то время как ныне она удалена от звезды Альфа этого созвездия лишь на градус [48, с. 120]. А ведь древние греки до Пифея ничуть не сомневались, что Полярная звезда (Альфа Малой Медведицы) — это и есть точка Северного полюса.

Высоко ценит, ссылается на Пифея и цитирует его в своей «Естественной истории» древнеримский ученый Плиний

Старший: «В середине лета, когда небесный свод поворачивается влево, солнце весь день непрерывно освещает низины, тогда как зимой, совершив полукруг, делает ужасно холодной ночью: об этом узнал, по его словам, Пифей из Массалии на острове Туле» [46, с. 220].

Плиний повторяет высказывания Пифея о полярной ночи в полунощных странах продолжительностью до 6 месяцев, о замерзшем море на расстоянии одного дня морского пути от Туле, цитирует Пифея по поводу приливов и отливов, этом новом для античного мира природном явлении, которое именно Пифей связал с воздействием Луны, по поводу янтаря и по поводу Океана.

Правда, ряд более поздних античных авторов ставили под сомнение правильные выводы Пифея о причинах некоторых природных явлений. Так, Аэций не согласен с массалийцем и пишет: «Пифей из Массилии утверждает, что морской прилив вызывается прибывающей, отлив — убывающей луной» [6, с. 177]. Древнегреческий астроном Гемин (I в. до н.э.) просто цитирует без всяких комментариев сообщение Пифея о белых ночах, видимо, как самоочевидную вещь, так как в Средиземноморье такого явления не бывает.

Интерес к путешествию Пифея, его наблюдениям начинает проявляться уже в начале эпохи Возрождения. Известный поэт Франческо Петрарка (1304—1374 гг.) опрашивает британских послов при папском дворе в Авиньоне о таинственной Туле, но послы, естественно, не могли сообщить высокоученому поэту ничего вразумительного. Петрарка в одном из своих писем ссылается на Плиния Старшего и вопрошает о том, кем мог быть этот Пифей из Марселя, чьими сведениями пользуется прославленный римский ученый.

Наконец Казобон Женевский, известный гуманист, публикует в 1587 г. первое в новое время полное собрание сочинений Страбона (нумерация страниц в этом издании до сих пор принята в качестве международной при цитировании сочинений Страбона) и удивляется в своих комментариях, почему этот географ отвергает сообщения Пифея. Ведь в это время уже была абсолютно ясна их правдивость и достоверность. Казобон считал, что Туле — это Исландия, открытая в IX в. норвежскими викингами.

В 1636 г. знаменитый философ, математик и астроном Пьер Гассенди повторяет измерения длины тени гномона — солнеч-

ных часов в день летнего солнцестояния в Марселе и публикует отчет о своих опытах, где полностью подтверждает расчеты Пифея: «Пришел ко мне Пифей, снискавший и любовь Отечества, и благосклонность Граждан тем, что отправился на север, подобно тому как Эвтимен [древнегреческий мореплаватель из Массилии. — *Авт.*] — на юг, по Атлантическому океану: рассказать о виденных им землях, вплоть до самых отдаленных. И не без пользы, ибо подобно тому как Сенека [древнеримский философ и писатель I в. н.э. — *Авт.*] оклеветал Эвтимена, так и Страбон вслед за Полибием на редкость лживо изобразил Пифея: разумеется, он был и философом, а следовательно, поборником истины; что же касается его наблюдений за небом, то он был сведущ в Математике, а значит, и весьма искусен в Астрономии» [46, с. 222].

Слава Пифея в это время растет. Даже был заказан его портрет знаменитому Рубенсу. Много пишут о Пифее в XVIII и XIX вв. Знаменитый мореплаватель Бугенвиль в 1753 г. писал: «Пифей — один из древнейших писателей, известных в нашей стране, а может быть и на всем Западе. Умелый астроном, хитроумный физик, дотошный географ, отважный путешественник, он отдал все свои таланты на службу родине; его путешествия, открывшие новые торговые пути, обогатили естественную историю и помогли совершенствованию знаний, касающихся земного шара» [46, с. 222].

В 1900 г. в Марселе во время празднования 2500-летия основания города была установлена статуя Пифея.

В завершение очерка приведем слова выдающегося деятеля страны, впервые в истории описанной Пифеем. Уинстон Черчилль отметил, что «Пифей из Марселя — один из крупнейших мореплавателей, каких знает история. В середине IV в. до н.э. он совершил путешествие, подтвердив существование Британских островов — Альбиона и Иерны. Но Пифея сочли лжецом, и только после распада того мира, в котором жил этот великий первооткрыватель, люди прониклись восхищением к его деяниям. Даже в III в. до н.э., если римляне действительно знали о существовании трех больших островов — Альбиона, Иерны и Туле (Исландия), — мысль об этом отдавала фантастикой. Все лежащее на окраине мира представлялось им чудовищным и странным» [46, с. 225].

ГЛАВА 10. ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ «ПЕРИПЛ КАСПИЙСКОГО МОРЯ»

*...Ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели.*

Гомер. «Одиссея»

Для древних греков VI—V вв. до н.э. Каспийское море находилось у самой границы Ойкумены — обитаемого и знакомого им мира. Представления о его очертаниях были самые смутные. Правда, «отец истории» Геродот (484 — между 431—425 гг. до н.э.) вполне справедливо утверждал: «Каспийское же море — это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем. Ведь море, по которому плавают элины, именно то, что за Геракловыми Столпами [Гибралтарским проливом. — Авт.], так называемое Атлантическое и Красное море — все это только одно море. Напротив, Каспийское море — это море совершенно особого рода. Длина его — 15 дней плавания на гребном судне, а ширина в самом широком месте — 8 дней. На западе оно граничит с Кавказским хребтом» [39, 1, 202, 203].

Как видим, Геродот четко обозначил, что Каспийское море не связано с Океаном, который, по воззрениям древних греков, омывал всю обитаемую Ойкумену и частью которого являлись Атлантический и Индийский океаны.

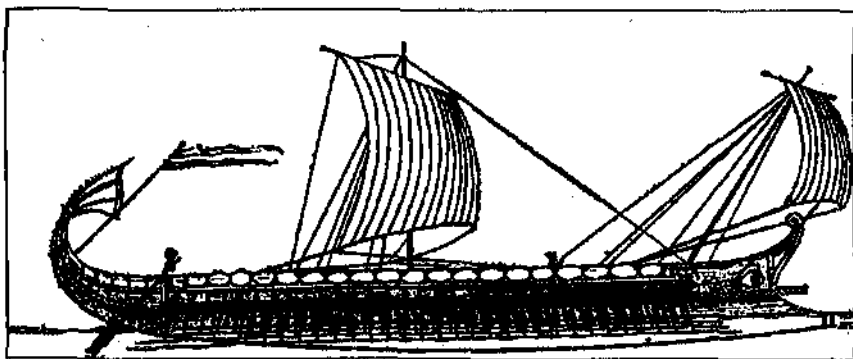
И у великого ученого античности Аристотеля (384—322 гг. до н.э.) Каспий правильно описывается как закрытый бассейн (озеро), хотя в одном месте он ошибочно упоминает о Пирканском и Каспийском морях, как о двух разных бассейнах, так что некоторые исследователи истолковывают это место

довольно вольно, стремясь приписать Аристотелю то, что он знал о существовании Арала. У Аристотеля есть и другое упоминание об «озере под Кавказом» (что несомненно подразумевает Каспий), которое, как предполагалось, имеет подземную связь с Черным морем [13, с. 133].

Но сомнения насчет озерного характера Каспийского моря у древних остались. Древний греко-римский историк Арриан (II в. н.э.) сообщил, что Александр Македонский во время своего завоевательного похода на восток (30—20 гг. IV в. до н.э.) задумал послать экспедицию под командой своего военачальника Гераклида для выяснения вопроса, является ли Каспийское море внутренним озером или морским заливом мирового Океана: «У него [Александра. — *Авт.*] явилось желание исследовать так называемое Каспийское или Гирканское море, с каким морем оно соединяется, не с Эвксинским ли Понтом [Черным морем. — *Авт.*], и не впадает ли Великое Восточное море с востока, со стороны Индии, в Гирканский залив [то есть в Каспийское море. — *Авт.*], так как, по его изысканиям, Персидский залив и так называемое Красное море оказались заливом Великого моря. Начало Каспийского моря не было еще найдено, хотя кругом него жило немало народов и в него впадали судоходные реки» [6, с. 244].

Ранняя кончина Александра помешала осуществлению этого плана. Один из диадохов, полководцев и преемников Александра Македонского, которому досталась после раздела восточная часть созданной последним империи, Селевк I Никатор (время правления 306—281 гг. до н.э.) поручил своему доверенному Патроклу обследовать Каспийское море и составить его перипл (описание).

О самом Патрокле известно немного. До своего путешествия по Каспию он по поручению Селевка побывал послом в Индии и рассказал об этой стране. По мнению немецкого историка XIX в. Суземиля, Патрокл был «автором весьма достоверных сообщений и не занимался, подобно Мегасфену и Диамарху, передачей легенд, которые рассказывали ему индийцы, а писал главным образом о том, что видел своими глазами; при этом Патрокл был образованным человеком, обладавшим знаниями в области географии и математики» [6, с. 249]. Не случайно у Плутарха (II в. н.э.) Патрокл изображен в качестве «мужа, умудренного в науках» [48, с. 128].

Древнегреческая триера III — II вв. до н.э.

Ученые считают, что плавание Патрокла по Каспию, являвшееся единственным в древние времена зафиксированным плаванием по этому водному региону, прошло, вероятнее всего, между 285 и 280 гг. до н.э. Плиний (I в. н.э.) в своих сочинениях упомянул свидетельство императора Клавдия, сообщившего в его утраченной «Истории», что Селевк Никатор задумал будто бы соединить Каспийское море с Меотидой (Азовским морем) посредством канала и послал своего наварха Патрокла разведать возможность осуществления этого строительства [48, с. 126].

Впрочем, Л.А. Ельницкий считает, что Патрокл отправился в плавание по Каспию с целью приведения в повиновение прибрежных южнокаспийских племен и обеспечения спокойствия на одном из важных участков торговых путей из Индии в Малую Азию, который располагался именно вдоль южного побережья моря, а также пути из Индии через Кавказ к Черному морю, имевшего существенное значение для малоазийско-индийской торговли в эпоху эллинизма [21, с. 73].

О том, что Патрокл в период плаваний по Каспию был правителем Гиркании — провинции Селевкидской державы, расположенной на территории современного Северного Ирана, прямо свидетельствует Страбон (ок. 64/63 г. до н.э. — 23/24 г. н.э.). У Диодора (I в. до н.э.) упоминается, что ранее Патрокл был правителем Вавилона (ок. 312 г. до н.э.). А у Плутарха в жизнеописании Деметрия упоминается о том, что в 286—285 гг. Патрокл состоял в совете Селевка Никатора. Уже в 280 г.

до н.э., после смерти Селевка в 281 г. до н.э., его преемник Антиох Сотер направил Патрокла в качестве полководца в Малую Азию, где он, по-видимому, вскоре пал в схватке с вифинийцами. Значит, плавания Патрокла по Каспию могли быть проведены только во временном интервале 285—280 гг. до н.э.

После окончания плавания Патрокл написал труд о своем путешествии, который не сохранился. Даже точное название его неизвестно. Патрокл сообщил Селевку, будто им установлено, что Каспийское море является заливом океана.

Сейчас трудно установить причину ошибки Патрокла. Одни историки высказали мнение о том, что Патрокл достиг узкого входа в большой залив Кара-Богаз-Гол, в котором содержание солей в воде особенно велико, и принял его за выход в океан. Другие упоминают о наличии в Каспии таких морских животных как тюлени, что также могло привести Патрокла к мысли о том, что Каспий — залив океана. Третьи говорят о наличии огромного залива в северо-восточной части моря.

Дело в том, что неизвестно, как далеко на север плавал Патрокл. При определении района плавания можно в какой-то мере опираться на сообщения Страбона, основанные безусловно на свидетельствах Патрокла: «Таким образом, Бактры [Бактриана — район современного Афганистана и Средней Азии. — *Авт.*] будут [по неверному, по мнению Страбона, расчету. — *Авт.*] даже гораздо севернее устья Каспийского (или Гирканского) моря, и это устье [то есть проход в Северный океан. — *Авт.*] отстоит от наиболее удаленной [то есть южной. — *Авт.*] части Каспийского моря и Армянских и Мидийских гор приблизительно на 6000 стадий. Этот пункт, по-видимому, еще севернее самой береговой линии, идущей оттуда до Индии, и, по словам Патрокла, который прежде был правителем этих областей, туда можно совершать плавание из Индии. Таким образом, Бактриана простирается еще дальше к северу [то есть за устье Каспийского моря в пределы необитаемого мира. — *Авт.*] на 1000 стадий. Скифские же племена населяют гораздо более обширную страну, чем Бактриана, лежащую за ней и граничащую с Северным морем [скифы, таким образом, по Страбону, обитают не дальше устья Каспийского моря. — *Авт.*]; будучи кочевниками, скифы все же находят там средства к жизни...

Вторая часть Азии начинается у Каспийского моря, у которого кончается первая часть. Это море называется также Гирканским. Об этом море и о живущих около него народностях я должен сказать сначала. Каспийское море представляет собой залив, простирающийся от океана [Северного. — *Авт.*] к югу, вначале море довольно узкое, но, расширяясь по мере удаления вглубь и в особенности в области самой отдаленной части [южной. — *Авт.*], ширина его достигает около 5000 стадий. Расстояние от входа, который находится почти что на границе необитаемого мира, до самой отдаленной части моря, пожалуй, немногим больше. Согласно Эратофену, известный грекам путь вокруг этого моря вдоль берегов албанцев и кадусиев [западное побережье. — *Авт.*] составляет 5400 стадий, а вдоль берегов анарианов, мардов и гирканов вплоть до устья реки Окса [южное и юго-восточное побережье. — *Авт.*] — 4800 стадий, а оттуда до Иоксарта [Яксарта, то есть Страбон считал, что Амударья и Сырдарья впадают в Каспий. — *Авт.*] — 2400. Впрочем, сообщения об этой части Азии и о столь отдаленных странах не следует понимать слишком точно, особенно когда речь идет о расстояниях» [5, сс. 74, 507].

Можно довольно уверенно предположить, что Патрокл начал свое плавание от устья р. Марда (современная Сефидруд, устье которой расположено в 60 км восточнее иранского порта Энзели). Эта река служила границей между землями племен мардов (амардов) и кадусиев. Вполне возможно, что Патрокл совершил два плавания — одно в северном (вдоль побережья, занятого племенами кадусиев и албанцев, от устья Марда до Апшеронского полуострова), другое в восточном направлении (вдоль южного побережья моря, занятого племенами амардов и гирканов). Дальнейшая расширяющаяся часть Каспия, расположенная к северу от Апшеронского полуострова, могла быть, вероятнее всего, принята Патроклом за Северный океан.

Правда, часть историков географических открытий считает, что Патрокл прошел далее на север от устья р. Атрек и вдоль восточного побережья моря. Так, Р. Хенниг полагал, что «Патрокл должен был проникнуть далеко за проход в Кара-Богаз-Гол, но, вероятно, вся северная часть Каспийского моря осталась неисследованной» [6, с. 247]. Он отталкивается в своих рассуждениях от сообщений Страбона, основанных на свиде-

тельстввах Патрокла о том, что выход в океан отстоит от южных гор на 6000 стадий (около 1200 км). Об этом же свидетельствует и отрывок из Страбона: «На левой стороне при входе в Каспийское море [из Северного океана. — *Авт.*] живут кочевники, которые наши современники называют даями с прозвищем апарнов. Затем перед ними в промежутке находится пустыня; далее непосредственно следует Гиркания, у которой Каспийское море уже широко разливается вплоть до пункта своего соприкосновения с Мидийскими и Армянскими горами. Горы эти имеют форму полумесяца по склонам, которые, оканчиваясь у моря, образуют самый отдаленный угол залива. На этом склоне гор от моря вплоть до самых вершин обитает на небольшом пространстве часть албанцев и армян, однако большую часть склона занимают гелы, кадусии, амарды, витии и анариаки, которых теперь называют парсиями...

Большую часть побережья около горной области занимают кадусии, почти что на пространстве 5000 стадий, по словам Патрокла, который считает это море равным Понтийскому морю [Черному морю. — *Авт.*]» [5, с. 508].

Если Патрокл прошел путь на север 5000—6000 стадий (около 1000—1200 км) или даже на четверть-треть меньший, то он достиг параллели западной оконечности полуострова Мангышлак, по крайней мере, если не обогнул его. Можно предположить, что к северу от Мангышлака, так же как и к северу от Апшеронского полуострова на западном побережье, у античного путешественника свободно могло возникнуть впечатление, что далее на север и восток лежат океанские просторы. Ясно, что до устья Волги Патрокл не дошел, так как об этой реке никаких сообщений от него не было.

В античные времена считали, что Окс (Амударья) и Яксарт (Сырдарья) впадают в Каспийское море, но неясно, где Патрокл мог обнаружить устья больших рек на восточном побережье моря. Единственная река, которая, возможно, могла быть принята Патроплом за Окс, была р. Атрек, впадающая в море вблизи современной ирано-туркменской границы. Даже если Патрокл не добрался до ее устья, то о существовании этой реки ему могли сообщить иранские или греческие купцы.

За устье Окса или Яксарта Патрокл мог принять и Узбой, сухое устье которого прослеживается у Красноводского залива, о нем Патрокл также мог получить сведения от купцов. Тем

более что предания о том времени, когда Окс впадал в Каспий, безусловно сохранялись во времена Патрокла. Отечественные археологи установили, что в древности часть вод Амударьи действительно поступала по руслу Узбоя, но сток прекратился за 200 лет до плавания Патрокла [21, с. 93].

Вероятно, что Патрокл считал приблизительно параллельными течения рек Окс и Яксарт в устьевых участках, так же как это было в верховьях этих рек. О последнем греки досконально узнали после похода Александра Македонского от верхнего течения Амударьи до р. Сырдарья, где им была основана Александрия Дальняя (Ходжент), и разведывательного похода около 300 г. до н.э. в Среднюю Азию Демодама, полководца Селевка I. Демодам собрал сведения о 20 скифских племенах и сообщил, что реки Окс и Яксарт текут параллельно и впадают в Каспий. Последнее неверное представление просуществовало в европейской географической науке почти до XVIII в.

Несмотря на свои ошибки Патрокл занимает видное место среди географов своего времени. Сообщенные им сведения о географии Каспийского региона были широко использованы многими виднейшими географами античности и представляют собой наиболее точные сведения о Каспии, какими располагала античная эпоха вплоть до работ Птолемея (II в. н.э.). Последний считал Каспий замкнутым и отделенным от Мирового Океана. Впрочем, в Средние века многие географы вплоть до XVI в. вновь стали утверждать, что Каспийское море является заливом океана.

Правда, путешествовавший по Средней Азии в середине XIII в. посол французского короля Людовика IX монах Виллем (Пильом) де Рубрук путем расспросов смог уже тогда сообщить, что Каспийское море не является заливом океана, но как-то все же соединено со Средиземным морем или Индийским океаном. В своем отчете он писал: «Это море [Каспийское. — *Авт.*] с трех сторон окружено горами, а с северной стороны к нему прилегает равнина... Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор [Исидор Севильский, писатель начала VII в.], что это залив, выходящий из океана, ибо оно нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружено землей». Так что взгляды Патрокла на природу Каспия еще долго определяли во многом воззрения географов [35, с. 230; 49, с. 53].

ГЛАВА 11. КОГДА КОРАБЛЕМ ПРАВИЛ БОТХИСАВА — ВОПЛОЩЕНИЕ БУДДЫ В ОБРАЗЕ КОРМЧЕГО

*Каверипаддинам стоит на северном берегу реки Кавери,
И сюда заходят и становятся на якорь большие мор-
ские суда.*

*Торговый квартал Мардвар-Паккам близок к морю,
И здесь на берегу Кавери сооружены пристани,
Где разгружают и загружают корабли,
Где товары клеймят тигриным тавром — эмблемой
царей Чола.*

Из древней тамильской поэмы

Древние индийские моряки примерно с VIII—VII вв. до н.э. стали активными участниками освоения единого сквозного пути, связывавшего древнейшие очаги цивилизации в Египте, Аравии, Месопотамии с азиатским юго-востоком — Бирмой, Камбоджей, Вьетнамом, Суматрой, Явой, а затем и с Южным Китаем.

Этот древний торговый путь метко назван отечественным историком географических открытий Я.М. Светом «великой южноазиатской муссонной дорогой», движение по которой древних парусников обеспечивалось устойчивыми летними юго-западными и зимними северо-восточными муссонными ветрами.

По его же словам, «главным связующим звеном этой цепи была Индия, родина отважных и предприимчивых мореплавателей, которые освоили колоссальные водные пространства Индийского океана и его западных и восточных морей» [50, с. 84].

При раскопках в Индии археологи нашли предметы роскоши и повседневного быта, наглядно свидетельствующие о тесных связях населяющих ее народов с восточным Средиземноморьем на протяжении почти всего первого тысячеле-

тия до н.э. Через Персидский залив индийские товары поступали в гавани Южной Месопотамии. Вероятно, уже в VIII—VII вв. до н.э. индийские суда заходили в порты Красного моря, а в VI—IV вв. до н.э., когда властители персидской державы Ахемениды владели всем Ближним Востоком и Египтом, индийские купцы регулярно плавали в Вавилон. Именно об этих плаваниях рассказывается в одном из буддийских сказаний «Вавилон джатака», в котором описано, как индийские купцы привезли в Вавилон (Баверу) павлинов.

В глубокой древности начались дальние плавания индийских моряков в восточном направлении. В старинных китайских хрониках имеется краткое сообщение о посещении в VII в. до н.э. китайского порта иноземными купеческими судами. Историки географических открытий И.П. Магидович и В.И. Магидович считают, что в хронике приведен перечень явно индийских товаров, что, вероятнее всего, эти суда прибыли из Индии [35, с. 65].

Историк Р. Хенниг также убежден, что еще до 300 г. до н.э. существовали морские связи между расположенным в долине Ганга могущественным государством основателя династии Маурьев Чандрагупты с Южным Китаем, откуда вывозили шелк [6, с. 232]. Судя по древним китайским хроникам, китайцы в то время не заплывали южнее о. Хайнань и северо-вьетнамских портов. Значит, вполне возможно, что морские связи Индии с Китаем осуществлялись на индийских судах.

В Древней Индии тысячелетия до н.э. мореплавание развивалось, видимо, на основе традиций плавания по рекам, уходящим в глубь веков. Так, например, известно, что государство Косала в VI в. до н.э. утвердило свой контроль над рекой Ганг, захватив порт Каши (Бенарес). О значении этого речного порта, да к тому же священного города индуистской религии, свидетельствует то, что после его захвата государство стало называться Каши-Косала. В те времена наиболее отважные и предприимчивые из купцов Каши плавали на своих судах с грузом тканей из хлопка и других текстильных изделий, а также соли до устья Ганга и затем выходили в море, плавая с торговыми целями вдоль берега на юго-восток и юго-запад [51, с. 130].

О развитии индийского мореходства с VII в. до н.э. и позже в последних столетиях до н.э. находим многочисленные

свидетельства в древних санскритских текстах. В «Ригведе» («Знании гимнов») — древнейшем письменном источнике индийцев, созданном в XI—X вв. до н.э. и записанном позднее VII в. до н.э., уже упоминаются стовесельные суда [35, с. 65]. А это суда довольно значительных размеров. Для того чтобы разместить на борту 50 гребцов для работы с 50 веслами, длина судна должна быть не менее 40—50 м. Даже если считать, что наличие 50 гребных весел с каждого борта являлось поэтическим преувеличением, можно заключить, что создавшие «Ригведу» древние индийцы были знакомы со сравнительно длинными многовесельными судами.

Согласно древнеиндийской традиции в VI—V вв. до н.э. была снаряжена выходцами из Пенджаба во главе с принцем Виджайей целая флотилия, которая проследовала на юг к о. Цейлону (теперь Шри-Ланка). Иммигранты, высадившись на сушу, захватили самые удобные территории на севере и юге острова, а местное население, стоявшее на более низкой ступени общественного развития, оттеснили в горные районы.

В «Дхарма-сутре», состоявшей из ряда самхит (собраний, сборников), устанавливался суровый запрет для касты брахманов на плавание в заморские страны. Но при этом древний автор, видимо уроженец Южной Индии, указывает, что в северных районах такие плавания часты и не являются чем-то знаменательным.

В более поздних самхитах этот запрет уже не так категоричен. В тех из них, которые составляют законы Ману, зафиксированы правила страховки грузов, перевозимых по морю, сообщается об особой кастовой группе, члены которой были заняты исключительно морской торговлей. В Врихатсамхите излагаются даже основы древнего морского права, дополняющие указания по этой части, которые приводятся в других текстах.

О заморских плаваниях говорится и в эпической поэме «Махабхарата» («Великая война Бхаратов»). В другой эпической поэме «Рамаяна» («Подвиги Рамы») приводится немало географических сведений. Более того, видный французский индолог Сильвен Леви даже назвал эту поэму «подлинным курсом индийской географии» [6, с. 410]. В поэме царь обезьян Сугрива посылает своих слуг на поиски похитителя супруги Рамы — героя поэмы и друга обезьяньего царя — во все че-

тыре стороны света. Сообщая своим слугам о восточном и южном маршрутах поисков, Сугрива упоминает о стране Кошакара. Средневековые комментаторы поэмы отождествляли эту страну с землей шелковичных червей — Китаем. В описании маршрутов фигурируют острова Явадвипа (Ява) и Суварнадвипа (Золотой остров, вероятно, Суматра).

Некоторые сведения о морских плаваниях древних индийцев приведены в «Пуранах» — «Книгах древности» — канонических текстах индуизма, созданных, как и «Махабхарата», в последних столетиях до н.э. Там же косвенно подтверждаются факты плавания индийцев в дальние страны Юго-Восточной Азии и расселения их там.

Развитию мореплавания способствовали изменения в индийском обществе в конце I тысячелетия до н.э., когда в империи Маурьев основной религией стал буддизм, характерными особенностями которого были отрицание деления людей на касты, поощрение контактов с другими народами и исключительная веротерпимость.

Все это способствовало активизации поисков новых торговых партнеров и привело к интенсивным плаваниям индийских купцов в IV—III вв. до н.э. вдоль всего побережья Индокитая, в том числе и на юге у полуострова Малакка.

Индийские купцы проникли на Суматру и обследовали ее вплоть до южной оконечности. Затем они появились на о. Ява и, видимо, первыми из цивилизованных народов плавали по Яванскому морю. Впоследствии они открыли Камфарный остров (Калимантан), проследили его северное побережье на протяжении более 600 миль и первыми достигли о. Лусон, крупнейшего в Филиппинском архипелаге. При археологических раскопках на Лусоне обнаружены ножи, топоры, дротики, бусы из стекла и полудрагоценных камней явно индийского происхождения, датируемые концом I тысячелетия до н.э.

Танцующий Шива

Изображение Будды

Все это наглядно подтверждает глубокую древность начала морских торговых контактов между Северными Филиппинами и Южной Индией [35, с. 67].

С распространением в Индии буддизма стали складываться собрания притч — джатак, в которых излагалось учение Будды и описывались его легендарные похождения и подвиги. В джатаках нередко встречаются описания морских плаваний, совершаемых под управлением искусных кормчих. Вот один из подобных

рассказов из Джатака-мала (Джатака Супарага), написанный в Индии на санскрите и пали в начале н.э.: «Ботхисатва [вплотение Будды. — *Авт.*] был в ту эпоху совершенным кормчим; он знал течение звезд и никогда не испытывал ни малейшего затруднения в ориентировке; удивительно ведал цену предчувствиям обычным, случайным или чрезвычайным; не пренебрегал временем счастливым или неудачным; он различал области океана по рыбам, цвету воды, состоянию дна, птицам, горам и другим признакам; имел прекрасную память и полное самообладание, переносил зной, холод, дожди, усталость; обладал неслабеющим вниманием и сильным характером; вследствие своей способности управлять кораблями и приводить их по назначению он был предметом домогательства купцов. Так как ему удавались все его путешествия, его прозвали Супарага — «благополучно достигающий другого берега» [то есть тот, кто всегда достигает цели. — *Авт.*]» [52, с. 70].

В палийском варианте этого рассказа («Суппарака-джатака») Ботхисатва — кормчий, уроженец крупного торгового порта Бхаруачакха на побережье Камбейского залива в Западной Индии, получает при рождении имя Суппарака — кумара («счастливо достигающий берега») и к 16 годам становится

самым искусным моряком в царстве Бхару. В море он слепнет и из-за потери зрения удаляется на покой. Но слава о его мастерстве доходит до далеких земель, и в Бхарукачкху являются купцы из заморской земли. Слепой кормчий ведет их корабль через четыре неведомых моря и приводит его в страну Валабху (по мнению Я.М. Света, это устье р. Иравади в Бирме) [50, сс. 88, 89, 174].

Именно такими знаниями, характером и способностями должны были обладать образцовые кормчие, которых, видимо, достаточно было в портах Древней Индии, судя по интенсивности и дальности плаваний индийских судов в древности.

Установлено, что в IV—III вв. до н.э. индийские купцы плавали к берегам Южной Аравии, а во II в. до н.э. они совершали регулярные плавания в Египет и Восточную Африку, а именно в Эфиопию и Мозамбик. В связи с этим Я.М. Свет обоснованно считает, что индийские кормчие на два, а может быть и все три века до грека Гиппала (конец II или начало I в. до н.э.), которого в греко-римском мире считали первооткрывателем использования сезонных муссонных ветров при плавании в открытом море, научились это делать на торговом пути, проложенном напрямик через западную часть Индийского океана из индийских портов в гавани Южной Аравии и в египетские порты на Красном море Миос-Хормос (Мышиную гавань) и Беренику и обратно.

Очень вероятно, что они плавали и вдоль сомалийского побережья на юг к Софале и Мозамбику. Подтверждением последнего служат находки в Зимбабве монет греко-бактрийских царей II в. до н.э., государство которых располагалось на территории Средней Азии, Афганистана и Северной Индии.

Из гаваней Южной Индии при следовании в Египет суда шли прямо на о. Сокотру (Диоскороду античных источников, Сукхаджарадвипу-Счастливым остров в индийских рукописях). Плавания на запад выполнялись обычно в декабре, когда устойчиво дул северо-восточный муссон.

Переход от южноаравийских портов к портам западного побережья Индии продолжался обычно 30—40 суток. Из Египта суда выходили в июле, чтобы использовать летний юго-западный муссон.

Вероятнее всего, именно индийцы были учителями и наставниками египетских греков в части плаваний через Аравий-

Древнее индийское судно

ское море. Об этом свидетельствуют сообщенные Страбоном обстоятельства двух плаваний в Индию в 120—115 гг. до н.э. грека Эвдокса из Кизика, посла при дворе египетского фараона Птолемея VII Эвергета (145—116 гг. до н.э.). Вот как описал эти обстоятельства Страбон: «Посидоний рассказывает о некоем Евдоксе из Кизика [город и остров в Пропонтиде (Мраморном море). — *Лат.*], священном после и глашатае мира на празднике Персефоны. Евдокс, как гласит рассказ, прибыл в Египет в царствование Евергета II; он был представлен царю и его министрам и беседовал с ними, особенно относительно путешествий вверх по Нилу, ибо Евдокс был человеком, интересующимся местными особенностями и хорошо в них осведомленным. Между тем, продолжает рассказ, какой-то индиец в это время был случайно доставлен к царю береговой охраной из самой впадины Аравийского залива [Суэцкого залива Красного моря. — *Лат.*]. Доставшие индийца заявили, что нашли его полумертвым одного на корабле, севшем на мель; кто он и откуда прибыл, они не знают, так как не понимают его языка. Царь же передал индийца людям, которые должны были научить его греческому языку. Выучившись по-гречески, индиец рассказал, что плывя из Индии, он по несчастной случайности сбился с курса и, потеряв своих спутников, которые погибли от голода, в конце концов благополучно достиг Египта. Поскольку этот рассказ был принят царем с сомнением, он обещал быть проводником лицам, назначенным царем для плавания в Индию. Среди них был и

Евдокс. Таким образом, Евдокс отплыл в Индию с дарами и вернулся с грузом благовоний и драгоценных камней. Однако все надежды Евдокса не оправдались, потому что Евергет отнял у него весь товар. После смерти Евергета царскую власть наследовала его жена Клеопатра и Евдокс был снова послан царицей в плавание, но на этот раз с большим снаряжением. Однако при возвращении его отнесло ветрами на юг Эфиопии... Когда Евдокс благополучно прибыл в Египет (где Клеопатра уже более не царствовала, а вместо нее на престоле был ее сын), его снова лишили всего, так как он был уличен в похищении многих вещей» [5, сс. 98, 99].

Известно, что после этого Евдокс попытался осуществить плавание в Индию из Гадеса (Кадис на южном побережье Пиренейского полуострова) и далее вдоль западного побережья Африки. Так и осталось неизвестным, насколько далеко на юг смог он проплыть в этот раз.

Во II в. до н.э. основными гаванями на северо-западном побережье Индии были Бахардипур (Барбарикон античных авторов), расположенный в устье Инда, и Бхарукачкха (Баругази или Баругасы античных авторов) в Камбейском заливе. Через эти гавани осуществлялась торговля Индии с Аравией, греко-римским Египтом и через последний со всеми странами Средиземноморья.

Античный автор, вероятнее всего греческий купец из Александрии, которого в исторической литературе называют Псевдо-Арриан (по имени древнегреческого историка II в. н.э. Арриана, ему ранее приписывали цитируемое далее сочинение), в I в. н.э. довольно красочно описал кипучую торговую деятельность в порту Бхарукачкха: «В этот торговый пункт ввозится вино, особенно италийское, лаодикийское [Лаодикея — город в Сирии. — *Авт.*] и арабское, затем медь, олово, свинец, кораллы, хризолиты, одежда простая и всякого рода поддельная, разноцветные пояса в локоть шириной, стиракс, мелилотон [особый вид египетского лотоса. — *Авт.*], грубое стекло, сандарак, сурьма, золотые и серебряные денарии, выгодно обмениваемые на местную монету, не очень ценное и не очень пахучее мирро. Для царя же в эти места ввозятся ценные серебряные сосуды, знающие музыку мальчишки, красивые девушки в гарем, отборные вина, обычные ценные одежды и отличные мази.

Древний индийский корабль.

По мотивам росписей
в южноиндийских пещерных храмах

ярднее всего, шелковые. — *Авт.*] и молохиновые [по-видимому хлопчатобумажные более грубой выделки. — *Авт.*], ткани, длинный перец и все то, что привозится из других торговых пунктов. Приезжающие на этот рынок купцы из Египта отплывают, чтобы попасть вовремя, около июля месяца, который [по-египетски. — *Авт.*] называется епифи» [53, с. 277].

Товары, поступавшие в Бхарукачху, насыщали не только местный рынок и потребности местного властителя, но и предназначались для многих других знатных и не знатных покупателей в государствах Северной и Западной Индии.

Главными статьями вывоза из портов западного побережья Индостана являлись пряности, ароматические смолы, слоновая кость, сахарный тростник, ткани из хлопка; китайский шелк, который индийские купцы перепродавали в страны Средиземноморья. Стоимость вывозимых товаров превышала стоимость ввозимых. Не случайно древнеримский ученый Плиний Старший (23 или 24—79 гг. н.э.) сетовал на то, что из-за расточительности римских богачей «по самому низкому расчету Индия, Сери [Китай. — *Авт.*] и этот полуостров Аравия каждый год отнимают у нашей империи по 100 миллионов сестерций [монет из серебра. — *Авт.*]» [53, с. 277].

В этот период истории на востоке Индии располагалась сильная морская держава Калинга, которая занимала полосу

Из этих мест вывозятся нард, кост [ароматный корень, похожий на перец. — *Авт.*], бделла [смола винной пальмы, служила для варки опьяняющего напитка. — *Авт.*], слоновая кость, изделия из оникса и муррина [стеклянные сосуды, обработанные шлифовкой и другими способами для придания особого цвета. — *Авт.*], ликион [колючий кустарник, корни которого шли на приготовление лекарств. — *Авт.*], всякие вещи из хлопка, материи серские [вероятнее всего, шелковые. — *Авт.*] и молохиновые [по-видимому хлопчатобумажные более грубой выделки. — *Авт.*], ткани, длинный перец и все то, что привозится из других торговых пунктов. Приезжающие на этот рынок купцы из Египта отплывают, чтобы попасть вовремя, около июля месяца, который [по-египетски. — *Авт.*] называется епифи» [53, с. 277].

Коромандельского (восточного) побережья от устья р. Маханди на юг почти до устья р. Кришна. Главными гаванями Калинги, через которые шел основной поток грузов, были на севере Ганжам и Супара (Палура и Сипара у античных авторов), на юге — Масулипатам (античная Масилия или Мана-лиарна).

Южнее Калинги до устья р. Кавери располагалось тамильское царство Чола, столица которого Урайтур (Аргару по «Географии» Птолемея — II в. н.э.) находилась близ современного города Тригинополи.

В Чола было два крупных порта — Каверипаддинам, или Каверипатнам (Хаберис у Птолемея), в устье р. Кавери и Падуде (нынешний Пондишери), а также менее значительный порт Сопатма в районе современного Мадраса. Эти порты были основными пунктами на юге Индии, откуда отплывали суда в страны Юго-Восточной Азии.

О характере торговых операций в этих портах свидетельствуют строки из древних тамильских поэм, приведенных в эпиграфе и в следующих строках:

«У самых пристаней квартал, где живут яваны [греки и другие подданные эллинистических государств Ближнего Востока. — *Авт.*],

Тут можно увидеть заманчивые заморские редкости,

А кроме того, есть и другие чужеземные кварталы, где говорят на многих языках».

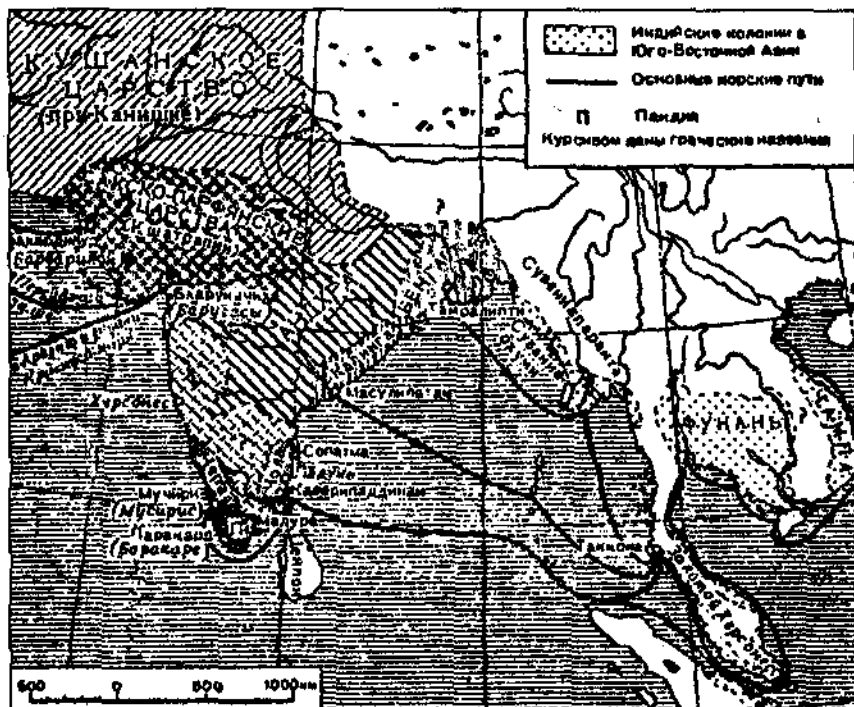
«В Каверипаддинам доставляют лошадей из стран, что лежат за морем,

Привозят перец на кораблях и золото, и драгоценные камни из северных гор,

И сандаловое дерево из гор западных, и жемчуг из южных морей, и кораллы из восточных.

И везут на рынки Каверипаддинама товары из мест, где протекает Ганг. И лакомства из Персии, и ткани из Колакама [Бирмы. — *Авт.*]» [50, сс. 80, 81].

Южнее устья Кавери начиналось небольшое государство Пандия (Пандион у античных авторов), которое располагалось вдоль Коромандельского берега до мыса Коморин — крайней южной оконечности Индостана. На западном Малабарском берегу владения Пандии простирались до Кочинской бухты.

Карта Индии и индузированных государств на Яве, в Малакке и Индокитае II в. до н.э.

Основные западные порты Пандии Коттоям близ Кочина и Паракард (Нелькинда и Баракаре античных авторов) обеспечивали, главным образом, индийскую морскую торговлю с Западом и Цейлоном. В I—II вв. н.э. на Цейлоне уже размещались южноиндийские торговые колонии, тесно связанные с Коттоямом и Паракардом.

От Кочинской бухты до 15 градуса с. ш. Малабарский берег входил в состав государства Чера, населенного дравидийскими народами. Основным торговым портом Черы, игравшим в отдельные периоды первенствующую роль в торговле с Западом, был Мучири (Мусирис античных авторов), расположенный, по мнению большинства ученых, в районе Крантаннора.

Об интенсивности торговых связей Индии с греко-римским миром в I—II вв. н.э. свидетельствуют многочисленные

клады монет, обнаруженные на ее территории. В составе кладов золотые денарии с изображением римских императоров. Любопытно, что вместе с денариями императоров Траяна (правил 98—117 гг.) и Марка Аврелия (правил 161—180 гг.) найдены небольшие монеты государства Андхра, которое находилось на Деканском плато (где сейчас расположены штат Мадья Прадеш и северные районы Хайдарабада) с полустертыми силуэтами двухмачтовых судов.

В I в. н.э. начался процесс колонизации стран и островов Юго-Восточной Азии, который в наше время получил название древнеиндийской «великой колонизации».

Следует сразу сказать, что это был, в основном процесс мирного расселения индийцев по берегам юго-восточных стран и островов, при котором переселенцы, привнеся свою более развитую культуру, в большинстве своем были поглощены местным населением. В результате возникла новая, своеобразная культура средневековых государств Индокитая и Индонезии, в которой органично сплелись, переплелись элементы более высокой, более развитой индийской культуры и яркие, оригинальные туземные традиции, обычаи. Во многих районах колонизации преобладающим стало влияние индийской культуры. Когда во II—III вв. н.э. Китай установил связи с новыми заморскими государствами, то последние в основном сохранили свой бенгальский или тамильский облик.

Что послужило причиной этого мощного колонизационного потока? В III—I вв. до н.э. индийские купцы-мореходы приобретали на берегах Индокитая и индонезийских островов золото, драгоценные камни, сандаловое дерево, слоновую кость и черепаший панцири, олово, благовония, ароматические смолы, корицу и камфару — товары, на которые был огромный спрос со стороны греко-римских купцов и представителей индийской аристократии.

Индийские купцы основывали на побережье этих стран и островов торговые фактории, перебирались туда на жительство с семьями или женились на девушках из местной знати.

Вслед за купцами поплыли в дальние страны суда с обездоленными бедняками из сел и городов Бенгалии, Калинги, Чолы и Пандии. Немало было переселенцев в новые края и из Мадхьядеши (бассейн Среднего Ганга). Так, в «Саммудавапид-

жи-джатаке» рассказывается о плотниках из пригородного села у стен Бенареса, которые тайно построили судно, чтобы бежать на нем в заморские страны. Они бегут туда, спасаясь от долгового рабства, бросают свои дома и имущество, так как точно знают, что в день, когда истечет последний срок погашения долгов, а они не смогут отдать долг, ростовщики продадут их в царские мастерские или рудники.

Как видим, бегство обездоленных бедняков из родных мест в неведомые, далекие, но вольные страны — это процесс, свойственный многим общественным формациям на протяжении истории цивилизации. И не раз такой процесс приводил к открытию новых стран, новых земель, к их заселению и освоению. Так было на Руси в XIII—XV вв., когда беглые крестьяне из Владимирских и Суздальских земель заселяли и осваивали Русское Поморье, в XVI—XVII вв., когда такие же крестьяне из Волго-Окского междуречья массово заселяли южные окраинные земли, а затем и суровые сибирские просторы. Аналогичные процессы во многом определяли ход древнеиндийской «великой колонизации».

Правда, за купцами и переселенцами из числа низших каст следовали в поисках богатой добычи представители высших каст — брахманы и кшатрии, которые на новых местах пытались воссоздать общественное устройство, характерное для метрополии, пытались вновь поработить бедняков и обездоленных крестьян-общинников. Но, видимо, не эти представители высших каст определяли масштабы и характер колонизации.

Проследим вкратце процесс образования индуизированных государств в странах и на островах Юго-Восточной Азии, становление которых определялось ходом древнеиндийской колонизации.

Индийские переселенцы высадились на Араканском побережье и проникли во внутренние районы северной части Индокитайского полуострова (район современной Бирмы) в первых веках н.э. Местные племена усвоили индийскую письменность и религию, и постепенно переселенцы стали сливаться с туземным населением.

Одновременно индийские переселенцы появились на обоих берегах и во внутренних районах полуострова Малакка, главным образом в пунктах пересечения торговых маршрутов.

Индийская культура оказала значительное влияние на местных жителей — предков современных малайцев, создавших в то время несколько небольших государств.

В I—II вв. н.э. на Суматре и Яве были основаны индийские поселения, которые стали культурными центрами будущих государств. Исторические предания на Яве повествуют о многочисленном отряде индийских колонистов из Калинги, который в 78 г. н.э. высадился на острове. Индийские колонисты оказали исключительно большое влияние на развитие культуры и государственности на острове. Знаток древнего индийского мореходства индийский ученый Мукерджи назвал колонизационную экспедицию на Яву «одним из самых славных событий в истории Индии» [6, с. 377].

Любопытно, что на Яве было даже введено новое летоисчисление, ведущее отсчет с весны 78 г. н.э. — времени высадки основной группы индийских колонистов. Индийцы основали поселки, построили укрепленные города и развернули торговлю со своей родиной. Ясно, что индийские купцы и моряки посещали Яву и в более ранние времена, но участники экспедиции 78 г. сыграли главную роль в создании нового государства на Яве. Уже в 132 г. н.э. отмечено прибытие первого яванского посольства с дарами в Китай как представителя полностью индуизированного государства, правитель которого имел чисто санскритское имя Деваварман.

В II—IV вв. индийские переселенцы появились на Южном Сулавеси, западном и северном побережьях о. Калимантан. Добрались они и до северных и восточных берегов Сиамского залива.

В дельте и по Среднему Меконгу в I в. н.э. возникло государство Фунань — главное индуизированное царство Юго-Восточной Азии. В Фунани исключительно велико было влияние индийской культуры: литература, язык, письменность, обычай — все было индийским. Аристократия страны исповедовала брахманизм, а основная масса населения — буддизм. Согласно китайским летописям создание государства Фунань приписывается брахману Каундинье, который прибыл в страну в I в. н.э. и женился на местной царице, став таким образом родоначальником индуизированной династии.

И, наконец, во II в. н.э. в центральной части Вьетнама возникло индуизированное государство Тьямпа (Чампа). Ко вто-

рой половине II в. морской путь от Индии до гаваней Чампы был полностью освоен индийскими моряками. В дальнейшем опыт плавания индийских мореходов был использован китайцами, которые проложили морские торговые пути ко всем странам Юго-Восточной и Южной Азии.

Именно древние индийские моряки открыли и заселили Лаккадивские и Мальдивские острова — две группы коралловых атоллов, вытянутых почти по меридиану 73 градуса в. д. на более чем 800 миль. Начало открытия древними индусами Андаманских и Никобарских островов, протянувшихся почти на 500 миль близ 93 градуса в. д., можно отнести к IV—III в. до н.э. Видимо, это были моряки или купцы, плававшие к устью р. Иравади за серебром с рудников, расположенных на ее притоке Чиндуин. Сезонное течение могло отнести их на юго-запад к земле, позже названной Анга-двипа (Андаманские острова). Далее, переходя к югу от острова к острову, эти моряки-купцы могли открыть и Никобарские острова [35, сс. 68, 69].

Об устройстве древних индийских судов известно не очень много. В джатаках сообщается о судах, на которых перевозили при дальних морских походах 400, 500 и даже 700 пассажиров. В китайских хрониках упоминается об индонезийских и фуаньских морских судах, построенных явно в соответствии с индийской традицией, которые перевозили до 700 человек.

Именно на таком судне в начале V в. монах Фа Сянь совершил плавание от Малайского архипелага к Шаньдунскому полуострову в Северном Китае. Он же сообщил, что на индийском судне, доставившем его из гавани Тамралипти в дельте Ганга к берегам Суматры, было 200 пассажиров. Такое же количество пассажиров отмечается в средневековых цейлонских хрониках, которые подробно описывают плавание на Цейлон индийского принца Виджайи.

Исходя из всего этого можно достаточно уверенно утверждать, что длина наибольших древних индийских морских судов была до 40 м, а в отдельных исключительных случаях до 50—55 м. Основная масса морских судов была поменьше, длиной около 20 м.

О довольно значительных размерах древних индийских судов свидетельствуют и греко-римские авторы. Плиний указывал, что грузоподъемность индийских судов достигала

3000 амфор, что соответствует водоизмещению около 250—300 т [50, с. 91].

У Псевдо-Арриана в «Плавании вокруг Эритрейского моря» отмечено: «В них [индийских портах. — *Авт.*] есть местные суда, [ходящие. — *Авт.*] до Лимирики вдоль берега, и другие, связанные [скрепами. — *Авт.*] из больших одноствольных судов, так называемые сангары; те же, которые ходят в Хрису [Суматру и Малакку. — *Авт.*] и Ганг, очень велики и называются коландиями» [53, с. 280].

О конструкции корпуса «коландий» английский историк Винсент высказал в 1805 г. такие соображения: «Суда различных типов, строившиеся в этих гаванях, отвечают даже современным требованиям [конца XVIII в. — *Авт.*]. И поныне здесь используются суда, изготовленные из цельного ствола. Это не каноэ, как иногда ошибочно считают исследователи, так как только их киль выдолблен из цельного ствола. На этот киль наращивают несколько досок, так что суда могут вместить 100—150 человек. Подобные суда используются для сообщения между двумя побережьями. Их строят для торговли с Малаккой, а возможно и с Китаем. Суда эти чрезвычайно широки, прочны и, видимо, похожи на те, которые описали Марко Поло [венцианец, плававший на китайских судах в XIII в. — *Авт.*] и Никколо Конти [венцианец, совершивший в первой половине XV в. путешествие по Индии. — *Авт.*]. О таких же судах из Тарназары грузоподъемностью 1000 т, предназначенных для торговли с Малаккой, упоминает и Вартхема» [6, с. 390].

Некоторые сведения об устройстве индийских судов первых веков н.э. дает изучение рельефов в Борободурском храме на Яве (рубеж VII—VIII вв.). Изображенное на рельефе судно имеет две обтянутые с бортов вантами мачты, треугольные паруса, носовое и кормовое рулевые весла. Важной деталью является балансир-поплавок, состоящий из четырех бревен, длина которых равна примерно одной трети длины корпуса. Этот балансир присоединен к корпусу судна посредством трех изогнутых и трех прямых брусьев.

Установка такого балансира повышала остойчивость судна. Возможно, что появление на индийских судах таких поплавков явилось результатом заимствования индийскими судостроителями у предков малайцев, изобретших это устрой-

Барельеф судна на стенах храма Боробудур.
Ява, VII — VIII в н.э.

ство еще в глубокой древности. Правда, есть ученые, считавшие, что подобная конструкция была создана в Индии. Ведь лодку, имеющую поплавок-противовес, называли катамараном, что в переводе с тамильского (тамилы населяли Южную Индию) обозначает «спаренные бревна» [54, сс. 58, 179].

Наличие на рельефе балансира, носового и кормового рулевых весел позволяет предположить, что способы управления таким судном были подобны тем, которые использовались на парусных индийских и цейлонских лодках еще в середине XIX в.

При наличии одного балансира он всегда остается на наветренной стороне. Хотя такой балансир изготавливался добротным и имел сравнительно большую массу по сравнению с массой корпуса, для предупреждения опрокидывания при ходе в свежий ветер мореходы добавляли к массе балансира массу своих тел, размещаясь по возможности на соединительных брусках, как это делают современные яхтсмены, вынося тела по возможности за наветренный борт.

Так как балансир всегда оставался с наветренной стороны, то поворот судна осуществлялся за счет переноса парусов на

другой борт и перехода с управления кормовым веслом на управление с помощью носового и наоборот, опуская задействованное весло в воду. То есть при изменении направления движения судно начинало двигаться кормовой частью вперед. Ясно, что такие суда имели примерно одинаково острые очертания носовой и кормовой оконечности.

Древние индийские моряки, обладая обширными знаниями и прочными навыками в мореходном деле, освоили водные просторы Индийского океана и южных морей, внесли весомый вклад в развитие уникальной цивилизации народов, населяющих Индостанский субконтинент и другие страны и острова Южной и Юго-Восточной Азии.

ГЛАВА 12. ПУТЕШЕСТВИЯ КОСЬМЫ ИНДИКОПЛОВА

*Жизнь долговечна ведь только на суше,
и редко удастся
Встретить среди моряков мужа
с седой головой.*

Древнегреческий поэт Фалек.
IV—III вв. до н.э.

Со времен раннего Средневековья до нас дошел исключительный по своему культурному значению географический труд, подобного которому, пожалуй, не знают средние века. Речь идет о знаменитом путешественнике в Индию Косьме Индикоплове и написанном им литературном произведении «Христианская топография».

Это произведение известно во многих греческих списках с миниатюрами и получило широкое распространение в Средние века. Оно было переведено на разные языки, в том числе и на славянский. Об авторе — замечательном географе своего времени до нас дошло крайне мало. Собственно, о нем известно только то, что он сам сообщает о себе в своем произведении. Косьма был грек и жил в Александрии, «по слабости здоровья и по причине плохого зрения не мог получить широкого образования, ораторского искусства не проходил и более предавался житейским делам» [36, с. 342].

Главным занятием Косьмы была торговля, ради которой он предпринимал путешествия в дальние страны. Он побывал в Эфиопии, пришлось ему плавать в Средиземном, Красном и Аравийском морях, вполне возможно и в Персидском заливе. В его произведении прямо не говорится о посещении Индии. Но, судя по подробному описанию о. Цейлон, а также исходя из традиции и данного ему прозвища Индикоплов,

Косьма бывал там («индикоплов» или «индикоплейст» по-гречески означает «плававший в Индию»).

Эфиопию он посетил в период с 522 до 525 г. при царе Эла Ашбеха, во времена царствования византийского императора Юстина I [55, с. 130]. Побывал Косьма в приморском торговом городе Адулисе (Зула, южнее красноморского порта Масауа в Эритрее), посетил дворец эфиопских царей в столице царства Аксум [отождествляется с местом в современной северной Эфиопии. — *Авт.*], расположенный в 8 днях пути от Адулиса. Описывая жирафа, он сообщает, что подобные животные встречаются только в Эфиопии и содержатся как редкость во дворце царя.

Косьма отметил, что «в отдаленной Эфиопии посредине страны находится ладаносная земля. Обитающие поблизости жители страны Барбарии [вероятнее всего побережье Сомали. — *Авт.*] приходят в удаленную от моря местность для торговых дел и приносят оттуда множество пряностей — ладан, кассию, тростник и много другого и шлют все морем в Адулию, Химьяритию [Южная Аравия. — *Авт.*], во внутреннюю Индию [Западный Индостан. — *Авт.*] и в Персиду» [56, с. 63].

Косьма хорошо осведомлен о морских путях у северо-восточного побережья Африки. Он писал: «Если плыть отсюда во внутреннюю Индию, несколько миновав страну Барбарии, то еще дальше находится Зингион [Синд, Зиндж, то есть Восточная Африка южнее Сомали. — *Авт.*], ибо так они называют устье океана... все привычные в мореплавании моряки и пассажиры говорили, что мы находимся вблизи океана. Кормчему они говорили: правь на левый борт в залив, дабы не подхватило нас течением и не вынесло потом в океан на погибель. Ибо впадающий в залив океан вызывает огромный, чудовищных размеров прилив, а течение из залива устремляется в океан... По тем птицам, называемым альбатросами, что высоко в воздухе следовали за нами, мы узнали, что океан близок...

От Барбарии Химьярития отстоит недалеко, самое большое в двух днях пути по морю, ибо между ними лежит море, крайняя часть которого является вместе с тем и океаном, называемым Зингион [подразумевается, видимо, западная часть Индийского океана у побережья Восточной Африки. — *Авт.*]» [56, с. 63].

Мироздание по взглядам Косьмы Индокоплова

Косьма посетил прибрежные земли на полуострове Сомали и познакомился с тем, как проводится там торговля пряностями. Возможно, он побывал у истоков Голубого Нила и в земле Сасу, с которой царь Аксума поддерживал торговые сношения и откуда он получал золото, посылая туда караваны. Посетил Косьма и Синайский полуостров.

После полной разнообразных приключений жизни Косьма постригся в монахи и приступил к составлению своего капитального труда. Главной целью написания «Христианской топографии» было доказательство соответствия физической географии мира с библейским учением о его сотворении. Поэтому византийские церковные авторитеты высоко оценивали это сочинение.

В соответствии с этим замыслом труд начинается так: «Против тех, которые хотят казаться христианами, но принимают мнение, чуждое христианскому учению, что небо имеет сферовидную форму» [36, с. 342]. Косьма отрицает систему античного астронома Птолемея и доказывает, что Земля не

является шаром, а схожа по форме с продолговатым четырехугольным ящиком, по образцу Ноева ковчега, а небо над ней держится на четырех столбах. Он утверждает, что плоская Земля окружена океаном, что Солнце восходит из-за большой горы, за которую и заходит. Отрицая шаровидность Земли, Косьма не допускал существования антиподов и считал представления о них абсурдными. На одной из миниатюр его книги изображен крохотный земной шар и четыре огромных антипода. Так Косьма иллюстрирует нелепость подобных «языческих» взглядов [55, с. 136].

Далее в предисловии он пишет: «Прежде всего прошу тех, кому случится иметь у себя эту книгу, читать ее со всем вниманием и прилежанием, а не пробегать поспешно, со всем тщанием и трудолюбием запечатлеть в своем уме упоминаемые в ней места, присоединенные к ней изображения и отдельные рассказы. И по прочтении книги пусть обратят внимание на составленную нами записку к христолюбивому Константину, в которой подробно описана вся земля, как лежащая за океаном, так по сю сторону океана, и все города, и страны, и племена с целью доказать истину того, что мы говорим, и лживость противоположных мнений. На основании приложенной схемы и системы мироздания и самой природы вещей доказывается истинность Священного Писания и христианского вероучения» [36, с. 346].

Свое обширное сочинение Косьма писал в течение ряда лет. Из его собственных замечаний можно сделать вывод, что главная часть труда написана в 545—547 гг., а закончен труд в более позднее время.

Для современных историков значение географического труда Косьмы заключено в его описаниях и сообщениях о том, что он видел сам и что слышал достоверного от других. Так, он единственный из современных ему авторов сообщает много важного об отношениях Византийской империи с Египтом; Индией и Китаем. Сообщения Косьмы об этом отличаются правдивостью. Как метко выразился один из исследователей труда Косьмы, «Христианская топография» не заслуживала бы внимания современных ученых, если бы в ней «подробности не были лучше основного содержания» [56, с. 66].

Все, что связано с библейским и церковно-историческим отделом «Топографии», почерпнуто Косьмой, видимо, из ус-

тных бесед с видным церковным деятелем несторианского исповедания Патрикием. Известный отечественный византист Ф.И. Успенский считал, что Патрикий должен быть признан не только автором всей системы мироздания, принятой в «Христианской топографии», но и многих рисунков, внесенных в этот труд. Одна из наиболее древних рукописей Космы, снабженная миниатюрами, — Ватиканская, которая относится к IX в.

Изучая «Христианскую топографию», многие ученые отмечали исключительную любознательность Космы, проявленную им в ходе своих путешествий. Так, в Адулисе он переписал две греческие надписи: одну, высеченную на троне, другую — на обломке мрамора. Описание последней сохранило для истории ценное свидетельство о походе, предпринятом египетским царем Птоломеем III Эвергетом вскоре после его вступления на престол в 247 г. до н.э. Надпись на троне составлена эфиопским негусом, имя которого в ней не упомянуто. Эту надпись относят ко II—III в. н.э. [55, с. 131]. Любопытно, что в этой надписи имеется одно из древнейших сообщений о снежном покрове в горах тропической зоны: «Под моим руководством были подавлены племена семенов за Нилом в их диких, покрытых снегом горах» [6, с. 427].

Многие конкретные описания стран, посещенных Космой, отличаются живостью и красочностью деталей. Так, описывая караванную торговлю абиссинцев с богатой золотом страной Сасу (расположена недалеко от о. Занзибар, по мнению Ф.И. Успенского; или, что менее вероятно, в юго-восточной части Сомали, по мнению Н. Пигулёвской [55, с. 163]), Косма сообщает: «Каждые два года царь Аксума отправляет караван своих торговых людей за золотом [через Агау — район оз. Тана — 13, с. 496]. К ним присоединяются и другие купцы, так что всего бывает до 500 человек. Они отправляют туда быков, соль и железо. Приблизившись к стране, они делают остановку. Собрав множество терновника, делают загородку и располагаются под защитой ее, убивают и разрезают на части скот и куски его нанизывают на колья. Приходят туземцы и приносят слитки золота и кладут один, два или более слитков [по другой версии перевода: приходят туземцы, принося с собой золото в виде бобов, называемых самородками (56, с. 64). — *Авт.*] подле куска мяса, соли или железа, что им нра-

вится, и стоят в ожидании. Тогда подходит хозяин мяса и берет золото, если доволен предложенной за товар суммой, а туземец, сделавший предложение, берет мясо, соль или железо. Но если купец недоволен суммой, предложенной за его товар, то он не трогает золота, а туземец, видя, что его золото не взято, либо присоединяет еще слиток, или уходит. Так происходит немая меновая торговля, ибо они говорят на разных языках и без переводчиков не могут понимать друг друга. Они остаются на месте пять или более дней, смотря по тому, медленно или оживленно идет мена товара на золото, пока не продадут весь товар. Возвращаются назад все вместе и вооруженные, ибо их высматривают враждебные племена, желающие поживиться их богатством. Вся поездка требует не менее шести месяцев, так как первый путь они делают весьма медленно, щадя силы своих коней, обратный же путь совершают быстро, дабы не быть захваченными в дороге зимой и дождями. Ибо здесь находятся источники Нила [Голубого. — *Авт.*], воды которого, поднявшись вследствие зимних дождей, делают непроходимыми караванные дороги. Их зима падает на наши летние месяцы — от 25 июня до 30 сентября; во время этих трех месяцев падают сильные дожди» [36, с. 343].

Как видим, наряду с живой картиной нравов, Косьма сообщает ценные данные по гидрографии Нила.

Сообщил он и ряд сведений о торговле Эфиопии с другими странами. Через посредство Эфиопии вывозились из Центральной Африки изумруды в Баригазу — порт на западном побережье Индии, отсюда их доставляли в Уджайн и Кабул, и через Гиндукуш в области Средней Азии.

«Эфиопы не умеют приручать слонов, но если царь захотел бы иметь для зверинца одного или двух слонов, то их ловят молодыми и воспитывают в неволе. Страна их имеет много слонов с большими зубами. Слоновая кость [клыки. — *Авт.*] вывозится из Эфиопии в Индию, в Персию, в Химьяр [Южную Аравию. — *Авт.*] и Романию [Византию. — *Авт.*]» [36, с. 345; 55, с. 166].

К числу товаров, которыми торговал сам Косьма, принадлежали, например, зубы гиппопотама (пласты его пасти, заменяющие ему зубы при жевании пищи). Из них изготавливали разные поделки. «Гиппопотама я не видел, — писал он, — но я имел его зубы, столь большие, что один весил около

13 литр, я продал его здесь [очевидно, в Александрии, литра = 327,5 г. — *Авт.*]. Я много их [зубов. — *Авт.*] видел и в Эфиопии, и в Египте» [55, с. 166].

Описывает Косьма и торговлю на берегах Барбарии, так он называл Сомали. Оттуда вывозились «множество из пряностей — ладан, кассия, тростник и много другого». Имеется в виду тростник сахарный, а кассия — это корица, кора дерева *Cinnamomum iners* или *Cinnamomum zeylanicum* (цейлонский). Корицу доставляли из Индии, а в африканских портах ее закупали византийские купцы. Посредники держали в тайне место произрастания корицы, и византийцы считали ее местным продуктом «ладаносной земли» [55, с. 170].

Косьма верно определил основные направления вывоза товаров из Барбарии: «морем в Адулию, Химьяритию, во внутреннюю Индию и в Персиду». Под Адулией подразумевалась Эфиопия, главным портом которой был Адулис, идентификация Химьяритии и внутренней Индии указана выше. Косьма отмечал, что в эпоху царя Иудеи и Израиля Соломона (X в. до н.э.) «царица южная», или Савская, доставляла в Иерусалим благовония и из Барбарии. Саба, или Сава, тогда была одним из влиятельных государств Южной Аравии. Вслед за Ветхим Заветом Косьма повторяет исторически верные сведения о том, что сабейцы вывозили из Барбарии различные пряности, эбеновое дерево и обезьян. А золото, как и во времена Косьмы, вывозилось ими из той же земли Сасу.

Особо ценны сведения об Индии, сообщенные Косьмой. Важно, что они подлинны. Он сам пишет, что из всего описанного «одно я узнал по опыту, растолковал и написал, другое узнал точно, будучи вблизи тех мест». Большинство историков сходится на том, что точность и подробность его описаний подтверждает факт посещения Косьмой Малабарского (Западного) побережья Индии и о. Цейлон [55, с. 172].

Косьма описывает гавани Малабарского побережья. Начинает он с Синда — «начала Индии». Его пограничное положение на северо-западе Индии обеспечивало надежные связи с Персией, Южной Аравией и Эфиопией. Велась отсюда торговля с Тсинистой (Китаем). Из экспортных товаров Синда упоминаются мускус, касторка, валериана.

Описываются Косьмой и другие малабарские порты, в частности Баригаза и Каллиана. Из последней вывозили медь,

«дерево сезама» и различные ткани (вообще-то сезам не дерево, а однолетнее растение, известно, что из Индии вывозилось сезамовое или кунжутное масло). Упоминает он и гавань Сибор, что можно идентифицировать как Суппара (Сурат).

Косьма обозначает Мале, Малабар или Малабарское побережье как «землю перца» [55, с. 175]. Он называет в направлении с севера на юг гавани, из которых специально вывозился важнейший экспортный продукт — перец: Парти, Мангарут (Мангалор), Салопатана, Налопатана, Пудопатана («патана» — город).

В своей книге он поместил миниатюру, изображающую «дерево, приносящее перец», и дал его описание: «Это дерево обвивает другое высокое дерево, без плодов, потому что оно весьма тонко и слабо, подобно нежным ветвям виноградной лозы. Каждый плод имеет двойной покров, он ярко-зеленый, подобно руте» [55, с. 176]. Перец вывозился в больших количествах, так как в эпоху Средневековья широко использовался в Средиземноморье и Европе в качестве приправы.

Отметил Косьма и использование в Индии в качестве основного тяглогового животного прирученных буйволов. В рукописи «Христианской топографии» помещено изображение буйвола и добавлено: «В Индии они ручные, и на них в двойных седельных мешках перевозят перец и другие товары» [55, с. 176].

Описал он и кокосовые орехи, которые назвал «большими индийскими орехами». В Ватиканской рукописи «Топографии» имелась миниатюра, изображавшая кокосовую пальму и под ней двух людей с темной кожей, собиравших орехи [55, с. 182].

Косьма указал, что на расстоянии пяти суток по морю от Пудопатана находится о. Тапрован, или Сиеледиба (Цейлон).

Одни из лучших страниц «Топографии» посвящены описанию Цейлона. «Так как остров Тапрована [Цейлон. — *Авт.*] действительно лежит в центре, то он часто посещается судами из всех районов Индии, Персиды и Эфиопии и равным образом сам шлет отсюда очень много своих судов. Из самых отдаленных стран, как Тсиниста [Китай. — *Авт.*], и других торговых мест остров получает метаксу [шелк-сырец. — *Авт.*], алоэ, гвоздику, сандаловое дерево и другие продукты. Эти товары снова шлются на расположенные на нашей стороне рын-

ки, например в Мале [Малабарское (западное) побережье Индии. — *Авт.*], где растет перец, и в Каллиану [порт в районе современного Бомбея. — *Авт.*], которая вывозит медь, кунжут и ткань для изготовления одежды, ибо она также является важным торговым пунктом; кроме того, в Синд [Диул-Синд в дельте Ганга. — *Авт.*], где добываются мускус и бобровая струя и андростахис [вероятно, лавандовое масло. — *Авт.*], в Персиду, Химьяриту и Адулию. Получая товары из всех названных рынков и переправляя их далее в самые отдаленные гавани, остров одновременно вывозит и свои собственные товары в обоих направлениях» [56, с. 65].

Цейлон в те времена являлся важным посредником в торговле китайским шелком. Для развития этой торговли правитель острова в 515 г. даже добровольно признал свою вассальную зависимость от китайского императора, и в течение столетий ко двору императора направлялись цейлонские посольства с дарами и приношениями.

Помимо личных впечатлений, сведения о Цейлоне Косма почерпнул у знакомого купца Сопатра, который прибыл на остров одновременно с персидским судном, на котором находился персидский посланник: «По обычаю, начальники города и таможенные повели их для представления царю, который после установленного приветствия приказывает им сесть и спрашивает: «Благополучно ли в вашей стране, и как идут ваши дела?» — «Хорошо», — сказали они. Потом спросил царь: «Который из ваших царей больше и сильней?» — Перс быстро ответил: «Наш царь и сильней, и больше, и богаче других, называется царь царей и может делать все, что захочет». — Сопатр ничего не говорил, тогда царь говорит ему: «Что же ты, ромэй, ничего не скажешь?» — Сопатр ответил: «Что же сказать после того, что мы слышали. Если, однако, желаешь узнать истину, ты имеешь перед собой и другого царя, рассуди сам, который из них величественней и могущественней». — Эти слова привели царя в изумление. — «Как, — сказал он, — здесь находятся оба царя?» Сопатр же ответил: «Здесь есть монеты того и другого: золотая номисма византийская и драхма, или серебряный милиарисий, — персидская; взглянишь в изображения на той и другой, и ты познаешь истину». Цейлонский властитель, согласившись с этим, приказал принести обе монеты. Византийская монета была из чистого зо-

лота, светлая и хорошего чекана, ибо сюда привозятся лучшие экземпляры; что же касается персидского милиарисия, то достаточно сказать, что он был из серебра и не мог идти в сравнение с номисмой. Царь повертел в руках ту и другую монеты и, похвалив золотую номисму, сказал: «Конечно, ромэи и славней, и сильней, и умней». Тогда Сопатру оказаны были особенные почести: его посадили на слона и с барабанным боем водили по городу. Это рассказал нам сам Сопатр и бывшие с ним на этом острове жители Адулы. Это, говорили они, очень пристыдило персидского посла» [36, с. 344].

Для выяснения общей экономической ситуации на Ближнем Востоке и во всем регионе Индийского океана внимания заслуживают свидетельства Косьмы об ипользовании там византийских монет: «Есть другой знак, которым Бог одарил ромеев, я имею в виду, что на их монету торгуют все народы и ее принимают в любом месте, от края до края. Она ценится всяким человеком, всяким государством». Такого повсеместного распространения и признания ценности монеты какого-либо другого государства нет, указывал он [55, с. 173].

По словам Косьмы, на Тапроване, этом, по его мнению, величайшем острове в океане, добывается драгоценный камень иакинф (вероятнее всего аметист). На острове царствуют два государя, которые непрестанно враждуют друг с другом. Один владеет горной частью острова, где добывается иакинф, другой — равнинной, где находятся торговые порты. Есть на острове и христиане, духовным главой которых является епископ, получивший посвящение в Персиде.

Достоверно описывал Косьма индийских зверей, проявляя при этом изрядную наблюдательность. Вот, например, описание носорога (риноцероса): «Это животное получило свое имя оттого, что у него растут рога из носа. Когда он идет, его рога качаются, когда же он раздражен, дает им сильное напряжение, так что они становятся такими твердыми, что могут вырвать с корнем дерева, в особенности передний рог. Глаза у него лежат низко у челюстей, это весьма страшный зверь и естественный враг слона. Его ноги и кожа подобны слоновьиим. Толщина высушенной его кожи равняется четырем пальцам, некоторые употребляют ее вместо железа в плуги и пашут землю. Я видел издали живым этого зверя в Эфиопии, а мертвого в царском дворце, где и описал его» [36, сс. 344, 345].

Ценным для историков является описание современной Косье Индии: «Кроме упомянутых уже цветущих торговых пристаней, есть и другие многие торговые города, приморские и сухопутные, и обширная страна. Выше, то есть северней Индии, живут белые гунны [видимо, речь идет о тюрках-хазарах. — *Авт.* 3, с. 248], предводитель которых Голла, выходя на войну, ведет с собой, как говорят, не менее двух тысяч слонов и многочисленную конницу. Он господствует над индийской страной и собирает подати. Говорят, что однажды он желал завоевать один сухопутный город Индии, но город оказался окружен водой. Простояв под городом несколько дней и использовав всю воду на слонов, коней и военных людей, наконец, он приблизился к городу сухим путем и взял его. У них особенно ценится драгоценный камень смарагд, который употребляется для украшения царской короны. Все это я рассказал и описал частью по личному опыту, частью узнал через других, путешествуя поблизости от этих мест. И местные владельцы Индии имеют слонов, один 500, другой 600, то более, то менее. А цейлонский владелец покупает на стороне и слонов, и коней, первых расценивает по измерению: слона меряют от пяток до верхушки и, смотря по количеству локтей, платят от 50 до 100 и более номисм. Кони привозятся из Персии и продаются беспошлинно. Внутренние владельцы страны приручают слонов и пользуются ими для военной службы. Для удовольствия царей часто устраивают бой слонов. С этой целью между двумя имеющими состязаться слонами устраивается деревянная преграда из двух вертикальных и одного горизонтального бруса, которая достигает слону до груди. По ту и другую сторону стоят люди, которые не допускают слонов близко подходить одного к другому, но возбуждают их, и они начинают бить один другого хоботами, пока один из них не будет побежден. Индийские слоны не имеют клыков, а если и имеют, то эти зубы срезают, дабы они не составляли излишней тяжести во время похода» [36, с. 345].

Несколько раз в ходе путешествий Косьма побывал на Синайском полуострове. На Синае нашел убежище друг Косьмы Мина, с которым он не раз совместно путешествовал. Косьма сообщил любопытные известия о так называемых синайских надписях:

«Когда иудеи получили от Бога писанный закон, они узнали и искусство письма, так что пустыня обратилась для них в училище, ибо в течение 40 лет они иссекали на камне письма. Поэтому в пустынях Синайского полуострова можно находить на всех тамошних скалах надписи с еврейскими письменами, как я сам это видел, путешествуя по этим местам. Некоторые иудеи читали эти надписи и объясняли нам, что там написано было. Такие надписи сохранились и донныне, как я думаю, ради неверующих, ибо каждый может самолично убедиться, видеть собственными глазами, что мы говорим правду. Сначала евреи получили от Бога письмо на тех двух каменных досках, которые они изучали в пустыне 40 лет; это письмо они передали своим соседям финикиянам, от последних получили греки и другие народы» [36, с. 346]. Видный отечественный византист Ф.И. Успенский считал, что приведенные слова относятся к так называемым синайским (собственно арабским или набатейским) надписям и что они более позднего происхождения, чем предполагаемая эпоха странствования евреев по Синайской пустыне. Но примечательны догадки Косьмы о происхождении древних письменностей и последовательности передачи знаний о буквенном алфавите.

В сочинении Косьмы библейские мотивы и основная концепция в какой то степени вступали в противоречие с жизненным опытом и знаниями о мире, полученными автором в ходе общения с многочисленными и многонациональными представителями торгового мира того времени. Вот, например, одно из примечательных заключений Косьмы: «Если бы райский Эдем действительно находился на земле, то уже многие, преисполненные любопытством и любознательностью, попытались бы туда добраться. Если люди ради ничтожного торгового барыша не опасаются ездить за метаксой [шелк-сырец. — *Авт.*] в крайние пределы земли, то как могли бы они не предпринять путешествий, дабы узреть рай?» [56, с. 63].

Такое же противоречие можно усмотреть в сведениях о Китае, приведенных в его главном сочинении (ведь о Китае в Библии не упоминается). Он впервые отчетливо указал два пути из страны шелка, по суше и по морю: «Кто из Тсинисты путешествует в Персиду по суше, тот на очень много уменьшает путь. По этой причине в Персиде всегда имеется в таком

большом количестве шелк-сырец. За Тсинистой нет ни плавания, ни обитаемой земли» [56, с. 63].

Им же впервые были объединены северный и южный Китай в одну «страну шелка». Для Косьмы «серы» и «синь», то есть жители северного и южного Китая, оказались объединенными, в его представлении — это многочисленный народ страны, за которой кончается обитаемый мир [55, с. 154].

Отмечая расположение к востоку от Цейлона страны, откуда вывозили важнейшую пряность — гвоздику, он указал, что одной из таких стран является Тсиниста. Из Южного Китая также вывозили на запад алоэ и сандал. Но драгоценнейшим и важнейшим китайским товаром являлся шелк, который вывозили в виде сырца-метаксы, а также в виде тканей и готового платья [55, с. 182].

Естественно, что для современной исторической науки главное в труде Косьмы — это второстепенные и как бы мимоходом и случайно сделанные замечания и попутные объяснения. Важное значение представляют и множество рисунков, которые имелись в тексте. Многие выражения, встречаемые в тексте, показывают, что автор сам исполнял по крайней мере часть рисунков: фигуру носорога, которого он видел в Абиссинии, статуи во дворце царя аксумского и др. А рисунки, касающиеся описания мироздания, видимо, были автором заимствованы.

Ф.И. Успенский считал, что Косьма пользовался мозаиками, фресками и статуями, которые он видел в катакомбах и базиликах Александрии. Так что миниатюрам Косьмы, по его мнению, необходимо приписать в истории искусства весьма высокое значение как отражающим мировоззрение и мироощущение жителей ранней Византийской империи.

ГЛАВА 13. ПЛАВАНИЯ СВЯТОГО БРЕНДАНА В АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ

*Кто плаванье избрал призываньем жизни
И по волнам, коварно скрывшим рифы,
Пустился в путь на крошечной скорлупке,
Того и чудо не спасет от смерти,
И лучше бы ему вернуться в гавань,
Пока его рукам послушен парус.*

Франческо Петрарка. XIV в.

До наших дней сохранилась старинная рукопись на латыни «Плавание Святого Брендана, Аббата», в которой рассказано об удивительных приключениях ирландских монахов. Во главе со своим аббатом св. Бренданом они много столетий назад плавали на открытой лодке в Атлантическом океане, посещая дальние острова и заморские страны.

Ученые попытались установить, когда же проходили эти необычайные путешествия. Годы жизни св. Брендана (другие звучания Брандан, Брандон) примерно известны: он родился ок. 489 г. н.э., а скончался между 570 и 583 г. Самые ранние из дошедших до нашего времени вариантов рукописи «Плавание» относятся к X в. Само же предание о св. Брендане создано, видимо, в IX в.

Дублинский профессор, видный специалист по истории Ирландии Джеймс Карней, утверждал, что «Плавание» написано около 800 г., а более примитивная версия, вероятно, существовала уже при жизни св. Брендана. Более того, в ирландской поэме VII в. он встретил указание на то, что сам св. Брендан был известен как творец поэтических произведений. Это позволило ему предположить большую древность первоначального текста «Плавание» [57, сс. 72, 234, 235].

О самом св. Брендане достоверно известно немного. Вероятнее всего, он родился в районе озер Килларни, в графстве Керри на западе Ирландии. Крестил и воспитал его керрийский епископ Эрк. Затем учителем св. Брендана был известный проповедник св. Энда. Брендан стал монахом, а затем и аббатом. В то время центрами ирландской церкви были разбросанные по всей стране монастыри, некоторые из которых основал сам св. Брендан: Ардфертский монастырь в графстве Керри, Инишдадраум в графстве Клэр, Аннадаун и Клонферт, оба в графстве Голуэй. В последнем он и был похоронен. За свою жизнь св. Брендану пришлось немало путешествовать. Он несколько раз плывал вдоль западного побережья Ирландии, добирался по морю до Западных островов у побережья Шотландии. Известно, что он побывал в Уэльсе, значит, ему пришлось пересекать широкий пролив Св. Георга. Именно в Уэльсе св. Брендан стал настоятелем Лланкарвонского монастыря и был наставником бретонского св. Мало. Ряд свидетельств подтверждают факты плавания св. Брендана в Бретань, на Оркнейские и Шетландские острова, расположенные к северу от Шотландии. О возможных еще более дальних плаваниях св. Брендана будет рассказано позже. Так что вполне обоснованно он стал известен под именем Брендана Мореплывателя, а сама рукопись «Плавания Святого Брендана, Аббата» подтверждает его моряцкую репутацию.

Следует отметить, что стремление ирландских монахов попасть на безлюдные далекие острова во многом связано с общими настроениями христиан в те времена. «Тот же дух, — отмечает историк Х. Циммер, — который в начале IV в. властно влек некоторых людей в одиночку и вместе с единомышленниками в египетскую пустыню, а в V в. привел к основанию монастырей в Италии и Франции, с особой силой царил в древнейшей ирландской церковной общине. Море для ирландцев было тем же, чем для египтян и сирийцев пустыня. Вот почему уже в древнейшие времена, в V и VI вв., анахореты и монастыри появились на островах в водах, омывающих Ирландию, а среди членов ирландской религиозной общины господствовало стремление удаляться на многочисленные более мелкие острова, находящиеся на большем или меньшем расстоянии от страны и окружающие ее преимущественно с юго-запада, запада и северо-запада, чтобы вести там правед-

ный образ жизни. Чем больше заселялись эти острова, тем сильнее росло у некоторых людей желание уехать еще дальше. Так, в VI, VII и VIII вв. добирались они уже до Гебридских, Оркнейских, Шетландских, Фарерских островов и даже до Исландии» [56, сс. 114, 115].

Так как морские плавания являлись существенными фактами биографии св. Брендана и многих других ирландских монахов той поры, то небезынтересно познакомиться с конструкцией карр старинных ирландских судов той эпохи. Это были открытые лодки с деревянным каркасом, который обтягивался сшитыми бычьими кожами, предварительно дубленными настоем дубовой коры. По форме корпуса карра напоминала банан, разрезанный вдоль.

Каркас этих лодок состоял из двойных планширей (один над другим) — самых верхних продольных брусков остова корпуса, шпангоутов — ребер каркаса и до 15 стрингеров с каждого борта — продольных брусьев каркаса. Все детали каркаса изготавливали из дуба и ясеня и связывали их между собой кожаными ремнями. Для предохранения древесины деревянный каркас обильно смазывали животным шерстяным воском.

В тексте «Плавания св. Брендана, Аббата» отмечено, что монахи при изготовлении карры использовали «жир, обрабатывая кожи для обшивки», и «смазывали жиром все швы снаружи». Знаток древнего ирландского мореходства Тим Северин утверждает, что лучше всего для пропитки кож подходит горячий животный шерстяной воск [57, с. 243]. Естественно, что древние ирландцы могли использовать в этих целях рыбий жир, животное сало, пчелиный воск. Для сшивки кож древние ирландские судостроители, вероятнее всего, применяли дратву из льняных ниток, пропитанную смесью из шерстяного воска, пчелиного воска и смолы, так что она плотно закупоривала дырочки от шила.

Можно предположить, что в носовой и кормовой частях лодки устанавливалась двойная кожаная обшивка, так как эти части в плавании подвергаются особо большим нагрузкам. Тим Северин при постройке своей карры-новодела в той части носа лодки, которая могла натолкнуться на камни или острые плавающие предметы, установил четырехслойную обшивку общей толщиной 30 мм.

На днище поверх кож укреплялся медными заклепками плоский дубовый полоз для предохранения кожаной обшивки при вытаскивании лодки на берег и в качестве фальш-киля, усиливающего продольную прочность каркаса корпуса лодки. Сама кожаная обшивка не крепилась непосредственно к деревянному каркасу, а плотно облегалась его и привязывалась к планширю кожаными ремнями.

Размеры древних ирландских карр зависели от их предназначения. Для морских плаваний строили карры длиной до 18—20 м и шириной до 3,5—4 м. В такой карре возможно было разместить до 60 моряков и пассажиров [35, с. 161]. В карре св. Брендана с ним плавали сперва 14 монахов, а затем к ним присоединились еще трое. Карра, построенная Тимом Северином по старинной технологии и без применения современных материалов, в которой он успешно плавал по Северной Атлантике в 1976—1977 гг., имела размеры: длина 12 м, ширина — 2,5 м, водоизмещение при полной загрузке было около пяти тонн. В ней свободно размещались 10 гребцов.

Анализ средневековых текстов о плавании древних ирландцев показывает, что дальние плавания на кожаных лодках они совершали в основном под парусами. Древние ирландские моряки брались за весла обычно только при плавании в прибрежной полосе или во время причаливания. По вопросу об устройстве парусного вооружения карр единого мнения у ученых нет. Тим Северин утверждает, что древние кожаные карры имели две мачты: фок и грот. Две мачты были установлены и на новоделе-карре «Брендан», причем длина их была соответственно 3,6 и 5,7 м. Мачты устанавливались в дубовых гнездах — степсах. На них поднимали по одному льняному парусу, площадь фока была 6 кв. м, а грота — 13 кв. м.

Правда, следует отметить, что в самом тексте «Плавания св. Брендана, Аббата» нет прямых указаний об установке на древних каррах именно двух мачт. Там говорится, что монахи «взяли железный инструмент и построили легкую лодку с деревянными ребрами и деревянным остовом, как заведено в этих краях.

Они обшили ее бычьими кожами, дубленными дубовой корой, и промазали жиром все швы на кожах снаружи. Они погрузили на лодку кожи для еще двух лодок, припасы на 40 дней, жир, чтобы смазывать кожаную обшивку, и прочие

вещи, нужные человеку в пути. Еще они установили мачту в середине лодки и устройство для управления. Затем святой Брендан именем Отца, и Сына, и Святого духа повелел своим монахам занять места в лодке» [57, с. 51].

Следует отметить, что изучение найденных в Англии остатков древних судов III—IV вв., построенных с учетом местных традиций кельтских племен, подтвердило наличие на них только одной мачты с прямым парусом. Такая же конструкция парусного вооружения характерна для судов всех народов, населявших северную и северо-западную часть Европы в I тысячелетии н.э. Из всего сказанного можно предположить, что выводы Т. Северина о наличии на древних ирландских каррах двух мачт не безусловны.

Древние ирландские монахи имели одежду, вполне приспособленную для использования в период плавания по Северной Атлантике. Видимо, это была повседневная шерстяная одежда и войлочные сутаны с капюшонами. Питательную воду они хранили в кожаных флягах, а питались в море сушеным мясом, похлебкой из крупы и корнеплодов. Они, вероятно, разводили огонь на железном листе для приготовления похлебки в котле. Топливом при этом служили дрова или торф. И, естественно, они были привычны к холодной пище. В роли спальных ковриков средневековые ирландские моряки могли использовать прекрасно изолирующие подстилки из овечьих шкур.

Теперь рассмотрим текст «Плавания Святого Брендана, Аббата» с целью выяснения истинного маршрута этого путешествия. Вначале Брендан со своими спутниками, отплыв от юго-западного побережья Ирландии, посетили расположенные неподалеку от него Аранские острова. Затем их карра направилась к Гебридам, островам у северо-западного побережья Шотландии.

Следует отметить, что следы древних ирландских монастырских поселений обнаружены на Гебридах, Оркнейских островах у северного побережья Шотландии, Шетландских островах, далее к северу и даже, по некоторым данным, на Фарерских островах (в 200 милях к северу от Шотландии).

Острова, которые в тексте «Плавания» называются Овечьим островом и Птичьим раем, очень подходят по природе к Фарерам. Благодаря течению Гольфстрим зимы на этих ост-

ровах сравнительно мягкие, климат и растительность благоприятствуют овцеводству. И название его не изменилось по сравнению с приведенными в «Плавании»: норманское Фэр-Эйяр означает «Овечьи острова». Получается, что норманны, появившись на Фарерах после ирландцев, переняли от последних название островов.

В 825 г. ученый ирландский монах Дикуил (Диквил), ученик знаменитого английского монаха Алкуина, организатора научного кружка «Академии Карла Великого» при дворе этого императора, написал трактат по географии «Об измерении земного круга», первое руководство по географии в империи франков. Особое значение для истории географических открытий имеют сообщения Дикуила в этом трактате об ирландских отшельниках и их открытиях в *Северной Атлантике*.

Именно Дикуил привел первые сведения о Фарерах. Причем он отметил, что ни у одного из античных авторов, труды которых и явились основой для составления трактата, он не нашел даже упоминания о них. «В Северном Британском океане много островов, к которым при постоянном попутном ветре можно дойти от Британских островов, плывя на всех парусах, за два дня и две ночи. Один благочестивый священник рассказывал мне, что он плыл туда летом два дня — и ночь между ними — в маленькой, с двумя скамьями, лодке и высадился на берег одного острова. В большинстве эти острова малы, почти все отделены друг от друга узкими проливами. На них около 100 лет назад [то есть около 725 г. — *Авт.*] поселились отшельники, прибывшие из нашей родины Скотии [Ирландии. — *Авт.*]. И как острова эти прежде были безлюдными от сотворения мира, так и теперь не осталось на них отшельников по вине норманнских разбойников. Там — без числа овец и необычайно много морской птицы» [35, с. 163].

В районе Фарер монахи впервые встретились с китами. В тексте «Плавания» рассказ об этом расцвечен фантастическими деталями в соответствии с традициями средневековых легенд о морских чудовищах. Карра подошла к одному из островов, который был каменистым и без травы. Вытащив веревками лодку на берег, монахи развели огонь, чтобы сварить мясо, привезенное с Овечьего острова. Но когда вода в котле закипела, остров начал трястись и двигаться. Возвратившись в карру, монахи увидели, что «остров» поплыл в море. Брен-

дан сказал своим спутникам, что «остров» этот был самой большой рыбой в океане, называемой Ясконий (в Средневековье кит считали рыбой). В ходе дальнейшего плавания дружелюбная «огромная рыба» снова и снова подходила к карре. Тим Северин в связи с этим говорит о действительной реакции китов, когда они встречаются в море кожаную лодку и несколько раз возвращаются к ней, чтобы изучить незнакомое существо вблизи.

После «Овечьих островов» карра св. Брендана направилась на север и подгоняемая южным ветром оказалась у каменистого острова, «сильно пересеченного, скалистого, засыпанного шлаком, совсем без травы и деревьев, с множеством кузниц... Когда они плыли вдоль острова, совсем рядом с ним, послышался гул работающих кузнечных мехов, подобный громовым раскатам, и стук кувалд по железу и наковальням... Они увидели — один из обитателей этого острова вышел из своей кузницы... Он весь оброс волосами и выглядел как воплощение огня и тьмы... Дикарь спустился на берег поблизости от них, держа в руках кузнечные клещи с большим куском раскаленного шлака. И он тотчас метнул этот шлак в слуг христовых, но не смог повредить им. Шлак пролетел над ними на высоте более 400 локтей, и там, где он упал в море, оно закипело, словно в том месте извергался вулкан, и над морем поднялся дым, будто над пылающим горнилом. И когда святой отец отошел примерно на милю от места, где упал шлак, все жители острова прибежали на берег, неся каждый по куску шлака. Некоторые из них принялись один за другим метать этот шлак в слуг господних, всякий раз возвращаясь в свои кузницы за новыми раскаленными кусками. Казалось, весь остров объят огнем, точно огромное горнило, и море кипело, как кипит котел с мясом, когда его как следует нагреешь. Весь этот день с острова доносился великий шум» [57, сс. 139, 140].

Большинство исследователей считает, что эти строки явно навеяны воспоминаниями об извержении островного вулкана, которое не раз наблюдалось у берегов Исландии в последующие столетия. В тексте «Плавания» имеется отрывок, позволяющий как-то уточнить район наблюдавшейся монахами вулканической активности. На другой день монахи увидели «среди океана, недалеко на севере, высокую гору, вершина которой была окутана словно облаком, а на самом деле ды-

мом. Тут же ветер очень быстро понес их к побережью острова, и лодка села на грунт у самого берега. Перед ними высилась скала угольного цвета, отвесная, словно стена, и такая высокая, что они не видели ее вершины» [57, с. 142]. Когда им удалось столкнуть карру с мели и направиться к югу, то они увидели, что гора уже не окутана дымом, а извергает пламя к небесам, после чего пламя опустилось вниз, и вся гора уподобилась погребальному костру.

Вероятнее всего, древние ирландские мореходы воочию увидели извержение одного из вулканов Исландии. Восстановливая истинный маршрут плавания св. Брендана, ученые довольно уверенно утверждают, что после Фарер он побывал у берегов Исландии.

И Дикуил сообщает о плавании ирландских монахов к какому-то северному гористому острову, где они провели полгода и наблюдали летом белые ночи: «30 лет тому назад [то есть не позднее 795 г. — *Авт.*] несколько клириков, находившихся на этом острове с 1 февраля по 1 августа, сообщили мне, что там не только во время летнего солнцестояния, но и в предшествующие и последующие дни заходящее солнце как бы только прячется за небольшой холм, так что там даже на самое короткое время не бывает темно. Как будто солнце всегда стоит на небе и можно заниматься какой угодно работой, даже вылавливанием вшей из своей рубашки. Если бы клирики жили на высоких горах этого острова, то солнце, возможно, совсем не скрывалось бы от них. Я считаю, что лгут или заблуждаются те, кто писал, будто Туле [так он по античной традиции называл этот остров, как самый северный в обитаемом мире. — *Авт.*] окружает застывшее море, а равным образом и те, кто писал, что со дня весеннего до дня осеннего равноденствия там царит сплошной день без ночи и, напротив, со дня осеннего до дня весеннего равноденствия — непрерывная ночь. Добравшись туда, клирики прибыли в страну в обычный сезон сильных холодов, и тем не менее, пока они там жили, дни всегда сменялись ночами, кроме периода летнего солнцестояния, однако на расстоянии одного дня пути дальше к северу они обнаружили замерзшее море» [56, с. 143].

Ученые убеждены, что у Дикуила речь идет о плавании ирландцев в Исландию задолго до появления там норманнов. Это подтверждают и исландские авторы XI—XII вв. Так, Ари

Торгильсон Фроди (Мудрый) писал: «В те времена... жили там христиане, которых норвежцы называли папами [священниками. — *Авт.*]. Но позднее эти люди, не желая общаться с язычниками, ушли оттуда, оставив после себя ирландские книги, колокольчики, посохи; из этого видно, что они были ирландцами» [35, с. 164]. Даже вещи ирландских клириков были обнаружены на востоке Исландии, на о. Папей, у 14 градуса з. д.

На основе сообщения Дикуила известный исследователь древнего мореходства Р. Хенниг делает вывод: «Вполне вероятно, что до этих клириков путь в Исландию проложили другие ирландские анахореты. Но надежных доказательств на этот счет нет» [56, с. 147]. Тем не менее многие исследователи полагают, что в числе первых ирландских монахов, добравшихся до Исландии, мог быть св. Брендан и его спутники.

Затем в «Плавании» сообщается, что св. Брендан с монахами достиг «сгустившегося моря». Вода была такая непривычно ровная и неподвижная, что монахи посчитали ее сгустившейся. Тим Северин пришел к мнению, что, «возможно, Брендан наблюдал рыхлый лед, одну из первых стадий образования пака, когда при полном штиле вода насыщена ледяными иголками, которые собираются в комки вроде тех, что плавают на поверхности свернувшегося молока» [57, сс. 209, 210].

В тексте «Плавания» описана встреча монахов с огромным айсбергом: «Однажды после торжественной мессы они увидели в море столп, до которого как будто было недалеко, однако им потребовалось три дня, чтобы приблизиться к нему. И когда святой отец оказался совсем близко от столпа, он тщетно силился рассмотреть его вершину, такой он был высокий. Столп вздымался выше неба. И к тому же был окружен сетью с большими просветами — такими большими, что лодка проходила через них.

Они не могли понять, из чего сделана эта сеть. Она была серебристого цвета, но тверже мрамора. Сам столп был из чистейшего хрусталя» [57, с. 210].

Тим Северин толкует эти строки так: подойдя к айсбергу, монахи, очевидно, встретили кольцо битого льда, обычно окружающее крупные айсберги, недавно отделившиеся от пака. Вероятно, кольцо было образовано мутным морским льдом, в

отличие от айсберга, представлявшего собой чисто белый обломок ледника.

Монахи прошли вдоль кромки более мили и обнаружили отверстие, через которое провели лодку: «Море казалось им прозрачным подобно стеклу, и они могли отчетливо видеть все под собой, даже основание колонны [столпа. — *Авт.*] и край навеса, лежавшего на земле, так как солнце сияло одинаково ярко как снаружи, так и внутри». Историки географических открытий И.П. Магидович и В.И. Магидович делают на основании приведенного отрывка довольно смелый вывод, что св. Брендан описал передний край одного из гренландских ледников, перед его отрывом от основной массы глетчера. Плавание вдоль такого барьера опасно, но монахи, естественно, не знали этого, так как впервые увидели подобное [35, с. 162].

Согласно текста «Плавания» карра св. Брендана в конце концов достигла обетованной земли, которая располагалась за клубящимся туманом. Что же это была за земля? «Они вышли из лодки и увидели обширный край с обилием деревьев, увешанных плодами, словно осенью. Они обошли эту землю кругом, а ночь все не наступала. Они брали столько плодов, сколько желали, и утоляли жажду из источников, и 40 дней продолжали исследовать землю, не видя ее конца. Но в один из дней они вышли к большой реке, текущей посреди этого острова. И святой Брендан сказал своим братьям: «Мы не можем пересечь эту реку и не знаем, как велика эта земля». И пока они размышляли об этом, вдруг явился некий молодой мужчина...

Он обратился к Брендану: «Вот перед вами страна, которую вы так долго искали. Вы не могли найти ее сразу, потому что богу было угодно показать вам разные его тайны среди великого океана. Теперь же возвращайтесь на свою родину, взяв с собой плоды этой земли и столько драгоценных камней, сколько поместится в вашей маленькой лодке».

Ряд ученых отождествляет эту обетованную землю по крайней мере с Ньюфаундлендом. Ясно, что, доплыв до южной части Девисова пролива, карра св. Брендана попадала в район, где господствующее течение имело направление с севера на юг. Значит, вполне вероятно высадка монахов на побережье Ньюфаундленда.

Р. Хенниг считал, что на основании анализа ряда исландских саг и сочинений древних исландских историков можно предположить о возможности существования некоторое время ирландской монашеской колонии на берегах Северной Америки. Он считал возможным отождествить упоминаемую в сагах страну Хвитраманнланд (Страну белых людей) с такой колонией.

Так, в «Саге об Эйрике Красном» мальчишки-индейцы, захваченные норманнами на американском побережье, которых «мореплаватели увезли с собой, обучили своему языку и окрестили», рассказали о том, что «против страны скрелингов [так норманны называли индейцев. — Авт.] лежит другая земля. Там жили люди, которые ходили в белых одеждах, громко кричали и носили шесты с привязанными к ним флагами. Полагали, что это была Страна белых людей или Большая Ирландия» [56, с. 145]. Безусловно, предположение о существовании на американском побережье или на прибрежном острове ирландской монашеской колонии может стать научно подтвержденным фактом только после нахождения археологами каких-либо вещественных следов пребывания там этих монахов, как это произошло с гипотезой об открытии норманнами Северной Америки задолго до путешествия Колумба.

В завершение «Плавания» рассказано о благополучном возвращении св. Брендана и его спутников в Ирландию. Правда следует отметить, что в действительности, достигнувшим побережье Северной Америки монахам было бы чрезвычайно трудно добраться обратно к берегам Европы на своей парусной лодке. Для этого они должны были быть в первую очередь знакомы с направлениями господствующих в Северной Атлантике течений и ветров.

Память о св. Брендане сохранялась все Средние века. На средневековых картах в различных районах Атлантики не раз появлялись острова, якобы открытые им. Одна из самых древних географических карт с такими островами (1275 г.) украшает одну из стен собора в Херефорде (Англия). Приблизительно на том месте, где расположены Канарские острова, на ней обозначено «шесть счастливых островов, которые являются островами святого Брендана».

На карте 1339 г., изготовленной известным картографом Анжелино Дульсертом, или Далорто, представителем картог-

рафической школы на о. Майорке, где созданы одни из самых красивых и точных карт Средневековья, почти на месте, где фактически расположены острова Мадейра, размещены «Острова Святого Брендана или Девы».

Также на карте, созданной в 1367 г. братьями Пицигано из Венеции, острова Святого Брендана, видимо, вновь отождествлены с островами Мадейра. Они опознаются по фигуре монаха, нарисованной рядом с ними. Надпись на карте почти невозможно прочесть, но один из вероятных вариантов гласит: «так называемые Сонные острова или острова Святого Брендана» [114, сс. 64, 65].

На самом старом из сохранившихся до наших дней глобусе («Земном яблоке»), изготовленном в 1492 г. нюрнбергцем Мартином Бехаймом, остров св. Брендана помещен также не в Северной Атлантике, а совсем близко к экватору. Причем рядом с ним сделана надпись: «В год 565-й после Рождества Христова на этот остров прибыл на своем корабле святой Брендан, много узрел там чудес и затем через 7 лет возвратился к себе на родину» [56, с. 121].

На английской карте 1544 г., составление которой связывают с именем известного мореплавателя Себастьяна Кабота (о нем будет рассказано далее), остров св. Брендана был обозначен почти в центре Атлантики на широте северной части Ньюфаундленда. На картах знаменитых картографов Меркатора 1567 г. и Ортелия 1570 г. этот остров показан там же. В 1620 г. на карте Михаэля Меркатора остров еще сохраняется, но к середине столетия он исчез навсегда [114, с. 66].

Анализ текста «Плавания» подтверждает, что в основе этого средневекового романа приключений лежат реальные факты плаваний и географических открытий отважных ирландских моряков, которые на небольших открытых лодках — каррах плавали по суровым водам Северной Атлантики. А успешное плавание современных моряков во главе с Тимом Северином на карре-новоделе «Брендан» в 1976—1977 гг. от берегов Ирландии до Исландии и далее до берегов Северной Америки блестяще подкрепляет выводы ученых о маршрутах плаваний св. Брендана и его спутников.

ГЛАВА 14. СИНБАД-МОРЕХОД

*Лишь в странствиях себя мы познаем,
Мы, как в тюрьму, заточены в свой дом:
Пока таится в раковине жемчуг,
Ему цены мы верной не найдем.*

Сабир Термези. XII в.

Всему миру известны арабские сказки о Синбаде-мореходе, совершившем во времена правления легендарного багдадского халифа Харуна ар-Рашида (786—809 гг.) удивительные путешествия по морям и океанам в дальние неведомые страны.

В начале этого поэтического сказочного цикла Синбад-мореход обращается к слушателю (читателю): «Знай, что моя история удивительна. Я расскажу тебе обо всем, что со мной было и случилось, прежде чем я пришел к такому счастью и стал сидеть в том месте [собственный богатый дом в Багдаде. — *Авт.*], где ты меня видишь. Я достиг такого счастья и подобного места только после сильного утомления, великих трудов и многих ужасов. Сколько я испытал в давнее время усталости и труда! Я совершил 7 путешествий, и про каждое путешествие есть удивительный рассказ, который приводит в смущение умы. Все это случилось по predetermined судьбе, — а от того, что написано [то есть predetermined свыше. — *Авт.*], некуда убежать и негде найти убежище» [58, с. 204].

Так был в действительности такой арабский купец-мореход Синбад или это просто сказочный персонаж? Ясно, что Синбад является своего рода собирательным образом, в рассказах о котором во многом воплотились жизненные ситуации и обстоятельства, связанные с действительными приключениями, пережитыми средневековыми арабскими мореплавателями. Безусловно, сказочный цикл о Синбаде-мореходе содержит массу фантастических сведений. Такова была осо-

Арабское судно
(средневековая миниатюра)

бенность сознания средневекового человека, что, даже повидав дальние страны собственными глазами, он тем не менее воспринимал личные живые впечатления в фантастическом обрамлении и тем самым вольно или невольно придавал своим рассказам черты сказочного вымысла.

Попробуем провести анализ текста сказок о Синбаде-мореходе с целью определения состава стран, в которые плывал этот сказочный персонаж, и сравнить с фактическими данными, приводимыми сред-

невековыми арабскими историками и географами об арабской морской торговле.

Во все свои 7 путешествий Синбад отправлялся из порта Басра, расположенного теперь на берегу Шатт-эль-Араб — совместного устьевое участка рек Тигр и Евфрат, — и туда же возвращался из дальних странствий. Оттуда по реке Тигр можно было легко добраться до Багдада. Басра была первым из новых портов, основанных арабами в ходе завоеваний через пять лет после кончины пророка Мухаммеда (632 г.), провозгласившего новую исламскую религию. Немногим более, чем через 30 лет после основания Басры, в городе уже насчитывалось 200 тыс. жителей. После основания в 762 г. на берегу р. Тигр новой столицы халифата Багдада Басра стала его морским портом. На протяжении всего Средневековья не замирала жизнь в этом крупнейшем арабском порту, несмотря на неоднократные разрушения в ходе восстаний и войн. В гавани Басры можно было увидеть в зависимости от времени года десятки, сотни и даже тысячи торговых судов, доставлявших и вывозивших грузы из портов Южной Аравии, Восточной Африки, Индии и Шри-Ланки, Индонезии, Китая и даже Кореи.

В рассказе о первом путешествии Синбада повествуется о том, что он, сын богатого багдадского купца, промотал боль-

шую часть наследства. Затем он осознал, что должен прекратить праздную жизнь, и решил заняться торговлей в заморских краях.

«И тогда я решился, — рассказывает Синбад, — и накопил себе товаров, и вещей, и всяких принадлежностей, и кое-что из того, что было нужно для путешествия, и собрался совершить путешествие по морю. И я сел на корабль и спустился в город Басру вместе с толпой купцов, и мы плыли морем дни и ночи и проходили мимо островов, переходя из море в море и от суши к суше; и везде, где мы ни проходили, мы продавали, и покупали, и выменивали товары» [58, с. 207].

В ходе плавания судно, на котором плыл Синбад, пристало к острову, «подобному райскому саду». Купцы сошли на берег, установили жаровни и разожгли под ними огонь. Но мирный обед прервал крик муалдима (капитана, по-арабски буквально учитель, наставник, лоцман): «О мирные путники, поспешите подняться на корабль и поторопитесь взойти на него! Оставьте ваши вещи и бегите, спасая душу... Остров, на котором вы находитесь, не остров, — это большая рыба, которая погрузилась в море, и нанесло на нее песку, и стала она как остров, и деревья растут на ней с древних времен. А когда вы зажгли на ней огонь, она почувствовала жар и зашевелилась, и она опустится сейчас с вами в море и вы все потонете».

Синбад не успел добраться до корабля и после погружения острова-рыбы оказался в воде. Он чудом спасся, схватившись за деревянное корыто, которое оказалось рядом.

Как видим, сказочный мотив острова — громадной рыбы присутствует и в арабских сказаниях о морских путешествиях, так же как и в ирландских сказаниях о плавании святого Брендана, и в сказаниях многих других народов.

В конце концов Синбад попадает в город царя аль-Михрджана. В рассказе об этой стране многое совпадает со сведениями о реальной Индии. Царь аль-Михрджан — это явно искаженное «махараджа», царь в Древней Индии. В рассказе Синбад встречает у царя аль-Михрджана «толпу индийцев». «Они сказали, что среди них есть шакириты [явно искаженное «кшатрии», то есть каста воинов. — *Авт.*], и есть среди них люди, которых называют брахманами, и они никогда не пьют вина, но наслаждаются и живут безмятежно, развлекаясь и слушая музыку, и у них есть верблюды, кони и скот. И они

рассказали мне, что народ индийцев разделяется на 72 разряда, и я крайне удивился этому» [58, с. 211].

Правитель города, куда попал Синбад, сделал его своим приближенным, назначил начальником морской гавани и велел переписывать все суда, которые подходили к берегу, для взимания пошлины с ввозимых товаров. В конце концов Синбад обогатился и благополучно возвратился на корабле в Басру.

Действительно, индо-арабские торговые связи сформировались в глубокой древности.

Не вызывает сомнений то, что арабские мореходы освоили использование муссонных ветров для плавания напрямик от южноаравийских портов к западному побережью Индостана и обратно значительно раньше древних греков и скрывали этот навигационный секрет от конкурентов. Ведь древние греки впервые познакомились с использованием зимнего северо-восточного муссона только в 325—324 гг. до н.э. во время экспедиции Неарха — флотоводца Александра Македонского от устья Инда в Персидский залив. А первым греком, поплывшим прямо через Аравийское море в Индию, используя летний юго-западный муссон, был кормчий Гиппал в I в. до н.э. Ясно, что древнегреческие, а затем и древнеримские купцы добирались до портов Индостана и Шри-Ланки по морским путям, проложенным арабами и индусами на несколько столетий раньше.

Несомненно и арабское происхождение слова «муссон» — это мавсим, что означает «отмета, отметный ветер», то есть ветер с ожидаемой стороны, дующий в правильные сроки, в определенное время года [59, с. 79].

Важнейшей статьёй арабской морской торговли с древних времен и на протяжении Средних веков являлся вывозимый из портов Малабарского берега (юго-западное побережье Индостана) судостроительный и строительный лес различных пород. В качестве основного материала для строительства судов использовалась древесина лиственных тиковых деревьев, достигавших в высоту 50 м. Из тиковых досок и брусков изготавливали обшивку судовых корпусов и детали судового набора. На арабские суда грузили тиковые доски в виде цельных плат, размеры которых достигали 40 x 7 локтей (примерно 18 м x 3,15 м).

Эта древесина отличалась прочностью, красотой и особой устойчивостью против гниения и повреждения насекомыми, что было связано с наличием в ней специфических смол. Важно было и то, что тиковая древесина сравнительно легко поддавалась обработке.

Вывозилась из Малабара и древесина деревьев «джак», «аине», «пун» и «веламауху», из которых изготавливали детали внутреннего набора корпусов, кили и мачты. Так что западноиндийское тиковое дерево было в течение столетий вне конкуренции. Построенные из него корпуса кораблей при условии постоянного пребывания в воде могли служить многие десятки лет.

Это дерево использовалось также для строительства зданий в районах повышенной влажности и обводненности почв. Так, например, в одном из крупнейших портов халифата Сирафе на побережье Персидского залива из индийского тикового дерева строили многоэтажные дома.

Из портов Малабарского побережья арабы вывозили в порты Южной Аравии и Персидского залива розовое, сандаловое и эбеновое дерево. Эти ценные сорта предназначались для дальнейшей тонкой художественной обработки.

Арабские купцы вывозили из Африки железную руду в больших количествах и доставляли ее в Индию. Там из руды выплавляли высококачественную сталь. Оттуда она переправлялась в халифат к ремесленникам Аравии и Сирии. Искусные мастера изготавливали из листов и слитков знаменитые йеменские мечи и кольчуги, дамасские клинки и предметы быта. Все это шло в основном на внешний рынок. Арабы высоко ценили индийскую сталь, которую называли «Ал хинд» — «Индия».

Мы отметили только отдельные важные виды товаров, которые доминировали в арабо-индийской торговле. Кроме этого вывозились из индийских портов пряности, хлопчатобумажные ткани, драгоценные камни и многое другое. А среди ввозимого арабами в Индию можно отметить породистых лошадей. Именно такую лошадь доставил для продажи в Индию на арабском парусном судне-«таве» на исходе 60-х гг. XV в. тверской купец Афанасий Никитин. Мотив приобретения породистых лошадей индийским махараджой наличествует и в рассказе о 1-м путешествии Синбада.

Арабские купцы основали в малабарских портах многочисленные торговые колонии и со временем приобрели большое влияние на местную политическую и культурную жизнь. Так что совсем не случайно царь аль-Михарджан назначил Синбада начальником порта и возложил на него таможенные функции. Все это явилось как бы отражением фактического положения арабских купцов в многочисленных западноиндийских портах.

Во время своего 2-го морского путешествия Синбад попал на незнакомый остров, «где было много деревьев, спелых плодов, благоухающих цветов, поющих птиц и чистых потоков, но не было там ни жилищ, ни людей, раздувающих свой очаг» [58, с. 214]. Так получилось, что корабль, на котором плавал Синбад, ушел в море, а Синбад остался на берегу. Оказалось, что на острове обитала громадная птица рухх, «которая кормит своих детей слонами». Синбаду удалось покинуть необитаемый остров. Когда гигантская птица заснула, опустившись на громадный купол высиживаемого ею яйца, он привязал себя к ее ноге. Утром птица взлетела и перенесла Синбада в местность, где земля была усеяна алмазами, «которым сверлят металлы и драгоценные камни и просверливают фарфор и оникс». Здесь гигантские птицы охотились на огромных змей.

Чудом спасся Синбад из местности, полной гигантских гадов, но все же прихватил с собой множество алмазов. Он присоединился к купцам, добывавшим алмазы с помощью орлов и ястребов. Купцы бросали в полную алмазов долину куски мяса, к которым прилипали алмазы. А затем хищные птицы уносили куски мяса с прилипшими алмазами на вершины гор, обрамлявших долину, где находились купцы. В этом повествовании можно проследить отголоски рассказов об охоте с помощью птиц-хищников, которая с давних пор хорошо была известна на востоке.

На другом острове Синбад с купцами попадают в сад, где «росли камфарные деревья, под каждым из которых могли укрыться сто человек. А когда кто-нибудь хочет добыть камфары, он сверлит на верхушке дерева дырку чем-нибудь длинным и собирает то, что из нее течет, и льется из нее камфарная вода и густеет, как клей, — это и есть сок камфарного дерева. И после этого дерево засыхает и идет на дрова» [58, с. 219].

Синбад видел на этом острове множество диковинных животных, среди которых особо отметил больших травоядных, у которых тело крупнее, чем у верблюдов, и посредине головы растет один толстый рог, то есть носорогов. Увидел он там много незнакомых ему животных из породы буйволов. И на этом острове Синбад нашел множество алмазов. Благодаря своим находкам он вновь разбогател и благополучно возвратился на корабле в Басру.

Легенда о громадных птицах распространена среди народов Востока. Возможно, что в этих легендах нашло отражение знакомство арабов с огромной нелетающей птицей эпиорнис высотой более 3 м и весившей 300—400 кг. Эти птицы, близкие к страусам, обитали ранее на о. Мадагаскар. Их крупные яйца имели длину 34 см и ширину 22 см, а объем их достигал девяти литров. Они были истреблены людьми и исчезли сравнительно недавно в XVII—XVIII вв. Арабы могли наблюдать эпиорнисов и их гигантские яйца, посещая о. Мадагаскар в ходе основания торговых факторий на восточном побережье Африки с начала I тысячелетия н.э.

С камфарными деревьями арабы могли познакомиться только в Индокитае, Южном Китае, на островах Тайвань и Хайнань. А носороги в Средние века были распространены в Индии, Бирме, Таиланде, Индокитае, Малакке и Индонезии. В Африке носороги обитали на огромной территории в центральных, восточных и южных районах этого материка. Азиатские буйволы широко встречались в Индии, Индокитае, на о-вах Шри-Ланка и Калимантан, а африканские буйволы обитают к югу от Сахары вплоть до Южной Африки. Таким образом можно предположить, что все упоминания об этих деревьях и животных в рассказах Синбада связаны с фактическим знакомством арабских купцов-мореходов со многими районами их произрастания и обитания.

Недолго прожил Синбад в Багдаде. Неуемная жажда к путешествиям, к посещению новых стран и знакомству с новыми людьми обуяла его. Вновь Синбад решился отправиться в 3-е путешествие «и купил много товаров, подходящих для поездки по морю, и связал их для путешествия и выехал с ними из города Багдада в город Басру. Я пришел на берег реки, — повествует Синбад, — и увидел большой корабль, где было много купцов и путников — все добрые люди и прекрасный

народ, верующие, милостивые и праведные; и сел с ними на этот корабль, и мы поплыли с благословения Аллаха великого, с его помощью и поддержкой, радуясь, в надежде на благо и безопасность. И плыли мы из моря в море и от острова к острову и из города в город, и в каждом месте, где мы проплывали, мы гуляли, и продавали, и покупали, и испытывали мы крайнюю радость и веселье. И в один из дней мы плыли посреди ревущего моря, где бились волны, и вдруг муаллим, стоявший на краю палубы и смотревший на море, стал бить себя по лицу, свернул паруса корабля, бросил якоря, выщипал себе бороду и разодрал на себе одежду и закричал великим криком. «О муаллим, в чем дело?» — спросили мы его; и он сказал: «Знайте, о мирные путники, что ветер осилил нас и согнал с пути посреди моря, и судьба бросила нас, из-за нашей злой доли, к горе мохнатых. А это люди, подобные обезьянам, и никто из достигших этого места не спасся. И мое сердце чует, что мы все погибли» [58, сс. 221, 222].

Всех путников и сам корабль захватили обезьяны, «у них волосы точно черный войлок, и вид их устрашает, и никто не понимает их речи и ничего о них не знает. Они дичатся людей, и у них желтые глаза и черные лица; они малы ростом, и высота каждого из них — четыре пяди» [58, с. 222]

После спасения от обезьян путники попали в лапы людоеда-великана, который приступил к методичному поеданию пленников. Насытившись, людоед заснул. Оставшиеся в живых пленники ослепили его, воткнув в оба его глаза предварительно раскаленные вертела. Купцы отплыли от острова на плоту. Людоед и его огромная подруга пытались потопить плот, швыряя в него каменные глыбы. Как все это напоминает спасение гомеровского героя Одиссея и его спутников, ослепивших великана-людоеда Полифема. В конце концов Синбад благополучно возвратился в Басру.

Вполне возможно, что в этом сказочном повествовании нашли отголоски факты знакомства арабских купцов с африканскими племенами пигмеев. По утверждению многих ученых, приведших довольно убедительные аргументы, уже в середине I тысячелетия до н.э. арабы из портов Южной Аравии завершили морские экспедиции на юг вдоль восточного побережья Африки основанием нескольких торговых колоний на участке африканского побережья между мысом

Гвардафуй — восточной оконечностью континента и о. Занзибар.

Распространение ислама и создание халифата повлекло за собой новую волну эмиграции из Аравии. По мере укрепления Багдадского халифата в окружении халифов все большую роль играют в гражданской службе иранские круги, а в военной — берберы и турки. По мнению выдающегося отечественного арабиста, знатока арабского средневекового мореплавания Т.А. Шумовского именно вытеснение арабов из служебных сфер халифата явилось важной причиной для вовлечения их в заморскую торговлю. Этим он объясняет в определенной степени увеличение в IX и особенно X в. арабских купеческих факторий за пределами халифата, в частности, на восточно-африканском побережье [60, сс. 90, 91].

Новая волна эмиграции из Аравии на восточное побережье Африки привела к росту влияния арабских торговых факторий на политическую, экономическую и духовную жизнь региона. Переселенцы успешно осваивали заселяемые земли.

Дальнейшему росту эмиграции послужили преследования в халифате шиитов — членов диссидентской секты в рядах правоверного ислама. В далеких колониях они чувствовали себя свободными от преследования халифских слуг и беспощадных ревнителей «истинной» веры.

Поток эмигрантов-шиитов дополнили выходцы из оманского племени Азд и персы из Шираза — юго-западной провинции Ирана. Аздиты привнесли в новые колонии судостроительный и мореходный опыт своих предков — мореходов эпохи древнего Вавилона.

Именно из них формировали команды судов, осуществлявших связь африканских факторий с Южной Аравией и портами Персидского залива.

Вообще-то арабская торговля в Восточной Африке имела явно односторонний колониальный характер, так как арабы во многих случаях просто фактически отбирали богатства у местных африканских жителей за бесценок, используя неосведомленность последних в истинной стоимости многих предметов вывоза. Например, золотой слиток оплачивался горстью начищенных до блеска медных монет и т. д. К этому следует добавить беспощадный и бессовестный захват негров,

принесших товары для продажи, с последующим вывозом их уже в качестве рабов.

Работоторговля — гнусная и бесчеловечная статья торговли — давала арабским купцам громадную прибыль, поэтому ею охотно занимались и колонисты, и приезжие купцы. Впрочем, удивляться этому нечего. Такую же алчность и жестокость несколькими столетиями позже проявляли в подобных обстоятельствах европейские купцы и колонисты-португальцы, испанцы, голландцы, англичане. Как видим, дух стяжательства и жестокости, свойственный процессу первоначального накопления капитала, не зависел от национальности и религиозных убеждений людей, осуществлявших это накопление.

В 4-м своем путешествии, повествует Синбад-мореход, «в один из дней напали на нас ветры, дувшие с разных сторон, и муаллим бросил корабельные якоря и остановил корабль посреди моря, боясь, что он потонет в пучине.

И когда мы были в таком положении и взывали к Аллаху великому и умоляли его, вдруг напал на нас порывистый и сильный ветер, который порвал паруса и разодрал их на куски, и потонули люди со всеми тюками и теми товарами и имуществом, которое у них было; и я тоже стал тонуть вместе с утопавшими, и проплыл по морю полдня, и уже отказался от всякой надежды, но Аллах великий приготовил для меня кусок деревянной доски из корабельных досок, и я сел на нее вместе с несколькими купцами. И мы прижались друг к другу и плыли, сидя на этой доске и отталкиваясь в море ногами, и волны и ветер помогали нам.

И мы провели таким образом день и ночь, а когда настал следующий день, поднялся на заре противный ветер, и море забушевало, и волнение и ветер усилились, и море выбросило нас на какой-то остров; и мы были точно мертвые от долгой бессонницы, утомления, холода, голода, страха и жажды» [58, сс. 230, 231].

Купцов схватили туземцы — «толпа голых людей» и отвела к своему вождю. Синбад называет черных туземцев магами, видимо, имеются в виду огнепоклонники, а вернее, просто язычники с точки зрения правоверного мусульманина. Туземцы и их вождь (он был по сказанию «гуль», то есть злой дух, оборотень) оказались людоедами, возможно, речь идет о ритуальном людоедстве. При этом пленников кормили специ-

альными снадобьями, чтобы они потеряли рассудок и не делали попыток к бегству.

Синбад чудом спасся, бежав из плена. Он попадает к мусульманам в богатый торговый город. Синбад научил местных мусульман изготавливать и употреблять при езде седла, и правитель женил его на красивой и богатой женщине.

После кончины жены Синбад был по местным обычаям заживо похоронен вместе с ней, чудом спасся и в конце концов возвратился в Басру. Вполне возможно, что в этот раз в сказании отражены представления индуистской религии, предписывавшие вдове самоубийство после кончины мужа, путем самосожжения в погребальном костре при кремировании тела мужа.

А описание чернокожих туземцев дальних островов-людоедов — вполне возможно отображает опыт знакомства арабских купцов с туземцами внутренних районов Африки, Новой Гвинеи и меланезийских островов.

При рассказе о 5-м путешествии Синбад-мореход выступает уже в роли нахуды — владельца судна и повествует: «Я отправился в Басру. И я стал ходить по берегу и увидел большой, высокий и прекрасный корабль, и он мне понравился, и я купил его (а снаряжение его было новое) и нанял муаллима и матросов, и оставил моих рабов и слуг надзирать за ними [раз Синбад нанял на корабль всю команду, то, вероятно, для помощи муаллиму он обеспечил, как было принято, наличие на корабле талиба — «ищущего знаний», то есть ученика, постигающего в плавании тайны навигации и мореходства. — *Авт.*]. Я сложил на корабле мои тюки, и ко мне пришло несколько купцов, и они сложили свои тюки на мой корабль, и дали мне плату, и мы поплыли до крайности веселые и довольные, радуясь надежде на благополучие и наживу» [58, с. 241].

На одном из островов Синбад вновь увидал гигантские яйца птицы рухх. Купцы разбили одно яйцо, и птицы рухх в отместку потопили корабль, сбросив на него огромные обломки скал. Синбаду удалось выбраться на берег какого-то острова. Там он чудом спасся от «шейха моря» — существа с человеческим торсом, но с черными и жесткими ногами, «как буйволова кожа». Не просматривается ли в этом существе образ лешего или античного Пана? Освободившись от лешего и умертвив его, Синбад попадает на проходившее мимо остро-

ва судно, которое доставило его в места, где туземцы использовали обезьян для сбора индийских, то есть кокосовых, орехов.

Синбаду удалось собрать большое количество кокосовых орехов, он нанял корабль и погрузил их на него орехи. На другом острове он обменял орехи на перец и корицу.

«И мы, — повествует Синбад, — проходили мимо острова аль-Асират (а это тот остров, на котором растет камарское алоэ) и после него мимо другого острова, по которому нужно идти пять дней, и там растет китайское алоэ, которое лучше камарского.

Жители этого острова хуже по образу жизни и по вере, чем жители острова камарского алоэ: они любят развратничать, и пьют вино, и не знают божественного закона и свершения молитвы [то есть, они не мусульмане, а, вероятно, язычники или индуисты. — *Авт.*].

А после этого мы подъехали к жемчужным ловлям, и я дал ныряльщикам несколько индийских орехов и сказал им: «Нырните мне на счастье и на мою долю!» И они нырнули в заводь и вытащили много больших и дорогих жемчужин и сказали мне: «О господин наш, клянемся Аллахом, твоя доля счастливая».

И я взял все, что они вытащили, на корабль, и мы поплыли, с благословения Аллаха великого, и плыли до тех пор, пока не прибыли в Басру» [58, с. 248].

По поводу торговли кокосовыми орехами следует отметить, что арабские купцы-мореходы наладили вывоз с Мальдивских островов стволов кокосовой пальмы. При этом на суда загружали целые стволы пальм вместе с кокосовыми орехами. В аравийских портах кокосовые орехи шли на продажу, а волокно листьев и оболочек плодов после довольно сложной обработки использовалось уже в виде плетеного шнура для скрепления досок наружной обшивки судов. Сама древесина пальм шла на изготовление деталей судовых корпусов.

Следует упомянуть еще об одной тайне арабской морской торговли. Арабы долго держали в секрете местонахождение районов произрастания корицы. Для обмана торговых конкурентов, в первую очередь древнегреческих купцов, они распространяли сведения о том, что корица растет в Сомали и на о. Сокотра, тогда как в действительности приобретали ее лишь в Южной Индии и на о. Шри-Ланка. Хотя еще древнегречес-

кий географ Страбон подверг арабские утверждения сомнению, Сомали ряд античных географов обозначили как *Regio cinnamomifera* («Коричный берег»).

Арабские купцы очень давно начали посещать о. Шри-Ланка. Кроме корицы они вывозили оттуда перец, серебро и олово. Важно, что Шри-Ланка стала не только источником ценных товаров, но и транзитным пунктом для арабской торговли с Индонезией. Н. Ахмад считал, что арабские колонии на западном берегу о. Суматра были основаны не позже I в. до н.э. А торговля между Суматрой и Мадагаскаром, вероятнее всего через Шри-Ланка, была организована арабскими купцами в последние века I тысячелетия до н.э. [37, с. 182]. Для шриланкийцев арабы были неразрывно связаны с морем, недаром на острове их называли «жителями моря».

В исламские времена ассортимент товаров, вывозимых с Шри-Ланки арабами расширился. Прибрежные воды острова являлись традиционным районом добычи жемчуга, который приобретался арабскими купцами. Кроме этого в период Средневековья арабские купцы вывозили с острова золото, серебро, олово, рубины, топазы, сапфиры, алмазы, изумруды, яхонты, слоновую кость, панцири черепах, бамбук, алоэ, лекарственные травы, кокосовые орехи, перец, мускус, корицу, чай и шелк.

Но главным районом ловли жемчуга являлись Бахрейнские острова. Собственно, ловля жемчуга чуть ли не со времен вавилонского царя Навуходоносора (604—562 гг. до н.э.) велась не только вблизи Бахрейнских островов, но и вдоль Аравийского побережья вплоть до района нынешнего города Абу-Даби — столицы Объединенных арабских эмиратов — на участке протяженностью около 500 км. Здесь имелось более 200 отмелей, около которых производили ловлю жемчуга.

Ясно, что для промысла необходимо было строить многочисленные суда и лодки традиционного типа. Путешественник Ибн-Баттута (XIV в.) писал: «Место ловли жемчуга расположено между городами Сираф и Бахрейн в тихом заливе, подобном широкой реке. В апреле и мае прибывает сюда большое количество лодок с ловцами жемчуга и персидскими купцами. Перед каждым нырянием в воду ловцы жемчуга надевают маску из черепашьего панциря, из которого также делают клещи [зажимы. — Авт.], служащие для зажимания нозд-

рей. Затем обвязываются шнуром и ныряют в воду. Ловцов различают по длительности пребывания под водой, некоторые из них в состоянии пробыть под водой (в течение дня) час, два и даже больше» [61, с. 37].

В конце XV в. знаменитый арабский навигатор Ахмад ибн Маджид писал о бахрейнском жемчуге: «...сей почитай, тысяча кораблей ловит испокон веку, а она [ловля. — *Авт.*] не пускает» [60, с. 111].

Наконец, по поводу камарского и китайского алоэ следует отметить, что первое, видимо, являлось благовонным деревом, доставлявшимся из Индии и о. Суматра, а второе — благовонное дерево из Индокитая. Так что упоминание об этих деревьях является наглядным подтверждением факта обширного вывоза арабами из стран Юго-Восточной Азии пряностей и благовоний.

Во время 6-го путешествия Синбада вновь стали преследовать напасти. Он повествует: «И однажды мы плыли, и вдруг муаллим стал вопить и кричать, и сбросил с себя чалму, и принялся бить себя по лицу, и выщипал себе бороду, и упал в трюм корабля от сильного горя и огорчения. И вокруг него собрались все купцы и путники и спросили его: «О муаллим, в чем дело?» И он ответил им: «Знайте, о люди, что наш корабль сбился с пути и мы вышли из моря, в котором были, и вошли в море, где мы не знаем дороги, и если Аллах не пошлет нам чего-нибудь, что нас освободит из этого моря, мы все погибнем. Молитесь же Аллаху великому, чтобы он освободил нас от этой беды!» Потом муаллим поднялся на ноги и влез на мачту и хотел распустить паруса, и ветер усилился и повернул корабль кормой вперед, и руль сломался близ высокой горы» [58, сс. 249, 250].

Все закончилось тем, что корабль разбился у этой горы, многие утонули, но Синбад выбрался на берег и обнаружил, что находится на острове, у побережья которого разбилось множество судов. Он обнаружил на берегу немало сокровищ с разбитых кораблей. А в глубине острова Синбад увидел в русле ручья множество драгоценных камней, жемчужин и самородков.

Синбад позже рассказал: «И увидели мы на этом острове много наилучшего китайского и камарского алоэ, и бил на острове полноводный ключ из особого вида амбры, которая

из-за сильного жара солнца текла, как воск, по берегам ручья и разливалась по берегу моря.

И выходили из моря звери, и глотали ее, и погружались с нею в море; и амбра согревалась у них в брюхе, а потом они извергали ее изо рта в море, и амбра застывала на поверхности воды, и ее цвет и вид изменялись.

И волны выбрасывали ее на берег моря, и путешественники и купцы, которые знали, что такое амбра, собирали ее и продавали» [58, с. 250].

Синбад сделал плот из бревен и сучьев китайского и камарского алоэ, захватил с собой собранные драгоценные камни и жемчужины и поплыл на нем по реке, которая протекала в тесном ущелье под горой, у которой разбился корабль. Наконец его вынесло на равнину. Там он достиг обитаемых мест, где проживали индийцы и абиссинцы. Синбад преподнес дары правителю страны и стал одним из его приближенных. Затем правитель отослал его в Багдад с дарами для халифа.

В рассказах о сборе амбры наглядно видно переплетение реальных и фантастических мотивов. Арабские купцы были хорошо знакомы с использованием амбры (от арабского анбар) — воскоподобного вещества, образующегося в пищеварительном тракте кашалотов, — в парфюмерии. Знали они и то, что амбра встречается также плавающей в воде или выброшенной волнами на берег в виде кусков весом несколько килограммов и даже десятки. Знали они и о сравнительно низкой температуре плавления ее — всего 60 градусов Цельсия. Все это реальное знание довольно забавно переплелось с вымыслом в тексте рассказа о 6-м путешествии Синбада.

Вскоре Синбад отправился в свое 7-е путешествие. На этот раз он посетил город Синийя (Китайский). А затем ураган занес судно «в последнее море на свете», где оно разбилось. И опять Синбад уцепился за одну из корабельных досок и его вынесло на незнакомый остров. Там он сделал себе плот из сучьев дорогого сандалового дерева, поплыл по реке и добрался до большого города. Влиятельный пожилой житель города — купеческий старшина стал его покровителем. В конце концов Синбад женился на его дочери и после многих приключений возвратился с женой в Басру. Так закончилось последнее путешествие Синбада-морехода на край света.

Проследим фактический путь средневековых арабских мореходов от западноиндийских портов в Китай. За самым южным мысом Индостана — мысом Коморин — арабские торговые суда вступали в Бенгальский залив — «море Харканда» по обозначению арабских географов. Арабы хорошо знали порты этого моря — гавани Восточной Индии, Западного Индокитая и Малакки.

В портах «моря Харканда» арабские купцы чувствовали себя менее уверенно, чем в западноиндийских портах, так как в первых главную роль в торговле играли индусы, а не арабы. Это предопределило использование арабами при плавании в Индонезию и Китай в основном портов Шри-Ланка и порта Кадах на Малаккском полуострове.

За Сингапуром (Санджафуром) для арабов начиналось «Альбахр аз зифти» — смольное море, то есть «черное, как смоль», край известного тогда на востоке мира. Путь арабских судов в Китай лежал восточнее Малайи, к устью Меконга, а далее в порт

Чампа (Санф) в Южном Вьетнаме. Кстати, по сообщению географа Шамсадина Абу Абдаллаха ас-Суфи ад-Димашки (умер в 1327 г.), в приморской области Чампа население на одну треть составляли мусульманские переселенцы с запада [60, с. 33].

Вдоль побережья Вьетнама и Южного Китая суда шли недалеко от берега до самого Гуанчжоу (Кантона), где арабские купцы появились еще около 300 г. н.э. В этом порту арабы впервые ступали на китайскую землю и поэтому они называли его «Синийя» (Китайский). После вооруженного вторжения в город арабских и персидских кораблей в 758 г. арабы прочно обосновались там, а впоследствии их особый статус в городе был определен специальным договором с китайским императором.

Китай появился в арабской схеме известного тогда мира еще в конце VII в. Создание этой схемы — основы географических представлений арабов о мире в раннем Средневековье — связывают с именем Абдаллаха, сына арабского завоевателя Египта Амра ибн ал-Маса, а впоследствии она стала традиционной. В ней Земля отождествлялась с образом птицы, у которой Китай — голова, Индия — правое крыло, Хазария — левое, центральные мусульманские страны Хиджаз,

Ирак, Сирия, Египет — грудь, западные страны халифата (Северная Африка и Пиренейский полуостров) — хвост. Уже в 651 г. в Китай отправилось первое арабское посольство, доставившее императору подарки с дальнего Запада. А в VIII в. туда убыли пять арабских посольств — в 711, 712 и три в 798 г. [60, с. 124].

Вслед за Гуанчжоу арабы основали свои фактории в Цюаньчжоу (Зайтун) и в Ганьлу (Ханфу) около Ханчжоу. Арабская колония в Ханфу была довольно значительной, и многие арабские купцы жили там постоянно. В колонии был свой судья для решения внутренних споров. Он избирался из числа наиболее ученых и уважаемых ее обитателей. Институт своих мусульманских судей, которые являлись независимой судебной властью в арабской общине, был утвержден императором. Все это свидетельствовало о значительной степени независимости арабской колонии и подтверждает роль и вес арабских купцов в экономической жизни страны в тот период.

Правда, были узаконены и определенные ограничения в их деятельности. Так, арабам разрешалось продавать свои товары лишь в конце лета, незадолго до времени установления устойчивого северо-восточного муссона, то есть незадолго до времени убытия судов на запад. В этот период приближение времени убытия заставляло арабских купцов на рынках снижать цены на реализуемые товары.

Арабы и персы добрались до Кореи, где на самом полуострове и, возможно, на ближайших островах нашли убежище и обосновались многие последователи Али ибн Талиба, четвертого преемника пророка и первого шиитского имама, бежавшие от преследований в халифате Омейядов.

В IX в. арабская морская торговля с Китаем достигла расцвета. Главными статьями арабского ввоза в Китай были медь, слоновая кость, ладан, ткани, а вывоза — шелк и фарфор. На Тайване арабы приобретали особо качественные стальные изделия: мечи, якоря и др.

В обратный путь арабские купцы отправлялись с наступлением северо-восточного муссона в октябре. В декабре они уже огидали Малакку, в январе проходили «море Харканда», в феврале оставляли позади порты Индии и в марте добирались до гаваней Южной Аравии. В апреле юго-западный муссон позволял им достичь гаваней Персидского залива.

В середине IX в. колония иноземных купцов, в первую очередь арабских и персидских, в трех отмеченных ранее китайских портах разрослась и превысила 100 тыс. человек. Все это завершилось восстанием китайцев и полным изгнанием иноземцев из Китая, причем в ходе страшной резни погибли многие тысячи западноазиатских купцов. С тех пор арабские купцы-мореходы прекратили плавания в порты Китая и доходили только до порта Кола (Кадах) на Малаккском полуострове.

А до этого плавание из Аравии в Китай и обратно, включая все остановки для пополнения запасов и проведения торговых операций, занимало обычно год. Правда, такое плавание при прокладке курса лишь вблизи берегов и исключения переходов открытым морем требовало уже двух лет, о чем свидетельствует запись в китайской хронике от 1178 г.: «Прибывающие из страны Даши [халифата. — *Авт.*] после плавания в малых кораблях по пути на юг до Кулама перегружаются на большие суда. Следуя на восток, они посещают гавань Саньфоци [Палембанг на Суматре. — *Авт.*]. Затем они следуют в Китай по тому же пути, что и суда Саньфоци... Всем ближним странам для торгового путешествия в Китай хватает года, арабам нужно не менее двух лет.

При хорошем ветре иноземные корабли могут делать 1000 ли [576 км. — *Авт.*] в сутки [то есть плыть со скоростью до 13 узлов, что является явно завышенной оценкой. — *Авт.*], но если они имеют несчастье попасть под северный ветер и не могут найти на нашем побережье гавань или пролив, где они могли бы бросить якорь... тогда корабль погибает вместе с товарами» [59, с. 143].

Таков был обширный район интенсивного плавания арабских мореходов, что нашло яркое отображение в цикле сказок о плаваниях Синбада-морехода. Можно только заметить, что арабские купцы и моряки, выполняя роль связующего звена между странами Арабского халифата и Юго-Восточной и Восточной Азии, странами с различной культурой, традициями и историей, сыграли важную роль в развитии восточных цивилизаций, внесших в свою очередь достойный вклад в поступательное движение мировой цивилизации.

ГЛАВА 15. СКАЗОЧНАЯ БИАРМИЯ

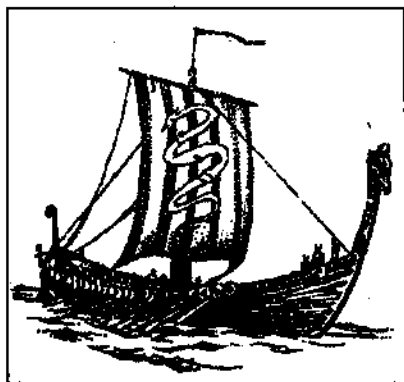
*Соболей самых темных несли отовсюду
И бобров серебристых за грудую груду.
Горностая, прекраснее белых шелков,
Было сложено сотни и сотни тюков.
Серых веки — без числа! Лис без счета багровых
И мехов жеребьячьих, для носки готовых.
Много родинок тьмы с бледным светом слились:
Это мех почивален; дает его рысь...
Царь взглянул: нет очам прихотливей утех!
Как в Иране весна — многокрасочный мех.*

Низами. «Искандер-намэ»

В библиотеке Британского музея в Лондоне хранится рукопись сочинения священника из Тарракона (Испания) Павла Орозия «История против язычников», написанная на латыни в 417 г. и впоследствии переведенная на древнеанглийский. Это сочинение-хроника содержала ряд географических отделов и пользовалась большим авторитетом в Средние века. Но хроника Орозия на древнеанглийском включала кроме оригинального текста еще два важных описания плаваний по морям, совершенных уже в IX в.

Дело было в том, что с латыни хронику, вероятнее всего, перевел сам английский король Альфред Великий (849—901 гг.). Он был не только выдающимся правителем, крупным полководцем и создателем английского военного флота, но и сам занимался сочинительством и всячески содействовал развитию наук.

Именно серьезным интересом к географии и объясняется, видимо, включение в хронику Орозия рассказа о двух важных плаваниях, совершенных норманнами уже при жизни короля и открывших для западноевропейцев новые области земли.

Норманнский корабль

882 г. Альфред «увеличил флот, прибавив к нему много новых кораблей, которые он построил в несметном количестве, затратив на это огромные усилия» [56, с. 217].

Вскоре Альфред разгромил эскадру датчан и не допустил захвата ими Южной Англии.

Значит, наиболее вероятно, что плавание на север Отер совершил до этого, в середине 70-х годов IX в. «Отер рассказал своему господину, королю Альфреду, — повествует хроника Орозия, — что его родина — самая северная из всех норманнских земель. Он поведал, как плыл на север вдоль берега по Западному морю, и сообщил, что к северу суша простирается на далекое расстояние, но совершенно безлюдна, если не считать нескольких мест, где разбросаны поселения финнов [саамов. — *Авт.*], занимающихся зимой охотой, а летом рыбной ловлей.

Однажды он, по его словам, захотел установить, как далеко на север простирается суша и что находится на севере этой пустынной местности. Вот он и поплыл вдоль берега, держа курс точно на север. В течение трех дней безлюдный берег был у него с правого борта, а открытое море — с левого, и он оказался в тех северных водах, в которые обычно заходят китобои. Но он продолжал свой путь на север в течение еще трех дней. Тут берег поворачивал на восток или море вторгалось в сушу — этого он не знал. Зато он точно помнил, что в этом месте ему пришлось ожидать западного или запад-северо-западного ветра. Затем он поплыл вблизи берега на восток вдоль

Первое плавание, о котором рассказывалось в хронике, совершил на север норманн Отер, а второе по Балтийскому морю тоже норманн Вульфстан. Нас будет интересовать первое плавание. Вероятнее всего, Отер поступил на службу к королю Альфреду в качестве знатока искусства кораблестроения и помог ему организовать военный флот. Английский историк XVII в. Спелмэн отмечал, что уже с

берега [то есть фактически на юго-восток вдоль Мурманского берега. — *Авт.*] и придерживался этого направления в течение четырех дней, пока не пришлось снова задержаться, на этот раз в ожидании северного ветра. В этом месте берег отклонялся к югу или море вдавалось в сушу — этого он не знал. Затем он повернул к югу [пересек пролив — горло Белого моря. — *Авт.*] и плыл вдоль берега в течение 5 дней, пока не достиг устья большой реки. Он вошел в реку, потому что не рисковал продолжать плавание дальше, опасаясь столкновения с жителями побережья, которое по ту сторону устья было густо населено. С того дня, как они покинули родную гавань, им еще не встречалась обработанная земля, потому что берег, видневшийся с правого борта, населяли лишь финны [саамы. — *Авт.*] — рыбаки, птицеловы и охотники, а с левого борта все время простиралось открытое море.

Биармия [скандинавское название «Великой Перми» русских летописей, занимавшей территорию северной части современной Пермской области и южной части Республики Коми. — *Авт.*] оказалась страной искусно возделанных пашен, жители которой, однако, воспротивились их высадке на берег. Земля терфиннов была совершенно пустынной; там можно было встретить лишь охотников, рыбаков и птицеловов. Жители Биармии рассказали Отеру о своей стране, а также и о соседних с ней землях. Но что в их рассказе правда, а что нет, он не знает. Ему показалось, что финны и жители Биармии говорят на одном и том же языке. Он завязал с ними отношения главным образом потому, что, во-первых, хотел исследовать их страну, а во-вторых, также из-за китов и моржей, ибо бивни последних дают превосходную кость. Несколько бивней он привез в дар своему королю. Кроме того, из их шкур получают великолепные корабельные тросы. Тамошние киты намного мельче обычных. Они не превышают 7 локтей в длину. На его же собственной родине охота на китов куда богаче: киты достигают 48 локтей в длину, а самые крупные из них даже 50 локтей. Отер сказал, что вшестером они за два дня убили 60 штук [очевидно, моржей. — *Авт.*]» [56, сс. 211, 212].

Ряд историков, в первую очередь Р. Хенниг, считают, что Отер-мореход, зверобой и купец — плывал на север, в Белое море, в первую очередь для закупки мехов. Видимо, короля

Альфреда интересовали, главным образом, географические аспекты путешествия Отера, а последний не хотел раскрывать королю торговые секреты. Более того, ряд историков, в том числе и Р. Хенниг, прямо утверждают, «что во времена Отера Белое море, Северная Двина и Биармия были давно известны в Скандинавии» [56, с. 218].

Последнее подтверждается рядом свидетельств из скандинавских источников. Так, например, в «Историях о королях» сообщается, что норвежский король Гаральд Прекрасноволосый (правил в 865—932 гг.) послал своего ближайшего друга Хаука Длинные Штаны сначала в Новгород, чтобы «закупить там дорогие товары», а затем в Биармию на берега Северной Двины для «закупки мехов». Там же упоминается о том, что Хаук привез приемной матери короля Гаральда по имени Хейд, «жившей на берегу Белого моря», подарки от ее приемного сына [56, с. 218].

О походах норманнов (в Норвегии их называли викингами) в Белое море свидетельствуют исландские саги. В 920 г. в устье Северной Двины (в сагах она называется «Вина») плывал Эйрик Кровавая Секира. Там он «убил множество народа, опустошил страну и взял несметные богатства». Сын его Харальд Серый Плащ в 965 г. также совершил плавание в устье Северной Двины, где разбойничал и, как сказано в саге, «блестящий меч свой окрасил в кровавый цвет». И сын Харальда — викинг Эйрик — также плывал к устью Северной Двины.

В 1026 г. там побывал викинг Торер Собака. Вначале он торговал с местными жителями, видимо, закупал меха. В конце торгового сезона он все же проявил свой разбойничий нрав и разграбил храм, находившийся, по-видимому, на месте теперешних Холмогор. На обратном пути в Норвегию судно Торера было задержано в горле Белого моря сильным встречным приливным течением, и он вынужден был ожидать сменны течения. Так что именно в исландской саге имеется первое указание на существование в горле Белого моря сильных приливо-отливных течений [95, с. 7].

Следует остановиться вот еще на чем. Авторитетные отечественные историки географических открытий И.П. Магидович и В.И. Магидович считают, что краткое описание Биармии, данное Отером, как страны, побережье которой «по ту сторону устья было густо населено», страны «искусно возде-

данных пашен», не соответствует району Северной Двины. Они считают, что Биармия занимала территорию Эстонии, Северной и Восточной Латвии, а сведения о ней помещены в рассказ Отера о плавании на север ошибочно и что река, протекающая по Биармии, не Северная Двина, а Западная Двина.

Те же авторы ссылаются на свидетельство датского историка Саксона Грамматика (1150—1216 гг.) о походе датчан в Биармию. Они пересекли всю Центральную Европу и напали на биармийцев. Потерпев поражение, датчане отступили «в землю куров [куршей. — *Авт.*] и зембов [земгалов. — *Авт.*]», то есть в области Средней и Западной Латвии, где жили эти древнелатышские племена [35, с. 171]. Правда, само описание Биармии, данное Саксоном Грамматиком, по нашему мнению, больше соответствует Карелии, Архангельской области, Республике Коми и другим северным районам России: «...поплыли они, дождавшись попутного ветра, в дальние области Биармии. Климат там суровый, земля скрыта под толстым слоем снега и лишена тепла летнего солнца. Страна покрыта непроходимыми лесами, бесплодна и изобилует невиданными зверями. Там множество рек, русла которых так усеяны скалами, что течение их напоминает сплошной бурлящий водоворот» [56, сс. 213, 214]. Все это позволяет утверждать, что выводы И.П. Магидовича и В.И. Магидовича о местонахождении Биармии совсем небесспорны.

Более того, название «Биармия», как указывает Р. Хенниг, часто встречается в скандинавских сагах и, по его же мнению, фонетически связано с наименованием «Пермь». Древняя «Великая Пермь» со столицей в нынешней Чердыни была известна прибыльной торговлей мехами, и влияние этого государственного образования распространялось вплоть до побережья Белого моря. По мнению Р. Хеннига, название «Vjagta ulterior» («более отдаленная Биармия». — *Авт.*), встречающееся в оригинальных текстах Саксона Грамматика, является «собирательным для земель в бассейне Печоры и Колвы вплоть до Урала, то есть богатейшего в Европе [раннего Средневековья. — *Авт.*] пушного района, который арабские купцы, торговавшие мехами, называли Югрой» [56, с. 223].

Кстати, так же называли позже северные приуральские районы и русские летописцы. Нестор, автор «Повести временных лет», под 1096 г. помещает рассказ новгородского бояри-

на Пюраты Роговича о посылке дружинников за мехами — данью, которая собиралась с местных жителей в Печорском крае и Югре: «Я послал своего отрока [дружинника. — *Авт.*] в Печору — это люди, дающие дань Новгороду, и оттуда он поехал в Югру, соседящую на Севере с самоедами. Югорцы рассказали моему отроку о том, что три года тому назад они обнаружили чудо на берегу океана: там, где огромные горы, возвышающиеся до небес, подходят к заливу океана («в луну моря»), был услышан говор и крик многих людей... Язык их был нам неизвестен, но они, указывая на наше железное оружие, просили отдать его им. И если кто-нибудь давал им нож или топор, то они взамен давали ему меха... Путь к этим горам лежит через непроходимые пропасти, через снега и леса; поэтому мы не всегда доходили туда; кроме того, мы знаем, что есть люди и еще далее на север» [62, с. 527].

Таким образом, можно констатировать, что торговля мехами жителей Биармии — северных районов России — с иностранцами, а потом с новгородскими купцами началась еще в раннем Средневековье в IX в., а может быть еще раньше.

В эти же времена появились в северных районах нынешней России купцы с юга, желающие приобрести ценные северные меха. Как ни странно, но северные меха имели большой спрос в Индии, Египте, Андалузии, где их использовали при пошиве парадных одежд. Поэтому для предприимчивых арабских купцов торговля мехами представляла огромный интерес. Видимо, арабы-купцы Багдадского халифата начали особое внимание уделять торговле мехами в первое столетие господства Аббасидов, то есть в IX в., когда провинциальная ограниченность арабской культуры уходит в прошлое под влиянием знакомства арабов с эллинистической культурой и культурой завоеванной ими сасанидской державы в Персии.

Значит, совсем не случайна запись араба Ибн-Саида, сделанная около 1250 г.: «Есть у них белый медведь, который ходит в море, плавает и ловит рыбу... Шкуры таких медведей мягкие; их дарят в египетские страны» [56, с. 261].

О необычайной прибыльности торговли мехами для арабских купцов сообщил позже (около 1354 г.) известный арабский путешественник Ибн-Баттута: по его сведениям за одну первоклассную шкурку горноста в Индии была уплачена баснословная цена — 400 динаров [56, с. 261].

Поэтому же торговле мехами и моржовыми клыками уделял особое внимание Ахмед Ибн-Фадлан, вероятно, секретарь посольства багдадского халифа в Волжско-Камскую Болгарию, в столице которой город Болгар (или Булгар), расположенной на левом берегу Волги близ устья Камы, оно побывало в 922 г.: «В 20 днях пути от их страны [Волжско-Камской Болгарии. — *Авт.*] находится местность под названием Ису, а далее за Ису живет народ, именуемый юра. Это дикое племя. Они не общаются с людьми, боятся их злобы. Жители Болгара совершают поездки в ту страну и привозят туда одежду, соль и другие товары, которыми они торгуют. Для доставки этих товаров они изготавливают повозки, похожие на маленькие тележки, в которые запрягают собак, ибо там много снега и никакого другого животное не может передвигаться по этой стране. Люди призываюут к подошвам кости скота; каждый берет в руки две заостренные палки, втыкает их позади себя в снег и скользит по поверхности, отталкиваясь этими палками, словно веслами, и так достигает цели своего путешествия... Они ведут куплю и продажу, изыясняясь с туземцами языком жестов, и привозят из этой страны прекрасные крупные шкурки соболя...

Царь [болгар. — *Авт.*] рассказал мне, что за его страной на расстоянии трех месяцев пути есть народ, который называется вису. Ночь у них меньше часа... В том море водится рыба; из зубов которой они делают ножи и рукоятки мечей [видимо, речь идет о моржах. — *Авт.*]. Если в том море корабль плывет на Полярную звезду, то попадает в местность, где летом вообще нет ночи, зимой же, напротив, солнце не показывается над головой, а обходит край неба слева направо; дальше расположена местность, где весь год состоит из одного дня и одной ночи» [56, с. 254].

А вот свидетельство более позднего автора, грека по рождению Якута-ибн-Абдаллаха (1179—1229 гг.), обобщившего географические знания средневековых арабов в многотомном «Географическом словаре»: «По этой реке [Волге. — *Авт.*] купцы едут до Дисура [Вису — вероятнее всего, районы бассейнов рек Колвы и Печоры, вплоть до бассейна Северной Двины. — *Авт.*] и привозят оттуда много бобровых, собольих и белых шкурок... Ночь там так коротка, что ее не успеваешь заметить, а в другое время года, напротив, столь продолжительна, что вообще не бывает дневного света» [56, сс. 254, 255].

Когда арабы в 922 г. впервые появились в Волжско-Камской Болгарии, то торговый путь, по которому проходила торговля мехами, шел из Болгара до Чердыни, столицы Великой Перми. Далее чердынцы болгарских купцов не пускали, а ездили в северные районы за мехами сами. Кроме того, чердынцы держали под своим контролем перевал у современного Екатеринбургa, по которому проходил торговый путь через Урал в Сибирь и Центральную Азию.

Видимо, такое положение сохранялось до разгрома Чердыни татаро-монгольскими отрядами в 1236 г. Об этом писал Иоганн Готлиб Георги (1729—1802 гг.), профессор Петербургской Академии наук, один из участников экспедиций 1768—1774 гг. по исследованию территорий европейской и азиатской частей Российской империи: «Пермяки же ходили с эти-ми [восточными. — *Авт.*] и с собственными товарами на Печору и к Ледовитому океану, чтобы выменять у обитавших там народностей меха для восточных и иных стран. Развалины городов в этом северном крае еще свидетельствуют о былом процветании их древних жителей» [56, с. 260].

Позднее, после 969 г., когда Болгар был разрушен в результате военных действий, арабские купцы стали добираться до Чердыни, а позднее и до бассейна Печоры. О мусульманских купцах, привозивших металлы и оружие в обмен на меха, свидетельствуют арабские монеты, которые находили даже в бассейне Печоры. Пленный шведский офицер Иоганн Филипп Страленберг после Полтавской битвы провел в Сибири около 13 лет и в этот период собрал много сведений по ее истории и природе. Он писал в 1730 г., что «на реке Печоре и особенно у города Чордин Чердынь. — *Авт.*], или Великая Пермь, в большом количестве встречаются монеты древних халифов» [56, с. 262].

Р. Хенниг сообщает, что в Пермском городище были найдены монеты из Бактрии, относящиеся к началу нашей эры. На берегах Камы севернее Перми найдены монеты времен Сасанидов чеканки 441—594 гг. Все это подтверждает широкие торговые связи Перми, откуда торговые пути шли на восток по Иртышу, на юг по Каме и Волге, на запад к озеру Ильмень и Балтийскому морю, на северо-запад к Северной Двине и Белому морю и на север в районы Печоры и Оби [56, с. 263].

Очень образно описал северную торговлю мехами арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в

Восточной Европе в ходе своих странствований в течение 1131—1153 гг.: «Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит 40 дней, а зимой ночь бывает такой же длинной... И приносят с собой товары, и кладет [каждый. — *Авт.*] купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят свой товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары... А у жителей Йуры [Югры. — *Авт.*] нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных — только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят... А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обструивают их... Перед и конец такой доски приподняты над землей, посередине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам. А обе эти доски, которые на ногах, соединены длинным ремнем вроде лошадиных поводьев, его держат в левой руке, а в правой руке — палку длиной в рост человека. А внизу этой палки нечто вроде шара из ткани, набитого большим количеством шерсти, он величиной в человеческую голову, но легкий. Этой палкой упираются в снег и отталкиваются палкой позади, как делают моряки на корабле, и быстро двигаются по снегу. И если бы не эта выдумка, то никто не мог бы там ходить, потому что снег на земле вроде песка, не слеживается совсем» [63, с. 78].

После монгольского погрома Чердыни арабские купцы вынуждены были сами совершать тяжелые путешествия в районы проживания северных охотничьих племен для приобретения ценных мехов. Причем северные племена, видимо, после бесчинств отдельных монгольских отрядов, проникавших в лесные массивы, старались как можно реже встречаться с южанами-незнакомцами. Не случайно арабские авторы настойчиво повторяли сведения о меновой торговле с северянами без личных контактов между продавцом и покупателем. Так, арабский географ Абу-л-Фида около 1300 г. писал о такой торговле в географическом трактате «Перечень стран»:

«Еще дальше к северу живут народы, которые ведут торговлю с приезжими купцами, не встречаясь с ними. Человек, посетивший эту местность, сообщает, что туземцы населяют районы, прилежащие к Северному морю. Он добавляет, что прибывающие в эту местность караваны обычно дают знать о своем появлении. Затем они отправляются к месту, специально отведенному для купли и продажи. Там каждый кладет свой говар, снабдив его меткой, и возвращается к месту стоянки каравана. Туземцы приближаются, кладут рядом с товарами шкурки ласок и лис, а также другие меха, и вновь удаляются. Затем купцы возвращаются, и те из них, которые довольны предложенным в обмен товаром, забирают его с собой. Те же, кто недоволен, оставляют шкурки нетронутыми, и торговые переговоры продолжаются подобным образом, пока обе стороны не приходят к соглашению» [56, сс. 256, 257].

А знаменитый арабский путешественник Ибн-Батутта (XIV в.), описывая северную меховую торговлю, добавляет любопытные подробности: «Путешествие туда совершается не иначе как на маленьких повозках, которые везут большие собаки, ибо в этой пустыне [везде. — *Авт.*] лед, на которых не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти, и ноги их держатся на льду. Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около этого, нагруженных его съестным, напитками и дровами, так как там нет ни дерева, ни камня, ни лежанки. Путеводитель в этой земле — собака, которая побывала в ней уже много раз; цена ее доходит до 1000 динаров и около этого. Повозка прикрепляется к ее шее; вместе с нею прикрепляется [еще. — *Авт.*] три собаки. Это авангард, за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится он, и они останавливаются. Таковую собаку хозяин ее не бьет, не ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей, в противном случае собака злится, убегает и оставляет хозяина своего на погибель» [63, с. 79].

К этому же времени возросло присутствие в Югорской земле и других богатых пушниной районах современной Европейской России скупщиков мехов и сборщиков дани из Великого Новгорода, а затем от Московского великого князя. Таковы истоки российской меховой торговли, которая сыграла важную роль в экономической и политической жизни Московской Руси.

ГЛАВА 16. КУДА ПЛАВАЛИ САДКО И ДРУГИЕ НОВГОРОДСКИЕ ГОСТИ?

*Отправлялись купцы новгородские
Торговать за сине море,
Торговали за синим за славным морюшком.*

Из онежской былины

В одной из самых поэтических русских былин рассказывается о приключениях новгородского купца Садко:

А потом как построил тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черных,
А й как ведь свалил он товары новгородские
А й на черные на корабли,
А й поехал торговать купец богатый новгородский
А й как на своих на черных на кораблях.
А поехал он да по Волхову,
А й со Волхова он во Ладожско,
А со Ладожского выплывал да во Неву-реку,
А й как со Невы-реки как выехал на сине море.
А й как ехал он по синю морю,
А й как тут воротил он в Золоту орду.
А й как там продавал он товары да ведь новгородские,
А й получал он барыши топерь великие,
А й насыпал он бочки ведь сороковки-ты
А й как красного золота,
А й насыпал он много бочек да чистого серебра,
А еще насыпал он много бочек мелкого он,
крупного скатного жемчугу.
А как потом поехал он с-за Золотой орды,
А й как выехал топеречку опять да на сине море,

А й на синем море устоялися да черны корабли,
А й как волной-то бьет и паруса-то рвет,
А й как ломат черны корабли,
А все с месте нейдут черны корабли.

[64, с. 126]

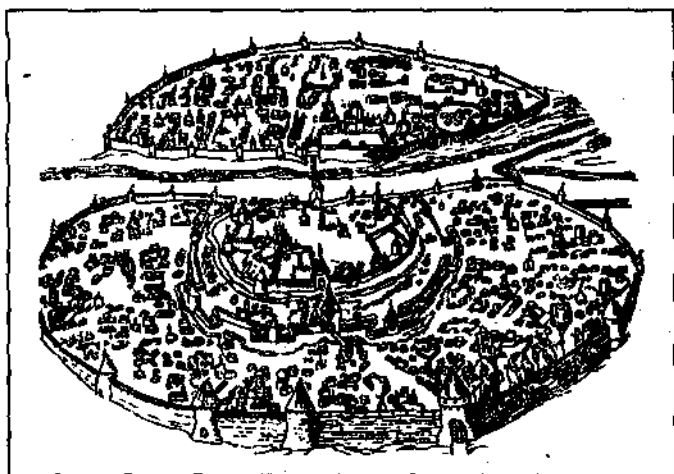
Такие сказания не возникают просто так. Они всегда отражают в поэтической форме исторический опыт народа, создавшего эти былины. В частности, былины о Садко, о Василии Буслаеве отразили ряд характерных особенностей бытовой и культурной обстановки, ряд исторических сведений о жизни древнего Великого Новгорода. Так, приведенный выше отрывок ярко описывает картину заморского плавания целой флотилии кораблей, принадлежащих богатому новгородскому гостю (купцу), картину жестокого шторма, в который она попала.

Сведения, почерпнутые из былин, подтверждаются историческими хрониками, летописями, археологическими раскопками. Новгород, один из древнейших русских городов, из-за исключительно выгодного географического расположения на стыке водных путей в направлениях запад—восток и север—юг уже в IX в. стал важным центром торговли с восточными странами — Волжской Булгарией, Хазарским каганатом и даже Арабским халифатом, а затем и с Западом, с Прибалтийскими странами.

Более того, если до XI в. большая часть заморской торговли Руси проходила через Киев, с этого времени роль основного торгового центра переходит к Новгороду. В дальнейшем в течение нескольких столетий существенная часть этой торговли находилась в руках новгородских купцов.

В наиболее часто посещаемых балтийских портах новгородцы основывали свои фактории. Так, в Висби — главном городе о. Готланд в Центральной Балтике — они имели свои дома, склады и церковь. Профессор В.В. Мавродин замечает, что по некоторым данным это была церковь св. Николая, «поворотеля всех плавающих и путешествующих» [65, с. 117], того самого святого, советы которого, согласно былины, помогли Садко спастись от беды, когда купец попал во власть казачного морского царя.

В городе Гарда на Готланде на стенках церкви обнаружена фресковая живопись, выполненная, вероятнее всего, русски-

План Великого Новгорода (с иконы XVI в.)

ми мастерами. Можно предположить, что это также была церковь русской колонии. Каменная русская церковь св. Николая была и в столице Швеции городе Сигтуна.

Русские постоянно жили в Линданиссе (Колывани) — древнем чудском (эстонском) городе на месте современного Таллина. Еще в начале XIII в. в этом городе был «русский конец» (Вендефер), а папская булла 1234 г. упоминает о многочисленности русских в Ревеле (Таллине). Существовал Новгородский гостиный двор и в Киеве. Об интенсивности морских торговых связей Новгорода с Западом свидетельствует и раннее появление в нем готского и немецкого «гостевых» торговых дворов.

В XII и, видимо, предыдущих веках, в отличие от более позднего времени, воск, мед, сало, меха, лен, пеньку и многие другие товары новгородцы перевозили по Балтийскому морю на своих судах, встречая при этом сильное противодействие со стороны конкурентов, в первую очередь датчан и шведов.

Наиболее ранние письменные сведения о плавании новгородцев по Балтийскому морю находим в Новгородской летописи за 1130 г. В ней сказано, что семь новгородских людей, плывших от готов (о. Готланд), погибли, часть людей и весь товар утонули, а новгородские лодьи, посетившие Данию, возвратились в Новгород благополучно [66, с. 25].

В 1142 г. три новгородские лодьи, шедшие с ценным товаром, повстречали целую шведскую флотилию в составе 60 судов, следовавшую к берегам Финляндии, причем на флагманском корабле находились шведский князь и епископ. Шведы напали на новгородских купцов. Несмотря на ожесточенное сопротивление, они захватили новгородские лодьи. По сообщению Новгородской летописи при этом погибло 150 новгородцев.

В 1157 г. датский король Свен IV захватил у Шлезвига новгородские суда, а находившиеся на них товары раздал в счет жалованья своему войску [67, с. 39]. Из жалованной грамоты императора Фридриха I городу Любеку известно, что среди купцов, приехавших в Любек с востока, больше всего было новгородцев.

В 1164 г. шведы осадили новгородский порт и крепость Ладогу (ныне Старая Ладога), но были отражены с большим уроном и отступили к реке Вороной, впадающей в Ладожское озеро. Подошедший на помощь осажденным князь Святослав с новгородцами полностью разгромил шведов, из 55 шведских судов новгородцы захватили 45 [68, с. 397].

В ответ на осаду Ладоги новгородцы в 1178 г. разгромили шведские приморские города на юге Финляндии. Как следствие, началось преследование новгородцев на Готланде и в Швеции. Новгородцы вынуждены были закрыть все свои гавани для шведских и готландских судов, а торговля велась ими только по южным берегам Балтики, заселенными в то время вплоть до Ютландского полуострова в основном славянскими племенами.

Известно о походе новгородцев, карел и эстонцев на Сигтуну в 1188 г., в ходе которого шведская столица была взята и разорена. Профессор В.В. Мавродин особо отмечает, что дойти до Сигтуны, расположенной в самой отдаленной от моря точке побережья озера Мелар, в 30 км от берега моря, можно было, только хорошо зная фарватер через протоку Стокзунд и озеро Мелар (у протоки впоследствии был построен Стокгольм [65, с. 118].

Взятие столицы, прекрасно укрепленной высокими стенами и башнями, а также окруженной естественными препятствиями — болотом и скалами, свидетельствует о наличии у нападавших сильного флота и многочисленного войска. Ин-

Софийский собор в Новгороде (XI в.)

интересно, что новгородцы увезли из Сигтуны большие медные врата одного из храмов и поставили их в Новгородском Софийском соборе [69, с. 22].

При новгородском князе Ярославе Владимировиче с Готландом был заключен мирный договор и возобновлены торговые сношения. А война со Швецией продолжилась. В 1198 г. новгородцы морем дошли до района г. Або (ныне Турку), высадились на побережье и разгромили расположенные там шведские колонии. Шведы сумели восстановить свои владения в этом районе только через десятки лет.

Опишем путь, по которому плавали новгородские суда на запад. Он во многом совпадает с путем кораблей Садко, указанным в былине. Вероятно, морские суда из-за сравнительно большой осадки не могли преодолевать пороги на р. Волхов и добираться непосредственно до Новгорода, в то время как невские, так называемые «Ивановские пороги», для них были хотя и труднопроходимыми, но все же доступны.

Поэтому, видимо, именно древний русский город Ладога, расположенный в 13—14 км вверх по течению от места впадения р. Волхов в Ладожское озеро, был местом, откуда отплывали морские суда. Об этом свидетельствуют и исландские

саги о норвежских королях, в которых рассказывается об отплытии в XI в. морских судов на запад именно из Ладоги. Вероятно, Ладога была и портом перегрузки и пересадки с речных на морские суда, и центром строительства и снаряжения морских судов, о чем свидетельствуют и результаты археологических раскопок [70, с. 162].

Из Ладоги лоды выходили в озеро Нево (теперь Ладожское озеро) и плыли до истоков Невы, а далее по Неве выходили в Котлин-озеро (Финский залив). Суда заходили на о. Котлин, где была стоянка русских лоцманов. От Котлина новгородцы плыли на юг, а затем вдоль берега «Чудской земли» добирались до Линданиссе (Колывань, ныне Таллин).

В Колывани суда приготавливались к пути через море. Те, кто плыл на о. Готланд или в Любек, продолжали путь на запад вдоль берегов. Плыв мимо о. Сааремаа, суда добирались до Висби на Готланде, а уже оттуда после стоянки следовали в Любек. Новгородцы, направлявшиеся в Сигуну или в Данию, из Колывани поворачивали на север к побережью Финляндии. От Поркалла-Удда вдоль берега плыли в Або (Турку) и, пройдя южнее Аландских островов, добирались до Сигтуны. Следуя вдоль шведского берега, новгородцы приплывали в Данию.

Для эпохи Средневековья — путь дальний и нелегкий. Не просто было преодолевать невские и волховские пороги. Недаром иноземные купцы, страшась плавания по этим опасным участкам пути, просили новгородские власти высылать им навстречу к р. Ижоре, впадающей в Неву совсем рядом с устьем последней, легкие новгородские лодки для перегрузки в них иноземных товаров.

Военные походы по Финскому заливу новгородцы проводили и позже, уже в начале XIV в. Так, например, в 1311 г. новгородцы ходили на судах из Невы к берегам Финляндии и атаковали прибрежные города и селения. В 1318 г. они вновь переплыли Финский залив для нападения на город Або (Турку).

К этому периоду относится и первое исторически засвидетельствованное использование новгородцами брандеров. В 1300 г. в устье Невы вошел большой шведский флот. У впадения в Неву р. Охты шведы построили крепость Ландскрона. Новгородцы, желая сжечь неприятельские суда, пустили по ветру и течению несколько подожженных брандеров. Со-

гласно шведским источникам, предупрежденные лазутчиками захватчики успели загородить русло Невы в месте стоянки своих судов сваями, чем предотвратили уничтожение своей флотилии. Но на следующий год шведская крепость была взята новгородцами и скрыта до основания [71, с. 165].

Так был ли в действительности такой гость Садко, или это только былинный, обобщенный образ новгородского купца-морехода? Академик Б.А. Рыбаков высказал мысль о том, что, возможно, есть какая-то связь былинного Садко с летописным упоминанием Садко Сытинича, построившего в Новгороде каменную церковь Бориса и Глеба. Сходство былинного Садко с летописным заключается в том, что и в былине богатый гость — «охотник строить церкви» [72, с. 93]. Ясно одно, что сама былина о Садко ярко раскрывает перед нами жизнь богатого торгового города, его купцов-гостей и «посадских мужиков». Безусловно и то, что эта былина героизирует заморские экспедиции новгородских купцов, о которых упоминалось ранее [62, с. 168].

На каких же судах плавали Садко и другие новгородские гости по Балтийскому морю? Это были набойные и заморские (для торговли за морем) лоды. Причем последние представляли собой относительно крупные палубные суда, снабженные надстройкой («чердаком»). Основу корпуса у них составлял мощный киль и шпангоуты из цельных кокор (из кривого ствола или его разветвляющейся части), к которым крепилась дощатая обшивка. Конструкция этих судов сложилась в результате взаимодействия традиций как восточнославянских, так и норманнских судостроителей.

Можно предположить, что большие заморские лоды Новгорода в XI—XII вв. имели следующие параметры: наибольшая длина около 20 м, ширина 4,5—5,5 м, осадка до 2 м. Тогда их водоизмещение должно было быть до 100 тонн. На съемной мачте поднимался рей с прямым парусом площадью 70—80 кв. м. Рулевое весло устанавливалось с правого борта. Характерной особенностью таких лодий было наличие высоких штевной обычно с носовым резным украшением [73, с. 96].

Вероятно, использовали новгородцы в морских походах и суда иноземной постройки: шнеки (от шведского «змея»), бусы и лойвы (слово финского происхождения). В судах этих типов постоянно хаживали иноземцы на новгородские владе-

ния. Так, при нападении на Ладогу в 1164 г. шведы приплыли именно в шнеках. В старинной «Повести об Александре Невском» именно шнекою явилось неприятельское морское судно, на которое по сходням к удивлению и ужасу врагов проник всадник — русский богатырь Гаврило Олексич.

Судами морского типа являлись и бусы. Этот тип судов наряду со шнеками постоянно фигурирует в летописных свидетельствах о походах против Новгорода немцев, ливонцев и шведов: «Пришедши мурмане войною в бусах и в шнеках и повоеваша погост Корельский», «иных [немцев. — *Авт.*] на море в бусах много побиша».

В лойвах немцы и корелы совершали набеги на новгородские земли, на таких же судах ходили новгородцы по Финскому заливу и по Ладоге как для торговли, так и в ходе военных действий. Так, например, в 1310 г. новгородцы в «лодьях и лойвах» вошли из Ладожского озера в р. Вокшу (Уоксу) и здесь на пороге поставили деревянную крепость взамен пришедшего в негодность ветхого старого укрепления [68, сс. 397, 398].

Как показывают археологические раскопки, новгородские судостроители использовали при строительстве судов искусно изготовленные топоры, долота, сверла, скобели, тесла. Из местных руд в Новгороде «варили» кричное железо, и судостроители начали широко применять при строительстве судов металлические крепёжные детали.

В истории Великого Новгорода важнейшую роль играли речные пути, связывавшие город и его владения — пригороды Ладогу, Изборск, Псков, Старую Руссу, Торжок и др. с дальними странами востока, юга и севера. Во-первых, это речной путь «из варяг в греки» и одновременно из черноморских стран в Новгород, о котором повествует отечественная начальная летопись: «Бе путь из варяг в греки. Из грек по Днепру, и вверх Днепра волок до Ловати, по Ловати внити в Илмер [Ильмень. — *Авт.*] озеро великое; из него же озера потечет Волхов и втечет в озеро великое Неву, того озера внидеть устье в море Варяжское, и по тому морю ийти до Рима, а от Рима пройти ко Царюграду, а от Царяграда прийти в Понт море, в него же втечет Днепр река» [68, с. 45].

А главной водной артерией новгородской торговли с восточными странами — Волжской Булгарией, хазарами, араба-

ми, государствами Средней Азии, а затем и с Золотой Ордой — служила Волга.

Недаром по одной из версий новгородской былины о купце Садко он «гуляет» по Волге-матушке 12 лет, прежде чем переносит свою торговую деятельность на «сине море», недаром бьет он Волге-матушке челом на том, что «в добром здоровье от нея отходит», недаром народная фантазия объявляет Волгу сестрой славному озеру Ильмень, посылающей с Садко поклон брату своему [68, с. 130; 72, с. 93].

Новгородские купцы освоили несколько водных путей из Новгорода на Волгу. Об одном из них сообщается в Новгородской летописи при описании событий последних лет XII в. и, в частности, поездки архиепископа новгородского Мартирия с другими сановниками из Новгорода во Владимир. Архиепископ скончался в самом начале этого путешествия, когда путники были на озере Серегера (Селигере). Профессор Н.П. Загоскин считал, что речной караван, на котором следовала новгородская делегация, из озера Ильмень поплыл по р. Пола, а далее по р. Руна. На расположение волокового участка пути, соединявшего бассейн озера Ильмень с бассейном Волги, указывают название селений Переволок на р. Руна и Наволок на озере Стреже, через которое протекала Волга. Он считал, что название озеро Серегерь (Селигер) является, вероятнее всего, общим для обозначения всей озерной системы района истока Волги [68, с. 130].

Но главными речными торговыми путями, связывавшими Новгород с Волгой, были три североволжские пути. Началом первого являлась р. Мста, впадающая в озеро Ильмень километров в десяти к юго-востоку от Новгорода. Путь шел по Мсте до порожистого плеса, названного «Боровицкими порогами». У начала порогов от селения, называвшегося в те времена Волоком Держкова, начинался волоковый участок пути. Волок заканчивался у древнего селения, где ныне город Боровичи. Здесь пороги уже теряли опасный характер. В этом селении проживали опытные лоцманы, искусные в проводке судов порогами. Здесь приводились в исправность суда и лодки, получившие повреждения при проводке их порожистым участком реки вверх по течению, а также приготавлились к спуску по опасному участку реки, если караван решался идти порогами без обхода их Держковым волоком.

По Мсте караваны входили в озеро Мстино, служившее реке истоком, а затем в южной части озера входили в р. Цну и достигали селения Волочок. Отсюда грузы по суше доставлялись к пристани Никольской, в ту эпоху известной под названием Николы у Столпа или Николостолбенской, расположенной в верховьях волжского притока р. Тверцы. От этого, примерно десятикилометрового водораздельного волока, селение у цнинской оконечности волокового участка получило наименование Волочек Вышний, то есть верхний, в отличие от Волока Нижнего или Держкова.

От Николостолбенской пристани речные караваны плыли вниз по Тверце и, миновав основанный тверичами город Торжок, существовавший уже в первой половине XII в., выходили на Волгу против города Твери.

Перевозка грузов в Новгород речным путем по Тверце осуществлялась преимущественно на плотах. От Тверцы на р. Цну их доставляли на подводах, а затем вновь грузили на плоты или в плоскодонные суда и спускали по р. Мста до Боровицких порогов. У начала порогов товары обычно выгружали на берег и с великим трудом перевозили лесами и болотами до нижнего Держкова волока. Оттуда снова на плотах или судах грузы доставлялись до Новгорода.

Этот водный путь был особо важен для Новгорода тем, что через Тверь и Торжок купцы, носившие в Новгороде название «низовых», осуществляли главный подвоз хлеба в город. Когда в начале XIV в. тверской великий князь Михаил Ярославич задержал следовавшие в Новгород хлебные транспорты, закрыв для них водный путь рекою Тверцой, то новгородцам пришлось выплатить Твери 1500 серебряных гривен, чтобы грузам были «отворены ворота». Уже в Петровские времена российские моряки ухитрились проводить через Боровицкие пороги даже довольно крупные морские суда, построенные в Казани.

Второй путь имел, видимо, важное значение в пору самостоятельности Великого Новгорода и прямо соединял Волгу с Ладожским озером и находившимся на нем в устье Волхова важным торговым городом и крепостью Ладога. Вступив из Ладожского озера в р. Сясь, устье которой находится близко от города Ладога, караваны поднимались вверх, а затем по ее притоку р. Тихвинке (передавшей свое название и судам-тих-

винкам, плававшим по ней) и далее, видимо, до погоста (так назывались в Новгородских землях торговые поселения) Лучаны. Отсюда шла волоковая передача грузов протяженностью 20—25 км в бассейн р. Мологи, впадавшей в Волгу у города Молога (упоминается в старинных документах уже в 1148 г.).

В устье р. Молога близ Холопского городка (по преданию построенного близ Мологи беглыми новгородскими холопами) располагалась древняя ярмарка. На эту ярмарку съезжались, по свидетельству автора начала XVI в., торговцы московские, шведские, ливонские, казанские и многие другие.

А автор XVII в., диакон Каменевич-Рвовский, повествует со слов «отцовских», что торжище это процветало еще до княжения Василия Васильевича Темного (1415—1462 г.), что сюда «приезжали торговать купцы многих государств немецких, и польских, и литовских, и греческих, и римских, глаголют же и персидских и иных земель». Во время ярмарки, продолжавшейся в течение четырех летних месяцев, скопление судов в устье Мологи было так велико, сообщает тот же автор, что можно было свободно переходить по судам с одного берега реки на другой [68, с. 147]. В разгар ярмарки гостей обслуживало до 70 кабаков, а таможенники за сезон собирали в казну торговых пошлин до 180 пудов (2880 кг) серебра. Упадок этой ярмарки связан с потерей Новгородом политической самостоятельности.

По третьему, самому северному пути, караваны из Ладожского озера по Свири плыли в Онежское, а затем входили в устье р. Вытегры и поднимались по ней до истока из озера Матко. В низовьях Вытегры, в 15 км выше места впадения в озеро, располагалась старинная Вянгинская пристань, у которой суда приводили в порядок после двух озерных переходов, а идущие сверху суда могли приготовиться к далеко не безопасным плаваниям по большим озерам — Онежскому и Ладожскому.

От озера Матко в 15 км находилось озеро Ковжа, из которого вытекала р. Ковжа, принадлежащая уже к волжскому бассейну. Между озерами располагался волоковой участок пути. По Ковже караваны приплывали в озеро Белое, а затем по вытекавшей из него Шексне спускались в Волгу.

Вытегорско-Шекснинский путь имел большое значение, так как проходил через озеро Белое и Шексню. Во-первых, от

озера Белого через волок путь шел к озеру Кубенскому и далее в область бассейна Северной Двины, о чем будет более подробно рассказано позже. А во-вторых, низовье Шексны было районом интенсивной рыбной ловли. В устье Шексны образовался рыбный рынок (Рыбная слобода, впоследствии город Рыбинск), на который съезжались купцы со всех концов Руси (шекснинские рыбные товары пользовались широкой известностью).

Впоследствии, уже в XVIII—XIX вв., на базе этих трех путей возникли Вышневолоцкая, Тихвинская и Мариинская искусственные водные системы, на которых волоковые участки заменили каналами со шлюзами.

Новгородцы первыми приступили к освоению северных районов европейской части России. Их проникновение на север началось еще с конца X в. Наиболее удобными транспортными путями в этом регионе были, естественно, реки и озера. По Свири путь шел на Онежское озеро и далее через реку Водлу, на которой уже ранее возник погост Пудож, и волок на реку Онегу. Оттуда путь лежал вниз по реке к Белому морю. Через реку Емцу, истоки которой расположены совсем рядом с Онегой, новгородцы, возможно, переходили на Северную Двину.

Другой путь вел через р. Вытегра к озеру Белому, о чем уже упоминалось ранее. А из озера Белого через незначительный междуозерный волок путь шел на север к озерам Воже и Лача, соединенным рекою Свидью. Из озера Лача вытекала Онега и по ней путь шел до самого Белого моря. Наконец, к Онежской губе Белого моря можно было попасть и с северного берега Онежского озера через реки Выг, Суму и Нюхчу.

Нельзя не упомянуть и о пути с Шексны на Русский Север. Ведь через левый приток Шексны р. Славянку и волок можно было попасть в реку Порозовицы, впадавшую в Кубенское озеро. А из последнего вытекала р. Сухона, которая, сливаясь с р. Юг, образовывала великую реку Русского Севера — Северную Двину.

Этот волок к Кубенскому озеру в старину назывался Славянским волочком и являлся началом сплошного водного пути по Сухоне и притоку Северной Двины р. Вычегде, открывавшей удобные дороги для проникновения новгородцев в Двинскую и Мезенскую земли, а затем и в область бассейна Печо-

ры. Этот уникальный сплошной водный путь протяженностью почти в 3000 км начинался у Шекснинско-Кубенского волока и оканчивался у Печорского полярного взморья. На нем был только один небольшой волок в 5—8 км между бассейнами Вычегды и Печоры. Эта грандиозная речная магистраль сыграла выдающуюся роль в освоении Русского Севера. От нее шли меридиональные водные пути к побережьям Белого и Баренцева морей, к побережьям, названным в те времена Летним, Зимним, Канинским, Тиманским, Большеземельским.

Все эти подвластные Новгороду волости и земли — Онежская, Двинская, Мезенская и Печорская — назывались «Заволочьем» (то есть земли «за волоком»). Из Заволочья новгородские промышленники и торговцы, а в более поздние века и купцы Московского государства вывозили меха (соболей, куниц, бобров, горностаев, белок), рыбу и рыбий жир, моржовое и тюленьё сало, моржовые клыки («рыбий зуб»), кожи морских животных, продукты китового промысла.

Колонизационное движение новгородцев получило также направление к югу и юго-востоку от Заволочья: так появились подвластные Новгороду (иногда чисто номинально) волости или земли Вятская (по течению рек Вятка и Чепцы), Пермская с включением Чердыни и Соли Камской (по верхней Каме и ее притокам), а восточная часть Пермской земли получила название Закамья.

Именно для плавания по рекам и перетаскивания через волоки, а также для прибрежного морского плавания были наиболее пригодны шитики и ушкуи, конструкцию которых создали новгородские умельцы. Шитик — это плоскодонная малая лодья длиной до 10—15 м и шириной примерно 3 м, предназначенная в первую очередь для перевозки грузов. Грузоподъемность большого шитика достигала 30 тонн.

Особенностью конструкции его корпуса было то, что тесаные доски наружной обшивки крепились к набору и сшивались между собой по пазам при помощи крученых мочальных веревок либо распаренной вицы (корни можжевельника, ивовые ветви). Шитики оснащались мачтой с прямым парусом и веслами. Парус использовался, видимо, в основном при попутном ветре. В средней части лодьи устраивали в ряде случаев стропильную крышу, покрывая ее берестой, а поверх нее

досками. В кормовой части располагалось помещение для команды. Обычно для заправки якоря и сообщения с берегом на большом шитике имела небольшая гребная лодка.

Ушкуй представлял собой лодку, вмещавшую до 25—30 человек. Ушкуи были легки на ходу, имели съемную мачту и весла. Видимо, устанавливалась на них и палуба, хотя не по всей длине судна. Сравнительно небольшая осадка позволяла им ходить и по малым рекам.

Ушкуи были основным типом судна, на которых передвигалась новгородская вольница при освоении областей Заволочья, Вятской и Пермской земель, а также позднее, в XIII—XIV вв. при нападениях на волжские и камские города и поселения. Недаром новгородских вольных людей, участвовавших в этих предприятиях, так и называли — ушкунниками.

Знаменитым молодцом-ушкунником из новгородской былины был Василий Буслаевич. По былине, он задумал набрать себе дружину таких же молодцев, как он сам, чтобы с ними гулять и буйствовать безнаказанно. Для этого он кликнул клич: «Кто хочет пить и есть готовое, вались к Ваське на широкий двор, пей и ешь готовое, носи платье разноцветное». Охотники нашлись числом 29 человек. Они и составили Васильеву дружину, как раз экипаж одного ушкуя, и не раз участвовали в кулачных боях, до которых охочи были новгородские жители [72, с. 91]. Но Новгород тесен для молодца:

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильмену
Плавает-поплавет сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает,
А плавает-поплавет червлен корабль
Как бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья со его дружиною хороброю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленький Потаня на носу стоит,
А Василий-ет по кораблю похаживает,
Такие слова поговаривает:
«Свет моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!

Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новгороду.

[64, с. 140]

Василий погрузил на ушкуи свинец, порох, запасы хлебные, оружие долгомерное. Молодцы подняли «тонки парусы полотняные», побежали по озеру Ильмену и отправились по Волге-матушке на «море Каспицкое». В былине описаны приключения Василия и его дружины на Каспийском море, на Ердан-реке, в Ерусалимграде. По приезде туда Василий «пришел в церковь соборную, служил обедни за здравие матушки и за себя, Василья Буславьевича; и обедню с панихидою служил по родимом своем батюшке и по всему роду своему; на другой день служил обедни с молебнами про удалых добрых молодцев, что смолоду бито много, граблено» [72, с. 93].

На обратном пути в Новгород Василий Буслаевич сложил свою голову на горе Сорочинской, распугивая «заставу корабельную». Немало молодцев-ушкуйников остались навсегда в сырой земле по берегам Волги и других рек.

Былины о Василии Буслаевиче отразили народное предание о походах ушкуйников. Ведь еще в конце 70-х гг. XII в. новгородские ушкуйники отправились на судах вниз по Волге, вошли в Каму и, пробившись сквозь болгарские владения, поднялись в р. Вятку, где и завладели несколькими городками (в том числе Каршаровым, впоследствии г. Котельнич). Дойдя до устья р. Хлыновцы, новгородцы в 1181 г. заложили здесь укрепленный городок, названный Хлыновым и сделавшийся центром новгородского влияния в бассейнах рек Вятка и Чепцы. Жители его стали называться вятичами, а земля — Вяткой. Это название перешло впоследствии и на главный город области, где был установлен такой же республиканский политический строй, что и в Новгороде.

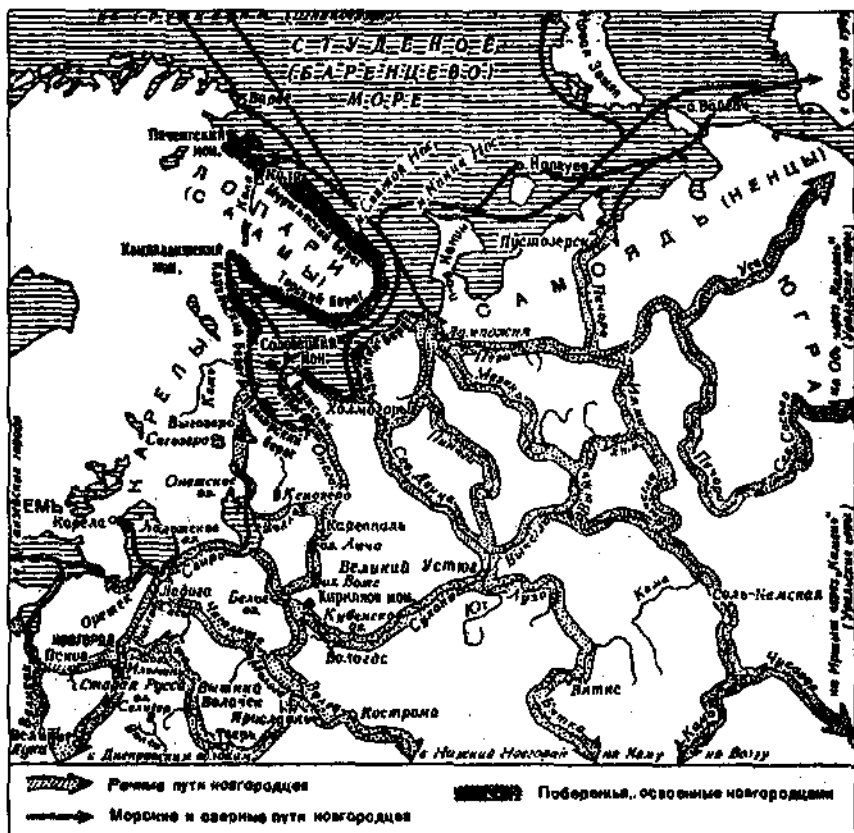
Флотилии ушкуйников непрерывно тревожили болгарские пределы, нападая на прикамские болгарские города (Кашан, Жукотин и др.). В 1359 г. новгородские ушкуйники вновь взяли и разграбили на Каме болгарский Жукотин. В 1366 г. они спустились на 200 судах по Волге, нападая под Нижним Новгородом на татарские и армянские торговые караваны, вошли в устье Камы и вновь атаковали болгарские города. Это же повторилось в 1369 и 1370 гг. В 1374 г. ушкуйники, спустив-

шись рекою Вяткою на 90 судах, вошли в Каму и затем поплыли в Волгу. Взяв город Булгар и атаковав встреченные торговые караваны, они разделились на две флотилии, одна из которых двинулась вниз, а другая вверх по Волге.

В XIV в. торговые караваны татар, болгар, армян, персов, индийцев и других восточных народов, которых в русских летописях называли обобщенно «бесерменами», во множестве встречались на волжских просторах. Отмечены нападения на бесерменские караваны во время набега ушкуйников на волжские низовья в 1375 г., когда 2000 ушкуйников на 70 судах хозяйничали на Волге от Костромы до Астрахани. Может быть, гибель в былине Василия Буслаева у горы Сорочинской навеяна именно событиями 1375 г., когда новгородцы, пройдя по всей Волге и побывав у столицы Золотой Орды Сарая, «избиены быша без милости» близ Каспийского моря на островах волжской дельты [62, с. 168]. Летопись отмечает случаи нападения ушкуйников и на русские поволжские города. Известно, что в 1375 г. ушкуйники, приплыв в город Булгар, продали там пленных, захваченных ими в костромских и нижненовгородских пределах. Такая разбойная активность новгородских ушкуйников продолжалась на Волге до конца XIV в. и пошла на убыль в связи с возрастанием силы и влияния Московского княжества на Верхней Волге.

Использовались ушкуи и для прибрежного морского плавания в Балтийском и северных морях, что, возможно, отражено даже в самом названии, которое, по утверждению отдельных исследователей, происходит от слова «ошкуй» — белый медведь на поморском диалекте. Поэтому ошкуйниками (ушкуйниками) называли промышленников, охотившихся на белых медведей, а во времена Великого Новгорода — отчаянных, смелых людей. В летописи сообщается, что в 1320 г. некий новгородец Лука ходил в ушкуях на Мурман. В 1339 г. ушкуйники напали на Шведскую Корелу, а через 10 лет совершили набег на берега Норвегии [68, с. 393].

Самое раннее письменное упоминание о плавании новгородцев по северным морям имеется в Софийской первой летописи, где рассказывается о том, что уже в 1032 г. новгородский посадник Улеб ходил к «Железным воротам». Известный знаток истории Русского Севера В.В. Крестинин еще в 1789 г. отождествлял «Железные ворота» с проливом Карские воро-

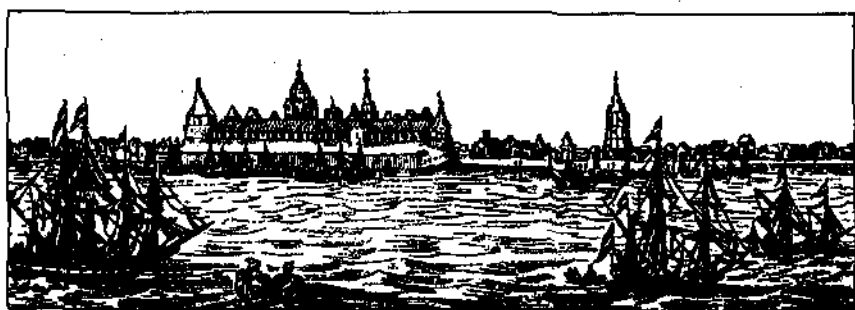

Открытие и заселение новгородцами северных районов Руси

та, то есть он считал, и не безосновательно, возможным проникновение новгородцев в Карское море в первой половине XI в. С ним полностью согласны отечественные историки освоения Арктики Н.Н. Зубов и М.И. Белов [74, с. 13; 75, с. 34].

В предыдущем очерке нами приведен рассказ летописца Нестора о посылке в 1096 г. новгородским боярином Гюратой Роговичем своих дружинников за данью в Печорский край и на Северный Урал.

Академик Б.А. Рыбаков считал, что это сообщение Нестора свидетельствует о знакомстве новгородцев с проливом Югорский Шар, с расположенным у входа в Печорскую губу мысом Русский Заворот и Новой Землей, так как это един-

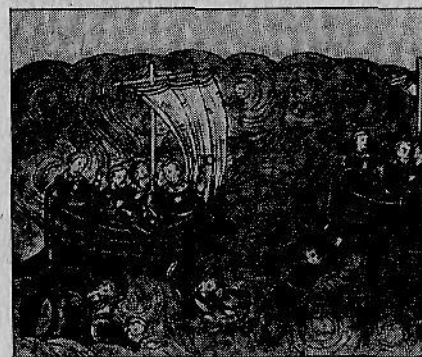
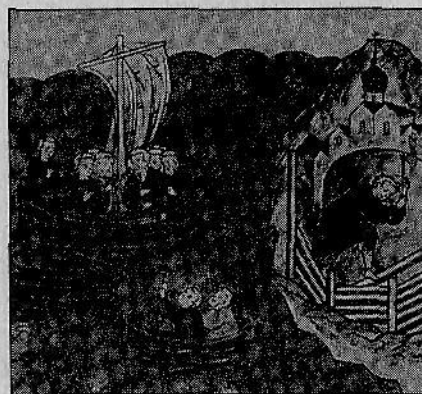
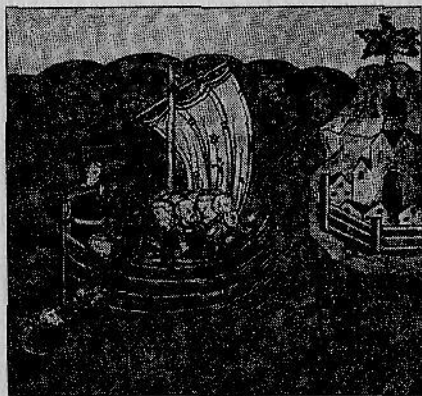
Вид города Архангельска.
Деталь голландской карты России — 1632 г.

ственное место, где отрог Урала хребет Пай-Хой подходит к берегу залива. А земли прямо на «полунощи» от этого места — и есть Новая Земля [62, с. 527].

Освоение новгородцами северного края привело к появлению там сперва временных стоянок (становищ) для торговых и промысловых дел, а затем и постоянных русских поселений не позднее XI — начала XII в. Новгородские бояре и купцы регулярно посылали на север для сбора пушнины и морских промыслов дружины своих смердов. Эти полупромышленные, полувоенные ватаги селились на берегах рек, впадающих в северные моря. Первые такие становища появились в устьях Онеги, Северной Двины, в Нёноксе и Уне, а затем на р. Варзуге, у м. Святой Нос и на Печоре. Поселения новгородских смердов в районе Холмогор получили название бояршин [75, с. 28].

Уже в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича от 1137 г. упоминаются заонежские погосты, в частности Иван-погост, который со временем вошел в состав Холмогоров под названием Ивановского посада. Кроме него, в уставе упоминаются расположенные на Северной Двине погосты и села Кергела, Ракунь, Усть-Емец (в устье р. Емцы), Усть-Вага (в устье р. Вага), Тайма, на притоке Северной Двины реке Вага — Вель, Пуйте; еще дальше на восток — Пинега и Помоздин, погост на Вычегде близ р. Ижмы.

Монастырь Михаила Архангела в устье Северной Двины был основан между 1110 и 1130 гг. новгородским архиепископом Иоанном. При монастыре скоро появился поселок или

Лады, построенные
в Соловецком монастыре

слободка, предшественник порта и города Архангельска.

В 1147 г. в районе скрепления водных путей от Новгорода и с Волги на Северную Двину, там, где в 1264 г. была основана Вологда, уже существовал Воскресенский посад, при котором в том же 1147 г. был основан пришедшим из Киева вологодским чудотворцем св. Герасимом Троицкий монастырь. В 1218 г. на Сухоне основывается Великий Устюг.

В первой половине XII в. в числе новгородских земель указывается «волость Тре». В древней Руси под этим названием подразумевали восточную часть Кольского полуострова, или Терский берег. По утверждению М.И. Белова, слово «тре» означало собственно «лес», «лесистый берег». Точно известно, что в Средние века восточная часть Кольского полуострова изобиловала хвойными лесами [75, с. 28]. В договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославовичем от 1264 г. кроме Печоры, Югры, Заволочья новгородскими северными подвластными областями названы также Вологда и Тре.

В древних документах имеются сведения о том, что в конце XIII в. новгородские

рыболовные ватаги успешно промыслили в Белом море, и, в частности, у Терского берега. И еще задолго до этого в XII в. новгородцы не только ловили семгу и били тюленей на Терском берегу, но и брали дань с обитавшего там коренного населения. Любопытно отметить, что даже самим князьям, с которыми Великий Новгород подписывал договорные грамоты на княжение, приходилось отдельно договариваться с новгородскими боярами относительно права посылки на Белое море и на Терской берег собственных княжеских рыболовных и зверобойных ватаг.

Дата основания Колы на Мурманском берегу точно неизвестна, но в норвежской летописи она упоминается впервые уже в 1210 г., а в русской — в 1264 г. В связи с этим профессор Н.Н. Зубов отмечает, что уже с 1200 г. норвежцы вынуждены были содержать постоянную морскую стражу для защиты от набегов новгородской вольницы, а в 1307 г. на крайнем северо-востоке Норвегии даже построили крепость Вардехуз (русские жители севера называли ее Варгаевым) [74, с. 13]. Норвежские источники отмечают нападение новгородской вольницы в 1316 г. на норвежскую провинцию Гологаланд. Эти нападения с моря, по словам норвежского хрониста, «причинили великий вред и в других местах». Такой же набег на западный берег Норвегии был совершен и в 1323 г., что побудило норвежцев укрепить гарнизон крепости Вардехуз [68, с. 155].

Можно уверенно утверждать, что новгородские острожки, зимовья и погосты в XII в. стояли уже на всех торговых путях северного края. В середине XIV в. в летописях упоминаются населенные пункты Орлец, Матигоры, Холмогоры в низовьях Северной Двины, Шенкурск на Ваге, Каргополь на Онеге, Ненокса, Уна и др., несколько монастырей.

Новгородская колонизация северных земель сыграла исключительно важную роль в хозяйственном освоении побережья Белого и Баренцева морей, в развитии в регионе судостроения и мореходства.

О многом может напомнить из истории нашего Отечества чтение замечательных новгородских былин о богатом госте Садко и удалом молоде-ушкуйнике Василии Буслаеве.

ГЛАВА 17. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ДАЛЬНИЕ ПЛАВАНИЯ ЛЮДЕЙ КАМЕННОГО ВЕКА

*Вот я направляю нос моей лодки
В открытые просторы, откуда выходит
Солнечный бог
Тама-нуи-те-ра, Великий сын солнца.
Не дай же мне отклониться от задуманного
пути,
Направь меня прямо к земле, на Родину.*

Из древнего маорийского заклинания

Тихий океан — величайший из всех океанов Земли, его поверхность равна примерно трети поверхности всего земного шара. И только ее ничтожную часть занимают многочисленные острова, образованные изливаниями вулканической лавы либо сложенные живыми коралловыми полипами на гребнях вулканов, высота которых ниже уровня океана.

Но вот что поразительно. Европейские моряки, впервые появившиеся у берегов этих островов в XVI—XVIII вв., встретились там с довольно многочисленными туземцами. На островах Микронезии, простирающихся в Тихом океане к востоку от Филиппин до линии перемены дат на площади океана в 10 миллионов кв. км, проживало к моменту появления там европейских кораблей по разным оценкам от 80 до 200 тыс. человек.

В Меланезии, включающей Новую Гвинею, второй по величине остров Земли, а также острова в океане на восток от Новой Гвинеи и Австралии примерно до линии перемены дат, проживало 2,2—2,3 млн человек, причем на Новой Гвинее — 2 млн, на других островах Меланезии — 300 тыс. И, наконец, на островах Полинезии, расположенных на восток от Мик-

ронезии и Меланезии, проживало по разным оценкам от 550 тыс. до 1,1 млн человек [77, сс. 8, 14, 19].

Но самое поразительное то, что большинство всех этих островов в Тихом океане было заселено задолго до появления у их берегов европейских кораблей. Причем абсолютно точно установлено, что человек добрался до этих затерянных в океане клочков суши на судах, изготовленных орудиями труда каменного века. Уже длительное время ученые обсуждают возможные пути расселения людей каменного века на островах Тихого океана. Откуда приплыли первооткрыватели островов — от архипелагов, расположенных у юго-восточного побережья Азии, или от западного побережья Америки?

Новозеландский этнограф, фольклорист и археолог Те Ранги Хироа утверждал, что древние полинезийцы — люди каменного века — заселили острова в центральной и восточной части Тихого океана, двигаясь из Азии через Микронезию на о. Таити, а затем оттуда на северные, восточные и южные острова Полинезии. Он в поэтических строках описал странствия «плывущих в даль» древних мореходов: «Они отправлялись навстречу тайнам безбрежных далей большими караванами, растянувшимися по морю в форме серпа, под надутыми, отбеленными солнцем парусами из циновки, поддерживая связь с соратниками по плаванию с помощью раковин и факелов» [77, с. 29].

Ученый и путешественник Тур Хейердал предполагал, что смешанная культура туземцев островов восточной части Тихого океана имеет сложное происхождение, связанное как с плаваниями древних полинезийцев через весь океан от берегов Азии до северо-западного побережья Америки, а затем к Гавайским островам и далее на юг, так и с походами древних инков от берегов Южной Америки на запад в Полинезию и, наконец, с морскими плаваниями меланезийцев от островов Фиджи на восток.

В нашем очерке нет необходимости анализировать эти версии. Для нас важно то, что люди каменного века, заселившие острова Тихого океана, были смелыми и искусными мореплавателями. Их подвиги в океане не только соизмеримы с достижениями европейцев эпохи великих географических открытий XV—XVIII вв., но и во многом значительнее их, учитывая колоссальные расстояния до островов и между ними, а также

Лодка с балансиrom, о. Инсумоар вблизи Новой Гвинеи.
Иллюстрация современника Тасмана к его сообщению (XVII в.)

скромность технических средств, бывших в распоряжении древних мореходов.

Первопроходцы Тихого океана создали большие парусно-гребные лодки, научились оснащать их для проведения многодневных морских походов и в совершенстве освоили управление ими в самых сложных метеорологических условиях. Видимо, путь к созданию судов для океанского плавания был длительным и не простым. Предки современных коренных жителей Микронезии, Меланезии и Полинезии, покинув Азиатский материк, двигались в течение сотен и тысяч лет на восток, переселяясь «с острова на остров к вратам зари», как сказано в старинной полинезийской песне [78, с. 44]. Ясно, что в ходе этого длительного передвижения они вынуждены были создать морскую культуру.

Рыболовство являлось для них существенным источником пополнения продовольственных запасов и занимало все более важную роль в хозяйственной деятельности. Первоначально, по всей видимости, основным средством передвижения по воде были небольшие, сравнительно узкие лодки долбленки,

изготовленные путем выдалбливания или выжигания древесины из цельного ствола.

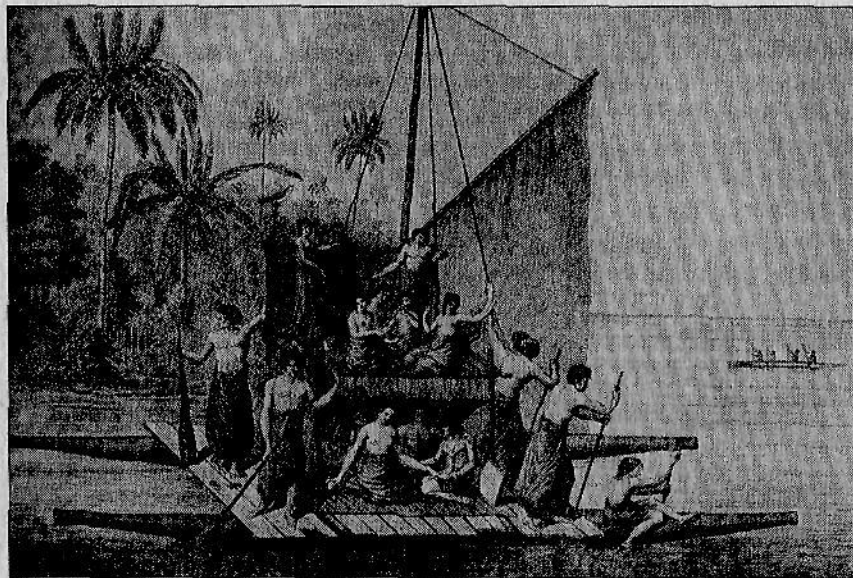
Но для плавания вдали от берегов такие долбленки были мало приспособлены. Поэтому был изобретен балансир в виде ствола легкого дерева, длина которого равна длине лодки, соединенного с ее корпусом при помощи двух или трех перемычек. Установка балансира сразу же на порядок повысила остойчивость долбленок.

Перемычки прикреплялись одним концом к верхним краям одного или обоих бортов лодки, а другим к балансиру. На различных островах Тихого океана отмечены самые разнообразные способы прикрепления балансира.

Важность его надежного крепления отражена в гавайской сказке о красавице Лу'укиа, которая отказала могучему вождю в благосклонности и надела пояс целомудрия, сделанный из плетеного шнура. Он охватывал ее от талии до бедер, причем концы были так искусно связаны, что пояс не мог быть снят никем, кроме самой изобретательницы узла. Эта своеобразная одежда позднее называлась «па'у-о-Лу'укиа» (юбка Лу'укиа), а сложный узел применялся именно для прикрепления поплавок-балансира к корпусу лодки [78, с. 202].

Древние мореплаватели уделяли особое внимание тщательной отделке поплавок. Дерево, из которого они изготавливались, предварительно вымачивалось в воде, чтобы уничтожить червоточину, а затем выскабливалось каменными или коралловыми скребками. Для увеличения мореходности и грузоподъемности лодок-долбленок древние мореходы Тихого океана перешли к нашиванию сперва одного, а затем и нескольких ярусов досок к их корпусам. И, наконец, дальние океанские плавания стимулировали создание конструкции парусного катамарана (от тамильского каттумарам — «связанные бревна»), состоявшего из двух больших лодок, связанных между собой поперечными перемычками, а затем и общей палубой-платформой. Эта платформа располагалась чаще всего под углом к диаметральной плоскости лодок.

Именно эти два основных типа плавучих транспортных средств — лодки с балансиrom и катамараны — позволили древним мореходам совершить свои выдающиеся океанские плавания. Так как вода оказывала меньшее сопротивление при движении по ней лодок с балансиrom, то и двигались они бы-

Тонганский катамаран. Гравюра XVIII в.

стрее, чем катамараны, и являлись самым быстроходным транспортным средством. Поэтому такие лодки использовались как разведывательные и посыльные суда. Зато катамараны были незаменимы для перевозки большого количества людей и грузов.

Туземцы островов Тихого океана применяли на своих судах два основных типа парусного вооружения. Первый — треугольный парус из плетеных циновок, растянутый на двух реях. Эти рей составляли между собой острый угол и устанавливались так, что вершина с острым углом находилась внизу в носовой части лодки. Вторым типом являлся треугольный парус, растянутый между мачтой и шпринтом — реем, закрепленным у ее основания, или между двумя шпринтами.

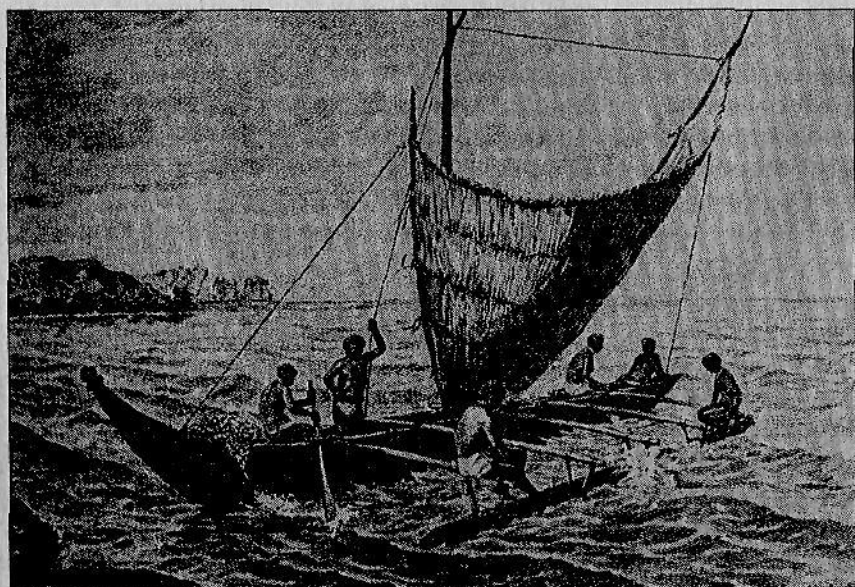
Кроме того, в различных частях Океании существовали довольно разнообразные конструкции лодок, имевших транспортное, промысловое и военное назначение.

Лодки коренных обитателей островов Микронезии были относительно длинными и узкими с примерно одинаковой конструкцией носовой и кормовой оконечности. Они имели сравнительно небольшой, но прочный балансир, а также треу-

гольный парус второго типа, о котором упоминалось выше. Для изготовления таких парусов использовались циновки из листьев пандануса. При попутном ветре микронезийские парусные лодки способны были развивать значительную скорость.

У парусов из циновок невозможно уменьшить их площадь, как это делается с полотняными парусами, когда подбирают их нижнюю часть. Поэтому при штормовой погоде приходилось с помощью фалов — канатов для подъема и опускания реев — либо приспускать парус, либо совсем убирать его.

У таких лодок балансир, служащий противовесом наполненному ветром парусу, должен быть всегда на наветренной стороне. При этом балансир погружается в воду как можно реже, поскольку он является добавочной массой, увеличивающей остойчивость легкой и узкой лодки. Поэтому на таких лодках не делают поворот на другой галс так, как на обычных парусных судах, когда при переходе на другой галс против ветра наветренный борт становится подветренным. На лодках с балансиром этого делать нельзя, так как при таком повороте балансир оказался бы с подветренной стороны.

Лодка с балансиром и шпринтовым парусом из циновки.
Гравюра на дереве XIX в.

Микронезийцы решили проблему поворота на другой гале довольно своеобразно. При повороте они приводили лодку бортом к ветру, опускали парус и поворачивали его вокруг мачты так, что корма становилась носом. Затем парус вновь поднимали, переносили рулевое весло с кормы на нос и продолжали плавание уже другим галсом.

Корпус микронезийской лодки состоял из килевой колоды, к которой «пришивались» деревянные доски обшивки. Для этого по краям досок проделывались отверстия, через которые продевался шнур, сплетенный из волокна кокосовых орехов и связывавший доски друг с другом.

На островах Микронезии подветренную сторону корпуса лодки, напомилавшей формой каноэ, мастера-судостроители делали почти плоской, другую сторону, обращенную к балансиру, — выпуклой. Благодаря этому при движении лодки обтекание асимметричного корпуса вызывало возникновение подъемной силы, направленной в сторону балансира. Эта сила компенсировала полностью или частично снос, вызываемый ветром, и способствовала тому, что лодка сохраняла стабильное направление по ветру.

Именно подобные лодки с балансирами увидели европейские путешественники еще в XVI—XVII вв., в частности, одним из первых — голландский мореплаватель и пират Оливер ван Норт, наблюдавший их в 1600 г. у Марианских островов: «У Разбойничьих островов [так он назвал Марианские острова. — *Авт.*] к голландским кораблям подошло чуть ли не 200 лодок, в каждой из которых находилось не менее двух-трех человек...

Их лодки длинные и узкие, причем они одинаково быстро продвигаются вперед, без разворота, и со стороны носа, и с кормы» [77, с. 117].

Меланезийцы, как и микронезийцы, также были отличными моряками. Еще на рубеже XIX и XX вв. европейцы могли наблюдать, как в конце сентября или начале октября, когда стихает юго-восточный пассат, большие флотилии парусных лодок, нагруженных глиняными горшками, покидали Порт-Морсби на Новой Гвинее. Эти лодки плыли к устьям рек, впадающих в залив Папуа, где горшки обменивались на саго и древесину — материал для изготовления лодочных балансира. Туземные лодки-лакatoi достигали в длину 18 м и были

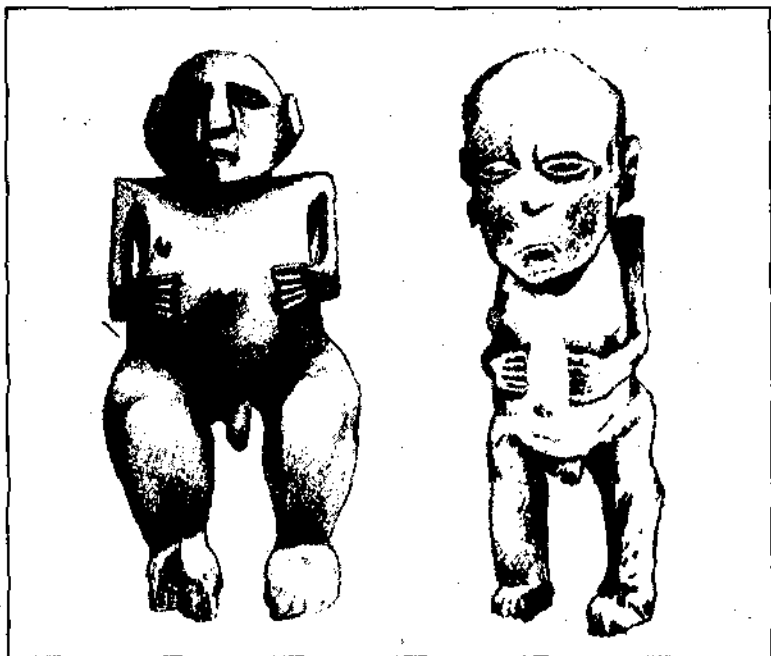
построены по технологии, характерной для всех судостроителей меланезийских островов.

Мастера раскалывали пополам толстые стволы деревьев, а затем выдалбливали каждую половину. Такая долбленая колода составляла килевую основу строящейся лодки. К ней с помощью веревок из кокосовых волокон прикрепляли два ряда досок обшивки. Затем приделывали форштевень и ахтерштевень и все стыки заливали древесной смолой.

На таких лодках во время военных походов размещалось не менее 50 воинов, а в мирное время перевозили более 30 т саго. Это были лодки с балансирами, причем на ряде островов использовали при транспортировке крупных грузов от двух и более временных балансиров. За счет установки специальной платформы между бортом и крайним балансиром лодка превращалась в подобие плота. И в этом случае для крепления платформы к балансирам применялись концы из растительных волокон. Ими же скрепляли корпус и соединительные шесты балансира.

Лакатой чаще всего имели два паруса значительной величины, имевшие форму клешни краба. Треугольник паруса был направлен острием вниз и имел вверху глубокий дугообразный вырез. Такие паруса изготавливали также из листьев пандануса. Они использовались и в некоторых других районах Океании и были не менее эффективны, чем прямоугольные, имевшие равную с ними длину сторон, хотя последние и имели большую поверхность. А дугообразный вырез в верхней части позволял мореходам быстро снижать ветровую нагрузку при сильном ветре, особенно с носовых курсовых углов.

Лодки-лакатои искусно украшали, широко используя местные традиции. На загнутых внутрь штевнях и на парусах висели гирлянды из пучков разноцветных птичьих перьев, служивших одновременно своеобразными флюгерами. На корпусах лодок наносили цветные изображения людей и животных. Туземцы Соломоновых островов на лодках устанавливали носовые фигуры духов, призванных охранять людей и сами лодки. Причем фигуры духов искусно вырезали и отделявали перламутровым орнаментом. О таких скульптурах красочно рассказал известный французский путешественник XVIII в. Луи Антуан де Бугенвиль: «Они [лодки туземцев. — *Авт.*] хорошо построены и имеют значительную длину; корма и нос

Деревянные фигуры тайтянских божков

их сильно приподняты для защиты от стрел. Нос одной из пирог украшало деревянное скульптурное изображение человеческой головы с глазами из перламутра и ушами из панциря черепахи; лицо этой скульптуры напоминало маску с большой бородой; губы были выкрашены ярко-красной краской» [77, с. 208].

Искусство постройки и использования лодок у некоторых меланезийских народов было так развито, что тот же Бутенвиль даже назвал острова Самоа архипелагом Мореплавателей, настолько сильное впечатление на него произвели местные лодки. Он писал: «Несмотря на то что мы шли со скоростью 7 или 8 морских миль в час, эти парусные пироги свободно ходили вокруг наших кораблей, точно мы стояли на якоре» [77, сс. 204, 205].

Замечательными мореплавателями Океании были и полинезийцы, жители многочисленных островов восточной части Тихого океана. Знаменитый мореплаватель XVIII в. Джеймс

Кук, описывая жителей о. Пасхи, расположенного в самой восточной части Тихого океана, примерно в 1800 милях от западного побережья Южной Америки, писал: «По цвету кожи, облику и языку они в известной степени родственны народу островов, лежащих далее к западу, так что не может быть сомнения в том, что происхождение тех и других одинаково: просто удивительно, что один и тот же народ мог распространиться на все острова этого необъятного океана на пространстве от Новой Зеландии до этого острова» [77, с. 23].

В Полинезии дальние морские плавания на судах старинной конструкции прекратились несколько столетий тому назад, но на основании описаний, сделанных европейскими мореплавателями XVII—XVIII вв., можно с большой долей вероятности определить размеры туземных двухкорпусных судов эпохи дальних океанских плаваний. Длина их колебалась от 18 до 24 м, но встречались суда длиной до 40 м. Такой гигантский военный катамаран мог взять на борт 144 гребца и еще 39 воинов. Но и катамаран с длиной лодок 21—24 м, соединенных общей палубой-платформой, тоже мог вместить значительное количество людей. Некоторые таитянские военные суда во время нападения на вражеские берега принимали на борт до сотни воинов.

При заселении дальних островов, когда вместе с воинами уходили в плавание женщины и дети и на суда грузили запасы продовольствия, семена и клубни растений, свиней, собак и домашнюю птицу, на крупных катамаранах помещалось более 60 человек.

Для соединения досок наружной обшивки полинезийцы также использовали «сшивку» при помощи веревок из воло-

Луи Антуан де Бугенвиль.
Картина неизвестного
художника (около 1778 г.)

Полинезийские двухкорпусные лодки острова Тонга. 1774 г.

кон кокосовых орехов. Но, чтобы стыковой шов с внешней стороны не был виден и не создавал излишнего сопротивления при движении лодки, на ряде островов каждая доска с внутренней стороны имела утолщение, в котором и проделывали отверстия.

Так как доски обшивки тщательно пригонялись одна к другой без зазоров, то внешнюю поверхность лодки конопатили только в отдельных случаях, используя для этого смолу и тапу — материал, изготовленный путем выколачивания деревянными колотушками очищенной и вымоченной в воде коры.

В носовой и кормовой частях корпуса имелась палуба. В центральной части оставался открытый проем, обнесенный фальшбортом, через который можно было попасть внутрь корпуса. Во время плавания там постоянно находились члены экипажа, которые вычерпывали просочившуюся через швы воду.

Катамаран состоял из двух одинаковых корпусов, соединенных друг с другом специальными балками, на которые настилали платформу. Расстояние между корпусами устанавливал мастер-строитель «туфунга фоу вака» (на языке жителей архипелага Тонга), исходя из своего опыта и племенных традиций. Создавая катамараны, полинезийцы в полной мере постарались использовать преимущества такой конструкции:

высокую остойчивость, значительную грузоподъемность, удобство размещения людей и грузов.

На древних полинезийских катамаранах, предназначенных для дальних океанских плаваний, корпус с подветренной стороны имел, видимо, две мачты, на которых поднимали треугольные паруса. Позже стали делать одномачтовые катамараны, на которых использовали один растянутый между двух реев парус. Сами реи образовывали острый угол в носовой части корпуса. В XVIII в. именно такие паруса чаще всего встречались на Гавайских островах и островах Общества.

На лодках туземцев архипелага Тонга на короткой наклонной вперед мачте поднимали треугольные паруса второго типа, о которых упоминалось ранее. Мачты на этих лодках имели раздвоенный топ (верхушку мачты), через который пропускали фал (канат) для спуска и подъема шпринтов с парусами. Нижние концы шпринтов на них закрепляли не у мачты, а между форштевнями обоих корпусов.

Голландские путешественники XVII в. первыми из европейцев увидели подобные лодки. Скорость, которую развивали эти «тонгиаки», редко бывала меньше 8 узлов. Достоверно известно, что именно на таких лодках местные туземцы совершали плавания на острова, удаленные на тысячи миль, и благополучно возвращались обратно.

Капитан Д. Кук при плавании у островов Тонга обратил внимание на очередное усовершенствование конструкции местных судов, дошедшее сюда, как и треугольный парус, видимо, из Микронезии через острова Фиджи: корпус с наветренной стороны делался теперь меньших размеров и стал применяться тот же способ поворота, как у моряков Микронезии, а именно, при повороте на другой галс опускали парус, переносили его вокруг мачты, а также переносили рулевое весло с кормы на нос.

На палубах полинезийских судов имелись места для очага, размещалась хижина с крышей, скошенной в наветренную сторону. В ней можно было укрыться от солнца и дождя.

Следует особо сказать о лодках коренных жителей Новой Зеландии — маори. Первыми из европейцев их увидели моряки — голландцы экспедиции Тасмана в 1642 г. Оказалось, что лодка, в которой приплыли туземцы к голландскому кораблю, состояла «из двух лодок, поставленных рядом, поверх

Маорец. Гравюра по рисунку, сделанному во время плавания Кука (XVIII в.)

них... перекинуто несколько перекладин, двухлопастные весла длиною с целую сажень [около двух метров. — *Авт.*], узкие и на концах заостренные» [77, с. 132].

В дальнейшем изучение маорийских преданий позволило в какой-то степени восстановить обстоятельства заселения Новой Зеландии выходцами из Полинезии. Стало ясно, что маори были потомками прибывших в разное время переселенцев. Считается, что ранее необитаемые острова были впервые открыты и заселены около 950 г. н.э. таитянами под предводительством вождей Купе и Нгахуе.

Вслед за ними спустя 200 лет сюда прибыла другая группа полинезийских мореплавателей. И только около 1350 г. появились переселенцы, покинувшие свою родину, находившуюся в самом центре Полинезии. Они проделали путь в 2500 миль до «страны длинных белых облаков», покорили своих предшественников и создали своеобразную культуру, откуда и ведет происхождение культура маори.

Первооткрыватели Новой Зеландии прибыли к берегам новой родины на традиционных полинезийских судах: лодках с балансиром и катамаранах. Более всего поразили переселенцев местные леса. Нигде в Полинезии не встречали они деревьев таких размеров: огромных стволов тотара с прочной, но сравнительно мягкой древесиной и сосен каури. Нашли маорийцы и месторождения базальта, где можно добывать материал для изготовления тесел. Применяли они и тесла из жадеита (нефрита), который встречался в виде гальки в реках западного побережья Южного острова. Резцы и тесла из жадеита имели острые, словно стальные, лезвия.

Вооруженные большими и тяжелыми теслами маорийцы валили деревья и изготавливали из них лодки-долбенки, которые благодаря гигантским размерам деревьев получались такими широкими, что не нуждались в дополнительной опоре. Поэтому маорийские лодки ко времени появления там европейцев не имели балансира.

Большие лодки маори вмещали по 20 гребцов с каждого борта. На них не было постоянной мачты, только при попутном ветре поднимали подобие паруса из циновок. Маори наращивали нос, корму и при необходимости борта традиционным способом — сшиванием досок. Они вырезали и раскрашивали сложные носовые украшения, применяли для этой цели также раковины «морское ухо».

Именно об этих лодках говорится в одной из маорийских песен:

Никогда не затмится слава ваших лодок,
Лодок, бороздивших пучины океана,
Пурпурное море, Великий Океан Кива,
Который лежал распростертый перед ними
[78, с. 13].

Маорийцы были отличными моряками. Вот слова исследователя о них: «Команда военного каноэ опускается попарно на дно на колени, садится на пятки и работает веслами длиной от метра с четвертью до полутора метров; рулевого на корме весло длиной 2,7 м. Военные каноэ скользят через бурные волны, словно морские птицы» [22, с. 139].

Лодки играли особую роль в хозяйственной деятельности и духовной жизни туземцев островов Тихого океана. Поэтому их строительство и оснащение обставлялись торжественными и важными для участников церемоний обрядами. О них красочно рассказал ученый Те Ранги Хироа в своих книгах. Воспользуемся его сведениями и мы [78, сс. 35—41].

Когда таитянский вождь решал приступить к строительству новой большой лодки, он приказывал своим соплеменникам засеять дополнительные участки, чтобы прокормить мастеров, которых собирался пригласить. Для них изготавливалась одежда из тапы, плелись циновки и собирались красные перья для вознаграждения за труд.

Только после того, как был собран достаточный запас продовольствия, вождь нанимал мастеров-судостроителей и вместе с ними отправлялся в лес, где отбирались деревья, предназначенные для изготовления различных деталей корпуса нового судна. Если подходящих деревьев на территории, принадлежавшей племени, не обнаруживалось, то вождь выменивал их у соседних племен.

Каждый мастер-судостроитель имел собственный набор инструментов, состоявший из тщательно отбитых и отшлифованных тесел и резцов, сделанных из базальта. Эти инструменты имели деревянные рукоятки, к которым были прочно привязаны шнурком, сплетенным из кокосового волокна или травы.

В последнюю ночь лунного месяца мастера брали с собой тесла в храм божества-покровителя и «клали их спать» на всю ночь в особых тайниках. При этом они обращались к богу Тане:

Положи ты тесло в священное место,
Чтобы прониклось оно божественной силой,
Чтобы стало легким в руках работника,
Чтобы искры летали вокруг.

Затем у храма устраивалось пиршество в честь мастеров. С ранней зари мастера «будили» спавшие тесла, погружая их в море и заклиная при этом:

Проснись для работы в честь Тане,
Великого бога ремесленников.

Еще до восхода солнца мастера в своих рабочих набедренных повязках разыскивали заранее отобранные деревья. Срубленные и отесанные деревья стаскивались под плотничий навес. Там бревна раскалывали и изготавливали из них различные детали судового корпуса: одни сорта древесины шли на изготовление килей, другие — на доски для корпуса и настила.

Когда при напряженной работе тесла раскалялись и становились хрупкими, их загоняли в сочные банановые стволы, чтобы там они остывали. Время от времени тесла затачивали на кусках песчаника.

Доски корпуса плотно подгоняли друг к другу и располагали одну над другой, формируя гладкую обшивку. При подгонке верхний край каждой низлежащей доски обмазывался мокрым илом. Затем к нижней доске прикладывали верхнюю, после чего на последней все шероховатые и выступающие участки, видимые в виде грязных пятен, стесывались, и обе доски точно подгонялись друг к другу. Швы между досками промазывали толченой кокосовой шелухой, смешанной с клейким соком хлебного дерева.

Следующая операция заключалась в просверливании по краям смежных досок отверстий. Судостроители пользовались при этом раковинами «теревра», острыми прутьями твердых пород дерева или каменными резцами. Через эти отверстия продевалась прочная веревка, сплетенная из волокон кокосовой кожуры, для соединения таким образом смежных досок. И плетеный шнур, и доски, которые он связывал, считались атрибутами бога Тане.

При постройке судна две пары мастеров работали по обеим его сторонам, располагаясь симметрично по отношению к килю. Особая роль плетеной веревки отражена в специальной песне-заклинании. Прodeвая шнур, чтобы скрепить доски, мастера пели:

Что у меня, о Тане,
Тане, бог красоты!
Это бечева, это бечева от сил небесных,
Это твоя бечева, о Тане!
*Проденешь ее изнутри — она выйдет снаружи,
Проденешь ее снаружи — она выйдет изнутри,
Туже затяни ее, крепче завяжи ее!*

Согласно взглядов таитянцев, объявление новой лодки собственностью бога Тане обязывает его заботиться о ней, как о своем имуществе. Отсюда и заключительные строки песни-заклинания:

Это твоя бечева, о Тане,
Сделай ее прочной, сделай ее прочной.

После скрепления досок корпус лодки омывался чистой водой, сушился и раскрашивался снаружи и изнутри красной глиной, смешанной с древесным углем.

При сооружении большой лодки по мере ее постройки приходилось раздвигать плотничий навес, чтобы под ним могли поместиться поплавок-балансир, настил, снасти, кормовые украшения и рубка.

Особо ответственной считалась операция скрепления балансира с лодкой. И опять на помощь призывали бога Тане, чтобы скрепление было надежным и прочным:

То не может ослабнуть,
То не может развязаться,
Что связано священной бечевой,
Твоей священной бечевой, о Тане!

Построенной лодке присваивалось имя. Спуск большой лодки на воду являлся радостным и важным событием в жизни полинезийцев. По этому поводу устраивалось праздничное пиршество, участники которого украшали себя цветами и ароматичными травами. При спуске лодки под ее киль укладывались круглые бревна и по этим каткам мужчины передвигали лодку к воде, держась за борта.

По обычаю положено было заставить новую лодку хлебнуть морской воды, так как полинезийцы считали океан «алтарем бога». Для этого лодку раскачивали, чтобы волны захлестывали то нос, то корму. После того как вода покрывала все дно лодки, ее начинали быстро вычерпывать специально изготовленными для этого ковшами. Так и ковши «приучали» к своим будущим обязанностям. Только после того как лодка «хлебнула» морской волны, ее считали посвященной богу Тане.

Затем лодка оснащалась мачтой, реями, парусом из сшитых циновок, сплетенных из пандануса, веслами-гребками, ковшами, каменными якорями и рулевым веслом, которому также часто давали собственное имя. Несмотря на то что полинезийцы смолили лодки, течь бывала сильной, и поэтому в плавании приходилось постоянно вычерпывать воду ковшами. В дальние плавания брали каменные якоря с просверленными отверстиями для каната. Во время шторма носовые якоря бросали в воду, чтобы лодка постоянно оставалась обращенной носом к волне, а легкие якоря использовали для того, чтобы определить направление течения.

Строительство новой лодки заканчивалось ее испытаниями в море на прочность, мореходность и скорость. Причем сами испытания проходили во время состязаний между вновь построенной лодкой и остальными на скорость. Новая лодка должна была непременно победить, даже если она уступала в скорости другим. Поэтому команды других лодок на финише намеренно немного отставали и пропускали новую вперед.

Плоды хлебного дерева

Для дальних плаваний мореплаватели Океании специально заготавливали запасы продовольствия. На коралловых островах в качестве таких запасов использовали сердцевину спелых плодов пандануса, которую варили, сушили, мелко нарезали или растирали в грубую муку и клали в пакеты цилиндрической формы из высушенных листьев пандануса. Подобная упаковка и сейчас распространена на Гильбертовых и Маршалловых атоллах.

На вулканических островах возможностей для заготовки продовольствия было больше. Жители островов Самоа брали в плавание заготовленные впрок печеные и сушеные плоды хлебного дерева, которые укладывали в большие корзины. Для маорийцев основной пищей во время длительных плаваний служил печеный и сушеный сладкий картофель. В плавание брали сушеную рыбу и сушеных моллюсков, которые могли долго сохраняться.

Долго оставалось годным для еды poi — кашеобразное, слегка кислое любимое кушанье полинезийцев, приготовляемое из муки клубней таро. Запеченные клубни ямса могли сохраняться годными в пищу целый год, а кокосовые орехи, которые брались в плавание в большом количестве, являлись не только вкусной едой, но и дополнительным запасом жидкости.

Брали в длительное плавание домашнюю птицу, которую кормили сушеной мякотью кокосового ореха. Везли с собой и

дрова, а огонь разводили в лодке на песчаной подстилке. Важным источником пополнения в море запасов пищи была ловля рыбы, в том числе и акул.

Запасы пресной воды хранились в сосудах из кокосовых орехов, в тыквах и бамбуковых стволах. Современные гавайские рыбаки практикуют погружение в море тыкв с пресной водой и буксировку их, чтобы вода в сосудах оставалась прохладной.

Из гавайских и новозеландских преданий известно, что участники длительных морских походов заранее воспитывали в себе способность переносить длительное время голод и жажду. В этом случае при суровой дисциплине и ограничениях в еде и питье можно было прокормить многочисленных воинов-моряков и их семьи в течение 3—4 недель, а этого достаточно, чтобы пересечь большие расстояния.

Как же находили путь в бескрайнем океане мореходы каменного века? Они смело бороздили океанские просторы, вглядываясь в небо и звезды, наблюдая за направлениями ветров, течений, за характером волн.

В дальних океанских плаваниях полинезийцы прекрасно овладели искусством управления парусами. Они в совершенстве научились определять направление ветра. Таитянская роза ветров содержала множество их названий в зависимости от направления действия и силы. Самыми изученными были юго-восточный ветер Тоа, северо-восточный Тоереау, восточный Маоае и юго-западный Уру. Самым грозным считался южный ветер Мараму.

Недаром в одном из маорийских заклинаний говорится:

Дуй, дуй, о Тауири-матеа, бог ветров!
 Разбуди свой западный ветер, чтобы он понес нас
 По морской дороге, прямо на Родину, Гавайки.
 Закрой, закрой свой глаз, который смотрит на юг,
 Чтоб мог спать твой южный ветер.
 Позволь нам проплыть через море Мауи
 И не ставь препятствий на нашем пути.
 Лодка встрепелась, она двинулась, она поплыла!
 О, теперь заспешит Тане-каха,
 Доблестная лодка Каху-кока,
 Назад к бухтам Гавайки-нуи,
 Назад — домой» [78, с. 60].

Днем мореплавателям Океании указывали дорогу солнце, устойчивый ветер и морская зыбь, малоподвижные кучевые облака, образующиеся над участками суши, а также направление полета птиц.

Полинезийцы научились ориентироваться ночью по звездам. Об этом писал Бугенвиль в XVIII в. Он получил «неоспоримое доказательство того, что обитатели островов Тихого океана общаются между собой даже на значительных расстояниях. В безоблачном небе сверкали звезды; внимательно их разглядывая, Ахутору [таитянин, выразивший желание отправиться на кораблях Бугенвиля во Францию. — *Авт.*] указал нам на яркую звезду в поясе Ориона, говоря, что если взять направление на эту звезду, то через два дня мы увидим богатую землю, где он бывал и где у него есть друзья... Он, не задумываясь, назвал на своем языке большую часть ярких звезд, на которые мы ему указывали». Бугенвиль назвал это умение отыскивать путь «полинезийским методом навигации» [77, с. 204].

Сохранились некоторые сведения об использовании полинезийцами при ориентировании по звездам даже простейших навигационных угломерных приборов. Ученый и путешественник Эрик де Бишоп, изучив старинные предания, описал устройство одного из таких приборов — «священной тыквы»: «Это была обыкновенная тыква, край которой обрезали. На образовавшейся полукруглой поверхности на точном расстоянии одно от другого проделывали отверстия [видимо, два были на одной высоте, одно напротив другого, а третье выше их. — *Авт.*]. Затем из тыквы вынимали мякоть и вливали в нее до уровня отверстий [видимо, двух нижних. — *Авт.*] воду. Как же полинезийцы пользовались этим прибором? Весьма просто. Они брали курс на север. Пройдя экватор, отыскивали Полярную звезду, которая с каждым днем поднималась все выше над горизонтом. Жрецы знали, что когда Полярная звезда достигнет определенной высоты, лодки будут находиться на траверзе Гавайских островов. Плывя дальше с попутным ветром, они безошибочно отыскивали Гавайский архипелаг.

Ясно, что на широте архипелага при поддержании уровня воды в «священной тыкве» в строго горизонтальном положении можно было через нижнее и верхнее отверстия видеть Полярную звезду. Когда полинезийцы плыли с севера на юг и

проходили район океана, где Полярная звезда погружается за кормой в море, то они знали, что проходят «Пуп пространства». Далее к югу для ориентирования мореходы использовали другие звезды.

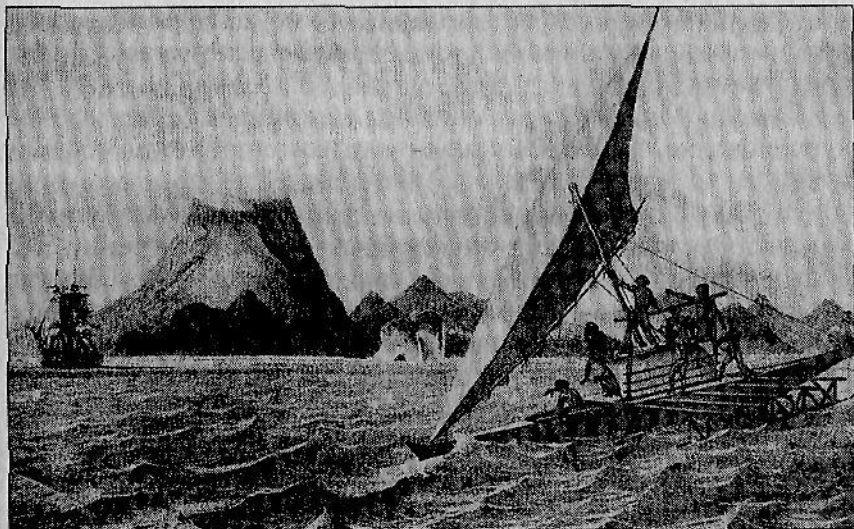
Итальянский историк Джузеппе Пульизи, изучая древние полинезийские легенды и мифы, установил, как это делалось. Он заметил, что полинезийцы всегда определяли курс по двум звездам сразу. Одна звезда позволяла удерживать судно на заданном курсе, а вторая служила как бы небесными часами, которые показывали, находится ли первая, ведущая звезда, в нужной точке небосвода. Звезда-часы, например созвездие Хуму, находилась в зените, а при этом звезда Неуе указывала путь на юг. Такая пара звезд, названная Пульизи «звездным модулем», позволяла держать точный курс лишь в определенный час ночи. Но, зная целый набор таких «модулей», полинезийцы могли, наверное, определять курс в течение всей ночи.

Полинезийские мореплаватели составили настоящие устные «навигационные справочники». Так, например, в преданиях о заселении Новой Зеландии сказано, что при плавании от Таити до Новой Зеландии (протяженность пути 2200 миль) нужно плыть чуть левее заходящего солнца в лунный месяц, приходящийся на ноябрь—декабрь [79, сс. 60, 61].

Еще капитан Д. Кук отмечал, восторгаясь смелостью туземных моряков островов Общества, что наличие таких «навигационных справочников» позволяло им назвать и знать досконально маршрут к не менее 70 островам, расположенным вокруг их родного острова [77, с. 221].

В наше время только коренные жители Микронезии сохранили традиции строительства парусных лодок «дальнего действия» и умения плавать на них вне видимости берегов. Только там еще остались живые хранители секретов мореходного искусства древних мореплавателей Океании, способные определять маршрут в океане, пользуясь приметам и ориентирами на небе, на водной поверхности, учитывая направление и силу ветра, проносящегося над волнами.

Известно, что на атолле Сатавал, расположенном в самой середине Каролинского архипелага, уже много столетий действовала «мореходная школа». И это несмотря на то что площадь атолла не превышает 2 кв. км, а население — 500 чело-

Океанская парусная лодка с балансиром — «летающая проа».
Литография XIX в.

век. Сатавалская парусная лодка с балансиром, ее здесь называют «летающая проа» — поистине совершенная конструкция. Судостроители Сатавала не пользовались чертежами и моделями, сведения о форме деталей лодки они хранили в своей памяти. Все строительные материалы были местного происхождения: древесина хлебного дерева и кокосовой пальмы, дающей к тому же и волокна для изготовления снастей. Конопатили лодки «ворсом» пальмы, а швы заделывали соком хлебного дерева.

Микронезийские моряки в некоторых случаях пользовались для запоминания морских маршрутов в океане так называемыми «картами из палочек». Палочки, расположенные вроде бы совершенно хаотично, на самом деле служили им для запоминания особенностей плавания между островами, которые в свою очередь были помечены привязанными к палочкам раковинами. Видимо, такие «карты» давали океанийским мореходам информацию о том, какие важные для управления судном события следовало ожидать на определенных участках пути. Любопытно, что микронезийцы пользовались этими «картами» только при подготовке к плаванию. Считалось,

что кормчий в море все сведения о маршруте должен держать в голове и не пользоваться какими-либо вспомогательными средствами.

Как же конкретно определяют микронезийские моряки курс в океане? Они досконально изучили положения 15 звезд в момент их восхода и захода по окружности морского горизонта. Таким образом, получился своеобразный «звездный» компас. Он для наглядности изображался при обучении молодых кормчих большими и малыми камушками и кусочками кораллов. Будущие моряки обязаны были знать его назубок. Кроме того, они изучали также движение по небосклону ряда других звезд, используя их, видимо, как звездные часы. Затем они умели выделять на небосводе звезды, нахождение которых в зените означало, что лодка находится на географической широте того или иного острова. Так что морякам оставалось лишь повернуть в нужном направлении (на запад или восток), чтобы добраться до этого острова.

Вождь племени на атолле Сатавал Мау Пьялуг рассказал ученым: «Изменения цвета моря предсказывают погоду на ближайшее время. Если облака скрывают звезды, я держу курс по другим приметам. Есть восемь видов океанских волн. Все они отличаются друг от друга в зависимости от того, идут ли с севера, востока, юга. Волны могут рассказать о многом».

В 1984 г. на Сатавале был построен точный образец традиционной лодки — пироги «дальнего плавания» — «хокулеа». Мау Пьялуг согласился повести «хокулеа» по маршруту Гавайи — Таити протяженностью 2500 миль с 17 членами экипажа и шестью тоннами провизии, причем не пользоваться никакими современными навигационными средствами, а лишь «звездным компасом» и знаниями, унаследованными от предков. А ведь этот район океана наиболее пустынен и опасен. Его пересекают северо-восточные и юго-восточные пассаты, сильные экваториальные течения.

И вождь блестяще справился с заданием. Каждый день, вопреки меняющимся течениям и ветрам, он строго выдерживал заданное направление по «звездному компасу» и другим навигационным ориентирам. Причем коридор отклонения от нужного курса не превышал 40 миль. На 30-й день плавания облака плотно закрыли небо. Целую неделю не было никакой видимости небесных светил. Но капитан «хокулеа»

уверенно следовал к цели и достиг ее, используя только навигационные приемы мореходов каменного века [80].

В завершение очерка приведем текст полинезийской морской песни. Наверное подобную песню пел и экипаж вождя Мау Пьялуга:

Рукоять моего рулевого весла рвется к действию,
Имя моего весла—Кауту-ки-те-ранги,
Оно ведет меня к туманному, неясному горизонту,
К горизонту, который расстилается перед нами,
К горизонту, который вечно убегает,
К горизонту, который вечно надвигается,
К горизонту, который внушает сомнения,
К горизонту, который вселяет ужас.
Это горизонт с неведомой силой,
Горизонт, за который еще никто не проникал.
Над нами — нависающие небеса,
Под нами — бушующее море.
Впереди — неизведанный путь,
По нему должна плыть наша лодка.

ГЛАВА 18. БАЛЬСОВЫЕ ПЛОТЫ ИНКОВ

*Знать, из дуба иль меди грудь тот имел,
Что дерзнул первым свой хрупкий челн
Ваерить грозным волнам.*

Гораций,
древнеримский поэт

Когда был построен первый плот или челн? Это знаменательное событие скрыто от нас во мраке давно прошедших тысячелетий. Прославленный корабель академик Алексей Николаевич Крылов сказал в свое время: «Начало искусства судостроения восходит до глубочайшей древности и теряется не только в не дошедшей до нас истории исчезнувших культур, исчезнувших цивилизаций таких народов как предшественники ассирийцев, вавилонян, финикийцев, древних египтян, но оно предшествовало даже самой культуре и цивилизации» [81, с. 351].

Из исторических свидетельств и при знакомстве этнографов с племенами и народностями, находившимися на ранних стадиях развития, известны самые разнообразные типы древних средств для передвижения по водным дорогам: плоты, лодки из коры, кожаные лодки, тростниковые суда, лодки-долбленки. Но какие из этих конструкций являются древнейшими и когда они появились? Однозначно ответить на это затруднительно.

То, что эти средства человек создал в каменном веке, неоспоримо. Но каменный век — это длительный культурно-исторический период в развитии человечества, протяженностью как минимум более 1 млн лет, когда основные орудия труда и оружие изготовлялись, главным образом, из камня, а также дерева и кости. Ученые разделяют его на три периода: палеолит, мезолит и неолит (соответственно древний, средний и новый каменный век).

Вероятнее всего, именно в мезолите, когда были изобретены и массово изготавливались разнообразные приспособления для рыболовства и охоты на морского зверя (рыболовные крючки, гарпуны, сети), и началось использование человеком различных специально построенных средств для передвижения по воде.

Радиоуглеродные датировки найденных предметов эпохи мезолита в Европе устанавливают его временной интервал 10—7 тыс. лет тому назад, а в северных районах Европы этот период длился больше и закончился 6—5 тыс. лет тому назад. На Ближнем Востоке эпоха мезолита началась раньше — 12 тыс. лет тому назад, а переход к неолиту произошел примерно 9 тыс. лет тому назад. Эти временные рамки мезолита и можно считать временем появления первых изготовленных руками человека средств для передвижения по воде.

Ясно, что появление, развитие и совершенствование плота или лодки зависело во многом от наличия и доступности для человека таких строительных материалов как лес, тростник, шкуры животных и т.д. Таким образом, появление каждого типа древних средств для передвижения по воде в различных районах Земли было более или менее одновременным, но не по времени, а по фазе развития первобытного общества, и, естественно, каждый тип имел в дальнейшем свою линию совершенствования.

Это наглядно видно хотя бы по развитию конструкции плота. Далее конкретные примеры в основном взяты из книги С.А. Семенова «Развитие техники в каменном веке» [19].

Человек очень рано научился плавать. А вот осознание возможности использовать для поддержания на воде человека такого качества плавающих предметов как плавучесть — это пришло значительно позже. Наконец, наступил момент, когда древний человек отважился пересечь водный поток верхом на бревне. Вероятнее всего, это произошло еще в палеолите. Затем не трудно было сообразить, что использование для переправы второго бревна исключит переворачивание первого при неудачном движении переправлявшегося. А два бревна — это уже примитивный бревенчатый плот.

Первоначально для изготовления плотов человек использовал деревья, которые оказывались под рукой, не обрабатывая их. Затем он научился специально валить деревья для пос-

ледующего использования их в качестве элементов плота. Именно так австралийские аборигены переплывали реки на срубленном бревне. Они отрубали каменными топорами часть древесного ствола, очищали его от ветвей, затем стаскивали в воду, ложились на бревно и плыли, гребя руками и работая ногами.

Некоторые племена бушменов и готтентотов в Южной Африке передвигались по рекам на плавательных чурбанах. До сих пор в ряде стран местные жители изготавливают и используют примитивные плоты из необработанных стволов мангрового дерева, растущего в затапливаемых местах у самого уреза воды.

Наблюдая рыб и морских зверей, первобытный человек догадался, что, заострив плоту нос, можно уменьшить сопротивление воды и увеличить скорость движения. А вот австралийцы заостряли задний конец бревна, используемого для переправы через водную поверхность. Они считали, что это придает бревну сходство с крокодилом и предохраняет от них. Самое удивительное то, что в действительности такое заострение согласно законам гидродинамики несколько повышает скорость движения бревна.

Безусловно, оценить толстоё бревно как плавучее транспортное средство легче, чем разобраться с плавучестью пучка тростинок. Но там, где не росли большие деревья, а имелись заросли тростника, человек сумел использовать достаточную плавучесть связок тростника, а затем научился связывать из них плотные бунты, используя гибкие прутья ивы и других подобных растений. Так появились первые тростниковые плоты.

Строительство тростниковых лодок-плотов отмечено у многих народов. Вполне возможно, что зачаточная форма такой лодки-плота возникла в глубокой древности, чуть ли не в позднем палеолите. Так, племена, живущие по берегам Белого Нила, с древних времен вплоть до наших дней использовали лодки-плоты из связок водного растения амбеч.

Это полукустарник-полудерево с очень легкими стеблями трубчатой структуры. Коническая форма стволов позволяет придавать лодке длиной 2—2,5 м заостренную форму. Такая лодка не имеет кормового образования, задняя часть просто обрублена, а нос загнут вверх. На лодке-плоту можно сидеть,

не касаясь воды ногами, или стоять на плоской поверхности. Простейший плот из амбеча постепенно трансформировался в лодку из того же материала, имевшую приподнятые нос, корму и борта.

Такой же простейший тростниковый челн-плот использовали беднейшие рыбаки Перу. Они называли его «кабаллито» (маленькая лошадка). Это две конические связки тростника, соединенные так, что заостренный конец загибался вверх и образовывал нос.

Ни бортов, ни кормы у него нет. Рыбак садился на «кабаллито» верхом и управлял им при помощи весла-лопатки. Перуанцы плавали на таких челнах-плотах не только по рекам, но выходили на них в море. Поставив его на каменный якорь за пределами бурунов, рыбак садился спиной к носу и ловил рыбу на удочку, а улов прятал в углубление между двумя связками тростника, составлявшими сам плот.

Тростниковые лодки-плоты из камыша использовали индейцы ряда районов Северной Америки. Высокого искусства в строительстве камышовых плотов достигли еще в глубокой древности индейцы племени аймара, проживавшие на берегах самого большого в Южной Америке озера Титикака.

Основу конструкции этих плотов составляли три бунта камыша длиной до 10 м. Между двумя основными бунтами, диаметр которых в средней части достигал 2,5 м, располагали средний диаметром 0,5 м. Строители плота, используя одну длинную веревку, соединяли спиральной вязкой тонкий бунт сначала с одним боковым, а затем со вторым бунтом. После чего с помощью нескольких человек обе веревочные спирали затягивали так, что средний бунт не просто обжимался боковыми, а вдавливался в них, образуя невидимую сердцевину. Концы основных бунтов сужались к оконечностям и приподнимались, образуя нос и корму. Борта плота образовывались из тонких связок камыша. Большой 4-х или 6-угольный парус, также сплетенный из камыша, поднимался на двуногой мачте, каждый конец которой опирался на свой бунт.

Учитывая совершенство конструкции таких плотов, именно индейцев с берегов озера Титикака пригласил Т. Хейердал для изготовления камышового плота «Ра-II», на котором интернациональный экипаж в 1970 г. успешно преодолел расстояние от берегов Африки до о. Барбадос в Карибском море.

Вернемся к бревенчатым плотам. Постепенно конструкция их совершенствовалась. Древние люди передвигали их по рекам и озерам с помощью шестов и сперва грубых, а затем все более совершенных по форме весел.

Бревенчатые плоты особо широко применяли индейцы Южной Америки. Там для строительства плотов использовали древесину бальсового дерева, которое имеет малый удельный вес и слабо намокает, если плот изготовлен из недавно срубленных стволов. На таких плотам индейцы плавали по Амазонке и ее притокам.

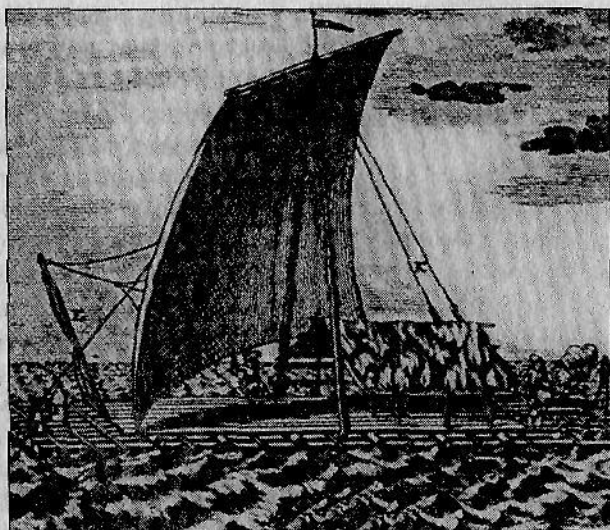
Например, индейцы племени ягда строили плоты из бальсовых бревен длиной до 10 м и диаметром 30 см. Бревна связывали лианами посредством длинных и тонких поперечин, положенных по краям звена плота. Несколько звеньев соединялись при помощи дополнительных перекладин и лиан. Размеры готового плота доходили до 20 x 10 м.

Такой плот покрывался настилом из древесной коры. В центре или ближе к корме устанавливался тент из пальмовой пленки для защиты от дождя и солнца. Под тентом размещался очаг из глины для приготовления пищи. Управляли плотом при помощи весел два гребца на корме, вождь занимал место с правой стороны. По краям плота размещались, сидя на корточках, гребцы. Такие большие плоты индейцы использовали примерно раз в жизни одного поколения в случае переселения племени на новые места обитания.

Вершину линии развития бревенчатых плотов составляют бальсовые плоты древних инков, на которых они совершали поистине фантастически смелые плавания в Тихом океане протяженностью много сотен миль.

Впервые европейцы увидели парусные плоты инков еще до открытия Перу и знакомства с Инкской империей. И эти плоты сразу поразили их воображение. В 1526 г. Бартоломео Руис, штурман будущего завоевателя Перу Ф. Писарро, отправившись на разведку от берегов Панамы в южном направлении на небольшом парусном судне водоизмещением всего 40 тонн с десятью моряками на борту, у северного побережья Эквадора неожиданно увидел плывущий навстречу под парусом большой плот, на борту которого было 20 индейцев — мужчин и женщин.

Испанцы оценили грузоподъемность плота в 36 тонн. Его бревенчатая палуба была покрыта тростниковым настилом,

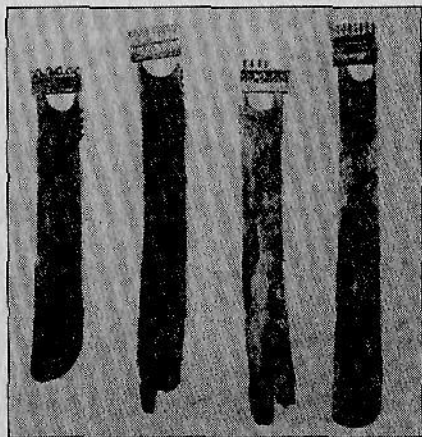

Старинная зарисовка бальсового плота (1748 г.)

поднятым настолько, что груз и команда не намокали. Бревна и тростник были крепко связаны веревками. О парусе и такелаже испанский хронист сообщал: «Он [плот. — Авт.] был оснащен мачтами и реями из очень хорошего дерева и нес хлопчатобумажные паруса такого же рода, как наш корабль. Отличные снасти сделаны из упомянутого генекена, который напоминает пеньку; якорями служили камни, подобные мельничным жерновам» [22, с. 168].

Впоследствии испанцы хорошо познакомились с инками как мореплавателями и были свидетелями морских плаваний целых флотилий бальсовых плотов. Они сами активно использовали такие плоты в качестве переправочных средств, потому что на них можно было пройти над отмелями и через прибой, что было невозможно для европейских судов. Причем по сообщению испанцев на один парусный плот грузились до 50 вооруженных солдат с тремя лошадьми.

Один из первых историков, писавших о Перу, Бернабе Кобо подробно описал устройство и достоинства индейских мореходных плотов и назвал инков искусными мореплавателями. В частности, он писал: «Самые большие плоты перуанских индейцев, живущих вблизи лесов, скажем в портах Паи-

**Гуары, с помощью которых
плот мог двигаться против
течения**

та, Маита и Гуаякиль, состоят из семи, девяти и даже большего числа бревен. Вот как их делают: лежащие рядом бревна связывают друг с другом лианами или веревками, которые захватывают также другие бревна, положенные поперек. Среднее бревно в носовой части длиннее остальных, по обе стороны от него укладывают все более короткие бревна, так что видом и соотношением они придают носу плота сходство с пальцами вытянутой руки, а корма ровная. Поперек бревен кладут настил, чтобы

вода, проникающая снизу в щели между большими бревнами, не намочила людей и одежды. Этими плотами индейцы управляют в море с помощью парусов и весел, и есть такие большие плоты, что без труда перевозят 50 человек» [22, с. 170].

Индейцы использовали для строительства плотов недавно срубленные стволы легкого бальсового дерева. Такие стволы почти не впитывают морскую воду. Хотя вода постепенно проникает в просушиваемые солнцем внешние слои древесины, внутрь ее не пропускает сок самого ствола. Т. Хейердал отметил, что когда бальсовый плот «Кон-Тики» через год с лишним после более чем трехмесячного плавания в Тихом океане извлекли из воды, чтобы поместить его в музей в Осло, он еще мог поднять не одну тонну груза.

Второе серьезное преимущество бальсовых бревен было то, что их не истирали веревочные крепления, так как поверхность стволов становилась в воде мягкой, губчатой и веревки в желобах оказывались словно утопленными в пробку.

Такой плот, несмотря на незначительную высоту надводного борта, легко переваливался через высокие волны, которые разрушили бы малое судно с обыкновенным корпусом. Захлестывавшие плот волны сразу же уходили как сквозь сито. Выдерживали такие плоты и солидные ветровые нагрузки.

Особый интерес представляет изобретенная индейцами система управления парусным плотом с помощью швертов. В Европе подобная система была освоена только во второй половине XIX в. Инкские шверты-гуары, как их называли индейцы, действовали только в сочетании с парусом. Без него шверты абсолютно не эффективны.

Что же представляли из себя гуары бальсовых плотов? Они различались в первую очередь размерами. Обычно их длина была 120—210 см, а ширина 12,5—25 см. У индейцев лесистых берегов Эквадора, где достаточно подходящего материала, длина гуар достигала 3—4 м, а ширина 50 см. Сами гуары представляли собой прямоугольные доски без рукояток, но с выступом или вырезом на верхнем конце. Вырезали их из твердой и долговечной древесины альгарробо. Гуары часто находят в древних индейских погребениях на побережье Перу. Некоторые из них художественно украшены резьбой в верхней части, но большинство сделаны без всяких украшений.

Как же управляют плотом с помощью гуар? Приведем описание работы гуар, сделанное двумя испанскими военными моряками Хуаном и Ульоа в 1748 г. после изучения в Гуаякиле перуанских плотов различных типов и размеров: «До сих пор мы касались только конструкции и применения этих плавучих средств, но главная их особенность заключается в том, что они ходят под парусом и поворачивают при противных ветрах не хуже кораблей с килем и очень мало подвержены сносу. Достигается это не рулем, а другим способом управления, а именно при помощи досок длиной 3—4 м, шириной около полуметра, называемых гуарами, которые помещаются вертикально на носу и на корме между бревнами основы. Погружая одни из этих досок глубоко в воду и поднимая другие, они спускаются под ветер, приводятся к ветру, лавируют, ложатся в дрейф, выполняя все те же маневры, какие выполняет обычный корабль. Неизвестное до сих пор большинству просвещенных народов Европы изобретение... гуара, если опустить ее в носовой части, заставляет судно приводиться к ветру, если же ее поднять, оно спускается под ветер. Далее, если опустить гуару на корме, судно спустится под ветер, а если поднять, оно приведется к ветру. Таков способ, при помощи которого индейцы управляют бальсовым плотом; иногда они применяют 5 или 6 гуар, чтобы предотвратить снос, — естественно, чем

больше площадь погруженных гуар, тем сильнее сопротивление боковому ветру, так что гуары выполняют роль шверцов, применяемых на малых судах. Метод управления гуарами настолько легок и прост, что, когда плот ложится на нужный курс, достаточно маневрировать одной доской, поднимая и опуская ее при надобности, и таким образом плот все время идет в заданном направлении» [22, с.183].

Т. Хейердал утверждал, что инкские моряки на бальсовых плотах свободно добирались до восточных островов Полинезии, в частности до о. Паски, островов Туамоту и Маркизских островов.

Есть сведения, что бальсовые плоты с гуарами использовались в Южной Америке еще в середине XIX в. и ходили даже на Галапагосские острова, расположенные примерно в 540 миль от побережья материка.

В подтверждение мысли о мореходности инкских бальсовых плотов Т. Хейердал построил подобный бальсовый плот, назвал его «Кон-Тики» и с пятью спутниками в 1947 г. пересек на нем Тихий океан по пути предполагаемого плавания древних инков от побережья Перу до архипелага Туамоту.

Строительством инкских парусных плотов как бы завершилась линия развития плотов, которая началась в глубокой древности, вероятнее всего, с двух бревен, связанных гибкими ветками, с помощью которых еще люди позднего палеолита перебирались через бурные реки и тихие озера ледникового происхождения.

ГЛАВА 19. ПРОНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНИХ МАЛАЙЦЕВ НА МАДАГАСКАР

*Живешь в этом мире, тебе незнакомом,
Расстаться не можешь ни с краем,
ни с домом.
Просторы чужие, чужие края,
Скажи мне — зовут ли, манят ли тебя?*

Авхеди Мераган (1275—1338 гг.)

У историков нет сомнений в глубокой древности мореплавания у предков малайцев. Это подтверждается фактами их широкого расселения в начале н.э. и, может быть, в последние века до н.э. с о. Суматра на полуостров Малакка, острова Центральной и Восточной Индонезии. Они завершили открытие о-вов Калимантан (Борнео) и Сулавеси и заселили их берега, открыли и колонизировали Молуккские острова, достигли на севере Филиппин, а на востоке Борнео и доходили до Новой Гвинеи. Несомненно и появление в I тысячелетии до н.э. предков индонезийских народов на о. Мадагаскар.

Важным подтверждением древности малайского мореходства служат соображения ряда ученых о малайском происхождении названия Китая China, дошедшее до европейцев из Индии. Марко Поло в своем описании путешествия по Восточной Азии, совершенном в XIII в., отмечает: «А море [Южно-Китайское. — *Авт.*], где эти острова [Малайский архипелаг. — *Авт.*], называется Чинским, это значит, что оно вокруг Манги [Южносунская империя на территории Южного Китая. — *Авт.*]. На языке этих островов [то есть на малайском. — *Авт.*] Чином [Cin в подлиннике. — *Авт.*] на востоке зовется Манги» [82, с. 173].

Известный исследователь Китая Рихтгофен подчеркивал, что название China (Чайна) «в самой стране совершенно не-

употребительно и неизвестно». Он был убежден в том, что именно малайцы дали южно-китайскому побережью имя Thinae (Тина), и утверждал: «Возможно, что малайцы служили на побережье Восточной Индии в качестве лоцманов и первые познакомили чужеземных [то есть индийских. — Авт.] мореплавателей с этим названием». По его утверждению к началу н.э. в Восточной Азии особенно ценились малайские лоцманы. Поэтому если на Ганге Страна шелка (Китай) впервые стала известна под малайским названием, то естественно предположить, что и само название было сообщено малайскими моряками.

К Рихтгофену присоединяется знаток плаваний древних мореходов Р. Хенниг и заключает: «Едва ли можно еще сомневаться в том, что название Thinae могло проникнуть в Индию только по морю» [6, сс. 231, 232].

Известно, что уже с середины I тысячелетия н.э. на Суматре и Яве образовались сильные морские государства. Так на побережье о. Суматра, прилегающего к Малаккскому проливу, в этот период существовала могучая морская держава Шривиджайя, о богатстве и обширности которой сообщают многие арабские, иранские и китайские историки и географы.

Ясно, что широкое расселение малайцев по островам Индийского океана, плавания в Китай и на Мадагаскар возможно было осуществить только при наличии судов, способных к плаванию по морям и океанам. Древние малайцы создали такое судно — это была большая парусная лодка с балансиром-поплавком. Дальнейшее совершенствование конструкции малайских судов проходило, вероятнее всего, с учетом индийских судостроительных и мореходных традиций. Здесь трудно установить степень влияния малайской традиции на индийскую и наоборот. Ясно одно, что такое взаимное влияние было благотворно для мореходов и того, и другого народов.

Вторым необходимым условием для выполнения предками малайцев дальних морских походов явилось то, что они научились использовать муссонные ветра Индийского океана.

Знакомясь с картой Индийского океана, нельзя не поразиться искусству древних мореходов, неоднократно совершавших дальние плавания от западных Индонезийских островов к Мадагаскару, а возможно и к побережью Южной Африки.

Из письменных источников, подтверждающих эти дальние походы, следует упомянуть в первую очередь арабские рукописи XII—XIII вв. Арабский ученый Ибн-Саид (XIII в.) писал: «Комры [обитатели Мадагаскара. — *Авт.*] населяли вместе с китайцами восточные страны. Между ними возникла вражда, и китайцы вытеснили их на острова; там они и жили некоторое время. Их король назывался «комрун». Впоследствии на островах у них возникли распри, о которых мы еще расскажем. После этого те, которые не были приверженцами правящей династии, переселились на этот большой остров [Комры, то есть Мадагаскар. — *Авт.*], и резиденцией их султана был город Комория. Позже численность их увеличилась и они заселили вышеупомянутые города. Они раскололись на небольшие независимые королевства. Между ними опять возникли распри, так как они стали очень многочисленны. Многие из них покинули остров, чтобы поселиться на крайнем юге обитаемой Земли [по мнению Р. Хеннига, под крайним югом имеется в виду Африканский континент, вероятнее всего, район побережья Мозамбика. — *Авт.*]» [56, с. 380].

Ученые предполагают, что заселение предками индонезийцев о. Мадагаскар осуществлялось несколькими иммиграционными волнами. Малайский ученый Д. Удин в 1929 г. писал: «Наверняка мы знаем только то, что заселение Мадагаскара малайцами произошло еще в начале н.э. До IV в. включительно постоянно происходило переселение на Мадагаскар, а позже, в IX в., под руководством малайского вождя Рамини поднялась новая волна эмиграции с Суматры и Явы на Мадагаскар» [56, с. 385].

Сейчас ряд ученых время переселения предков малайцев на Мадагаскар отодвинули еще дальше в глубь веков. Лингвистические исследования, а главное, результаты археологических изысканий позволили отнести появление предков малайцев и других индонезийских народов на Мадагаскаре чуть ли не к X—VI вв. до н.э.

По мнению Р. Хеннига, подтверждением широкого распространения малайской культуры на Мадагаскаре в последние столетия до н.э. могут служить свидетельства Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) о далеком о. Ямбула: «Они не пишут поперечными строчками, как мы, а вертикально, сверху вниз... У них имеется 28 звуков, однако лишь 7 знаков, каждый из

которых может быть изображен в четырех разных вариантах». Р. Хенниг считает, что наиболее вероятно отнести эти строки к малайскому вертикальному письму. Более того, он согласен с тем, что малайская колонизация Мадагаскара непременно должна была произойти еще до того, как влияние индийской культуры распространилось на Яву и Суматру (не позднее I в. н.э.).

Р. Хенниг вместе со многими другими учеными согласен с категорическим выводом К. Вейле: «Мы располагаем неоспоримыми доказательствами исторического, языкового и этнографического характера, убедительно свидетельствующими о прибытии малайцев на Мадагаскар с Больших Зондских островов [с Суматры и Явы. — *Авт.*]; мы знаем также, что переселение это происходило при попутных муссонах и шло несколькими волнами в различные эпохи, начиная с I в. н.э. и кончая, может быть, началом текущего тысячелетия». Рассматривая все доказательства, ученые в первую очередь говорят о явных следах сходства между малайцами и основной народностью на современном Мадагаскаре мальгашами. Мальгашский язык представляет собой дальнейшее развитие малайского диалекта и обнаруживает близкое родство с языком батаков на Суматре [56, с. 386].

Сохранились также письменные свидетельства об интенсивных плаваниях малайцев и яванцев на Мадагаскар в Средние века. Арабский ученый Идриси в середине XII в. писал: «У зангов [мадагаскарцев. — *Авт.*] нет кораблей для плавания по морю. Из Омана и из других стран к ним прибывают суда, которые затем направляются к островам Джавага [Ява. — *Авт.*]; эти острова являются частью Индии. Корабли привозят товары, которые обмениваются на продукты зангов. Люди с о. Джавага приплывают к зангам на барках и больших кораблях. Они вывозят их товары, так как понимают язык друг друга... Люди с Комра [Мадагаскара. — *Авт.*] и купцы их страны магараджи [с Явы. — *Авт.*] приезжают к ним [то есть к жителям Африканского континента. — *Авт.*], их там хорошо принимают и ведут с ними торговлю» [56, с. 380].

Это сообщение дополняет ряд других, которые свидетельствуют о том, что в Средние века малайские мореходы — «оранг малайу» (в переводе «бродячие люди»), вели жизнь «морских кочевников», плавая по водным дорогам огромного

региона, охватывающего Индийский океан и западную часть Тихого океана.

Высоко оценили мореходное искусство индонезийских народов португальцы, которые встретились с ними в XVI в. во время своей экспансии на Восток. Португалец Барруш писал в 1551 г.: «Яванцы чрезвычайно искусные мореплаватели. Они утверждают, что были первыми мореходами. Однако некоторые признают за китайцами первенство в покорении морской стихии и считают, что яванцы учились у китайцев. Несомненно, однако, что они некогда добрались на своих парусниках до мыса Доброй Надежды и поддерживали связь с Мадагаскаром» [56, с. 387].

О развитии мореходного дела у малайцев свидетельствуют сведения о малайской карте XV в., на которой с изумительной точностью нанесены Индонезийские острова. Об этой карте сообщил в 1512 г. правитель португальской Индии Альбукерки в письме королю Мануэлу: «Также посылаю Вам чертеж, снятый с большой карты одного яванского кормчего, а на этой карте показаны мыс Доброй Надежды, Португалия и земля Бразилия [а ведь португальцы открыли берег Бразилии только в 1500 г., правда, фантастический о. Бразилия присутствовал и ранее на ряде средневековых карт. — *Авт.*], и Красное море, и Персидское море, и Острова Гвоздики [Молукки. — *Авт.*], и пути морские, коими следуют китайцы и жители Формозы [Тайвань. — *Авт.*] с прямыми курсами, по которым ходят их корабли. И есть на той карте удаленные от моря страны, граничащие с приморскими и друг с другом. И сдается мне, государь, что карта эта лучшее из всего, что я видел на свете, и Ваше высочество zelo возрадуется, узрев ее. А имена на этой карте даны яванскими буквами и их перевел один яванец, который знает грамоту. И чертеж сей я посылаю Вашему высочеству, ибо имею еще один, снятый Франшишку Родригешом, и, таким образом, Ваше высочество может воочию убедиться, где живут китайцы и формозяне, и каким путем пойдут ваши корабли к островам Гвоздики, и где находятся золотые рудники земли Сам [Центральная Суматра. — *Авт.*] и острова Ява и Бантам, и где мускатные орехи и амбра, и земля Сиамского короля, что лежит на краю той земли, куда плавают китайцы, и каким путем они возвращаются восвояси. Сама карта погибла на «Флор де мар» [флагманский корабль, на

котором Альбукерки возвращался из Малакки в Индию, 1 декабря 1511 г. он разбился о камни у берегов Суматры. — *Авт.*] Я с кормчим...изучал эту карту, дабы сообщить о ней Вашему высочеству все ценное. Я считаю этот чертеж документом достоверным и важным, ибо согласно ему народы здешние плавали и плавают» [50, с. 151].

Португальский торговый агент в Малакке Томе Пиреш в своем отчете, направленном в Лиссабон в 1514 г., прямо указал, что все земли Малайского архипелага стали известны португальцам через «мавров [малайских мусульман. — *Авт.*], чьи карты с указанием румбов я видел много раз» [50, с. 159].

Сохранился малаккский морской кодекс XV в. Этот сборник содержит подробные сведения по навигационной практике и морским обычаям, в нем приведены данные об организации малаккского торгового и военного флотов, об обязанностях капитанов, кормчих, матросов, галерных гребцов.

Морской кодекс определял основы поведения членов экипажей судов при их нахождении на судах. Вот характерные положения кодекса: «Здесь предписаны законы для применения на джонках, кораблях и вообще всех судах на море и в портах. Каждый должен сообразовываться с тем, что они предписывают, для того, чтобы все они выполнялись точно и в совершенном порядке... Они имеют силу на борту кораблей для того, чтобы предупредить ссоры и распри, воспрепятствовать каждому поступать по своему настроению, избегать случайностей и несчастий, могущих произойти на море. Если эти законы будут выполняться, кто посмеет восстать против власти судовладельца? Ибо эти законы даны Его величеством, нашим повелителем султаном Махмудшахом, властвующим над территорией Малакки, для полной безопасности иноземных купцов, состоящих в отношениях зависимости и дружбы с ним и, таким образом, со всеми мусульманами на море и на суше».

Особенно строгими были требования к капитанам и кормчим: «Малим [от арабского муаллим — капитан, буквально по-арабски «учитель», «наставник». — *Авт.*] окажется виновным в небрежном управлении судном, вследствие чего это судно столкнется с препятствием и разобьется, — он подлежит смерти, если только воля Аллаха не проявит своего могущества по отношению ко своему рабу. Обязанности малима со-

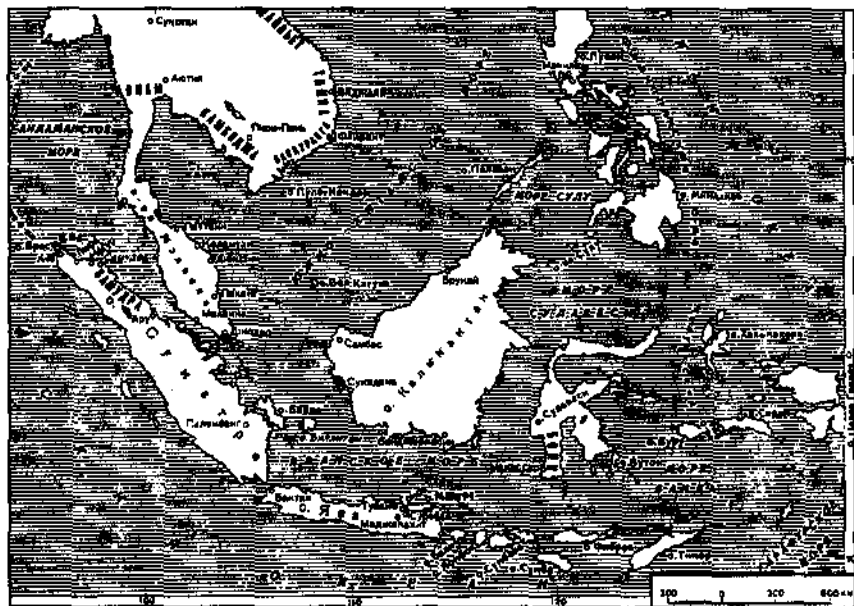
стоят во внимательном наблюдении в открытом море и в виду земли — для правильного ведения судна — за ветрами, бурями, течениями, движением луны и звезд, временами года, муссонами, бухтами и отлогими берегами, мысами, островами, коралловыми отмелями, входами и проходами, пустынными побережьями, холмами и горами.

Каждый из этих предметов должен быть знаком ему так, чтобы экипаж был в полной безопасности как в море, так и на суше, и чтобы он был полностью свободен от ошибок; вместе с тем он должен никогда не забывать молиться Аллаху и его пророку для того, чтобы избежать всяких опасностей. Малим — это как бы имам [мусульманский священнослужитель. — *Авт.*]; таким хочет видеть его закон. Если он желает покинуть судно, где бы то ни было, он не может получить на это разрешения [подразумевается, видимо, во время плавания. — *Авт.*]. Таков закон и морской обычай» [52, сс. 70, 71].

Подобные обычаи бытовали в этом регионе и в более ранние века: В сборнике «Чудеса Индии» капитана и судовладельца Бузурга ибн Шахрийара, относящемся к середине X в., сказано: «Мы, члены братства муаллимов, прикованы к своим обязанностям; мы дали клятву никогда не покидать своих кораблей, пока не подойдет к ним роковой конец. Мы, муаллимы, поднимаясь на борт корабля, связываем с ним свою жизнь и судьбу. Если он спасется, спасены и мы; если он гибнет, мы умираем вместе с ним» [52, с. 70].

Я.М. Свет прямо утверждает, что индонезийские моряки во многом выступали в XVI в. в роли наставников португальцев, что быстрое продвижение последних к Молуккам и в Китай было бы невозможно без опоры на знания и опыт индонезийских моряков.

Сохранились некоторые документы, позволяющие судить об устройстве средневековых индонезийских судов. Вот что писал о яванских судах португальский историк XVI в. Каштаньеда: «Эти джонки (так здесь называют корабль) гораздо больше наших кораблей и не похожи на них. Нос и корма у них по форме одинаковы и снабжены рулями [рулевыми веслами. — *Авт.*], а паруса делаются из тростника... и корабли эти грузоподъемнее наших и более надежны в плаванье, и бортовые надстройки на носу и на корме у них высокие, так что судно похоже на верблюда» [50, с. 155].

Страны Южных морей в XIV — XVI вв.

Венецианец Марко Поло, путешествовавший по азиатским странам в XIII в., также оставил некоторые свидетельства об устройстве «судов, в которых купцы плавают из Индии и обратно туда». Ясно, что речь шла не только об именно индийских судах, а о судах, плававших в морях Юго-Восточной Азии и построенных с учетом индийской и малайской судостроительной традиции, пополненной опытом китайских мастеров. Марко Поло писал: «Суда эти, знайте, строятся вот как: строят их из елового дерева; у них одна палуба, на ней более 60 покоев [кают. — *Авт.*], а в каждом одному купцу жить хорошо. Они с одним рулем и четырьмя мачтами, зачастую прибавляют еще две мачты, которые вооружают и опускают, как пожелают».

В одном из дошедших до нас вариантов текста книги Марко Поло есть сведения о способах обеспечения непотопляемости крупных судов этого региона путем деления корпуса водонепроницаемыми переборками на отсеки: «Кроме того, на некоторых судах, именно на тех, что побольше, еще до тринадцати помещений или отделений во внутренней части [то есть

корпус разделен на 13 или меньшее число водонепроницаемых отсеков. — *Авт.*], сделанных из твердых, плотно сложенных досок, на случай, что корабль по какой-нибудь причине даст течь, или вследствие удара о подводную скалу, или вследствие нападения голодного кита, а это бывает часто: когда корабль ночью своим плаванием производит пену и вода проходит мимо кита, тот, заметив белеющуюся воду, думает найти себе там пищу, яростно устремляется, ударяется о судно и часто проламывает дно с какой-нибудь стороны. Вода входит через течь и доходит до льяла, в которое ничего не кладут [ясно, что скопившуюся во льялах по бокам килевого устройства воду моряки удаляли за борт ведрами или при помощи примитивных ручных откачивающих устройств. — *Авт.*]. Моряки определяют, где судно дало течь, и переносят вещи из этого помещения в другое: так плотно сложены доски [то есть из-за водонепроницаемости переборок вода не просачивается в соседние с поврежденным отсеком. — *Авт.*]. Тогда они исправляют судно, потом снова кладут товар туда, где он был сложен прежде».

Марко Поло особо останавливается на обеспечении водонепроницаемости корпуса судов: «Сколочены они [суда. — *Авт.*] вот как: стены двойные, одна доска на другой и так кругом [то есть установлены два слоя досок наружной обшивки. — *Авт.*]; внутри и снаружи законопачены; сколочены железными гвоздями. Смолою они не осмолены, потому что смолы у них нет; а смазаны они вот как: есть у них иное, что они считают лучше смолы. Возьмут они негашеной извести да мелко накрошенной конопля, смешают с древесным маслом, смешают хорошенько все вместе, и получится словно клей; этим они смазывают свои суда, а слипает та замазка, как смола».

По составу команд Марко Поло сообщал следующее: «На судах по 200 мореходов». В другом варианте текста книги сказано: «На больших судах до 300 мореходов, на других 200 или 150, больше или меньше, смотря по величине корабля». Далее он продолжает: «Они [суда. — *Авт.*] так велики, что на ином добрых 5000 грузов перцу, а на другом и шесть. Прежде они были больше, чем теперь, но напор моря размыл острова во многих местах, особенно у больших гаваней, так что там слишком мало воды для осадки больших кораблей; поэтому они теперь строят меньшие».

Отметил он и следующее: «Идут на веслах, когда нет нужного им ветра, у каждого весла по четыре морехода». Можно предположить, что на меньших судах каждым веслом гребли трое, двое и даже один гребец. Возможно, что на особо крупных судах, так же как на кораблях античной эпохи, одним веслом гребли одновременно более четырех гребцов — до десяти человек.

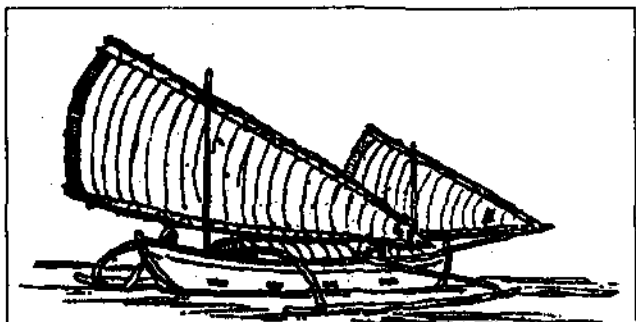
Марко Поло особо отмечает четкое взаимодействие в море больших и малых судов. Каждое большое судно в плавании обычно сопровождали несколько вместительных гребных лодок. Вот его сообщение: «Есть у судов большие лодки, по тысяче грузов перцу на каждой, и по 40 вооруженных мореходов, и зачастую тащат они большое судно». В другом варианте текста об этом сказано более подробно: «Эти небольшие лодки часто помогают тащить на буксире большой корабль, когда идут на веслах или парусах, но при не совсем благоприятном ветре; тогда малые лодки плывут впереди больших и привязанные канатами тащат большой корабль. Но при благоприятном ветре это не делается, так как паруса большого судна мешали бы ветру надувать паруса малых, и большое судно потопило бы лодки».

Марко Поло сообщил и о другом предназначении вспомогательных лодок: «Плывут за большим судном две или три больших лодки, одна побольше, плывет до 10 маленьких с якорями для ловли рыбы и для службы на большом судне. И все эти лодки плывут по бокам большого судна; скажу вам еще, кругом двух больших лодок есть также лодки».

В завершение М. Поло описал способы ремонта судовых деревянных корпусов: «А когда, скажу вам еще, после года плавания, судно нужно чинить, делают они вот что: кругом, на две прежних, прибивают новую доску, законопачивают их и смазывают. Так они чинят. А при новой чинке прибивают еще доску и доходят до шести досок» [82, сс. 168, 169, 315].

Некоторые представления о старинных малайских судах можно почерпнуть, знакомясь с устройством тех из них, которые использовались в этом регионе еще в XVII—XIX вв.

Общим наименованием, охватывавшим большое количество типов судов малайско-индонезийского региона, с которыми познакомились европейские моряки в морях Юго-Восточной Азии, являлся термин проа. Характерными особенно-

Малайская проа с двумя балансирами

стями проа этого региона являлись оригинальная конструкция парусного вооружения и наличие двойных балансиров (то есть с обоих бортов судна).

Для парусного вооружения проа типа Майянг характерен сравнительно широкий (отношение ширины к средней высоте около 3: 1) главный четырехугольный драктовый парус, изготовленный из длинных дощечек-дранок и укрепленный на двух реях. Верхний рей удерживался на мачте канатом — фалом в точке, расположенной на расстоянии примерно трети его длины от конца, обращенного к носу судна. Реи располагались под небольшим углом друг к другу.

Помимо главного паруса проа типа Майянг в XVIII—XIX вв. часто имели еще треугольный кливер, закрепленный одним концом за оконечность бушприта, и четырехугольный гафельный парус на бизань-мачте. Использование кливера и гафельного паруса, вероятнее всего, явилось следствием заимствования местными мореходами конструкции парусного вооружения, принятой на судах европейской постройки.

На проа типа Бедуанг на двух или даже трех мачтах поднимали треугольные паруса, причем более удаленные от мачты концы реев сходились и были связаны друг с другом. Верхние и нижние реи на проа обоих типов состояли обычно из одного рангоутного дерева, то есть состояли из одного целого ствола. На проа Майянг встречались конструкции нижнего рея более массивные и состоявшие из нескольких деревьев.

Мачты на проа были сравнительно короткими и на их оконечности — топе располагался шкив для фала, удерживавше-

го верхний рей. На проа Майянг главная мачта обтягивалась по сторонам тремя парами вант. Два каната — форштага закреплялись на носу за «держатель» бушприта — поперечную балку, расположенную между бортами над палубой на высоте 0,3—0,6 м.

Бушприт обычно выполняли из двух рангоутных деревьев, выступавших наружу по обеим сторонам форштевня. Концы этих балок заводились под «держатель» и прикреплялись к нему с помощью канатных обвязок. Выступавший за форштевень конец короткого правого рангоутного дерева бушприта привязывали к длинному левому [83, сс. 163—165].

Конструкции наружных двойных балансиров на проа этого региона были самые разнообразные. Но общим у проа, которые строили на Яве и Суматре, было именно наличие двойных балансиров, заостренных носовой и кормовой оконечностей корпуса, двух или даже трех мачт с парусами типа Бедунг, рулевого устройства в виде двух кормовых рулевых весел. На Суматре строили, кроме того, большие палубные суда, напоминавшие древние галеры. Они назывались пинджажаб и имели длину до 13,7 м, а у меньших по длине палубы не было, но зато имелись небольшие навесы.

На о. Амбон (Молуккские острова) лодочные балансиры изготавливали из бамбука. Из этого же материала устраивались на балансирах специальные площадки, на которых с наветренной стороны размещались члены экипажа для уравновешивания давления ветра на паруса. Причем паруса также отличались от используемых на суматринских и яванских проа. Они имели не треугольную, а прямоугольную форму, причем отношение ширины паруса к его высоте было не менее 4,5: 1. Парус поднимали таким образом, что носовые концы бамбуковых реев были на уровне бортов, а кормовые — подняты высоко вверх. На таких лодках мачты были устроены из трех бамбуковых жердей, связанных наверху. Более толстый центральный ствол составлял собственно мачту и устанавливался посередине лодки, а две другие жерди прикреплялись к бортам и играли роль вантов.

Экипаж таких лодок состоял из 10—12 моряков. При встречном ветре (ветре, дующем в нос судну) и в ряде других случаев судно шло на веслах, причем для гребли использовались короткие весла-гребки. Рулевое устройство состояло из

кормового рулевого. Гребля обычно была дружной и слаженной. Разогнав лодку, гребцы отдыхали, а затем снова принимались за греблю, сопровождая ее пением под звуки там-тама. На таких лодках использовали, как правило, деревянные якоря.

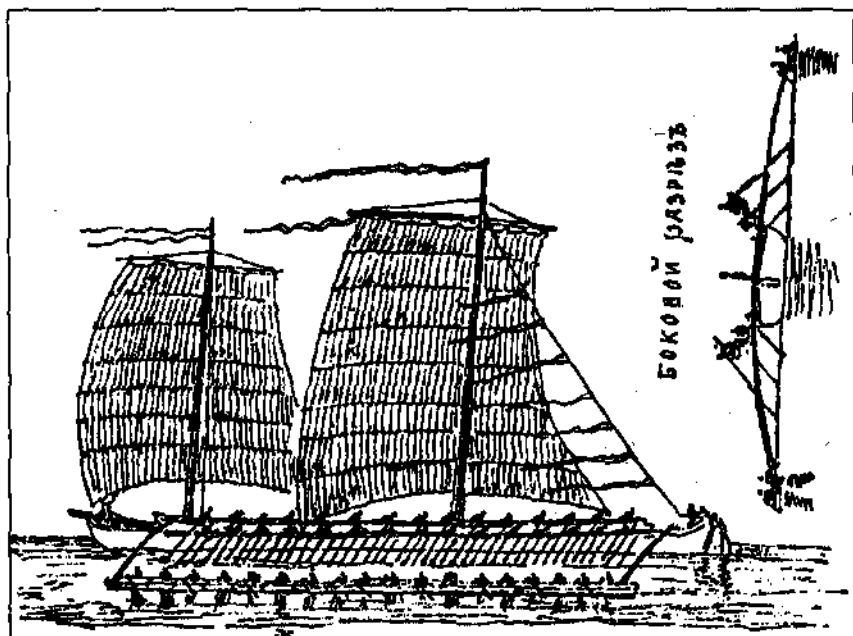
Двойными балансирами, устроенными из бамбуковых жердей, снабжались рыболовецкие суда и торговые суда каботажного (прибрежного) плавания, которые строились на о. Лусон и на других островах Филиппинского архипелага. У больших рыболовецких лодок балансиры располагались на большем расстоянии от корпуса, чем на торговых судах. Паруса филиппинских проа были прямоугольными и дранковыми, связанными горизонтальными жердями. Корпуса рыболовецких лодок обычно изготавливали из одного ствола путем выдалбливания. Вмещали они до пяти рыбаков. Паруса на них были из реек, а иногда из хлопчатобумажной ткани.

О мастерстве и изобретательности малайских судостроителей и мореходов свидетельствуют конструкции скоростных лодок с двумя и даже тремя рядами гребцов с каждого борта. Такие лодки, используемые в азиатских юго-восточных морях, являлись своеобразным подобием античных бьер и триер.

Так на о. Сулавеси строили лодки-корокоры длиной до 19,5 м и шириной до 4 м с остроконечными носом и кормой и удлиненными фор- и ахтерштевнями. Доски обшивки прочно связывались веревками из растительных волокон, швы проконопачивались. Поперек верхнего края бортов укладывались и закреплялись брусья, выходящие за борт на 2,4—2,9 м. На концах этих брусьев устанавливали стойки, к которым прикрепляли планки с круглыми отверстиями для весел. Над бортами устанавливали второй ряд планок с отверстиями для второго ряда весел. Встречались конструкции лодок, где посередине выступающих за борт поперечных брусьев устанавливали третий ряд планок с отверстиями для третьего ряда весел.

Вместо руля малайцы устанавливали на корме с обеих бортов на перекладинах две доски, выструганные в виде лопастей. Для предохранения груза от намокания при дожде на таких лодках устанавливался разборный, легко убиравшийся шатер, покрытый пальмовыми листьями.

На коркорах имелась одна или две мачты, и при плавании под парусами использовались балансиры. Последние были

Буанга с Молуккских островов

крайне необходимы для повышения остойчивости, учитывая малую ширину корпуса и сравнительно большую длину лодок.

Встречались у малайцев коркоры большей длины и ширины с постоянными составными мачтами, стенгами и даже брам-стенгами и развитыми парусами, схожими по конструкции с парусами европейских бригантин. Но, вообще, в XVII—XIX вв. малайские мореходы часто предпочитали движение на веслах и употребляли очень легкие, не длинные весла, оканчивавшиеся широкими лопастями. На больших коркорах одновременно работали до 60 гребцов. При этом скорость коркор, по утверждению европейских путешественников XIX в., не уступала скорости пароходов (равной тогда обычно 6—8 узлам). Правда, такое число гребцов задействовалось только во время военных экспедиций. Каждый гребец при этом являлся в то же время и воином.

Военные лодки-буанга были еще более оригинальной конструкции. Строились они на Молуккских островах. Их длина достигала 32 м, а ширина 4,9 м, то есть отношение длины к

ширине было 6,5: 1. Они имели удлиненные, острые оконечности. По бортам их были устроены две бамбуковые галереи шириной до 0,6 м, расположенные уступом почти по всей длине корпуса. Первая из них отстояла от борта приблизительно на 0,3 м, вторая возвышалась над ней на столько же. Обе выходили за борт и служили для размещения второго и третьего рядов гребцов, первый же ряд размещался у самого борта.

Для увеличения скорости движения буанги на ее балансирах, связанных каждый из трех бамбуковых стволов, в тихую погоду размещали еще по два ряда гребцов с короткими веслами-гребками. При этом на больших буангах число гребцов доходило до 126 человек — в основном корпусе с каждого борта три ряда гребцов по 15 моряков в каждом и два ряда на поплавке по 9 гребцов в каждом.

На таких лодках устанавливали две мачты, причем грот-мачта достигала высоты 18 м. На мачтах поднимали два трапецевидных паруса. Скорость движения буанги на веслах не уступала скорости лучших, самых быстроходных корокоров [84, сс. 317—323].

Малайские судостроители в глубокой древности создали мореходные суда и проложили морские дороги по необъятным просторам Индийского океана и морей Юго-Восточной Азии. Неоспорим их существенный вклад в развитие своеобразной культуры народов, населяющих многочисленные острова и прибрежные районы этого региона.

ГЛАВА 20.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АНГЛИЙСКОГО РЫЦАРЯ ДЖОНА МАНДЕВИЛЯ

Здесь покоится благородный господин Иоанн де Мандевиль, именуемый также де ля Барб, рыцарь, владелец Кампди, рожденный в Англии, профессор медицины, красноречивый оратор, весьма одаренный человек, благодетель для бедняков, объехавший почти весь свет и закончивший свою жизнь в Льеже в год Господен 1372 17-го дня месяца ноября.

Надгробная надпись на могиле рыцаря
Мандевиля в Льеже [90, с. 195]

В 1355 г. в Льеже (Фландрия) впервые появилась написанная на французском языке книга о необычайных путешествиях рыцаря сэра Джона Мандевиля по всем известным тогда в Европе странам мира. Эта книга имела большой успех. В течение последующих 250 лет она неоднократно переписывалась и печаталась, была переведена на ряд европейских языков и пользовалась невероятной популярностью у читателей. Более того, в XV в. книга оказала немалое влияние на ведущих деятелей эпохи Великих географических открытий.

В книге рассказывалось, что родился Джон Мандевиль в Сент-Олбансе, в Англии. Он вынужден был покинуть родину, видимо, из-за совершенного им убийства. 29 сентября 1322 г. Мандевиль отправился в длительное путешествие и, согласно книге, побывал в Турции, Сирии, Аравии, Египте, Ливии, Эфиопии, Армении, на Руси, в Персии, Халдее (то есть Месопотамии), Татарии (так в книге названа Северная Азия), Индии, на Зондских островах, в Китае. Позднее Мандевиль посетил Бранант, Германию, Чехию, Литву и Сарматии (так в

книге названа Польша). Все путешествие Мандевиля продолжалось более 33 лет.

В книге рассказано множество историй о различных увиденных Мандевилем чудесах, пережитых им невероятных приключений, в ходе которых он не раз подвергался страшной опасности. Мандевиль поведал, например, об алмазной горе в океане, которая притягивала к себе железные детали из обшивки проходящих мимо судов, что вело к их гибели.

Рыцарь Джон во время путешествия по Индии и Китаю видел там своими глазами чудесный источник молодости, сам испил из него и возвратил себе молодость. На одной из страниц книги он сообщил, что в юности слышал об одном человеке, который объехал всю Землю. Отправившись из Англии, он добрался до Индии и Китая, а оттуда, плывя прямо на восток, по морю возвратился в Норвегию. Таким образом, этот человек как бы путешествовал «под землей», не «падая в небосвод».

Мандевиль заметил, что как «наверху», так и «внизу», то есть как в северном, так и в южном полушариях, можно объехать всю Землю на судне. Р. Хенниг в связи с этим отметил, что «ведь при большой популярности книги Мандевиля именно это его свидетельство сильно повлияло на географические воззрения людей XV в. Поэтому семена Колумба попали в не совсем бесплодную почву. И только за это одно нечаянно совершенное доброе дело можно было бы простить «гуманисту Мюнхаузену» XIV в. все его прочие лживые рассказы» [90, с. 200].

Так как в XV в. никто не сомневался в том, что в книге описано подлинное путешествие и что автор добросовестно передал собственные впечатления от чудес в далеких странах, то и это место в книге укрепило убеждение читателей в том, что из Европы можно добраться до Восточной Азии, если плыть через Атлантический океан на запад. Следовательно, эта книга являлась важным аргументом для ряда географов и мореплавателей того времени в их смелых проектах достижения Индии и Китая.

Так, на известной карте датчанина Клавдия Клавуса от 1427 г. в легенде имелись такие строки: «Благородный рыцарь Джон Мандевиль из Англии не лгал, когда рассказывал, что из Индии серов [то есть из Китая. — *Авт.*] он проехал на один

Океанский корабль
(рис. 1493 г.)

норвежский остров» [90, сс.195, 196]. Так благодаря Клавдию Клавусу, основывавшемуся на слухах, сообщенных Мандевилем, в Европе у многих возникло убеждение, что именно сам Мандевиль совершил это удивительное путешествие.

Но был ли такой рыцарь сэр Джон Мандевиль, или это только литературный герой? Вероятнее всего, такого рыцаря в Англии не было, а автором книги большинство исследователей считают фламандского врача Жеана де ла Барб (или Жана де Бургонь). Этот врач с 1327 г. долго жил в Египте, а затем в 1343 г. поселился в Льеже, где и умер 17 ноября 1372 г.

Перед смертью он заявил, что является сэром Джоном Мандевилем. Может быть, в нем разыграло тщеславие. Ведь книга о путешествиях Джона Мандевиля имела шумный успех. Многочисленные путешествия в Азию купцов и духовных лиц, совершенные в XIII—XIV вв., привели к тому, что у европейцев чрезвычайно повысился интерес к далеким полным чудес странам, в первую очередь к Индии и Китаю. И этому повсеместному интересу всячески способствовала книга о путешествии Мандевиля, которая как никакая иная соответствовала духу времени.

Видимо, врач Жан де Бургонь, прозванный Бородатым, описал собственные странствования и приключения в Египте, добавил к ним описания путешествий из других источников и представил книгу под псевдонимом Джона Мандевиля. Жан де Бургонь первоначально заявил, что получил рукопись от английского рыцаря, с которым раньше встречался в Каире, когда тот приехал в Льеж, чтобы лечиться у него от подагры. Когда же врач убедился в колоссальном успехе книги, то он перед смертью объявил, что он-то и есть автор книги и яв-

ляется рыцарем Мандевием. Правда, сам он находился безвыездно в Льеже с 1343 г., тогда как по книге рыцарь Джон закончил путешествие в 1355 г.

Самая первая, льежская, рукопись 1355 г. не сохранилась. Старейшая из известных рукописей книги появилась в Париже в 1371 г. Исследователи географических открытий и путешествий всесторонне изучили книгу о Мандевие и выяснили, что автор свои описания далеких стран заимствовал из многих источников. Он использовал работы античных ученых Эратосфена и Плиния, описание путешествий монаха-францисканца Плано Карпини в Монголию (1245—1247 гг.), венецианского купца Марко Поло в Китай (1271—1295 гг.), много заимствовал у францисканского монаха Одорико из Порденоне, побывавшего в 1318—1330 гг. в Китае и Тибете. Особенно много материалов взято Мандевием из описания путешествий рыцаря Вильгельма Больдензейле в 1331 г. Как отметил историк Бовеншен: «Отдельные произведения, например описания Больдензейле и Одорико, включены Мандевием в его книгу почти целиком, при этом переписаны чуть ли не дословно» [90, с. 198].

Исследователи установили, что известно около 300 списков рукописи книги Мандевиля. Авторы некоторых копий включили в рукопись свои собственные дополнения. Так, найденные в Англии рукописи рассказывают о том, что Мандевиль, возвращаясь в Европу около 1355 г., посетил Рим и представил свою книгу Папе римскому. Но с 1305 по 1379 г. папы пребывали не в Риме, а в Авиньоне.

Такие несуразности встречаются в книге во многих местах. Например, называя имена правителей татаро-монгольского государства, он сообщил, что видел, «когда я был там», тех из них, которые фактически правили за 100 лет до времени описываемого им путешествия. И таких казусов в книге немало. Так что книга о путешествиях рыцаря Мандевиля — географический «бестселлер» XIV и XV вв. — осталась в истории культуры как пример обмана читающей публики, которая рада была обмануться, ибо жаждала рассказов об отважных и сильных духом путешественниках, преодолевших в пути все опасности и препятствия.

В середине XIV в. безымянным испанским монахом была написана книга о его кругосветном путешествии, известная

под названием «Книга познания». Сейчас сохранилось всего три рукописи этой книги—две в Мадридской библиотеке и одна в Лондонской. Она написана, вероятнее всего, в 1345—1350 гг., так как самое позднее событие, о котором в ней упомянуто, произошло в 1345 г.

По сведениям из книги автор, родившийся во время правления короля Кастилии Фердинанда IV (1295—1312 гг.), совершил кругосветное путешествие, которое началось в г. Севилье (Кастилия). Путешественник посетил Португалию, Галисию, Наварру, Францию, Фландрию, область р. Роны, Придунайские земли, Кельн, Фрисландию, Восточно-Фризские острова, Данию, южное побережье Балтики, Чехию, Польшу, Швецию, Центральную Норвегию, Шотландию, Англию, Ирландию, Испанию, Италию, Сицилию, Адриатическое море, Далмацию, Венгрию, Грецию, Малую Азию, Сирию, Египет, Киренаику, Тунис, Алжир, Марокко, острова Атлантики, Северо-Западную Африку, область Сенегал, Судан, Лунные горы (покрытые вечными снегами горы в верховьях Белого Нила), Гвинею, Голубой Нил, Эфиопию, Красное море, Аравию, Месопотамию, Персидский залив, Индию, острова Индийского океана, Зондские острова, Туркестан, Китай, Татарию (имеется в виду Северная Азия), Фергану, Монголию, Тибет, острова в Тихом океане, Индокитай, Каспийское море, Персию, Константинополь, Северную Грецию, Черное море, Поволжье, Русь, Южную Швецию. Затем путешественник возвратился во Фландрию и оттуда — в Севилью [90, сс. 257, 258].

Таким образом, в книге дан краткий перечень и обзор всех стран и городов, которые были известны в Испании в середине XIV в. В XX в. ряд историков географических открытий, изучив «Книгу познания», выяснили, что в ней помещены сведения о некоторых странах, которые, как полагали ученые ранее, были неизвестны в Европе в середине XIV в. Это относится к отдельным областям Африки. Вероятно, такие сведения доставили в Испанию в первую очередь итальянские купцы, которые посещали мусульманские страны Северной Африки.

Возможность проникновения венецианских купцов вглубь Африки была обеспечена заключением в декабре 1320 г. договора между Венецией и тунисским беим, по которому был разрешен проезд венецианских караванов через Тунис. А за 30 лет

до этого Генуя сумела заключить торговый договор с султаном Египта, по которому генуэзским купцам разрешалось плавать вверх по Нилу. Значит, сообщения «Книги познания» о том, что в Нубийской Донголе (район Верхнего Нила) существовала фактория генуэзских купцов, вполне правдоподобны.

Вполне возможно, что европейским купцам удавалось еще в середине XIV в. использовать для проникновения в глубинные районы африканского материка оживленный караванный путь в Северо-Западной Африке, о котором говорится в «Книге познания»: «Отправившись в путь от мыса Бохадор, мы очутились в пустыне Сахаре с караваном мавританских верблюдов, который должен был доставить золото из королевства Гвинеи. В глубине Сахары мы увидели очень большую и очень высокую гору, которую арабы называют Зикилальхамера. После весьма длительного путешествия по Сахаре мы пришли к другой горе, которую они называли Исфурент. Там я покинул мавров и примкнул к другим путникам, которые шли на запад; их я сопровождал через Сахару до Маскароты, города племени бени-мерин у подножья гор Суса. Потом я направился в богатый город Сугульменсу» [90, с. 265].

Любопытно, что название «мыс Бохадор» появилось впервые на Каталонской карте мира от 1346 г. А упоминание этого мыса на северо-западном побережье Африки также в «Книге познания», по мнению историка древних путешествий Р. Хеннига, свидетельствует, видимо, о том, что именно тогда в первый раз за все Средневековье европейским мореплавателям удалось достигнуть мыса Бохадор во время какой-то не известной историкам экспедиции [90, с. 265].

Историки географических открытий отметили, что в «Книге познания» встречаются названия географических объектов в Западной Африке, где к середине XIV в. еще не побывали европейцы: Сигильмесса (Сугульменса), Гана (Ганахк), многие названия действительно существовавших оазисов и даже название Гвинея (Гуйное — по «Книге познания» это страна, не имевшая выхода к морю и расположенная по Верхнему Нигеру).

В книге есть строки, свидетельствующие о том, что сведения о р. Сенегал известны были в Испании уже в середине XIV в., хотя ее устье было открыто португальцами лишь в 1445 г.

в ходе плавания вдоль северо-западного побережья Африки. В книге рассказывается о р. Тимер, где «жители на речных отмелях собирают много золота. В каком количестве — я указать не могу, но очень много» [90, с. 266]. Только Сенегал может быть отождествлен с этой рекой [90, с. 266].

Известно, что главным районом, откуда поставлялось золото мощному африканскому государству Мали в XIII—XIV вв., была область Верхнего Сенегала. Там золото добывалось именно на отмелях. В Атласе Медичи, составленном в 1351 г., уже встречается название Сенегани, близкое к Сенегалу.

Историки географических открытий отрицают возможность того, что автор книги совершил кругосветное путешествие сам. Анализ текста книги свидетельствует о том, что он при ее написании использовал сведения, полученные от других лиц, или заимствовал их из книг, или придумал сам. Об этом свидетельствуют многие страницы книги.

Так, в «Книге познания» имеются цветные иллюстрации, на которых изображены гербы и флаги многих стран и городов, которые посетил автор. Среди них, например, герб мифического «царя-священника Иоанна», защитника христиан: черный крест на белом фоне с двумя золотыми епископскими жезлами по бокам. Правда, царство «царя-священника Иоанна» помещено автором книги не в Центральной или Южной Азии, как считали в Европе до конца XIII в., а в «Африканской Индии», то есть в Восточной Африке. Действительно, в Эфиопии существовало христианское государство, где правили негусы. Но к мифическому царству «царя-священника Иоанна» оно не имело никакого отношения и приведенный выше герб там, естественно, не был известен.

В «Книге познания» написано о посещении автором несуществующих островов в Атлантике, вроде о. Бразил. Рассказывая о *Mare Sericum* (море Серов), то есть о море у восточного побережья Китая, автор сообщает, что «так называется море, которое соединяет Montes Caucasos [Кавказские горы. — Авт.] с Океаном на востоке» [90, с. 261]. То есть он считает, что Каспийское море является не закрытым водоемом, а заливом Восточного океана. Это говорит о том, что он никогда не бывал на северном побережье Каспия.

В другом месте он пишет: «Из Катая я поехал в северном направлении, следуя по течению реки Магот [так он называет

Хуанхе. — *Авт.*] и плыл по ней 65 дней. Я не нашел там ни укрепленных, ни открытых городов» [90, сс. 261, 262]. Так мог написать только тот, кто не плавал по этой реке, на берегах которой и в древние времена, и в настоящее время расположено множество городов и поселений.

Описывая Африку, автор сообщает, что из страны Сенегал он по реке быстро добрался до Эфиопии. Такое плавание можно было совершить только при том, что верны утверждения средневековых географов о втором устье Нила, расположенном на Атлантическом побережье Африки, что не соответствует действительности. И подобных фантастических утверждений в «Книге познания» множество.

Трудно сказать, что руководило испанским монахом, написавшим «Книгу познания», — богатая фантазия, или нереализованная страсть к путешествиям, или элементарное стремление к славе, — но он оставил после себя значительный «географический роман» XIV в., к которому, возможно, не раз будут обращаться многие любители исторических загадок и исследователи истории географических открытий.

В 1558 г. в Венеции была напечатана без имени автора небольшая книга с названием: «Открытие островов Фрисландия, Эстландия, Энгронеландия, Эстотиландия и Икария, сделанное двумя братьями Дзено, Николо и Антонио. С приложением карты указанных островов». Позже стало известно, что книгу издал Николо Дзено, видный дворянин, член Совета десяти, управлявшего Венецианской республикой, — из той же известной венецианской семьи, что и братья Дзено, указанные в заголовке книги [114, с. 44].

Книга повествует об удивительных приключениях Николо и Антонио Дзено на островах Северной Атлантики. Начинаясь книга следующими строками: «В 1380 г. в Венеции жил рыцарь Николо Дзено, весьма уважаемый человек. Для завоевания славы и почета он приказал построить и оснастить корабль, прошел через Гибралтарский пролив, а затем держал все время курс на север, чтобы посетить Англию и Фландрию» [90, с. 377].

Во время сильного шторма корабль был отнесен ветром на северо-запад и потерпел крушение у берегов о. Фрисланда, которым правил властитель Дзихми. Венецианцам угрожало нападение пиратов, но правитель острова, с которым Николо

Сражение парусных кораблей в океане (1602 г.)

объяснился на латинском языке, спас их. Николо понравился властителю и как опытный моряк был назначен командующим флотом острова. Он возглавлял отряд кораблей и участвовал в подавлении восстания на о. Фрисланда против Дзихми.

Николо послал письмо своему брату Антонио в Венецию и пригласил его также прибыть на Фрисланду, что тот и сделал в 1392 г. Братья участвовали в завоевательных походах Дзихми и покорении Эстландии. Они руководили осадой и взятием возведенных там укреплений. Пришедшие из Норвегии на помощь эстландцам корабли погибли во время разывшегося шторма.

После завоевания Эстландии Дзихми возвратился во Фрисландию, оставив Николо правителем покоренной страны. Николо, однако, вскоре наскучила спокойная жизнь и он отправился в новое путешествие. Поплыв на северо-запад, он добрался до Энгронеланда. Там он посетил и описал францисканский мужской — монастырь, построенный в непосредственной близости от вулкана. Николо рассказал, что в этом монастыре для приготовления пищи и отопления использо-

вали воду из расположенных вблизи горячих источников, подробно описал увиденные в Энгронеланде эскимосские каяки и упомянул об открытии там ряда рек.

Далее в книге сообщалось, что «не привычный к сильному холоду, царящему в Энгронеланде, Николо заболел и вскоре после возвращения на Фрисланду скончался. Его брат Антонио унаследовал его богатства и почетные звания, но, несмотря на все его просьбы, не мог получить разрешения возвратиться на родину, ибо Дзихмни решил задержать его на своей службе и послать с несколькими кораблями на запад — туда, где 26 лет назад четыре рыбацьи лодки, унесенные бурей, пристали к берегу некоего острова. Этот остров называется Эстотиланда и, должно быть, находится на 1000 с лишним миль к западу от Фрисланды» [90, с. 377]. Об этом поведал властителю один из спасшихся на Эстотиланде и возвратившийся на Фрисланду рыбаков.

Выброшенные на берег Эстотиланды рыбаки не понимали языка местных жителей, но могли говорить по-латыни с другими потерпевшими ранее кораблекрушение моряками, выступавшими в роли переводчиков. Местные жители восхищались рыбаками как искусными мореплавателями за их умение пользоваться компасом, который на острове не был известен. Король Эстотиланды удерживал у себя пять лет спасшихся рыбаков, совершая с ними плавания у побережья. За это время рыбаки выучили язык островитян и хорошо ознакомились с Эстотиландой. Этот остров оказался меньше, чем Исландия, земля там отличалась плодородием, много было густых лесов. В центре острова располагалась гора, на вершине которой находились истоки четырех рек. На Эстотиланде в большом городе проживало множество состоятельных людей, имевших золотые украшения и посуду, а также золотые монеты. Жители острова были умелыми ремесленниками. Правящий на острове король имел множество латинских книг, но жители острова уже разучились читать по-латыни. Эстотиландцы торговали с Энгронеландией, покупая там меха, серу и дёготь, выращивали зерно и варили «питье, которое северные люди пьют так, как мы [то есть венецианцы-авт.] пьем вино» [114, с. 49] (речь, вероятнее всего, идет о пиве).

Через пять лет спасшихся рыбаков король направил в плавание на юг к соседнему о. Дроджо. Там они были пленены

туземцами-людоедами. Трое рыбаков были убиты, а четвертый оставлен живым в благодарность за то, что научил туземцев ловить рыбу при помощи сетей. Он обратил внимание на то, что туземцы на охоте использовали деревянные копья, заостренные на конце, и постоянно страдали от холода, так как не умели шить из шкур убитых зверей даже примитивную одежду.

Туземцы рассказали рыбаку, что далее на юг расположены земли с более теплым климатом, где местные жители строят города и храмы, используют золото и серебро и приносят человеческие жертвы своим идолам, то есть это прямой намек на государство ацтеков в Мексике.

«После долгого плена, — рассказано в книге, — рыбаку удалось бежать через леса в страну Дроджо, куда он попал после многих трудностей и опасностей. Позднее он принимал участие в качестве толмача в торговых плаваниях многочисленных кораблей, прибывавших с Эстотиланды, и так разбогател, что смог построить собственный корабль и оснастить его» [90, сс. 377, 378]. Вернувшись на Фрисланду, он так увлек властителя рассказами о богатых дальних островах, что тот решил овладеть землями, где многие годы находился старый рыбак. Тем более что, как отмечено в «Книге Дзено», «моряки нисколько не подвергали сомнению его [старого рыбака] повествование, поскольку они были опытными и сами видели немало необычного» [114, с. 50].

Правитель Дзихмни вместе с Антонио, командовавшим снаряженной в поход флотилией кораблей, отправились на запад, чтобы отыскать и завоевать неизвестные страны, о которых поведал им старый рыбак. Однако страшный шторм разметал корабли флотилии, многие из них погибли, а корабль, на котором находились правитель и Антонио, чудом уцелел и достиг неизвестного о. Икария. Жители Икарии приготовились с оружием в руках помешать чужеземцам высадиться на берег, но правителю удалось убедить их в своем миролюбии.

От Икарии корабль правителя поплыл далее. Шесть суток попутный восточный ветер нес корабль прямо на запад, но затем четверо суток морякам пришлось бороться с неблагоприятным юго-западным ветром. Наконец, корабль подошел к незнакомой земле. Моряки высадились на берег в заливе, на-

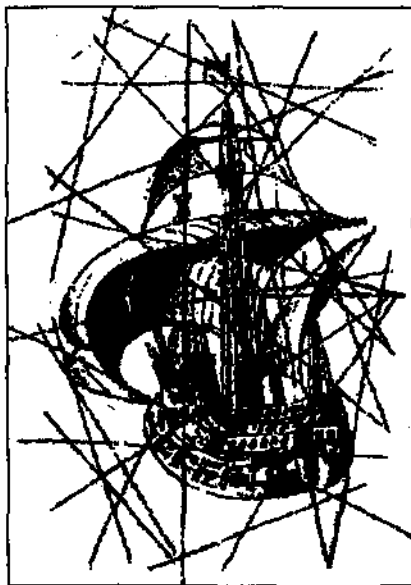

Корабль «Виктория», на котором совершено первое в истории кругосветное плавание в 1519—1522 гт.

званном ими Трин (Trin), и там вдоволь наелись крупных птичьих яиц. Поэтому сам остров был назван Птичьим.

При обследовании незнакомого острова моряки увидели дымящуюся гору, из которой вытекали смолистые источники. Обнаружили они и местных жителей-дикарей, живущих в пещерах. Правитель Дзихмни решил остаться на острове и основать там колонию, а Антонио отправил обратно во Фрисландию, куда тот благополучно добрался.

Из текста книги следовало, что все эти события, связанные с открытием неизвестных до того времени земель на западе Атлантики, происходили около 1400 г. Затем Антонио удалось в 1405 г. все же возвратиться с Фрисланды в Венецию. Через год он скончался, а рукопись, в которой были описаны приключения его и брата, осталась в доме Дзено, и о ней забыли. Более чем через 100 лет один из потомков братьев, будучи ребенком, нашел рукопись и разорвал ее. Только став взрослым, он понял ценность сведений, содержащихся в рукописи, привел ее в порядок и напечатал.

Каравелла первой половины
XVI в.

К вышедшей книге географы проявили большой интерес, но отношение к ней было неоднозначным. Знаменитый географ XVI в. Меркатор высказал некоторое сомнение в правдивости историй, рассказанных в «Книге Дзено». А затем и ряд географов и историков географических открытий, живших в XVII—XIX вв., проявили к ней значительное недоверие. Правда, великий немецкий натуралист Гумбольдт, известный польский историк и знаток старинных карт Лелевель, знаменитый полярный исследователь Норденшельд считали, что все, изложенное в «Книге Дзено», достоверно.

А карту из «Книги Дзено» широко использовали картографы XVI — первой половины XVII вв. для изображения северной части Атлантики. Английский моряк Фробишер после плаваний в 1576—1578 гг. с целью исследования берегов Гренландии даже заявлял, что карта Дзено, которую он имел на судне, ему очень пригодилась и оказалась вполне надежной [90, с. 382].

Знаменитый картограф Абрахам Ортелиус (вторая половина XVI в.) на своей карте поместил в Атлантическом океане не один фантастический остров, а в его северной части изобразил и все земли Дзено. У него Фрисланда является островом, расположенным к югу от Исландии. Кроме того, на своей карте он поместил Дроджо, Эстотиланду и др., а на Антверпенской карте 1585 г. показал «Фрисланд» в виде крупного острова к югу от Исландии вместе с другим дзеновским островом Икарией. И в 1647 г. на карте Ла-Пейрера изображен Фрисланд в виде отдельного острова, расположенного к юго-востоку от Гренландии.

В «Космографии» Питера Хейлина, изданной в 1659 г., подробно описана Фрисландия как действительно существующий отдельный остров, расположенный в Атлантике к юго-западу от Исландии. Там же сообщается, что к западу от Фрисландии находится меньший по размерам о. Икария [114, с. 42].

Окончательно Фрисландия, Эстотиландия и другие фантастические острова из «Книги Дзено» к концу XVII в. исчезли с географических карт. К тому времени районы Атлантики, примыкающие к восточному побережью Северной Америки в умеренной зоне, оказались достаточно исследованными, и на карту были нанесены фактически существующие там острова.

В XX в. большинство историков географических открытий пришло к твердому убеждению, что в «Книге Дзено» описаны вымышленные путешествия, что это всего лишь занимательное повествование шестнадцатого века.

Как это часто бывает, вся фантастика «Книги Дзено» основана на некоторых фактах, имевших место в действительности. Так, главные герои книги братья Николо и Антонио Дзено, а также их третий брат Карло действительно проживали в Венеции, что подтверждается историческими документами. В 1385 г. Николо участвовал в плавании венецианского государственного судна из Венеции в порты Фландрии. Такие торговые рейсы ежегодно совершались из Венеции с 1317 по 1533 г. Вероятнее всего, такое плавание в 1385 г. протекало вполне благополучно. По крайней мере, в сохранившихся венецианских документах не отмечено по этому плаванию каких-либо особых происшествий. Более того, подлинные исторические документы свидетельствуют о том, что Николо Дзено уже в ноябре 1388 г. снова был в Венеции.

Все историки, изучавшие «Книгу Дзено», отметили, что по ее содержанию можно судить о хорошем знании автором определенных географических объектов северных стран и знакомстве его с североамериканскими индейцами. Ученые считают, что ряд стран, описанных в «Книге Дзено», можно с большой долей вероятности отождествлять с реально существующими географическими объектами. Так, Фрисланда, которую ранее чаще всего принимали за Фарерские острова, сейчас твердо соотносят с Исландией. Эстланда — это иска-

женное название Шетландских островов, а Энгронеланда—Гренландии. Упоминание о «государе Дзихмни» отсутствует во всех исторических хрониках XIV—XV вв.

Большую роль в проверке подлинности сведений о путешествиях братьев Дзено сыграли исследования немецкого историка Эркеса, скончавшегося в 1933 г. По его убеждению, опубликовавший книгу Николо Дзено, который, вероятно, был довольно состоятельным человеком, сумел собрать всевозможные издания скандинавских авторов о севере Атлантики, малоизвестные тогда в Италии. При помощи них и была составлена карта, которая выглядит довольно точной. Но установлено, что все сведения, вызывающие особое удивление по поводу осведомленности автора «Книги Дзено», были где-нибудь уже опубликованы до 1558 г., и их можно было собрать и использовать при написании книги. К тому же целые куски из «Книги Дзено» были дословно взяты из сочинения «О недавно открытых островах», написанного Петром Мартиром, известным автором эпохи великих географических открытий, и опубликованном только в 1521 г.

Ряд страниц и иллюстраций в «Книге Дзено» заимствованы из сочинения Олая Магнуса «История северных племен», опубликованного в 1555 г. в Риме. Описание монастыря, увиденного Николо Дзено в Гренландии, где кельи и церковь обогревались теплой водой, заимствованы из «Описания Норвегии и Исландии», изданного ранее, где рассказано о таком монастыре на севере Норвегии. Видимо, такие же монастыри могли быть и в Гренландии, о чем свидетельствуют археологические раскопки, проведенные в 20-х гг. XX в. [114, с. 48]. Сведения о монастыре на юге Гренландии имеются и в описании самой Гренландии, составленном Иваром Бардсеном в конце XIV в.

Следует отметить, что само название страны «Фрисланда» — искаженное Исландия—появилось значительно позже 1405 г., времени написания «Книги Дзено» по версии ее издателя. На известной карте монаха фра Мауро 1457—1458 гг. Исландия названа Иксиландой, вскоре после этого в Каталонском атласе ее обозначили как Фриксланда, на картах XVI в. ее называли Фисландой, Фиксландой, Фрисланд, Фрислант.

Ученые теперь установили, что истинный автор «Книги Дзено» на своей карте поставил множество названий остро-

вов и земель, взяв их из различных карт, особенно из карт Олая Магнуса от 1539 и 1548 г., допустив при этом множество ошибок. Историк Эркес отметил по этому поводу: «Скандинавские числа, написанные буквами, были приняты за имена собственные. Прилагательное, например, в словосочетании «хорошая гавань» превратилось в самостоятельное существительное. Льдины на карте Магнуса от 1539 г. стали островами, показанная условными знаками китовая амбра—утесами... О птичьих яйцах говорится в легенде на карте Олая Магнуса от 1555 г. Каяки описаны еще в 1515 г.; Циглер упоминает о них в 1536 г., а Магнус — в 1539 и 1555 гг.. Эстотиланда встречается в легенде на двух картах, составленных до Дзено, но не как название страны, а в виде *esto Tiland* (то есть это остров Тиле или Туле). Дзено превратил эти слова в название страны [90, сс. 383, 384].

Особо шокировали ученых на карте Дзено названия многочисленных объектов, нанесенных на изображение Гренландии. Установлено, что они заимствованы, главным образом, из карты датчанина Клавдия Клавуса (Клавдия Клауссена Сварта), составленной между 1424 и 1427 гг. Видимо, Клаус стремился показать, что жил в Гренландии и хорошо изучил ее, хотя это маловероятно: примерно с 1400 г. сообщение метрополии-Скандинавии с гренландскими колониями прекратилось.

У Клауса на карте нанесены названия несуществующих гренландских рек в виде искаженных датских имен числительных, а около 20 различных местностей Гренландии были названы словами из народной песни о «Короле-музыканте» на диалекте о. Фюн (место рождения Клауса). Все эти мнимые названия перенес на свою карту автор «Книги Дзено» как существовавшие во время посещения Дзено Гренландии в 1400 г. Правда, карта Клауса дает довольно правильные и вообще поразительные для XV в. изображения ряда северных стран.

Зачем же была написана «Книга Дзено»? Цель очевидна: автором руководило желание прославить венецианских мореходов, прославить род Дзено и заодно отнять славу открытия Нового Света у генуэзцев (Колумб был родом из Генуи) — этих извечных соперников Венецианской республики, доказать, что это великое географическое открытие совершили венецианцы. А в результате получился занимательный «географический роман» XVI в.

ГЛАВА 21. ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

*Все брожу и мечтаю о милой своей отчизне.
О страна моя, родина! Вспомни заблудшего сына.
Если ты над собой не видал зарубежного неба,
Никогда не понять тебе, друг, и моей кручины.
Незнакомый язык... Непонятное пение птицы...
Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина...
Я чужой. Я брожу и мечтаю о родине милой.
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!*

Камал Худжанди. XIV в.

Разбирая архив Троице-Сергиева монастыря, историк Н.М. Карамзин обнаружил записки русского купца, совершившего путешествие в Индию еще во второй половине XV в. Карамзин писал по этому поводу: «В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану [он совершил плавание вокруг Африки в Индию только в 1497—1498 г. — *Авт.*], наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара [западное побережье Индии. — *Авт.*] и беседовал с жителями о догматах их веры» [85, сс. 227, 228].

Кто же был этот замечательный путешественник? О нем самом известно очень мало. В летописи XVI в. под 6983 г. (1474—1475 г.) сказано: «В том же году нашел написание тверского купца Афанасия, что был в Индии четыре года. А ходил, как говорят, с Василием Папиным. Я же пытался узнать, когда Василий ездил с кречетами послом от великого князя [великий князь московский Иван III. — *Авт.*], и сказали мне, что за год до казанского похода возвратился из Орды, когда князь Юрий [брат Ивана III. — *Авт.*] был под Казанью, когда его [Василия Папина. — *Авт.*] под Казанью застрелили. Записей же не нашел, в каком году пошел или в каком году вер-

нулся из Индии и умер. Говорят, что, не дойдя Смоленска, умер. А писание то своею рукою написал, и его рукою написанные тетради привезли гости [богатые купцы. — *Авт.*] к Мамыреву Василию, дьяку великого князя в Москву» [86, с. 81].

Записки тверского купца, найденные Карамзиным, начались так: «За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына. Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское [Каспийское. — *Авт.*], второе море Индийское — море Индо-станское [Индийский океан. — *Авт.*], третье море Черное — море Стамбульское» [87, с. 53].

Историк Л.С. Семенов убедительно доказал, что начало «хождения за три моря» Афанасия Никитина можно датировать 1468 г. [88, с. 28]. Группа тверских купцов, узнав о посольстве великого князя Ивана III в Закавказье, решила присоединиться к нему. Никитин «с товарищи» на своем судне намеревались добраться до Дербента — порта на Каспии, а затем сухопутьем следовать в Шемаху — столицу ширваншаха Фаррух-Ясара (правитель государства в Прикаспийском Закавказье).

Купцы отправились в плавание, видимо, не ранее апреля, когда по реке прошел лед. Из Твери они поплыли мимо Калязина, Углича и Костромы в Нижний Новгород, где и должны были присоединиться к возглавляемому Василием Папиным московскому посольству, которое выехало из Москвы в Шемаху.

Летописец назвал Никитина «купцом», в отличие от богатых «гостей», которые привезли его записки в Москву. Анализ текста записок подтверждает, что, вероятнее всего, Никитин был из купцов средней руки: он мог позволить себе приобретение книг, а они были тогда дороги; вполне возможно, что он был в числе совладельцев судна, на котором отправился по Волге; в Персии он приобрел коня, и его цена, которая была заплачена при покупке, затраты по содержанию и перевозке в Индию составили довольно значительную по тем временам сумму — 100 руб.

По прибытии в Нижний Новгород тверские купцы, возглавляемые Никитиным, узнали, что московское посольство Папина уже покинуло город. Поэтому Никитин со спутника-

ми решили ждать прибытия из Москвы ширванского посольства во главе с Хасан-беком. Ясно, что стремление купцов следовать вместе с посольством было продиктовано заботой о *большей безопасности в пути.*

Из Нижнего Новгорода тверичане отплыли вместе с Хасан-беком, который вез охотничьих птиц — дар Ивана III ширваншаху.

Караван судов благополучно миновал Казанское ханство и владения Золотой Орды. Но под Астраханью речной караван был атакован людьми астраханского султана Касима. Оба судна были захвачены и разграблены, большая часть товаров, принадлежавших купцам, попала в руки татар. «А нас, — писал Никитин, — отпустили ограбленными за море. Вверх [обратно по Волге. — *Авт.*] они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести.

И пошли мы к Дербенту в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами, да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей да 6 тверичей. На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, людей же с него поймали кайтаки» [87, с. 54].

Тверское судно разбилось под Тарками, почти у самых границ владений ширваншаха. Никитин на посольском судне прибыл в Дербент, где встретился с московским послом Папиным. Последний, добравшись до владений Фаррух Ясара, ожидал Хасанбека, чтобы вместе с ним проследовать ко двору ширваншаха.

Благодаря энергичным просьбам Никитина, обращенным к обоим послам, последние ходатайствовали перед ширваншахом о содействии в освобождении пленных и возвращении похищенных кайтаками товаров. Ширваншах потребовал от князя кайтаков отпустить пленных русских и вернуть товары. Ему удалось добиться только освобождения пленных.

«Мы также поехали к Ширван-шаху, — писал Афанасий Никитин, — в койтул [«ставка» эмира. — *Авт.*] и били ему челом, чтобы он нас пожаловал, чем нам дойти до Руси. И он нам не дал ничего, так как нас было много. И мы, заплакав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе, а иные пошли работать в Баку. А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит не-

угасимый [горящие факелы выходящего из недр природного газа. — *Авт.*]» [87, с. 55].

Из Баку Афанасий Никитин морем добрался до Мазандарана — области Ирана на южном побережье Каспия. В Иране Никитин занялся торговлей, чтобы вернуть хотя бы частично потерянные средства.

Через торговый город Рей (в окрестностях современного Тегерана) он попал в большой ремесленный и торговый город Кашан, затем в город Йезд, известный производством шелковых тканей. Всего в Персии он торговал более двух лет. Здесь он приобрел отличного рысака и решил выгодно продать его в Индии, а для этого направился в Ормуз.

Ормуз располагался на скалистом острове неподалеку от побережья Персидского залива у выхода в Индийский океан. Это был важнейший порт, через который шла оживленная торговля с Индией. Главными предметами ввоза из Индии в Ормуз были пряности, ткани, краска индиго, а основной статьей вывоза через Ормуз в индийские порты были кони.

«Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня, в Фомину неделю, за Индийское море в таве с конями» [87, с. 55].

В 1471 г., на вторую неделю после православной Пасхи, он отплыл в таве — арабском морском судне традиционной постройки (на индийском языке маратхи-даба, впоследствии трансформировалось в распространенное дау).

Именно об этих арабских судах рассказал венецианец Марко Поло (1254—1344 гг.): «Суда у них [арабов. — *Авт.*] плохие, и не мало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из коры индийских [кокосовых. — *Авт.*] орехов. Кору эту они бьют до тех пор, пока не делается тонкою, как конский волос, и тогда вяют из нее веревки и ими сшивают суда [веревки вились из волокна межплодника кокосового ореха — так называемого койр — от тамильского слова «койру» — веревка. Такими веревками сшивали между собой доски наружной обшивки корпуса. — *Авт.*]. Веревки эти прочны и от соленой воды не портятся. У судов одна мачта, один парус и одно весло [рулевое. — *Авт.*]; они без покрывки [палубы. — *Авт.*]. Нагрузят суда, и сверху товары прикроют кожей, а на это поставят лошадей, которых везут на продажу в Индию. Железа для выделки гвоздей у них

нет, болты делают из дерева, суда сшивают веревками; плавать в таких судах опасно, бури в Индийском океане часты, и много их гибнет.

Об этих судах скажу еще, что они не смолены, а смазаны рыбьим жиром [вместо смолы использовалась смесь на акульем, возможно, на китовом жире. — *Авт.*]» [82, с. 68].

Тем не менее небольшие суда типа «дау» арабских и индийских купцов смело бороздили просторы Индийского океана за тысячу лет до появления там кораблей европейских стран. Вот на таком судне, примерно через 6 недель плавания, прибыл Никитин в индийский порт Чаул.

На Руси, как и в средневековой Западной Европе, Индия была почти недосыгаемой, легендарной страной. О ней, правда, имелись некоторые представления, почерпнутые из старинных описаний, побывали в ней отдельные европейские путешественники, но в Европе почти не располагали точными сведениями об этой сказочной стране. Среди европейцев о ней существовали самые фантастические представления.

Безусловно, в период пребывания в Иране Афанасий Никитин мог получить определенные сведения об Индии и об индийцах, но все равно, судя по его «тетратям», первое знакомство с Индией произвело на тверичанина сильное впечатление.

Русский человек попал в совершенно новую и непривычную для него обстановку, в страну другой цивилизации: «И есть тут Индийская страна, и люди ходят все нагие: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Муж и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много, — дивятся белому человеку. А князь их, — фата [индийское «фота», иначе «дхоти» — кусок ткани, повязанный на голое тело вокруг бедер; также легкая ткань чалмы, повязываемая мусульманами на голову. — *Авт.*] на голове, а другая — на бедрах; княгини ходят — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами. И все нагие, босые и сильные. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчики и девочки ходят нагими до семи лет, и срам у них не покрыт» [87, с.56].

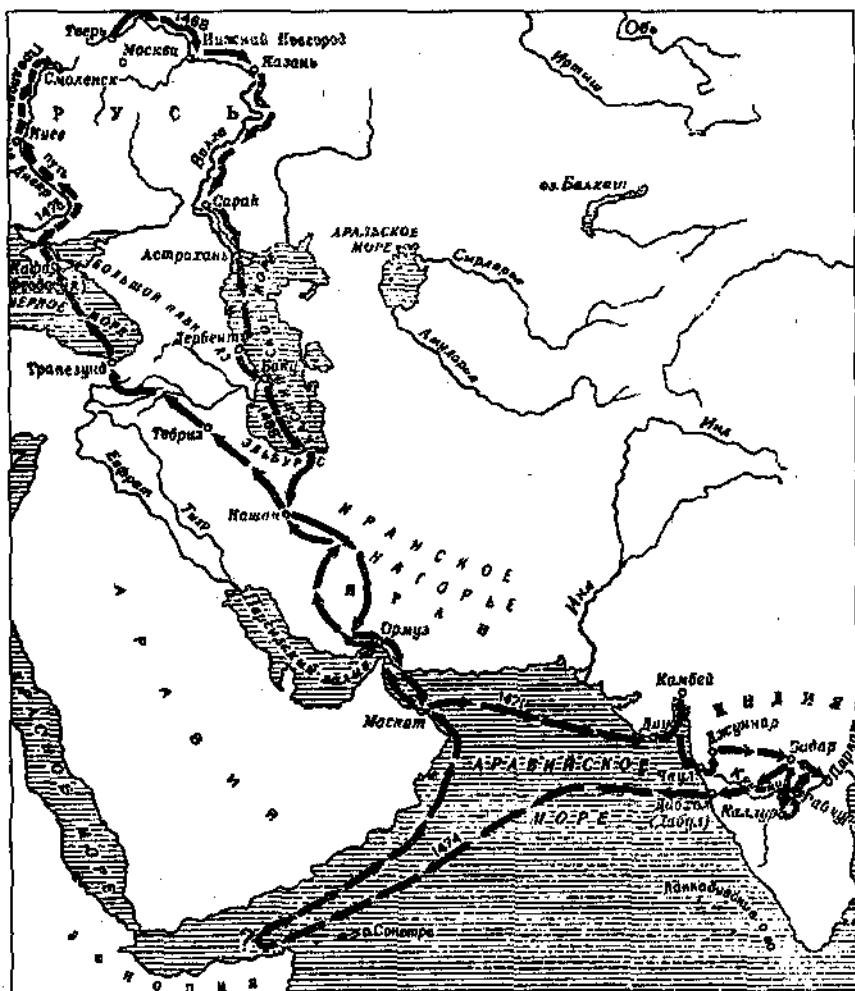
Из Чаула Никитин направился вглубь страны. В дороге путешественник дивился местным обычаям: «В Индийской земле гости останавливаются на подворьях, и кушанья для них варят господарыни; они же гостям и постель стелют и спят с ними. Хочешь иметь с той или иной из них тесную связь, дашь два шетеля, не хочешь иметь тесной связи — дашь один шетель; ведь это женка, приятельница, а тесная связь даром — любят белых людей. Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтан, и у них же фата по плечам, другую опоясываются, а третью обертывают голову» [87, с. 57].

В Джуннаре местный правитель отобрал у Никитина жеребца и, кроме того, принуждал его принять магометанскую веру. Только заступничество видного персидского купца Мухаммеда, с которым Никитин, видимо, познакомился еще во время странствований по Персии, спасло положение. Причем вел себя Никитин в этой ситуации очень достойно. Он отверг даже мысль о возможности перемены веры.

Из Джуннара Афанасий Никитин направился в город Бидар — столицу мусульманского царства Бахманидов. Затем он побывал в двух соседних городах и вернулся в Бидар уже в ноябре. Только тогда ему удалось продать своего коня.

Никитин описал столицу царства и отметил все поразившее его, связанное с пышными выездами местного султана и его приближенных. «Земля, — писал он, — весьма многолюдна: сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает, на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200, наряженных в золоченые доспехи. Да перед султаном идет 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях; да обезьян за ним 100, да наложниц 100 — и все юные девы.

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-кафиров [не мусульмане, в данном случае индуисты. — *Авт.*]: одни записывают, кто войдет, другие — кто выйдет; чужестранцев же во дворец не пускают.

Карта маршрута путешествия А. Никитина

А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды. Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником, и ездят все на конях, в доспехах и с факелами» [87, с. 60].

Во время странствований по Индии Афанасий сумел наладить контакты с местными жителями и в своих записках

отразил поразившие его особенности быта и нравов индийцев. «И пробыл я в Бидаре до великого заговенья. Тут познакомился со многими индусами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин, и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани. Они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах» [87, с. 60].

Поразительно, но Афанасий, по всей видимости, был лишен религиозной нетерпимости, что было так характерно для христиан его века. Наблюдая жизнь в далекой стране, он не решается осуждать другие вероисповедания: «А правую веру бог ведает, а правая вера — единого бога знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистом месте» [87, с. 71]. В своих странствиях Афанасий Никитин сталкивался с людьми разных вероисповеданий и сумел убедиться в том, что высокие моральные качества могут быть свойственны людям различных вер.

Он познакомился с индуистской верой, подметил рознь между индусами, принадлежащими к разным кастам: «Всех же вер в Индии 84 [видимо, число сект и каст. — *Авт.*], и все веруют в Бута [имеется в виду «идол», «языческий бог». — *Авт.*]. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины [говядину. — *Авт.*] не ест никакая вера» [87, сс. 60, 61].

Никитин довольно подробно описал индуистский храмовый комплекс в Парвате, причем в его описании не чувствуется неприязни к чужой религии, он описывает индийские святыни заинтересованно: «Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане, на бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы бреются старые женки и девки и сбывают на себе все волосы; бреют также бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Бута — по 2 шекшени [мелкая серебряная монета. —

ЗДЕСЬ РОДЯТСЯ ВОЛЫ
И БУЙВОЛЫ. НА НИХ
СЪЗДАЮТ И ТОВАРЫ
ОГДА ВОЗЯТ—
ВСЕ ДЕЛАЮТ

ФАРТА ПО ПЛЕЧАМ
ДРУГОЮ ОПОЯСЫ
В АЮТСЯ,

А ТРЕТЬЕЮ
ОБЕРЩИВАЮТ
ГОЛОВУ.
БОЖЕ,
БОЖЕ

А БОИ
У НИХ

ВСЕ НА
СЛОНАХ

ХОРАСАНИЦЫ ЖЕ
НА КОНЯХ И
В ДОСПЕХАХ, И
КОНИ,
И
САДЛИ

СЛОНОВ ОДЕКАЮТ В
БУЛАТНЫЕ ДОС
ПЕХИ И СТА
ВЯТ НА НИХ
ОГРОД
КИ

ОБЕЗЬЯНЫ ЖЕ ЖИВУТ
В ЛЕСУ, И ЕСТЬ У НИХ
КНЯЗЬ
ОБЕЗЬ
ЯНСКИЙ
ХОДИТ
СО СВОЕЙ
РАТЛЮ

Картинки жизни в Индии,
которые наблюдал и описал А. Никитин

Авт.], а с коней по 4 футы. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч лек [счетная единица — «сто тысяч». — *Авт.*], а бывает время, когда и 100 тысяч лек. Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде [статуя византийского императора Юстиниана I. — *Авт.*], в левой же руке у него копьё; а на нем нет ничего, только зад у него обвязан ширинкою, — облик обезьяний. А другие буты совсем голые, нет ничего, с открытым задом; а женки Бута вырезаны голыми и со стыдом, и с детьми. А перед Бутом стоит огромный вол, и высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы; на Бута также сыплют цветы» [87, с. 61].

Следует отметить, что Никитин, видимо, как и другие купцы в то время, умел обращаться с оружием, а может быть и в совершенстве владел им. Ведь в ту эпоху горожане не раз участвовали в защите своего города, да и купцам приходилось не раз отбиваться в дороге от разбойников и грабителей. Все это, а также природная любознательность и зоркий взгляд позволили ему описать в своих записках порядок ведения боевых действий армии султаната Бахманидов: «Князья в Индийской земле все хорасанцы, и все бояре также [то есть султан и его вельможи все мусульмане и в большинстве тюрки, афганцы и персы. — *Авт.*]. А индостанцы [индийцы. — *Авт.*] все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед; хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю [массой более 50 кг. — *Авт.*], одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками и стрелами» [87, с. 58].

Описывая города Индийской земли, Никитин уделяет большое внимание описанию природных явлений: «Зима у них началась с Троицына дня [так называет он период муссонных обильных дождей с июня до октября. — *Авт.*], ... в течение 4 месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, тутурган [от тюркского «рис»; — *Авт.*], горох и все съестное. Вино приготавливают из кокосовых

орехов в огромных индостанских мехах, а брагу — в татне [возможно речь идет об изготовлении опьяняющего напитка из пальмовой коры. — *Авт.*]. Коней кормят горохом и варят для них кичири [индийское блюдо из риса с маслом и приправами. — *Авт.*] с сахаром и маслом; рано утром дают им еще рисовые лепешки. В Индийской земле кони не рождаются [таково было распространенное в Средние века мнение. — *Авт.*], здесь рождаются волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят — все делают» [87, сс. 56, 57].

Отдал дань Никитин и распространенным в Индии поверьям: «Есть на том Алянде [один из городов Бахманидского царства. — *Авт.*] птица гукук [по индийским поверьям ночная зловещая птица, возможно сова. — *Авт.*], она летает ночью и кричит «гукук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет. А мамоны [может быть, змеи или дикие кошки. — *Авт.*] ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или в камнях. Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью. И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая, и язык у них есть свой; детей они рожают много, но которые рождаются не в отца и не в мать — тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому рукоделью, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат вести игру [видимо, участвовать в представлениях народного театра. — *Авт.*]» [87, с. 59].

Столицу Бидар Никитин оставил в апреле 1473 г. Он направился в район добычи алмазов, посетил города Райчуру, Каллур, Коилконда (Толконда), ознакомился с центрами добычи и отделки алмазов, с ценами на эти драгоценные камни. Возможно, что он приобрел камни для последующей продажи на Руси.

Более подробно описывая порты и города царства Бахманидов, по которым путешествовал, Никитин в своих записках сообщил краткие, но в основном достоверные сведения о некоторых местах, где он сам не бывал: о Виджаянагаре, столице южноиндийского индуистского могущественного государства Виджаянагар, о главном порте этого государства на Малабарском берегу Келекот (Кожикод).

В ряду этих сведений — сообщения о Цейлоне (о Шри-Ланка): «А Цейлон же есть немалая пристань Индийского моря, а в ней на высокой горе отец Адам [речь идет о горе Пик Адама, где, согласно верованиям мусульман, сохранился след ноги праотца Адама. — *Авт.*]. Да около него родятся драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, смола, хрусталь, наждак. Родятся также слоны, а продают их на локоть [то есть цена зависит от высоты слона в локтях. — *Авт.*], да страусы, — продают на вес» [87, с. 64].

Сообщил Никитин о Пегу, где «пристань немалая», в Западном Индокитае (устье р. Иравади). Там жили индийские дервиши — буддийские монахи, торговавшие драгоценными камнями. Упоминает он о «Шабатской пристани Индийского моря», что идентифицируется, вероятнее всего, с о. Ява. В этом же перечне стран фигурирует Китай — «Чинская же да Мачинская — пристани весьма великие и делают здесь фарфор, а продают его на вес и дешево» [87, с. 64].

Особое внимание Никитин уделил изучению торговли в порту Персидского залива Ормузе и портах западного побережья Индостана, так как именно этот торговый маршрут мог быть, по его мнению, использован русскими купцами: «Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же велика, со всякого берут десятину.

А Комбай [индийский порт у одноименного залива в области Гуджарат. — *Авт.*] — пристань всему Индийскому морю, и товар в нем, все делают алачи [ткань из сученых шелковых и бумажных ниток. — *Авт.*], да пестряди [ткань из пестрых ниток, тафта или миткаль. — *Авт.*], да киндяки [бумажная набойчатая ткань. — *Авт.*], да делают краску индиго, в нем же родится лакх [растительный продукт. — *Авт.*], сердолик и соль. Дабул — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта, Аравии, Хорасана [северо-восточная часть Ирана, в средние века к Хорасану причисляли и Среднюю Азию до р. Амударьи. — *Авт.*], Туркестана и Испаганя [возможно, Исфахан в северо-западном Иране. — *Авт.*]; и ходят посуху месяц до Бидара и до Кульбарга [город в 90 км к юго-западу от Бидара. — *Авт.*].

А Каликут [Келекот (Кожикод). — *Авт.*] есть пристань для всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому

судну; кто его минует, тот не пройдет по-здорову морем. А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, цинамон, корица, гвоздика, пряное коренье, адряк, да всякого коренья родится в нем много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хороши, черные» [87, сс. 63, 64].

Видимо, он не был вполне удовлетворен результатами своих торговых дел. Вероятнее всего, в один из тяжелых, неудачных дней, когда тоска по Родине особенно мучила Никитина, в его записках появились такие строки: «Меня обманули псыбусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлыны. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают [грабят купцов. — *Авт.*] все кафиры [индуисты-пираты. — *Авт.*], не христиане и не бусурмане, молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки [шитая золотом шелковая ткань парча. — *Авт.*], на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи, женки все бесстыдные, повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей» [87, с. 58].

Желание Афанасия Никитина записать свои впечатления о дальних странах безусловно связано с надеждой рассказать о всем увиденном землякам, стремлением принести пользу родной земле, сообщив русским людям о путях в Индию и о торговле с ней.

В записках он не раз обращается мысленно к родной земле и всю тоску, накопленную за годы оторванности от Русской земли, выражает в таких словах: «А Русскую землю бог да сохрани! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость. О боже, боже, боже, боже, боже» [87, с. 68].

На родину Никитин отправился в конце 1473 г. В январе 1474 г. он в Дабхоле (Дабуле) сел в судно, уплатив за проезд до Ормуза два золотых. «И плыл я в таве по морю месяц и не ви-

дел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы. И тут люди все воскликнули: «Боже, видно, нашим головам суждено здесь погибнуть» [в рукописи эти слова написаны по-тюркски. — *Авт.*], а по-русски говорили: «Боже государю, боже, боже вышний, царю небесный, здесь ты судил нам погибнуть».

И в той Ефиопской земле был пять дней. Божией благодатью зло не произошло, много раздали мы эфиопам рису, перцу, хлеб — и они суда не пограбили» [87, с. 72].

Вероятнее всего, под «Ефиопскими горами» подразумевался северный высокий берег полуострова Сомали. Отсюда судно направилось к Москату, порту в Омане на Аравийском полуострове, и прошло более 1000 миль против ветра и течений.

После почти трехмесячного плавания Никитин высадился в Ормузе. Затем он направился на северо-запад через горные районы Ирана и, торгуя пряностями, прошел к Тебризу, пересек Армянское нагорье и вышел к Черному морю у Трапезунда к началу сентября 1474 г.

Там турецкие власти задержали его, приняв за агента персидского шаха, с которым константинопольский султан вел войну. Афанасия вскоре освободили, не найдя доказательств его тайной деятельности в пользу шаха, но при этом забрали почти все имущество. У Никитина хватило денег заплатить лишь за место на корабле, который доставил его в Кафу на крымском побережье.

Плавание было очень тяжелым: «Божией милостью доплыл я до третьего моря, до Черного, а по-персидски море Стамбульское. Плыл же морем по ветру 5 дней, и доплыл до Вонады [мыс на южном берегу моря к западу от Трапезунда. — *Авт.*], но тут нас встретил сильный ветер с севера и вернул нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане [городок к западу от Трапезунда. — *Авт.*] 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны дважды выходили на море, но встречавший нас злой ветер не давал нам идти по морю: боже истинный, боже, покровитель! — потому что, кроме того, иного бога не знаем. И море было проплыл, да занесло нас к Балаклаве, а оттуда к Гурзуфу, и стояли здесь 5 дней» [87, с. 73].

Вероятнее всего, путешественник провел зиму 1474—1475 гг. в Кафе и привел в порядок свои записи. Весной 1475 г. Никитин вместе с несколькими купцами направился на се-

вер, скорее всего по Днепру, и, как известно из летописи, не дойдя до Смоленска, он умер.

Так закончил жизненный путь замечательный русский путешественник, который без всякой государственной поддержки, на свой страх и риск, осваивал новые торговые пути в таинственную, сказочную Индию, стремился узнать новое и донести свои знания до соотечественников. Он был первым русским, побывавшим в далекой Индии, и от него индусы впервые узнали о большой стране на севере, о Руси.

Следует отметить в завершение, что Афанасий Никитин был, пожалуй, один из немногих купцов Средневековья, записавшим свои путевые впечатления о посещении Индии, которая в то время в Европе, и тем более на Руси, считалась страной почти недостижимой, полной чудес и опасностей.

Важность записок Никитина для своего времени объяснялась также тем, что из-за господства турок над Ближним Востоком к 1500 г. надежные сухопутные связи между странами Азии и Европой фактически осуществлялись только через Русь. Даже китайский шелк везли через Самарканд в Москву, а оттуда уже в Европу [89, с. 207]. Так что поиск надежных сухопутных путей из Москвы в Индию представлял значительный интерес. И, не считая Николо Контти, Никитин был, вероятнее всего, не только первым россиянином, но и первым европейцем, кому удалось проникнуть в глубь Индии.

ГЛАВА 22. В ПОИСКАХ СКАЗОЧНОГО ГОСУДАРЯ — СВЯЩЕННИКА ИОАННА

Король Жуан Португальский, второй, носивший это имя, много слышал о священнике Иоанне и полагал, что не сможет свершить ничего лучшего для своей славы, для блага религии и для изучения Индии, чем вступить в союз с этим христианским государем. Поэтому, посулив щедрое вознаграждение, поручил он посетить те страны людям, которые неоднократно проявили себя весьма сведущими в арабском языке.

Одориго Райнальдо. 1694 г.

В ноябре 1145 г. выдающийся германский историк Средневековья Оттон, епископ Фрейзингенский встретился с епископом из Сирии и узнал от него неожиданную новость: «Он рассказал, что несколько лет назад некий Иоанн, царь и священник народа, живущего по ту сторону Персии и Армении, на крайнем Востоке, и исповедующий христианство, хотя и несторианского толка [течение в христианстве, считавшееся католической церковью еретическим. — *Авт.*], пошел войной на двух братьев Саммардов, царей Мидии и Персии, и завоевал их столицу — Экбатану...

Одержав победу, названный Иоанн двинулся дальше, чтобы прийти на помощь Святой церкви. Однако когда он достиг Тигра и за неимением корабля не смог переправиться через него, то пошел к северу, туда, где, как он узнал, река эта зимой замерзает. Но, проведя там напрасно несколько лет, он не дождался мороза и, не достигнув из-за теплой погоды своей цели, был вынужден вернуться на родину, тем более, что из-за нездорового климата он потерял многих своих воинов-

...Кроме того, рассказывают, что он ведет свой род от древних волхвов [то есть евангельских волхвов, принесших дары младенцу Иисусу. — *Авт.*]» [56, с. 441].

Эта новость стала известна в некоторых странах Западной Европы и возбудила надежду на помощь европейским рыцарям в их борьбе против мусульман в Палестине и Сирии со стороны могущественного христианского государя. Никого не смутили явно надуманные причины, помешавшие царю-священнику переправиться через Тигр, чтобы соединиться с крестоносным войском европейских рыцарей.

Более того, во второй половине XII в. в Византии, а затем и в европейских странах стали появляться письма «священника Иоанна» императору Византии Мануилу Комнину (1143—1180 гг.). В них сообщались самые удивительные сведения о стране царя-священника Иоанна: «Наше Великолепие властвует над тремя Индиями, и земли наши простираются до потусторонней Индии, где покоится тело Святого апостола Фомы...

В нашем подчинении находятся 72 провинции, из которых лишь немногие населены христианами... В стране нашей водятся слоны, дромадеры, верблюды... пантеры, лесные ослы, белые и красные львы, белые медведи, белые мерланы, цикады, орлы-грифоны, тигры, ламы, гиены, дикие лошади, дикие ослы, дикие быки и дикие люди, рогатые люди, одноглазые, люди с глазами спереди и сзади, кентавры, фавны, сатиры, пигмеи, гиганты вышиной в 40 локтей, циклопы — мужчины и женщины, птица, именуемая феникс, и почти все обитающие на земле породы животных...

За нашим столом ежедневно пирует 30 тыс. человек, не считая случайных гостей, и все они получают из наших сокровищниц подарки — коней или другое добро. Стол этот из драгоценнейшего смарагда, а поддерживают его четыре амethystовые колонны...

Фундамент и стены его [царского дворца. — *Авт.*] сложены из драгоценных камней, а цемент заменяет наилучшее чистое золото. Свод его, то есть крыша, состоит из прозрачных сапфиров, среди которых сияют топазы... Есть в нем дверь из чистого хрусталя, украшенная золотом. Она ведет на восток, высота ее 130 локтей и она сама открывается и закрывается, когда Наше царское Величество отправляется во дворец» [56, с. 443].

Подобные письма были направлены Римскому папе и императору Фридриху Барбароссе. В 1177 г. папа Александр III, поверивший в подлинность письма, предложил союз и дружбу «блистательному и великолепному царю индийцев». Доставить царю-священнику Иоанну послание папы поручили врачу Филиппу — «человеку достойному, мудрому и благо-разумному». Отправившись с папским письмом из Рима в «дорогу в никуда», посол бесследно исчез где-то на Востоке [63, с. 65].

Самое любопытное, что все эти фантастические сведения имели под собой некоторую историческую основу. Действительно, среди монгольских племен, проживавших в Центральной Азии в начале II тысячелетия, были те, у которых утвердилось христианство несторианского толка. К ним относились керейты — монгольское племя, ставшее во главе племенного союза и создавшее сильное государство. Согласно сообщениям Рашид-ад-Дина (1247—1318 гг.), историка и политического деятеля государства ильханов (монгольских правителей Персии и Азербайджана), керейты кочевали в бассейнах нижней Селенги, Керулена и Халкин-Гола. Они в самом начале XI в. приняли христианство несторианского толка. В районе Селенги и южнее Байкала первоначально проживали и монгольские племена киданей или каракитаев, которые в 1125 г., после разгрома китайцами киданьского государства Ляо, обосновались в Восточном Туркестане [35, с. 227]. Под руководством своего вождя Елюташи они начали завоевательные походы в западном направлении. Среди каракитаев также были многочисленные группы христиан, особенно среди племенной знати.

Начиная с 1126 г. Елюташи сначала подчинил себе Западный Туркестан и прилегающие к нему земли, а затем принял титул «Великого хана». После этого он бросил свою конницу на Хорезм, который за несколько десятилетий до этого был захвачен турками-сельджуками. В решающем сражении у Катвана, близ Самарканда, 8 и 9 сентября 1141 г. мусульманское войско правителя страны султана Санджара было полностью разгромлено, погибло до 100 тыс. человек.

Елюташи умер в начале 1143 г. и его государство распалось. В 1203 г. оно было захвачено и разгромлено монголами Чингисхана.

Западноазиатские христиане в Сирии и Византии смешивали каракитаев с кереитами. В середине XII в. христианский правитель кереитов величался титулом Ван-хан (или Онхан, Унекан). До возвышения Чингисхана он был самым могущественным правителем в Восточной Монголии. Так что все эти разрозненные сведения о христианах-кереитах и киданях, о разгроме мусульманского войска сельджуков, определенное созвучие титула Унекан (в других источниках Унгхан) с христианским именем Иоанн — все это дало толчок для развития и распространения легенды о могучем государе «священнике Иоанне». Возникла идея, что он может стать надежным союзником европейских христианских держав. Отсюда и появление подложных писем «священника Иоанна».

Здесь следует отметить, что в средневековой Европе понятие «страна Индия» имело очень расширенное значение. Еще древний географ Птолемей (II в. н.э.) считал, что Индия простирается до берегов Тонкинского залива, а в средневековой Европе «Индией» часто именовали всю южную часть Азиатского материка, за исключением Передней Азии, и даже Восточную Африку вместе с Эфиопией. Так, например, Марко Поло называл монгольского владыку Персии «царем Индии». Таким образом, легенда связала таинственную страну чудес, где правит могущественный «священник Иоанн», с Индией.

Надежды на помощь царя-«священника Иоанна» в борьбе с мусульманами были связаны с событиями в христианском государстве грузин на Кавказе. Сын знаменитой царицы Тамары Георгий IV Лаша (время правления 1212—1223 гг.), видимо в 1218 или 1219 г., послал гонцов к Галтерию, канцлеру христианского княжества Антиохия, основанного крестоносцами на Ближнем Востоке, обещая свою помощь христианскому войску, осаждавшему египетский порт Дамьетту. Но помощи от грузин крестоносцы так и не дождались, так как в 1221 г. Грузию опустошили монгольские войска Чингисхана.

Но слухи о предполагаемой помощи грузин причудливо трансформировались в сознании многих европейских влиятельных лиц и породили безосновательные надежды. Так, Жак де Витри, епископ Акки — опорного пункта христиан в Палестине — писал папе Гонорию III в 1221 г.: «Вышеупомянутый Серафим слышал, что индийский царь Давид вторгся в его страну... Этот царь Давид, весьма могущественный и опытный

в военном искусстве государь, мудрый и победоносный, которого Господь призвал в наши дни, дабы он стал молотом для язычников и искоренителем распространяющегося как чума учения неверного Магомета и его проклятого закона, зовется народом «священником Иоанном» [90, с. 26]. А в дошедшем до наших дней письме неизвестного рыцаря-крестоносца архиепископу Безансона говорилось: «Я получил известие, истинность которого подтверждена надежными посланцами: индийские христиане, называемые грузинами, с бесчисленными всадниками и пехотой, воодушевленные помощью Божьей, крупной вооруженной силой обрушились на неверных, захватили 300 крепостей и покорили 9 больших городов... Их царь благороден, ему 16 лет, по силе и добродетели он подобен Александру, но только не по вере... Этот юноша везет с собой останки своей матери, могущественной царицы Тамары, которая при жизни дала обет совершить паломничество в Иерусалим и просила своего сына в случае ее смерти доставить ее останки к Гробу Господню» [90, с. 28].

Как видим, многие в Европе отождествляли Георгия IV Лаца с выдающимся грузинским царем Давидом IV Строителем (1089—1125 гг.). В битве при Дидгори 15 августа 1121 г. с войском в 61 тыс. воинов, среди которых было 1000 франкских рыцарей, Давид разгромил превосходящие силы мусульман, вторгшиеся в его страну.

В первой половине XIII в. легенда о царе-священнике Иоанне широко распространилась в Западной Европе. Этому способствовали сведения о создании огромной монгольской империи Чингисхана и его потомков, о разгроме монголами сильных мусульманских государств в Средней и Западной Азии. В 1221 г. монголы захватили Самарканд, разгромив войско мусульманского султана Кутуб ад-дина Мухаммеда. Молва приписывала этот разгром именно христианскому царю «священнику Иоанну».

Кроме того, в Западную Европу проникли сведения, что среди монгольских ханов есть те, кто принял христианскую веру, и что они охотно принимают на службу христиан, а мусульман нещадно преследуют. Действительно, среди монголов было немало христиан-несториан, имелись они и в семье самого Чингисхана и притом очень влиятельные. Например, старшая жена Тулуй-хана Соркуктани-беги, мать великих ха-

нов Мункэ и Хубилая, а также покорителя Багдада Хулагу. Крещение приняли министр великого хана Гуюка Кадак и его военачальник Ильчикадай, наместник Персии и Армении [35, с. 228; 90, с. 47].

С другой стороны, европейцы узнали о существовании христианской страны в Африке. В 1230 г. в Иерусалимскую церковь на Масличной горе прибыло из Эфиопии несколько чернокожих священников-христиан во главе с аббатом. Позже в Иерусалиме на Кальварской горе была сооружена нубийская часовня. А с начала XIV в. в некоторых церковных документах указывалось уже на возможность нахождения государства царя — «священника Иоанна» в Эфиопии [56, с. 457].

Правда, папскому престолу было известно, что утвердившееся в Эфиопии коптское христианство значительно отклонялось от догм римско-католической церкви и считалось ересью. Поэтому Рим уже в XIII—XIV вв. стремился послать туда своих миссионеров. Тем не менее, в Европе все более крепло убеждение в том, что царство «священника Иоанна» находится в Восточной Африке. Так в средневековом путеводителе по Эфиопии говорилось: «Из Турата в Хаксус два дня пути. В этом городе коронуются все цари, покорившиеся священнику Иоанну... Наконец из Хаамеры три дня пути в Шауа. В этом городе живет священник Иоанн... Священник Иоанн зимой правит на своем троне в Хаамере, летом же живет и правит в Шауа. Этот государь носит имя Давид. Он властвует над 13 царями» [90, с. 90].

«Африканская Индия» в сознании многих европейцев XIV—XV вв. стала до того привычным понятием, что в некоторых документах даже отмечено, что легендарная деятельность апостола Фомы проходила в Африке, а не в Индии, как думали ранее, и будто бы там же находится его могила.

То, что во многих европейских странах не сомневались в реальном существовании государства «священника Иоанна», свидетельствует рассказ о нем в географическом романе «Книга познания» [см. главу 21]. Автор помещает государство «священника Иоанна» в области Верхнего Нила: «Я пришел к большому городу Грасиона, столице царства Ардеселиб. Это слово означает «Слуга креста». И действительно, Ардеселиб защищает церковь Нубии и Эфиопии, а ее защитник — священник Иоанн, патриарх Нубии и Эфиопии, властвующий над

весьма обширными землями и многими христианскими городами. Но у этих людей кожа черного цвета, и они выжигают на теле знак креста как символ крещения» [90, с. 262].

Это представление о нахождении страны царя — «священника Иоанна» в Восточной Африке отчетливо отображено на Каталонской карте мира 1375 г. — одной из лучших географических карт Средневековья. В легенде на этой карте отмечается, что в Нубии живут христиане, подданные «священника Иоанна». К христианской «эфиопской Индии» обращались тогда надежды тех властителей в Европе, которые опасались усиливающейся угрозы со стороны турок на Востоке и хотели победить окончательно мавров на Пиренейском полуострове и в Северо-Западной Африке.

Легенда о царе — «священнике Иоанне» оказалась исключительно живучей и дожила до конца XV в., когда португальские короли предпринимали энергичные усилия по отысканию пути проникновения в Индию. Поэтому португальскому королю Жуану II, по словам историка XVI в. Жуана Барруша, «казалось, что через священника Иоанна он мог бы получить доступ в Индию, ибо от абиссинских монахов, приезжавших на Пиренейский полуостров, а также от монахов, ездивших с полуострова в Иерусалим для сбора сведений об этом государе, король узнал, что его страна лежит за Египтом и простирается до Южного моря [то есть до Индийского океана. — *Авт.*]» [91, с. 78].

В качестве агентов, способных выполнить в чужих и враждебных мусульманских странах такие опасные и ответственные задания, как поиск загадочной христианской страны и заключение союза с ее владыкой, а также сбор сведений относительно торговли пряностями в Индии, были выбраны два человека.

Первым был Афонсу ди Пайва, придворный, который говорил по-испански и по-арабски. Главой миссии определили Перу ди Ковильяна. Он несколько лет прожил в Испании, жил во Франции, выполнял тайные поручения португальского короля при испанском дворе. Важно было то, что он дважды ездил в Берберию (современные Марокко, Алжир и Тунис) с дипломатическими поручениями и, вероятно, неплохо владел арабским языком. Более того, он изучил обычаи и привычки местных мусульман, хорошо знал условия жизни в боль-

ших мусульманских городах Северной Африки. Современник, беседовавший с Ковильяном, когда последнему было уже за 70, писал: «Этот Перу ди Ковильян — человек, знающий все языки, на которых могут говорить христиане, мавры и язычники» [91, с. 79].

Гашпар ди Корреа, современник и историограф Васко да Гамы, открывшего в 1497—1498 гг. морской путь в Индию вокруг Африки, писал об отправке этих агентов: «Обоим путешественникам король дал по медной пластинке, наподобие медали, на которой на всех языках были выгравированы слова: «Король дон Жуан Португальский, брат христианских монархов», чтобы они могли показать это «священнику Иоанну». Король дал им драгоценных камней — «несколько дорогих камней» — для продажи на расходы» [91, с. 82].

После прощальной аудиенции у короля путешественники 7 мая 1487 г. выехали из Сантарена. Через Лиссабон, Валенсию и Неаполь они добрались до о. Родос — последнего оплота христианства в Восточном Средиземноморье. Далее пришлось следовать уже в обличи сирийских купцов, приобретя груз меда. На корабле добрались они до Александрии, куда после захвата турками Константинополя стекались товары из Индии и более дальних к востоку стран.

Вместе со знакомыми арабскими купцами — уроженцами Северной Африки, чьи язык и обычаи прекрасно знал Ковильян, агенты португальского короля решили направиться в Аден, важнейший арабский порт у входа в Красное море.

Весной 1488 г. они присоединились к каравану, отправлявшемуся в порт Тор на Красном море, сели там на арабское судно и перешли в Аден. Там агенты разделились. Пайва направился в Эфиопию, в страну, где, как принято было считать в то время, царствовал «священник Иоанн». А путь Ковильяна лежал в Индию. Путешественники расстались, и с этого дня сведений о судьбе Афонсу ди Пайва не сохранилось.

А Ковильян на арабском судне отправился через океан в Индию. Через месяц утомительного плавания путник увидел гору Дели — высокий мыс Малабарского берега приблизительно в 100 км к северо-западу от порта Каликут. Это был тот самый обрывистый индийский берег, который через 10 лет увидел Васко да Гама, подплывая к берегам Индии.

Ковильян высадился на берег в Каннануре — крупном порту государства Виджаянагар, богатого рисом и пряностями — кардамоном и имбирем. Из Каннанура Ковильян проследовал в Каликут. Поскольку он выдавал себя за арабского купца, это позволило ему беспрепятственно собирать нужные сведения об индийской торговле.

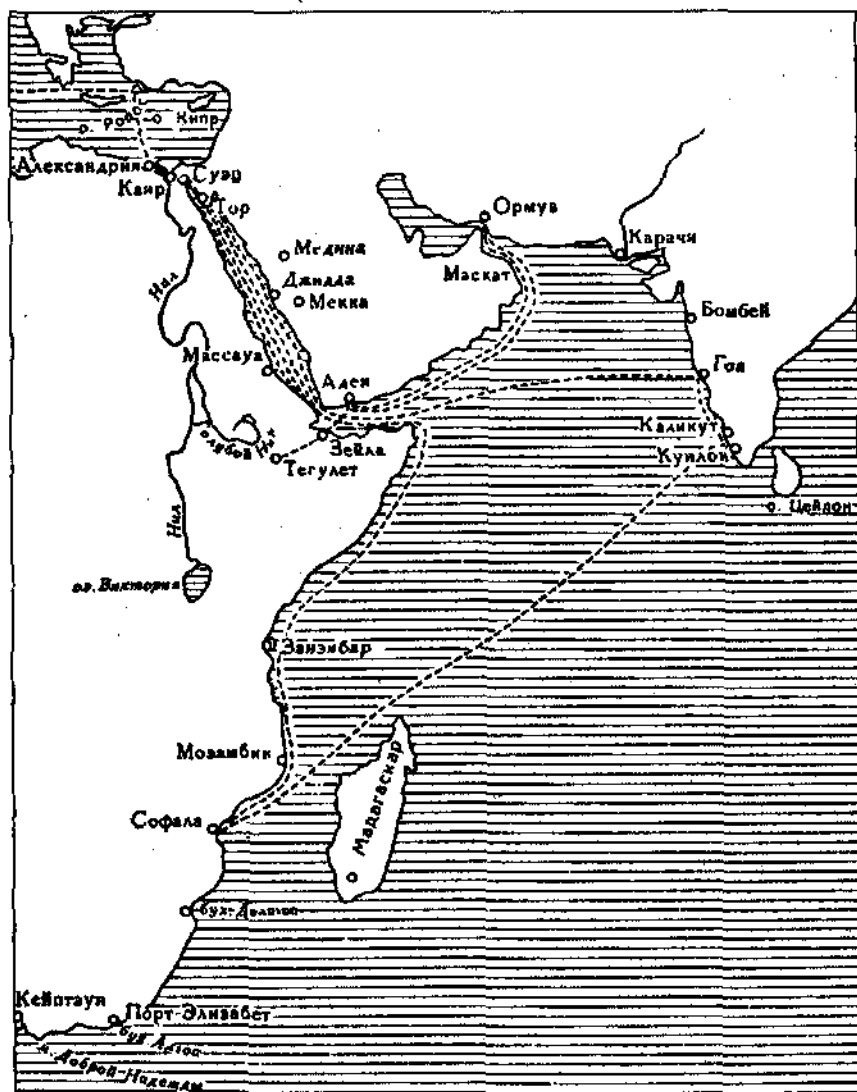
Он прибыл в Индию в августе или сентябре 1488 г. с юго-западным муссоном и торопился закончить сбор необходимых ему сведений до времени смены сезонных ветров, когда обыкновенно приезжие купцы возвращались из Индии уже с северо-восточным муссоном.

Ковильян, видимо, тщательно изучил пути поступления товаров в Каликут, где продавались индийские, цейлонские и бирманские алмазы, сапфиры и рубины. Суда доставляли в Каликут рис с Коромандельского (восточного) побережья Индии, корицу с Цейлона, камфару с Борнео и Формозы (Тайваня), лак из Пегу (государства в районе бассейна р. Иравади в Бирме), очищенный мускатный орех и его шелуху с островов Банда в восточной Индонезии, гвоздику с Молуккских островов. В порту было полно мешков с перцем — каликутским товаром. В порт доставлялись китайские товары: фарфор, шелк, чай, олово, лакированные изделия, вышитые ткани. Г. Харт считал, что Ковильян мог еще наблюдать в Каликуте джонки китайских купцов, хотя конкуренция арабов привела к свертыванию плаваний китайцев на запад уже в середине XV в. [91, с. 95].

Из Каликута Ковильян отправился на небольшом судне вдоль побережья, посещая многочисленные индийские порты. Он, видимо, неплохо познакомился с импортными товарами, поставляемыми в Индию главным образом арабами, проживавшими на Малабарском побережье: лошади, медь, ртуть, киноварь, кораллы, шафран, набивные ткани, розовая вода, серебро и золото, ножевой товар.

Любопытно, что Ковильян встретил на Малабарском побережье христиан, утверждавших, что их общины основаны святым Фомой, который, как гласило предание, после распятия и воскресения Иисуса отправился на восток для миссионерской деятельности.

Посетил Ковильян и порт на о. Гоа, через который велась интенсивная торговля с Аравией и Персией и который являлся главным пунктом ввоза лошадей в Индию.

Маршрут плаваний Ковильяна

Выполнив свою секретную миссию, Ковильян в феврале или марте 1489 г. отплыл в Ормуз. Затем он обогнул с юга Аравию и в конце 1489 г. на арабском судне прошел от Северного Сомали вдоль побережья Восточной Африки до Софалы у 20 градуса ю. ш., где от арабских моряков услышал, что с любого места этого побережья можно пройти морем на запад, то есть в Атлантический океан. Тогда же он от них узнал о существовании огромного «Острова Луны», длина береговой линии которого составляет 300 лиг (около 1800 км). Речь шла об о. Мадагаскар, протяженность побережья которого на самом деле составляет около 4 тыс. км. Из Софалы Ковильян морем добрался до Тора и с караваном до Каира [35, с. 255].

По итальянской версии описания его приключений, сделанного в XVI в. Рамузио: «Он проплыл на корабле до Красного моря и добрался до Зейлы [побережье Сомали. — *Авт.*] и с какими-то купцами маврами проплыл через те самые моря Эфиопии, которые он видел на навигационных картах в Лиссабоне, ибо он должен был делать все, чтобы запастись сведениями; и так он плыл в западном направлении [вернее в юго-западном и южном. — *Авт.*], пока не попал в место Софала, где от каких-то арабских моряков услышал, что с любого места этого побережья можно пройти морем на запад, и что пределы [моря. — *Авт.*] неведомы, и что там есть обширный остров, на расстоянии более, чем 900 миль от берега, называемый [островом. — *Авт.*] Луны. И, установив все это, он весьма довольный решил возвратиться в Каир» [91, сс. 97, 98].

Туда он прибыл в конце 1490-го или в начале 1491 г. Там его ожидали два агента короля Жуана: ученый раввин Авраам и сапожник Иосиф. Они передали Ковильяну приказ короля в связи с гибелью Пайвы самому направиться в царство «священника Иоанна» в Восточной Африке и собрать там необходимые сведения. Ковильян написал королю отчет о том, что он узнал в Индии, и передал его Иосифу для доставки в Португалию.

По поводу содержания отчета королю сохранилось свидетельство монаха Франшишку Алвариша, который беседовал с самим Ковильяном в Каире: «Здесь он сразу написал через сапожника из Ламегу [Иосифа. — *Авт.*], как он открыл, что корица и перец есть в городе Каликут, что гвоздика идет из [страны. — *Авт.*] за ним, но что все это можно найти там и,

кроме того, упомянутых городах Каннануре, Каликуте и Гоа, на всем побережье и что сюда можно плыть берегом и морями Гвинеи, останавливаясь у Софалы [то есть огибая с юга Африку. — *Авт.*], куда он также плавал и где есть великий остров, называемый маврами «островом Луны». Говорят, что он находится в 300 лигах от берега; и из любой из упомянутых стран можно взять курс на Каликут» [91, с. 100, 101].

Получил ли король Жуан письмо Ковильяна и повлияло ли оно на планы короля в части открытия морского пути в Индию? Узнал ли содержание письма Васко да Гама перед отплытием в экспедицию? Однозначно ответить на это нельзя. То, что о получении письма не указано в хрониках того времени, еще ни о чем не говорит. Вполне возможно, что такая конфиденциальная информация была известна только узкому кругу лиц. Известно, что многие сведения, связанные с открытием новых торговых путей и новых земель, тщательно скрывались испанскими и португальскими чиновниками, связанными с организацией заморских плаваний. Так что при взвешенной оценке сведений о деятельности Ковильяна нельзя исключать вероятности того, что его письмо повлияло на дальнейшие планы португальского короля и что Васко да Гама мог быть ознакомлен с новыми сведениями, сообщенными тайным агентом короля.

Тем более, что проводив Иосифа в Лиссабон, Ковильян и Авраам побывали в Ормузе. Оттуда Авраам направился на родину, взяв с собой второе письмо — отчет королю, подобное тому, что увез Иосиф. Вторичная отправка отчета увеличила шансы на то, что сведения о морском пути в Индию, собранные Ковильяном, все же попали в руки короля.

Ковильян же совершил просто немыслимое — он обогнул с юга Аравию, возвратился в Красное море, посетил священные для мусульман города: Джидду — порт Мекки, саму Мекку и Медину. Ясно, что он побывал там в обличье арабского купца, иначе ему грозила смерть. Затем он побывал на Синае и из Тора перешел в Зейлу, располагавшуюся перед «Землей священника Жуана» — христианской Эфиопии.

В 1492 или 1493 г. он добрался до таинственной страны, где царствовал Александр — «лев племени Иуды, Негус негасты (царь царей)». Ковильян был радушно принят при дворе императора Эфиопии. Он предъявил ему награвированную мед-

ную пластинку и письмо от португальского короля, написанное по-арабски. Жители страны были христианами. Правда, их религиозное учение и обряды сильно отличались от католических. Например, они не ели свинины и вместо воскресенья отдыхали в субботу, как иудеи.

Сменялись на троне «негусы», а Ковильян все не получал разрешения покинуть страну. Более того, он был назначен правителем одной из областей. Португалец научился говорить, читать и писать по-эфиопски. Хотя у него в Португалии остались жена и дети, император настоял, чтобы он женился на эфиопке. У него родились дети-мулаты. По словам Гашпара Корреа, автора XVI в., один из сыновей Ковильяна, несмотря на темный цвет кожи, «был воспитан и благороден» [91, с. 106].

Примерно в мае 1520 г. в Массауа [эфиопский порт на Красном море] высадилось португальское посольство во главе с Родригу ди Лима. Ковильян поспешил ему навстречу и оказывал всяческие услуги: был и переводчиком, и проводником, и советчиком. В числе членов посольства был монах из Коимбры Франсишку Алвариш. Ковильян рассказал ему о своих приключениях, которые Алвариш записал и включил в свой отчет «Правдивое сообщение о землях священника Жуана Индийского» (1540 г.). О чем-то Алвариш впоследствии рассказал Корреа, сообщив дополнительные подробности о приключениях королевского тайного агента.

Когда посольство после длительного пребывания в Эфиопии отправилось в обратный путь, то Ковильян в возрасте более 70 лет сопровождал послов вместе со своей женой, сыновьями, слугами и рабами. Он попросил посла взять с собой в Португалию одного из своих сыновей-мулатов, чтобы представить его королю и просить вознаградить сына в знак заслуг перед Португалией его отца. Но в дороге сын заболел и скончался. А Ковильян до конца своих дней оставался в Эфиопии. Так закончилась жизнь отважного путешественника, первого португальца, побывавшего в Индии.

На этом можно поставить точку и в истории о царе — «священнике Иоанне», так как после ознакомления португальцев с истинным положением дел в христианской Эфиопии из проникновением европейских держав в Юго-Восточную Азию для царства загадочного «священника Иоанна» на земле просто не осталось места.

ГЛАВА 23. НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПЛАВАНИЯ ДЖОНА И СЕБАСТЬЯНА КАБОТОВ

*О братья, — так сказал я, — на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены.*

Данте Алигьери.
«Божественная комедия»

26 января 1496 г. испанская королевская чета Фердинанд и Изабелла направили своему послу в Англии письмо, в котором было сказано: «Вы пишете, что некий человек, подобно Колумбу, явился к английскому королю, дабы склонить его к предприятию, похожему на то, какое было организовано в Индию [имеется в виду экспедиция Колумба. — Авт.], без ущемления прав Испании и Португалии. И он может на это пойти... Следите, чтобы король Англии не был вовлечен ни в это, ни в другое дело... Их нельзя осуществить без ущерба для Нас или для короля Португалии» [89, с. 303].

Но было уже поздно. 5 марта 1497 г. английский король Генрих VII выдал этому «некоему человеку» грамоту: «Король приветствует всех! Знайте, что Мы из особой милости и известных соображений, коими мы охотно руководствуемся, дали избранному Нами Джону Каботу, венецианцу, и его сыновьям соответствующую власть и сей грамотой жалуем и разрешаем плавать ко всем частям океана, странам и морям на востоке, западе и севере под нашими флагами и знаменами, с пятью

судами такого типа и грузоподъемности и с таким количеством моряков, каких они пожелают, чтобы искать, открывать и находить любые острова, страны, области и провинции, кои принадлежат язычникам или неверным в любой части Земли и до сего времени были неизвестны всем христианам» [89, с. 302].

Кто же это был, Джон Кабот, намерения которого взволновали даже испанских монархов? Генуэзец Джованни Кабото родился между 1450 и 1455 г. и его судьба была во многом типичной для бурного времени Великих географических открытий. В 1461 г. его отец с семьей переехал в Венецию. Через 15 лет Джованни стал гражданином Венецианской республики, женился на венецианке, которая родила ему сыновей Лодовико, Себастьяна и Санчо.

Вероятнее всего, он был моряком и купцом, плавал на венецианских судах в Левант за товарами из Индии, главнейшими из которых были пряности, драгоценные камни и ткани. Есть сведения, что ему удалось каким-то образом побывать даже в священном городе мусульман Мекке в Аравии. При контактах с арабскими купцами Кабото больше всего интересовало, откуда они привозят на Ближний Восток пряности. Его убедили, что пряности «родятся» в каких-то далеких странах к северо-востоку от «Индий» (в это географическое понятие в Средние века в Европе включали не только собственно Индию, а и все страны Южной и Юго-Восточной Азии).

Так же, как и Колумб, Кабото считал Землю шаром и, видимо, как и первый, думал, что Атлантический океан омывает восточные берега Азии и что расстояние от берегов Восточной Азии до Европы значительно меньше, чем это было в действительности. Поэтому если «родина пряностей» находилась далеко на северо-востоке от Индии, то значит она была, по мнению Кабото, значительно ближе к Европе именно на северо-западе от последней.

В 1490—1493 гг. Д. Кабото, вероятно, проживал в Валенсии, побывал в Севилье и Лиссабоне, пытаясь заинтересовать испанских и португальского монархов своим планом достижения «родины пряностей», но поддержки от них не получил.

Не позднее 1494 г., а может быть и несколько ранее, Кабото с семьей переехал в Англию и поселился в крупном портовом городе того времени Бристоле. Там его стали называть на английский манер Джоном Каботом [15, с. 60].

Бристоль тогда был главным морским портом Западной Англии, где базировались рыболовецкие суда, промышлявшие в Северной Атлантике. Безусловно, богатые бристольские купцы желали приобщиться к открытию новых стран и новых торговых путей. Начиная с 1480 г. они несколько раз посылали суда на запад для поиска неизвестных островов. Ведь на многих географических картах XIV—XV вв. в Атлантике размещались фантастические, как позже стало ясно, острова Бразил, Семь Городов, Св. Брандана и др., о которых ничего толком не было известно. Все эти экспедиции заканчивались безрезультатно.

Сообщения об открытии Колумбом неизвестных земель в западной части Атлантического океана, дошедшие до Англии, дали новый толчок в организации бристольскими купцами разведывательных экспедиций. На этот раз душой этих экспедиций стал Д. Кабот, который с сыновьями с 1495 г. плывал на бристольских судах.

В разрешении короля Генриха VII, выданном Каботу, чтобы излишне не раздражать испанского и португальского королей, не было указано южное направление поисков новых земель. Пятая часть будущей добычи должна была поступить в королевскую казну.

У итальянского автора XVI в. Рамузио приведен рассказ Д. Кабота о его замыслах при организации новой экспедиции под эгидой королевской власти: «Так как я исходил из шарообразности [Земли. — *Авт.*] и должен был найти при плавании на северо-запад более короткую дорогу в Индию, то я доложил об этой мысли королю, который согласился со мной. Он повелел надлежащим образом снарядить для меня две каравеллы, и в начале лета 1497 г. я вышел в мое северо-западное плавание с намерением найти именно ту землю, где лежит Китай, с замыслом повернуть оттуда в Индию» [89, с. 225].

2 мая 1497 г. Д. Кабот на небольшом судне «Мэтью» с экипажем всего из 18 моряков (в их числе был сын Д. Кабота Себастьян) поплыл из Бристоля на запад, держа курс примерно вдоль параллели, чуть севернее 52 градуса с. ш. Погода в основном, благоприятствовала морякам, но частые туманы и множество айсбергов затрудняли плавание. Через месяц после выхода из Бристоля корабль попал в шторм, к счастью, быстро прошедший.

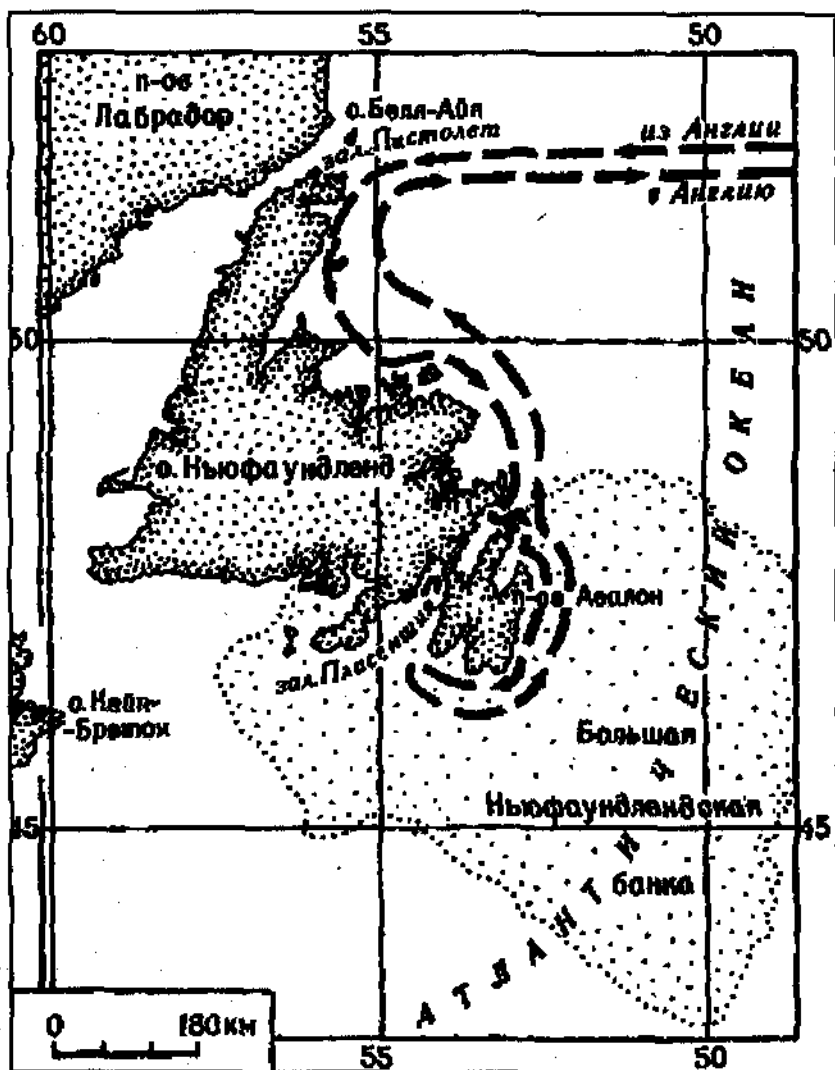
Утром 24 июня «Мэтью» достиг неизвестной земли. На карте мира, составленной под руководством Себастьяна Кабота в 1544 г., у побережья Северной Америки нанесена надпись: «Эту доселе неизвестную землю открыл Иоанн Кабот из Венеции и его сын Себастьян Кабот в году от искупления грехов 1494-м 24 июля [дата неверная, точно установлено, что это открытие произошло 24 июня 1497 г. — *Авт.*], в 5-м часу на рассвете. Они назвали ее terra prima vista [первая увиденная земля. — *Авт.*], а большой остров, расположенный перед ней, — островом Святого Иоанна, так как он был открыт в день Святого Иоанна» [89, с. 302].

Какого же места на побережье Северной Америки достиг «Мэтью» 24 июня? Ранее большинство историков утверждало, что речь может идти только о юго-восточном побережье Лабрадора. В настоящее время многие ученые склоняются к тому, что Кабот точно открыл северную оконечность о. Ньюфаундленд, к востоку от залива Пистолет.

Любопытно, что Кабот открыл Ньюфаундленд вторично. Первый раз это сделал примерно в 1004 г. викинг Лейв Эйрикссон, доплывший туда от юго-западного побережья Гренландии, где находились норманнские поселения. То, что норманны побывали на Ньюфаундленде, доказал путешественник и историк Х. Ингстад, который в 1961—1964 гг. раскопал на узком северном полуострове Ньюфаундленда, отделенном проливом Белл-Айл от материка, руины восьми норманнских домов, четырех навесов для лодок и много предметов, несомненно, норманнского происхождения [92, сс. 142—150, 205—210, 221—225]. Сам Кабот, вероятнее всего, ничего не знал о прошлых плаваниях викингов.

В одной из ближайших бухт Д. Кабот высадился на берег и объявил страну владением английского короля. Тут стоит подчеркнуть, что Кабот был вообще первым европейцем, которому после того, как начались плавания Колумба в 1492 г., удалось добраться до североамериканских берегов. Затем, вероятнее всего, он двинулся вдоль сильно изрезанного побережья Ньюфаундленда на юг, обогнул полуостров Авалон и в заливе Пласеншия повернул обратно.

Некоторые историки географических открытий считают, что Д. Кабот в первом плавании прошел и далее на запад, открыв пролив между островами Ньюфаундленд и Кейп-Бретон,

Маршрут первого плавания Д. Кабота в 1497 г.
(по С. Морисону)

то есть проход из Атлантического океана в залив Святого Лаврентия, который позже был назван его именем. У полуострова Авалон Д. Кабот видел громадные косяки сельдей и трески. Таким образом, именно Д. Кабот обнаружил Большую Ньюфаундлендскую банку, отмель в Атлантике размером более 300 тыс. кв. км, которая оказалась одним из самых богатых рыбой районов Мирового океана [15, с. 61].

20 июля Д. Кабот повернул корабль на восток, придерживаясь, вероятно, и на обратном пути той же параллели 52 градуса с.ш. При подходе к берегам Европы он несколько отклонился на юг, подходил к о. Уэссан близ Бретани и прибыл в Бристоль 6 августа.

В Бристоле Д. Кабота встретили восторженно. Венецианец Лоренцо Паскуалиго, будущий посол Венеции в Лиссабоне, писал на родину 23 августа 1497 г.: «Наш венецианец, который отплыл из Бристоля на маленьком судне, чтобы отыскать новые острова, уже вернулся и сообщает, что открыл на расстоянии 700 итальянских миль отсюда страну Великого хана, проплыл вдоль этой страны 300 миль и высаживался на берег, но людей там не видел. Однако он привез королю силки, которые были расставлены для ловли дичи, и иглу для вязания сетей; он видел также несколько деревьев с надрезами, из чего заключил, что там должны жить люди. Из осторожности венецианец вернулся на свой корабль. Он был в дороге три месяца. Это точно. На обратном пути моряк видел по правую руку два острова, но не высаживался на них, чтобы не терять времени, так как у него было мало провианта... Король обещал венецианцу предоставить для следующего плавания 10 кораблей, которые будут, как говорят, снаряжены согласно желаниям моряка... Он находится со своей супругой венецианкой и сыновьями в Бристоле. Его имя Дзуам Талбот [Кабот. — *Авт.*]. Его называют Великим адмиралом и ему оказывают высокие почести; он разнаряжен в шелка, а англичане гоняются за ним как сумасшедшие. Но венецианец не хочет иметь с ними никакого дела... Открыватель этой страны водрузил на найденной земле английский флаг, а также знамя Святого Марка, ибо он венецианец, так что теперь наш флаг поднят в крайней дали» [89, с. 303].

Важно и то, что в Бристоле Д. Кабот рассказал о том, что воды у побережья вновь открытой земли богаты рыбой, то есть

он сообщил о новом, перспективном, более южном, чем традиционный у побережья Исландии, районе рыболовства.

Несмотря на отмечаемый современником энтузиазм бристольтцев по поводу открытия Д. Кабота, королевским указом от 10 августа 1497 г. руководитель экспедиции был награжден не очень значительной суммой — 10 фунтов стерлингов. Правда, через несколько месяцев, 13 декабря король установил Д. Каботу постоянную пенсию в размере 20 фунтов в год. Эта награда согласно указу короля была дана «тому, кто обнаружил новый остров». Значит, и Кабот, и королевские советники считали новооткрытую землю островом. В послании короля так и названа эта земля — «Вновь открытым островом» (в пер. — Ньюфаундленд) [15, с. 62].

Испанский посол в Лондоне доносил своим государям, что видел карту первого плавания Кабота (которая, к сожалению, не сохранилась до наших дней). Он сообщил: «Я думаю, что до этой [открытой Каботом. — Авт.] страны отсюда не более чем 400 лиг [около 1300 миль, фактически расстояние равно около 2000 миль. — Авт.]» [89, с. 305].

Сам факт открытия Д. Каботом неизвестных земель возбудил у короля Генриха VII надежды на достижение в дальнейшем более богатых и населенных азиатских земель. 3 февраля 1498 г. Каботу была вручена новая грамота короля, в которой говорилось: «Сим жалуем и передаем Нашему возлюбленному Джону Каботто из Венеции полную власть и право через его уполномоченных и доверенных по собственному усмотрению получить шесть английских судов в любой гавани, или в нескольких гаванях, или в каком-либо другом месте в Нашем королевстве Англии... вместе со снаряжением и оборудованием, с тем чтобы вывести их от Нашего имени и по Нашему приказу к стране и островам, которые были недавно найдены упомянутым Джоном... Он имеет право на все упомянутые суда и на каждое из них в отдельности назначать и нанимать столько капитанов, матросов, прислуги и других людей из наших подданных, сколько захотят с ним отправиться на этих судах по доброй воле в те страны или на острова» [89, с. 304].

В начале мая 1498 г. из Бристоля вышла на запад вторая экспедиция под начальством Д. Кабота. В этот раз он командовал флотилией из пяти судов, на которых ушли в плавание

до 300 моряков. Об этой экспедиции сохранилось совсем немного сведений, причем довольно противоречивых. Одни историки предполагают, что экспедиция достигла западного берега Гренландии, затем проследовала на север в надежде найти проход далее на запад. На широте 67 градусов 30' экипажи судов отказались идти далее на север (некоторые историки отмечают, что часть судов флотилии отсюда возвратилась в Англию) [93, с. 11].

Кабот повернул к югу и проследовал вдоль североамериканского побережья далеко на юго-запад. Итальянец Петр Мартир из Ангеры, писатель конца XV — начала XVI в., чутко следивший за всеми событиями того времени, связанными с открытиями неизвестных земель, и сообщавший о них надежные сведения, рассказал о плавании Кабота следующее: «Кабот направил свой путь так далеко к Северному полюсу, что в июле встретил огромные горы плавучего льда и увидел долгий день. Он нашел в этом плавании свободную ото льда землю. Увидев перед собой такие огромные массы льда, Кабот был вынужден повернуть на запад и идти вдоль берега. Следуя очертаниям суши, он прошел так далеко на юг, что очутился на широте Геркулесовых столбов [Гибралтарского пролива — 36 градусов с.ш. — *Авт.*], ибо такова была высота Северного полюса [высота Полярной звезды. — *Авт.*]. Одновременно он проник так далеко на запад, что был на долготе Кубы, расположенной влево от него [то есть продвинулся несколько южнее Чесапикского залива на восточном побережье Северной Америки. — *Авт.*]».

Его дополняет сообщение итальянского писателя XVI в. Джамбатиста Рамузио: «Он [Себастьян Кабот, который был рядом с отцом и во время второй экспедиции. — *Авт.*] рассказал мне, что зашел за этот остров вплоть до 67,5 градуса с.ш. и 11 июня увидел спокойное открытое море, без каких-либо помех. Вследствие этого он полагал, что находится на пути в Китай, который лежит на востоке» [89, с. 316].

Моряки несколько раз высаживались на берег и встречали там людей, одетых в звериные шкуры (североамериканские индейцы). Из-за недостатка провизии начальник экспедиции повернул назад и возвратился в том же году в Англию.

Одни историки предполагают, что Д. Кабот умер в пути и руководство экспедицией перешло к его сыну Себастьяну.

Другие считают, что Д. Кабот скончался вскоре после возвращения в Англию.

По мнению королевских советников и бристольских купцов, вторая экспедиция не оправдала затраченных на ее снаряжение средств, так как не привезла ни золота, ни жемчуга, ни пряностей. На пушные богатства стран, мимо которыхплыли суда, моряки не обратили внимания. Ясно было, что покрытые лесами, почти необитаемые берега абсолютно не похожи на побережья «Китая» или «Индии» с многолюдными городами, пашнями и лугами, какими они были по описанию побывавших там путешественников, купцов и монахов. Единственно, на что обратили внимание бристольские купцы, так это на то, что Кабот открыл новый район Атлантики, чрезвычайно богатый рыбой.

О значительных географических открытиях, совершенных в ходе второй экспедиции Д. Кабота, известно больше не из английских, а из испанских источников. На карте Хуана Ла Косы (составлена, вероятнее всего, в 1500 г.) нанесено далеко к северу и северо-востоку от Эспаньолы (Гаити) и Кубы длинная береговая черта с устьями рек и заливом, на котором написано: «море, открытое англичанами», и с несколькими английскими флагами. Испанцы, планируя в 1501—1502 гг. провести экспедицию по исследованию Северной Америки, намечали плыть вдоль побережья материка на север «вплоть до земель, посещенных английскими кораблями» [15, с. 63].

Обнаруженные уже в XX в. в Англии документы свидетельствуют о том, что Себастьян Кабот совершил еще два самостоятельных плавания в высоких широтах Северо-Западной Атлантики. Весной 1504 г. на двух кораблях бристольских купцов он достиг побережья Северной Америки, а в июне направился обратно в Англию. Оба судна вернулись осенью того же года в Бристоль с 40 тоннами соленой рыбы и семью тоннами тресковой печени, заготовленной в районе Ньюфаундлендской банки.

В 1508 г. (по другим данным в 1509 г. [49, с. 102]) С. Кабот направился еще в одно плавание на кораблях, снаряженных английским королем. Он проследовал вдоль восточного побережья Лабрадора до 64 градуса с.ш., стремясь найти северо-западный проход к богатым азиатским странам, и проник в пролив, находившийся, судя по сведениям в его отчете, меж-

ду 61 и 64 градусами с.ш., прошел по этому проливу около 10 градусов по долготе, то есть около 300 миль, а затем повернул на юг в большое море, по его мнению, омывавшее западное побережье вновь открытого материка.

Положение и размеры пройденного им пролива соответствуют примерно Гудзонову проливу длиной около 430 миль, расположенному между 60 градусами 30 мин. и 64 градусом с.ш. Значит, С. Кабот открыл, вторично после норманнов (не зная ничего об их открытиях), Гудзонов пролив и Гудзонов залив [15, с. 65].

Когда С. Кабот вернулся в Бристоль, на престоле сидел уже новый король Генрих VIII, отказавший ему в поддержке. Через несколько лет С. Кабот перешел на испанскую службу, и в феврале 1518 г. испанский король назначил его главным кормчим. В 1526—1530 гг. он во главе испанской флотилии проводил исследования в Южной Америке, нанес на карту реку Ла-Плата, нижнее течение реки Параны и открыл нижний участок реки Парагвай.

После возвращения в Англию он стал королевским советником по морским делам. Удивительно, но в последние годы жизни его деятельность определенным образом была связана с Московской Русью. Он стоял как бы у истоков англо-российских политических и торговых связей.

Дело в том, что в первой половине XVI в. Англия была еще слишком слаба, чтобы пытаться оспаривать португальское и испанское господство в южных и восточных морях, а также у берегов вновь открытого Нового Света. Для англичан оставались открытыми лишь северные моря. И они начали искать северо-восточный проход, то есть морской путь из Западной Европы в Восточную Азию в обход Северной Европы и Азии.

Впервые в Европе узнали о пути в Китай и Индию по северным морям от Дмитрия Герасимова, направленного в 1525 г. великим князем Московским Василием III во главе посольства в Рим. Сам Д. Герасимов был весьма колоритной фигурой того времени. Он родился около 1463 г. в Новгородской земле и, очевидно, происходил из мелкопоместной дворянской семьи. Попад в Ливонию, он изучил там немецкий и латинский языки. Одно время он жил в Новгороде в доме архиепископа Геннадия, для своего времени образованного и начитанного церковного деятеля. По его заданию Герасимов в

1491 г. побывал в Риме и привез оттуда книги, направленные против ересей, что было актуально в те времена.

В начале XVI в. Герасимов стал служить при московском великокняжеском дворе переводчиком в звании дьяка. Он примкнул к придворному кружку Максима Грека, известного богослова и церковного деятеля, провозгласившего верховенство самодержавной великокняжеской власти во взаимоотношениях с церковными кругами. Кружку Максима Грека принадлежит ряд переводов на русский язык произведений зарубежной духовной и светской литературы. Из этого кружка вышли также переводы новейших географических сочинений, в частности об открытии Америки Колумбом. По мнению д.и.н. М.И. Белова, возможно, что именно Герасимов узнал об открытии Колумба в бытность свою московским посланником в Германии и сообщил об этом московским друзьям [75, с. 59]. Сам он перевел с латинского Толковую Псалтырь и дал к ней комментарий из произведений немецких духовных писателей.

Герасимов неоднократно участвовал в посольствах в Швецию, Данию, германские государства в качестве переводчика и затем полномочного представителя великого князя Московского. В 1519 г. Василий III «милостиво похвалил» его и наградил за окончание очередного перевода. В 1524 г. в Москву прибыл итальянец Чентурионе, посол папы Климента VII с предложением Василию III перейти в католичество и принять королевский титул. Именно Герасимов был послан в Рим с ответной грамотой [94, сс. 40, 41].

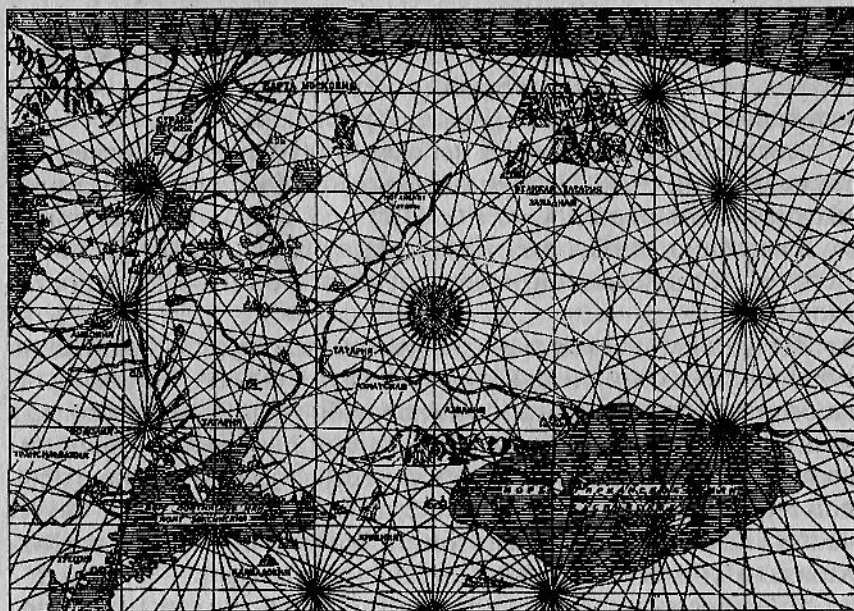
Римский папа Климент VII принял Герасимова с большим почетом и приставил к нему придворного литератора Паоло Иовия.

На основании сведений, полученных от Герасимова, Иовий написал по-латыни и опубликовал труд, названный им «Книга о посольстве Василия, великого Государя Московского, к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описаны положение страны, неизвестное древним, религия и обычай народа и причины посольства». Книга вышла в свет в 1525 г., когда Герасимов еще был в Риме, выдержала несколько изданий и была переведена на другие языки.

Иовий рассказывает о далекой стране, которую овевают Кор и Аквилон — северные ветры, где зимой длинные ночи.

Любопытно его сообщение о том, что к северу от Московии до Скифского (Северного) океана «власти московитов повинуются бесчисленные народы» на расстоянии почти трехмесячного пути.

Именно в книге Иовия приведены сведения, явно сообщенные Д. Герасимовым, о возможности плавания в восточные страны вдоль сибирского побережья: «Выше только что названных мною народов [обитателей Перми, Югры — югричей и вогульчей. — *Авт.*], которые платят дань московским царям, есть другие отдаленные племена людей, не известных московитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до Океана: о них знают только по слухам, да еще из баснословных по большей части рассказов купцов. Однако достаточно хорошо известно, что Двина [Северная. — *Авт.*], увлекаемая бесчисленными реками, несетя в стремительном течении к Северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли» [94, с. 38].

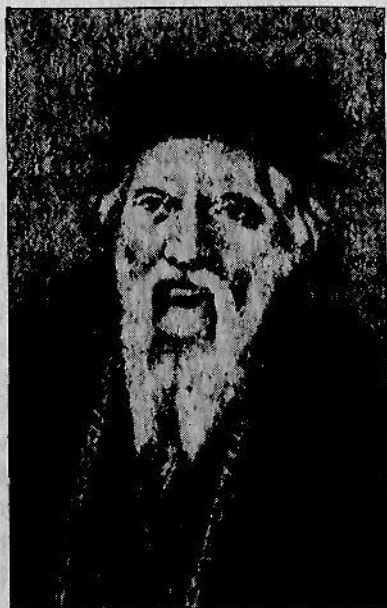
Чертеж Д. Герасимова в переработке Баттисты Агнезе

На основании рассказов Д. Герасимова итальянский картограф и гравер Баттиста Аньезе составил в октябре 1525 г. в Риме карту Московии, которая дополняла книгу Иовия. По этой карте виден был беспрепятственный путь на восток вдоль северного побережья Московии, по крайней мере на протяжении сотен миль пути.

Все эти сведения, безусловно, стали известны в Англии, и именно по совету С. Кабота и при его деятельном участии лондонские купцы организовали в 1548 г. «Общество купцов-изыскателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещенных». Для начала был собран немалый для того времени капитал в 6000 фунтов стерлингов [95, с. 19].

За счет собранных средств были приобретены и отремонтированы три судна, снабженные небольшими вспомогательными парусно-гребными катерами (пинасами), которые обычно в походе поднимались на борт основных судов.

С. Кабот написал инструкцию для начальствующего состава подготовляемой экспедиции. Новым в ней было то, что он предложил капитанам судов вести судовой журнал (до того на судах такие журналы не велись). «Ежедневные записи о путешествии, — указывалось в инструкции, — должны вести также купцы и всяк, кто только в состоянии сие делать. Особливо же должны штурмана и лоцмана означать ежедневно в продолжение всего путешествия в журнале своем все, что по их части заслуживает хотя некоторого уважения, как-то: курс корабля, наблюдаемые высоты солнца и луны, направление и положение берегов, вдоль коих будут идти, силу морского течения, прилива и отлива, ветры и проч. Штурманам и лоцма-

Себастьян Кабот
(с портрета Гольдбейна
младшего, середина XVI в.)

нам предлежит также ведение записок о картах, астролябиях и других инструментах».

Любопытно, что в пункте двадцатом инструкции Кабот напоминал, что на корабле «никакая божба и употребление неблагопристойных слов, равно как и карточная игра и метание костей не должны быть терпимы». Но вот этот пункт, увы, так и не был принят к исполнению большинством моряков во всех странах [95, сс. 19, 20].

После этой экспедиции судовые журналы стали вести на всех кораблях западноевропейских морских держав, а затем ведение подобных журналов на судах стало обязательным.

Начальником экспедиции и командиром лучшего судна водоизмещением 120 т назначили знатного дворянина Хью Уиллоуби; главным кормчим флотилии и капитаном самого крупного судна водоизмещением 160 т — Ричарда Ченслора; а капитаном третьего судна водоизмещением 90 т — штурмана Корнелия Дюрферта. Экипажи судов насчитывали 105 моряков. Кроме того, на судах пошли в плавание 11 купцов.

В мае 1553 г. флотилия вышла из устья Темзы. Во время плавания в северном направлении в бурю судно Ченслора разлучилось с двумя другими. Уиллоуби и Дюрферт достигли Мурманского берега, высадились в пустынном месте в устье реки Варзины и зазимовали там. Во время зимовки все моряки этих двух судов погибли.

Корабль Ченслора ожидала более благополучная судьба. Он обогнул Нордкап — самый северный мыс Скандинавского полуострова, неделю простоял у норвежского порта Варде, ожидая Уиллоуби, а затем добрался до Горла Белого моря и проник в него. 24 августа 1553 г. он вошел в устье Северной Двины. В Двинской летописи прибытие первого английского судна специально отмечено: «Прииде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в малых судах от английского короля Эдварда посол Рыцарт [искаженное имя Ченслора — Ричард. — *Авт.*], а с ним гости» [95, с. 21].

Ченслор прибыл в Московское государство как нельзя вовремя, так как царь Иван IV был крайне заинтересован в установлении прямых торговых связей со странами Западной Европы. Он приказал вызвать Ченслора в Москву, куда тот и отправился санным путем.

Царь Иван IV Грозный с большой пышностью принял «королевского посла», как самовольно назвал себя Ченслор, и обещал покровительство английским купцам. В марте 1554 г. Ченслор отправился из Москвы на север. Когда он возвратился в Англию, «Общество купцов-изыскателей» было официально утверждено правительством. С. Кабот стал директором этой «Московской компании», как ее обычно называли.

В 1555 г., за два года до кончины С. Кабота, Ченслор опять отправился в Московскую Русь, на этот раз действительно как посол. Иван Грозный предоставил английским купцам обещанные привилегии. Ченслор отплыл в Англию с царским послом Осипом Григорьевичем Непеей, но погиб при аварии его корабля у берегов Шотландии. Непея спасся и добился в Лондоне таких же льгот, какие англичане получили в Москве.

С. Кабот до своей кончины успел в 1556 г. отправить для отыскания северо-восточного прохода небольшое судно «Сёчтрифт» («Ищи выгоды») под командой Стивена Барроу, который до этого служил старшим штурманом на корабле Ченслора. Отправляя эту вторую полярную экспедицию, престарелый С. Кабот (ему было уже более 80 лет) устроил ей проводы, причем, как рассказывал его современник, «добрый старый джентльмен от радости видеть такую готовность к предприятю сам принял участие в плясках среди молодежи и веселого общества» [95, с. 22]. Видимо, купцы «Общества купцов-изыскателей» и на этот раз надеялись на успех и получение больших прибылей.

С. Барроу удалось добраться до устья р. Колы, а затем с помощью русских моряков-поморов дойти до Югорского Шара, где льды преградили судну дальнейший путь на восток. Так начались регулярные англо-русские связи, у истоков которых стоял герой нашего очерка Себастьян Кабот.

ГЛАВА 24. В ПОИСКАХ ЭЛЬДОРАДО

*Это были путешествия наудачу
к стране мечты.*

Географ Элизе Реклю

Эпохальное открытие Колумбом Нового Света в конце XV в. повлекло за собой невиданный приток во вновь открытые страны массы конкистадоров (в пер. с исп. — завоеватель): испанцев, португальцев и других охотников за золотом и драгоценностями. В разных местах тропической Америки они слышали от коренных жителей — индейцев предание о «позолоченном человеке» (по-испански «эльдорадо»), властители страны, богатой золотом и драгоценными камнями. Предание гласило, что этот властитель каждое утро пудрит тело мелким золотым песком и каждый вечер смывает его в водах священного озера.

Безусловно, легенда об Эльдорадо возникла не случайно, в ее основе лежали некоторые религиозные обряды индейцев муиска, принадлежавших к языковой семье чибча. Муиска-чибчи, индейский народ со своеобразной, сравнительно высокой культурой, проживал в Северо-Западных Андах, их важнейшими центрами были города Богота и Тунха, расположенные в горах на высоте около 2500 м.

Религия муиска-чибчи основывалась на поклонении силам природы, они особо почитали солнце и воду. Причем золотой песок и золотые изделия они считали дарами божества Солнца. И эти солнечные дары они приносили в жертву божествам воды.

При избрании нового верховного жреца, который становился и верховным вождем, другие жрецы приводили намеренного к избранию к озеру. Там его ждал плот, нагруженный

золотом и изумрудами, под охраной четырех вождей-касиков, одетых в богатые, блестящие одежды. Жрецы раздевали избранника, обмазывали жирной землей и затем пудрили с головы до ног золотой пылью.

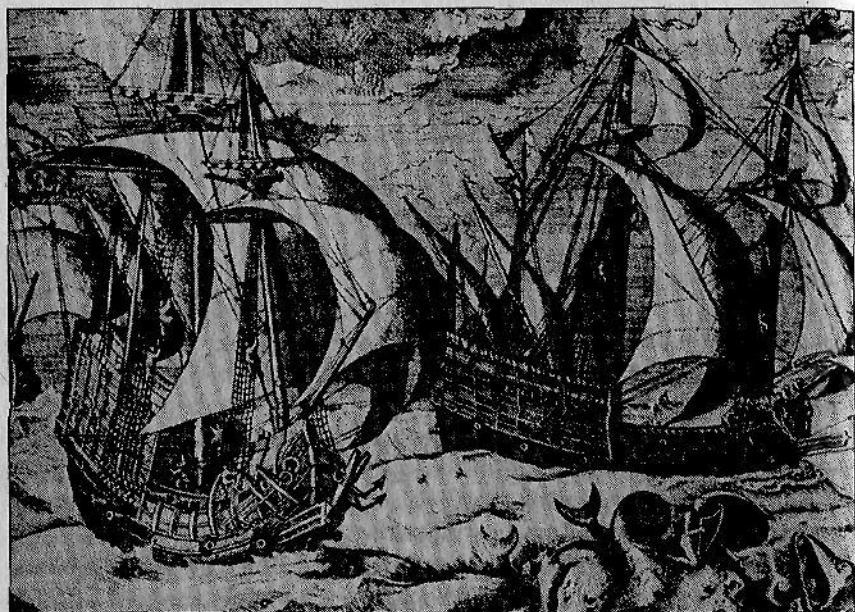
Покрытый золотой пылью избранник «сиял, как солнце». Он входил на плот, который отводили на середину озера. Там новый верховный вождь и жрец бросал божествам воды все нагруженные на плот драгоценности.

Индейцы считали священными несколько озер. Во время бедствий или после победы над соседними племенами у этих озер устраивались торжественные религиозные церемонии с жертвоприношениями. Услышанные от индейцев и расцветченные фантазией невежественных конкистадоров — европейцев легенды об Эльдорадо придали религиозному обряду туземцев фантастические подробности: будто дно священных озер выложено золотыми плитками и изумрудами, что владетель Эльдорадо, обсыпанный золотым песком, каждый вечер смывал его в водах озера. А затем ко всему добавились легенды о счастливой стране Эльдорадо, где все жители богаты и счастливы, владеют невиданным количеством золотых изделий, где никто не испытывает недостатка в еде и питье и круглый год царит прекрасное лето.

Ясно, что легенды об Эльдорадо вызывали у многих конкистадоров желание разыскать эту легендарную страну в Южной Америке и поживиться найденными там сокровищами. Одним из первых попытался сделать это Диего Ордас. Этот, по словам завоевателя Мексики Эрнандо Кортеса, «ловкий и оборотистый делец, человек великого ума и большой хитрости» [15, с. 166], получил в Испании от короля Карла I патент на колонизацию северо-восточной части Южной Америки.

Ордас отплыл из Испании на пяти кораблях, на которых разместилось 600 солдат при 36 лошадях, и пересек Атлантику. Штормы разбросали и потопили часть судов. Д. Ордас достиг на флагманском корабле устья Амазонки в начале 1531 г. На борту находилось 320 человек и 27 лошадей.

Высадившись на берег, испанцы начали грабить ближайшие индейские селения, где часто находили в хижинах прозрачные зеленые камни, принимая их за изумруды. Индейцы утверждали, что выше по реке есть целая гора из такого кам-

Испанские галионы XVI в.

ня. Сперва Ордас поплыл вверх по реке, но затем изменил решение, вышел в море и направился на северо-запад, чтобы добраться до ближайшей испанской колонии.

Дойдя до устья Ориноко, он построил речные суда и, погрузив лошадей, поплыл вновь вверх по реке. Он прошел 500 км на запад, а затем еще 500 на юг и по дороге везде искал золото. Его остановили пороги близ 6 градуса с.ш., там, где западная окраина Гвианского плоскогорья подходит к самой реке. Близ впадения в Ориноко большой реки, текущей с запада, на флотилию Ордаса напали индейцы. Испанцы сумели высадиться на берег и в конном строю обрушились на врага. Они захватили двух пленных, один из которых сообщил, что на западе, в горах, вероятно в верховьях западного притока Ориноко, царствует Эльдorado.

Ордас сразу же начал подъем по притоку, ведущему к желанной цели (цель по-испански «мета»). С того времени западный приток Ориноко стали называть Мета. Но вскоре Ордас повернул обратно: шел декабрь — уровень воды в реке стал быстро падать, кончались припасы, в отряде было много больных.

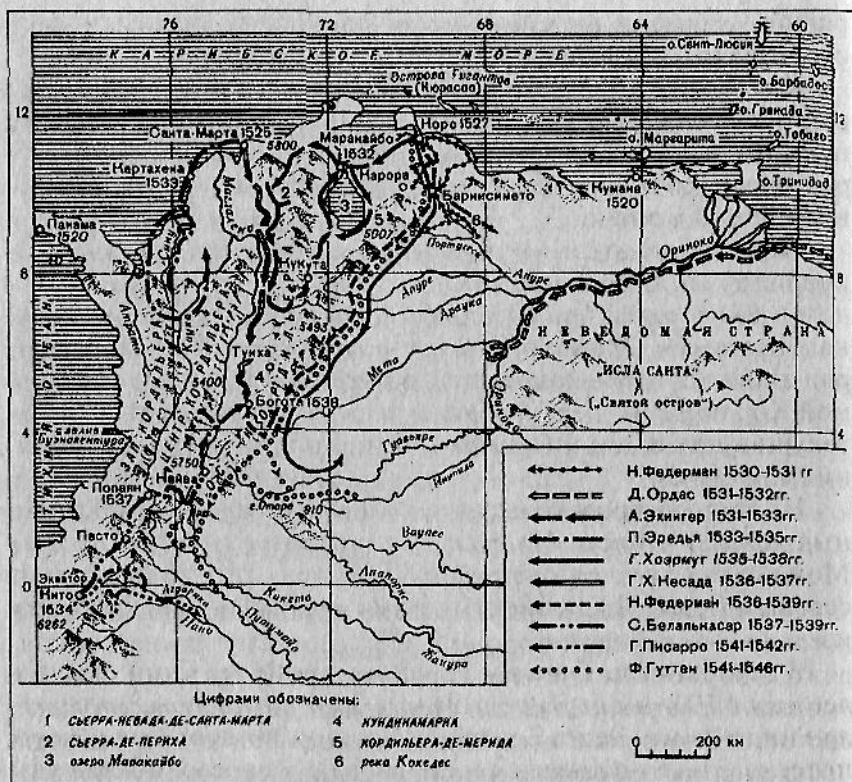
Ордас не достиг вожделенного Эльдорадо и был горько разочарован. Видимо, сам он не считал важным то, что открыл огромную, но почти безлюдную страну. А ведь он выяснил, что стекающие с северо-западных нагорий материка большие реки несут свои воды на восток к Атлантическому океану. После его путешествия стало ясно, что эти реки протекают через обширные равнины Льянос, что по Ориноко и его полноводным притокам возможно проникать далеко вглубь Южной Америки.

В это же время поисками таинственного Эльдорадо занялись отряды наемников германских банкиров Вельзеров из Аугсбурга и Эхингеров из Констанца. Эти банкиры ссужали деньгами германского императора Карла V, который одновременно был испанским королем Карлом I. В 1528 г. они получили от императора патент на завоевание и колонизацию южного побережья Карибского моря. За это они уплатили императору тонны золота (по разным подсчетам от 5 до 12 тонн).

Этими банкирами была создана кампания, заключившая договор с испанской короной. Согласно ему кампания снаряжала за свой счет четыре корабля с тремя сотнями людей и должна была завоевать для Испании приморскую страну к востоку от нагорья Санта-Марта, то есть Венесуэлу, основать поселения на побережье или на соседних островах и построить в ближайшие годы две-три крепости. Компания получила право назначать губернаторов из числа членов семей Вельзеров и Эхингеров и обращать в рабство всех индейцев, которые откажутся подчиняться губернаторским приказам.

В феврале 1529 г. на восточном берегу Венесуэльского залива высадился отряд немецких ландскнехтов — наемных солдат под командой Амброзия Эхингера (испанцы называли его Альфингером). Наемники беспощадно грабили индейцев в окрестностях крепости Коро, продавали в рабство всех захваченных в плен местных жителей. Эхингер основал поселок на западном берегу пролива, соединяющего Венесуэльский залив с озером (лагуной) Маракайбо, где затем возник одноименный город.

В конце 1531 г. Эхингер с отрядом в 170 солдат обогнул с севера горную цепь Сьерра-де-Периха, окаймляющую на западе низменность Маракайбо, продолжая грабить индейские

Маршруты экспедиции, искавших «страну Эльдорадо» в северо-западной части Южной Америки

селения. Он пытался найти хлебородные районы, а, главное, добраться до Эльдорадо, чтобы разграбить эту, как он думал, богатейшую страну. В поисках Эльдорадо Эхингер с отрядом прошел вдоль западных склонов гор Сьерра-де-Периха и добрался до поворота на восток реки Магдалена. Он попытался проникнуть вверх по ее притоку Кауке в горную золотоносную область. Затем он поднялся по долине Магдалены до 7 градуса 30' с.ш.

Чтобы захватить врасплох индейцев, он пытался двигаться возможно быстрее, не считаясь с состоянием своих индейцев-носильщиков. Известно, что в спешке Эхингер даже не терял время на то, чтобы расклепать ошейники с цепями у те-

рявших сознание индейцев-носильщиков, а приказывал просто отрубать им головы.

К середине 1533 г. его отряд был окружен индейцами в горах Восточной Кордильеры в 400 км севернее Боготы. После полного разгрома своего отряда Эхингер через 4 дня умер от ран, и только немногие из отряда добрались до крепости Коро в ноябре этого года.

Новый правитель «страны Вельзеров» Георг Хоэрмут отправился из Коро в мае 1535 г. на поиски Эльдorado с отрядом в 400 человек при 80 лошадях. Он прошел на юг по долинам притоков Ориноко, а затем повернул на юго-запад. Отряд двигался вдоль подножья Кордильеры-Мериды и Восточной Кордильеры, переправляясь через многочисленные реки, текущие на восток к Ориноко, и постоянно отбивая нападения индейцев.

Не хватало продовольствия, солдаты страдали от постоянных дождей и жары. На берегах одного из притоков верхней Меты отряд простоял на месте 8 месяцев, ожидая окончания сезона дождей. Численность войска значительно сократилась из-за голода и болезней.

В верховьях р. Гуавьяре, крупного притока Ориноко, более чем в 1000 км от Коро в августе 1537 г. отряд был разгромлен индейцами. Через 9 месяцев Хоэрмут возвратился в Коро, потеряв более половины своего отряда. За время похода удалось проследить восточные склоны Кордильеры-Мерида по всей длине 400 км и Восточной Кордильеры на протяжении почти 500 км и открыть верховья Апуре, Араука, Мета и Гуавьяре — ряда крупных притоков Ориноко.

В декабре 1536 г. из Коро по следам Хоэрмута вышел еще один отряд ландскнехтов под командой Николая Федермана, который поднялся по долине верхней Меты до ее истока, перевалил Восточную Кордильеру и вступил в богатейшую, центральную область муиска-чибчей. В феврале 1539 г. этот отряд достиг Боготы в то время, как туда же прибыли испанские конкистадоры: Кесада — с севера и Белалькасар — с юга.

Дело в том, что слухи о богатствах таинственной страны Эльдorado подвигли испанцев, основавшихся на южном побережье Карибского моря, начать свое продвижение на юг континента. В 1533 г. из крепости Санта-Марта, основанной ими в 80 км к востоку от устья р. Магдалена, выступил Педро

Эредья с отрядом в 150 человек. Он основал город Картахену в 200 км к юго-востоку от Санта-Марты. В 150 км от Картахены он открыл долину р. Сину, населенную земледельцами-чибчами. Испанцы разграбили захоронения и святилища этих индейцев, где было много драгоценных камней и золотых изделий.

Отряд Эредьи за три года дошел до Западной Кордильеры, водораздела между бассейнами Аtrato и Магдалены. Один из офицеров Эредьи, португалец Жуан Сезар, с несколькими десятками солдат в поисках Эльдorado после девятимесячного похода по заболоченным лесам добрался до восточного склона водораздела. В долине р. Кауки длиной ок. 1000 км, текущей на север к Нижней Магдалене, отряд Сезара награл в селениях и намыл в золотоносных притоках Кауки много золота. Но индейцы объединились и стали теснить захватчиков, которые поспешно бежали на север. Так была открыта важная золотоносная область Южной Америки.

В декабре 1536 г. вверх по р. Магдалена направился отряд Гонсало Хименеса Кесада. На реке он встретил индейское судно с грузом соли и прочных, ярко окрашенных хлопчатобумажных тканей. На судне Кесада отобрал у индейцев золотые кружки, которые показались испанцам монетами. Кесада решил, что где-то недалеко находится богатая страна, может быть даже Эльдorado. Но вскоре лодки отряда Кесада потерпели крушение на порогах у 5 градуса с.ш.

Дальнейший путь Кесады проходил по заболоченным лесам. Из 900 человек отряда, отправившихся в поход, на правобережное нагорье Кундинамарку поднялось лишь 166. В марте 1537 г. они вошли во многолюдные владения индейцев муиска-чибчей. Там испанцы увидели крытые золотыми пластинками деревянные храмы, в которых хранились драгоценности и золотые изображения богов. Муиски сами не добывали золота, а получали его от жителей верхней Магдалены и Кауки в обмен на изумруды, соль и ткани.

К началу 1538 г. Кесада завоевал эту страну. Но вскоре туда проник с юга отряд Севастьяна Белальказара. До этого он захватил в Кито (современная столица Эквадора) огромную добычу и решил направиться к северу от экватора. Передовой отряд Белальказара вел Хуан Ампудия, который, по словам хрониста, «производил те же действия, что молния и ртуть:

подобно ртути, он собирал все драгоценные металлы, которые находил в домах, и, подобно молнии, сжигал и обращал в пепел жилища и возделанные поля» [15, с. 171]. Террористическая политика Ампудия по отношению к индейцам привела к тому, что среди последних начались массовые самоубийства. Когда Белалькасар в 1536 г. последовал за Ампудией в верховья Кауки, то у дороги туда испанцы увидели множество скелетов самоубийц. Два года Белалькасар продвигался вниз по долине Кауки и наконец добрался до районов, захваченных Кесадой.

И вот в феврале 1539 г. в районе, где Кесада построил г. Санта-Фе-де-Богота (теперь столица Колумбии), расположились три отряда конкистадоров: два испанских — Кесады и Белалькасара и один немецкий — Федермана. По сообщениям испанских хронистов каждый отряд состоял из 160 солдат.

Конкистадоры сумели договориться между собой и полюбовно разойтись. Федерман получил выкуп и ушел, а Белалькасар и Кесада договорились о разделе страны и разграничении владений. Страну муисков Кесада назвал Новой Гранадой. Испанцы укрепились на Центральном плато в районе, богатом золотом, изумрудами и солью, и подчинили весь регион Северо-Западных Анд. В 1539 г. Паскуаль Андагоя открыл удобный торговый путь от Боготы к побережью Тихого океана — через Центральную Кордильеру вверх по долине Кауки и через Западную Кордильеру до залива Буэнавентура (у 4 градуса с.ш.)

Кесада доставил в Испанию большое количество золота и изумрудов; но из-за происков врагов ему разрешили вернуться в новые колонии лишь в 1549 г. Мечты об открытии подлинного Эльдорадо не оставили его, как и многих других конкистадоров. В поисках этого сказочного царства он в 60-х годах XVI в. дважды проникал в бассейн Ориноко. Уже в возрасте около 70 лет в 1569 г. он отправился в свою последнюю экспедицию к верхнему Ориноко с 300 испанцев и 1500 индейцами-носильщиками. Во время почти трехлетнего похода индейцы погибли или разбежались, умерли почти все испанцы. Неумолимый искатель легендарного царства возвратился обратно ни с чем.

Продолжили поиски Эльдорадо и агенты немецких банкиров Вельзеров и Этингеров. Хоэрмут умер в 1540 г., а его

преемник Филипп Гуттен в августе 1541 г. отправился в новый поход. В течение нескольких лет продвигался его отряд на юго-запад вдоль восточных склонов Анд. В начале 1543 г. Гуттен достиг 4 градуса с.ш. и оттуда направил разведывательную партию во главе с Педро Лампиасом на юго-восток. Разведчики пересекли верховья Гуавьяре и проникли на плоскогорье к истокам ее южного притока Инириды. Но там воинственные индейцы заставили их повернуть назад. Разведчики догнали основной отряд в мае 1543 г., пройдя точно на запад более 300 км через верховья рек — притоков Амазонки. Переждав дождливый сезон, Гуттен двинулся далее к югу и вышел на Амазонскую низменность. Столкнувшись с сильными индейскими племенами, он повернул назад и в начале 1546 г. возвратился в Коро. Это было последнее предприятие агентов немецких банкиров, связанное с завоеваниями в Южной Америке.

Перед смертью в 1579 г. Г.Х. Кесада назначил своим преемником на посту губернатора ненайденного Эльдorado капитана Антонио Беррио-и-Орунья, богача, женатого на племяннице неугомонного конкистадора. Преемник на свои средства снарядил три экспедиции для поисков Эльдorado.

Первая экспедиция вышла из Боготы на восток 3 января 1584 г. Отряд из 80 человек возглавил 64-летний Беррио. Он первый из европейцев прошел по высокотравной саванне с пальмовым редколесьем по междуречью Меты и Томо 1000 км. Близ Ориноко отряд переждал сезон дождей. Местные индейцы сообщили ему сведения о будто бы проживании многочисленного народа в горах к востоку от Ориноко, который обладал большим количеством золота и драгоценных камней.

После прекращения дождей Беррио с оставшимися здоровыми 13 солдатами обследовал подходы к западной части плоскогорья, круто поднимавшегося над покрытой лесом равниной, но проходов на плоскогорье не нашел и вынужден был возвратиться по кратчайшей дороге в Боготу в апреле 1585 г.

Вторая экспедиция началась в марте 1587 г. В ходе ее Беррио обследовал практически все западное подножие Гвианского плоскогорья к северу от 6 градуса с.ш., но опять не смог подняться на него и в марте 1589 г. возвратился обратно.

Третья экспедиция началась 19 марта 1590 г. Беррио отправился на восток во главе отряда из 118 солдат, взяв в отряд сво-

его 13-летнего сына Фернандо. Вновь он пытался найти проход у западных склонов плоскогорья и затем спустился по Ориноко к устью р. Кучиверо, где переждал сезон дождей. Затем с оставшимися живыми 50 солдатами он поднялся по долине р. Кучиверо на Гвианское плоскогорье и прошел на юг по безлюдной стране. Там он с отрядом совершил труднейший спуск по порожиистой р. Вентуари к Ориноко.

Оставив на островке посреди Ориноко небольшой гарнизон, Беррио спустился к устью реки. В сентябре 1591 г. он добрался до о. Тринидад и начал набирать людей для нового похода в поисках Эльдorado. В апреле 1592 г. он направил к устью р. Карони, притока Ориноко, лейтенанта Доминиго де Вера с отрядом в 35 человек. Тот возвратился через несколько недель, принеся с собой ободряющие вести о густонаселенном районе, приветливости индейцев и красоте индейнок, живущих в долине р. Карони.

В это время сам Беррио 8 апреля 1595 г. был захвачен в плен отрядом англичанина Уолтера Рэли. Освободившись из плена в июле того же года, Беррио уже в декабре основал близ устья р. Карони город Сан-Томе-де-Гуаяна.

Неутомимый приверженец поиска Эльдorado в 1596 г. организовал самую крупную экспедицию из 400 человек, но в свои 72 года уже не смог стать во главе ее. Отряд повел его старый соратник, участник предыдущих экспедиций португалец Антониу Жоржи. За 4 месяца отряд поднялся по Карони лишь на 120 км, где Жоржи скончался. Отряд распался на небольшие группы и почти весь погиб от рук индейцев.

К поискам Эльдorado присоединился Уолтер Рэли, который в 1596 г. направил капитана Леонарда Берри на судне «Уотти» исследовать реки восточной части Гвианского плоскогорья. В 1596—1597 гг. Берри осмотрел ряд рек от устья до первых порогов, но никакого Эльдorado, естественно, не обнаружил. Любопытно, что Эльдorado явилось как бы косвенной причиной гибели авантюриста У. Рэли. Он, один из фаворитов английской королевы Елизаветы, после ее смерти в 1603 г. просидел много лет в тюрьме по обвинению в заговоре против короля Якова I. В 1616 г. его выпустили на свободу, так как он обещал королю найти таинственное Эльдorado. Но вместо поисков «Золотой страны» Рэли организовал пиратский набег на испанские колонии в Тропической Америке.

После возвращения в Англию он был казнен по жалобе испанского правительства [49, с. 122].

После смерти А. Беррио дело отца с упорством и настойчивостью продолжил его сын Фернандо. В 1597—1606 гг. он возглавил не менее 18 экспедиций, пытавшихся проникнуть к центру плоскогорья, которое, по его словам, представляло как бы гигантскую неприступную крепость. Он обследовал ряд правых притоков Ориноко, часть плоскогорья. Ему казалось, что за увиденными на плоскогорье горами и находится недоступная страна золота, но преодолеть эти горы так и не смог.

Возвратившись в Испанию, он добился подтверждения своих прав в качестве губернатора таинственного Эльдorado и планировал вновь отправиться на его поиски. Конец его был трагическим. Неподалеку от берегов Испании он попал в плен к пиратам, продавшим его в рабство в Алжир, где он и скончался от чумы в 1622 г. [15, с. 352].

Еще ряд конкистадоров в течение второй половины XVI в. и первой половины XVII в. пытались отыскать таинственную страну Эльдorado на восточной стороне Анд, в бассейнах Ориноко и Амазонки. Мечта об открытии страны богатства и счастья вела их в неизведанные районы страны. Так и осталось Эльдorado до наших дней в сознании людей символом богатой, благополучной страны, где все ее обитатели всегда счастливы и здоровы.

ГЛАВА 25. ОСТРОВА ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

*После бури и волнения,
Всех опасностей пути,
Мореходцам нет сомненья
В пристань мирную войти.
Пусть она и неизвестна!
Пусть ее на карте нет!
Мысль, надежда им прелестна
Там избавиться от бед.*

Николай Карамзин

С древних времен люди мечтали о том, чтобы получить от всемогущих богов бессмертие. Самые почитаемые герои в награду за свои подвиги получали вечную жизнь и приобщались к сонму богов. Уже в глубокой древности люди во многих странах создали обряды и заклинания, которые должны были способствовать долголетию и даже бессмертию.

У древних китайцев появилась легенда о существовании «Великого острова Бессмертных Восточного моря», где растет трава, приносящая бессмертие или долголетие. Во время правления создателя первого в истории единого централизованного государства на территории Китая императора Цинь Ши-хуанди была организована крупная морская экспедиция для поиска в океане этого острова.

В 219 г. до н.э. из бухты на южном берегу Шаньдунского полуострова на поиски его вышли суда экспедиции под руководством мага Сю Фу. В плавание отправились несколько тысяч молодых мужчин и женщин, мастеровые различных профессий и навигаторы. Экспедицию снабдили зерном, семенами растений. На суда взяли различных домашних животных.

В летописи не указано, в каком направлении поплыли суда. Известно только, что экспедиция достигла какого-то остро-

ва, ландшафт которого включал несколько плоских равнин и больших озер.

Через 9 лет Сю Фу возвратился в Китай и подал прошение о выделении в его распоряжение искусных стрелков и специальных луков для охоты на тюленей. Император удовлетворил просьбу мага, который объявил себя властелином колонизированного острова и отплыл туда навсегда.

Историки географических исследований И.П. и В.И. Магидовичи предполагают, что Су Фу достиг Японии, а именно о. Хонсю, так как он ближе всего из больших островов к материку и только на нем археологи обнаружили керамику времен династии Цинь. Более того, они считают, что скорее всего Сю Фу имел точную информацию о местонахождении Хонсю, так как древние китайские моряки, по их мнению, еще раньше открыли и, видимо, много раз посещали не только о. Хонсю, но и Сикоку и Кюсю. Ну а по поводу нахождения травы бессмертия китайская летопись больше ничего, естественно, не сообщает [35, с. 138].

Легенды об источниках молодости, о воде юности, о «живой» и «мертвой» воде были распространены в древние времена и в эпоху Средневековья у многих народов. В конце XIV и в XV вв. в Европе пользовалась большой популярностью и была переведена на разные языки книга под названием «Путешествие сэра Джона Мандевиля» (середина XIV в.).

В ней описывались странствования английского рыцаря с 1323 по 1355 г., во время которых он путешествовал по таинственным землям Востока. Рыцарь побывал в Китае и именно там видел, как было написано в книге, своими глазами чудесный источник молодости. Он сам испил из него и вернул себе молодость. Естественно, средневековые читатели относились к этой книге с полным доверием, хотя все это путешествие являлось плодом фантазии автора [96, с. 39].

Легенда об островах вечной молодости получила, так сказать, второе дыхание в начале XVI в., когда европейцы, в первую очередь испанцы и португальцы, открывали новые материки и острова.

Участник второй экспедиции Колумба в Новый Свет в 1493—1496 гг. Хуан Понсе де Леон в период своего пребывания губернатором на о. Пуэрто-Рико услышал там легенду об о. Бимини, где бьет «источник вечной молодости». Он полу-

чил от испанского короля Фердинанда Католика патент на поиски и колонизацию этого острова.

Понсе пригласил старшим кормчим Антона Аламиноса, также участника второй экспедиции Колумба. Они приступили к снаряжению в Санто-Доминго на о. Гаити трех кораблей и к найму команд. Любопытно, что в состав этих команд принимали и стариков, и увечных. Считалось, что скоро будет найден чудесный источник, купание в котором вернет всем здоровье и молодость.

3 марта 1513 г. отряд кораблей Хуана Понсе отплыл

от берегов о. Пуэрто-Рико и направился на северо-запад к Багамским островам. Аламинос осторожно вел корабли от одного острова архипелага к другому. Испанцы высаживались на каждом острове и купались во всех родниках и озерах, но источника «вечной молодости» не обнаружили.

27 марта корабли прошли мимо северной группы Багамских островов, а через пять дней испанцы увидели большую землю. Понсе назвал ее Флорида («Цветущая»), так как вновь открытые берега были покрыты великолепной пышной растительностью, а кроме того, новую землю открыли в праздник «цветущей» пасхи. Но на карте, составленной Аламиносом, ей дано и другое наименование — Бимини.

По расчетам историков географических открытий Понсе достиг побережья Флориды у 29 градуса с.ш. Корабли зашли в небольшой залив близ нынешнего Дейтон-бич. Испанцы сошли на берег и объявили новый остров «владением испанского короля». Это была первая территория на континенте Северной Америки, захваченная испанцами.

И здесь они обследовали все источники, но, как и прежде, таинственного источника «вечной молодости» не нашли. Пон-

Портрет Х. Понсе де Леона

се пытался продолжить плавание к северу вдоль восточного побережья Флориды, но корабли попали в поток встречного холодного течения, повернули на юг, где очутились в мощном потоке теплого течения, шедшего с юга в открытый океан между Флоридой и Багамскими островами.

Корабли медленно плыли на юг вдоль низменного берега, моряки не раз высаживались и окунались в реки и озера. При чем делать это становилось все более опасно, местные жители проявляли воинственность, они были рослые, сильные, одеты в звериные шкуры и вооружены громадными луками, острыми стрелами и короткими копьями.

Целый месяц двигались корабли при попутном ветре и достигли южной оконечности Флориды. Испанцы открыли около 500 км восточного побережья Флориды, в том числе песчаный мыс, который сейчас назван именем Кеннеди (Канаверал, где находится космический полигон США). Испанцы обнаружили также цепь коралловых островов Флорида-Кис,

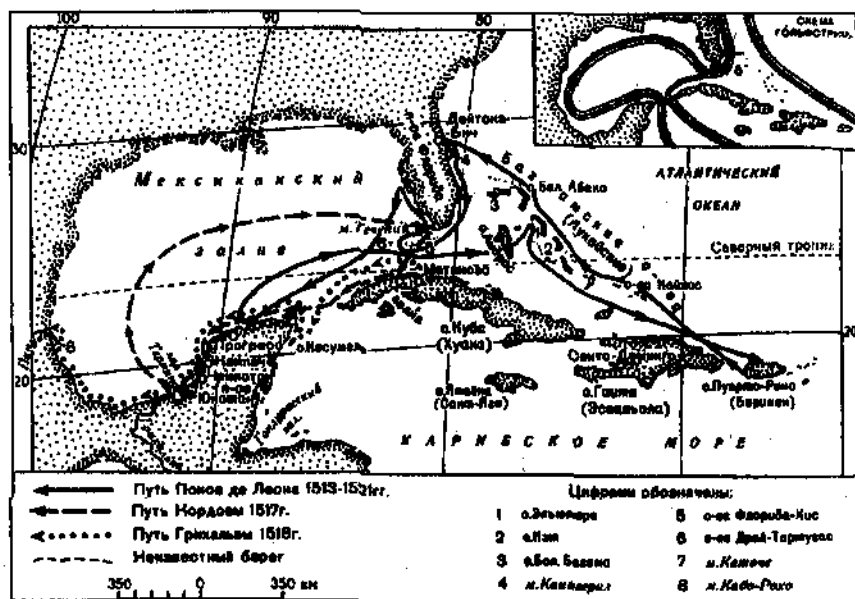

Источник вечной молодости (гравюра начала XVI в.)

образующих барьерный риф протяженностью около 200 км. Именно там встречное течение стало таким сильным, что один из кораблей флотилии был сорван с якорей и унесен в океан.

Моряки наблюдали гигантскую темно-синюю «морскую реку», в которой вода резко отличалась по цвету от зеленовато-голубого океана. Эта «река» текла с запада и у южной оконечности Флориды резко поворачивала на север. Аламинос первый изучил ее направление и позднее предложил использовать ее для ускорения движения судов при плавании от испанских колоний Нового Света в Испанию. Он правильно угадал, что «река в океане» должна доходить до берегов Западной Европы. Позднее, когда было нанесено на карту все побережье Мексиканского залива, испанцы назвали ее «Течением из залива», а английские моряки именовали «реку» Гольфстрим (*Hulf* — морской залив, *stream* — течение).

После возвращения сорванного с якоря корабля отряд продолжал вдоль всей цепи Флорида-Кис, и корабли стали на ремонт в лагуне одного из коралловых островов вблизи запад-

Поиски островов «вечной молодости» на Багамских островах и у побережья Флориды

ной оконечности цепи. 3 июня отряд направился на север в Мексиканский залив и дошел до бухты на западном побережье Флориды у 27 градуса с.ш. Из-за нападений индейцев Понсе покинул бухту и, посчитав, что на Флориде нет чудесных источников, направился на юг. Корабли в конце концов добрались до побережья полуострова Юкатан. Испанцы приняли его за остров и назвали Бимини. Там Понсе пробыл более месяца в поисках чудесного источника. Попытки Аламиноса, посланного на одном корабле, вновь обнаружить о. Бимини на Багамах окончилась, естественно, также неудачей, но название Северный и Южный Бимини так и закрепились за двумя островами к юго-западу от Большой Багамы. Сам Понсе погиб во Флориде в 1521 г. при разгроме его отряда непокорными индейцами. С его гибелью завершились поиски таинственной земли молодости и здоровья. Так часто бывало в истории географических открытий: искали одно, а нашли другое, совершив важные географические открытия [15, сс. 114—117].

ГЛАВА 26.

«TERRA AUSTRALIS INCOGNITA»— «НЕВЕДОМАЯ ЮЖНАЯ ЗЕМЛЯ»

*Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим Океаном:
И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей и птиц и рыб, плодов и трав несчетных.*

Михаил Ломоносов. 1752 г.

Большинство историков считает, что впервые идея о шарообразности Земли была высказана греком Парменидом (конец VI — начало V в. до н.э.). А Эвдокс Книдский (ок. 406—355 гг. до н.э.) первым выдвинул гипотезу о существовании помимо ойкумены — известной древним грекам обитаемой земли в северном полушарии — еще одного населенного массива суши в южном полушарии. Великий ученый и философ античности Аристотель (384—322 гг. до н.э.), разделявший многие географические воззрения Эвдокса, определенно верил в существование обитаемых стран в южном поясе Земли.

Важную роль в формировании представлений о реальном существовании «Неведомой южной земли» сыграли высказывания Кратеса (Кратета) Малосского (II в. до н.э.), главы царской библиотеки в Пергаме. Примерно в 168—165 гг. до н.э. он изготовил большой глобус, где указал маршруты плаваний Одиссея и Менелая — героев эпических поэм Гомера.

На этом глобусе он изобразил четыре массива суши. За полярными кругами на севере и юге Кратес поместил замерзшие участки океана. Весь район между северным и южным тропиком — «жаркий необитаемый пояс» — у него занимал океан. В меридианальном направлении от полюса до полюса на глобусе также располагался океан. По его утверждению в

пределах этого океана жили многие из тех народов, которые посетил за время своих странствий Одиссей. Так, например, «великаны, не знающие ночи», обитают в северных широтах «кратчайших» ночей, о которых сообщил грек Пифей, великий путешественник и крупный ученый, совершивший во второй половине IV в. до н.э. путешествие по северным странам Европы. «Не знающие дня керберийцы» (так он называл северный народ киммерийцев), обитают на полюсе, где 6 месяцев длится ночь, а в остальное время года — «мрачный» день.

На глобусе Кратеса существуют две обитаемые полосы суши в каждом из полушарий. Древнегреческий географ Страбон писал, что для изображения земли нужно сделать шар «наподобие шара Кратеса», а чтобы ясно изобразить на его поверхности все земли и воды, нужен шар «не менее 10 футов в диаметре» [около 3 м; 5, С. 116].

Безусловно, представление Кратеса о земных материках было чисто умозрительным и не основывалось на конкретных фактах исследований и путешествий. Это была замечательная догадка, гипотеза, предполагавшая существование на земной поверхности четырех массивов суши.

Идею о существовании других поясов обитаемой земли помимо известной ойкумены поддерживали многие видные античные ученые и философы. По мнению философа и географа Посидония (ок. 135—51 гг. до н.э.), южный пояс должен быть не только пригодным для обитания, но и обязательно обитаем, поскольку «природа любит жизнь» и не терпит пустоты. Посидоний говорит и о «напротив живущих» (антеках), которых можно назвать «эфиопами», и о антиподах («под ногами»), которые могут ходить по земле «под нами», ибо все тяжелые тела испытывают притяжение к центру земного шара [13, с. 305].

Подобные мысли высказывал ученик Посидония древнеримский писатель, философ и оратор Цицерон (106—43 гг. до н.э.). По его представлениям, обитаемая полоса земли от Испании до р. Ганг в Индии занимает часть северного пояса, в котором также имеется другой материк, населенный «рядом живущими» (перизками). А в «не известном нам южном поясе, который греки именуют противоположной землей», имеются как «напротив живущие» (антэки), так и «антиподы». В произведении «Сон Сципиона» Цицерон описал сновиде-

ния героя, который слышит музыку, издаваемую звездами, и видит земной шар с его четырьмя островами-мирами, разделенными океанами, причем как известная древним ойкумена, так и остальные три мира населены людьми, «отчасти живущими в стороне, отчасти сзади, отчасти напротив... по отношению к нам» [13, сс. 309, 310].

Схему мира по Цицерону изложил автор комментариев к его трудам, живший примерно в начале V в. римский грамматик Амвросий Феодосий Макробий. Последний утверждал шарообразность Земли, наличие на ее поверхности климатических поясов. Жаркий пояс, по его мнению, к обитанию непригоден и препятствует связи ойкумены с умеренным поясом южного полушария, который можно считать обитаемым: там имеются и «напротив живущие» («transversi») и «антиподы» («obligui»), а упасть в небо они не могут, так как никто не может падать вверх. Таким образом он вновь утверждал наличие на поверхности земного шара 4-х обитаемых зон суши, разделяемых океаном. Важно, что сочинения Макробия пользовались огромным успехом у средневековых ученых.

Первый географ, работа которого сохранилась, был Помпоний Мела (I в. н.э.), происходивший из Южной Испании. Он считал, что известные части суши — Европа, Азия и Африка отделяются на юге Эфиопским, Красным и Индийским морями от гипотетической, обитаемой антихтонами («противоживущими») суши, также окруженной со всех сторон водами [13, с. 323].

В подтверждение своих высказываний Мела приводит предположение крупного ученого античности Гиппарха (160—125 гг. до н.э.) о том, что, может быть, Тапробан (современный о. Шри-Ланка) не остров огромных размеров, а северная кромка материка «противоживущих». Мела предположил, что, возможно, именно в земле антихтонов берет свое начало Нил, а летний разлив его объясняется выпадающими в южной земле зимними дождями. Мела допускает, что Нил проходит под экваториальным океаном и выходит опять наружу в Ливии.

Существование южного умеренного пояса, который по всей вероятности обитаем, признавал видный римский ученый Плиний Старший (23—79 гг. н.э.). Он замечал, что непросвещенные люди подвергают сомнению существование антиподов и спрашивают, почему они не сваливаются с земной

поверхности, но с таким же успехом антиподы могут задать вопрос, почему не сваливаются жители ойкумены [13, с. 448].

Во II в. н.э. александрийский астроном и географ Клавдий Птолемей в своем «Руководстве по географии» изобразил картину всей земной поверхности, причем в южной части полушария Африка и Азия соединялись обширной сушей — Неведомой южной землей.

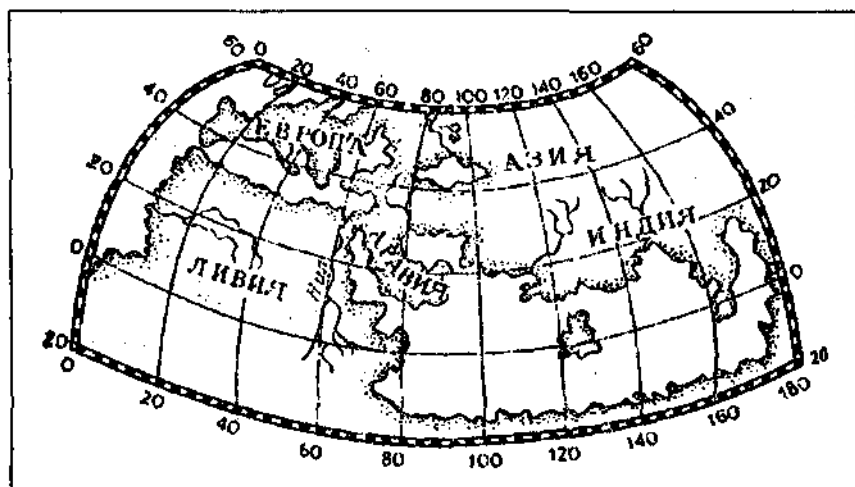
Во всех восьми частях этого капитального труда перечислено около 8 тыс. названий городов, гор, рек, заливов (от Скандинавии до верховьев Нила и от Атлантики до Индокитая) и для многих из них приведены географические координаты, определенные астрономически из наблюдений Солнца и звезд.

Он разработал в качестве приложения к своей книге 27 карт, среди которых имелась подробная карта всей Земли, какой до него никто не создавал и вплоть до XV в. никто не создал лучшей. Для этой карты он разработал специальную картографическую проекцию, известную под названием проекции Птолемея. Он блестяще развил систему географических координат, которая до него была разработана античными географами — Марином Тирским и рядом других. На этой карте Птолемей нанес параллели и меридианы.

В своих географических трудах он утверждал исключительную важность применения в географии математических методов. Птолемей писал: «Хорография [т.е. страноведение. — *Авт.*] нисколько не нуждается в математическом методе, а в географии это — самая главная часть... Все это — возвышенные и прекрасные вопросы, и все это с помощью математики дает нам возможность обозреть всю Землю в одной картине, подобно тому, как мы можем обозревать небесный свод в его вращении над нашей головой» [102, с. 268].

На карте мира Птолемея изображались три части света: Европа, Азия и Африка (Ливия). Западные берега Европы и Ливии омывал Атлантический океан. А Индийский океан на его карте представлял собой огромное озеро, окруженное со всех сторон сушей. Восточные берега Азии близко подходили к европейским. Вполне возможно, что именно из-за этой ошибки Птолемея Колумб смело поплыл через Атлантику в поисках берегов Азии [103, сс. 9, 10].

На карте Птолемея к югу от Индийского океана располагалась огромная суша, соединявшая Ливию и Азию, северное

Карта Птолемея

побережье которой шло приблизительно по параллели 11 градусов ю.ш. Атлантический океан Птолемей также считал замкнутым с юга берегом Африки, который на его карте несколько южнее экватора поворачивал на запад и доходил до левой рамки карты. Наконец североευропейский берег к востоку от «Венедского залива» (Балтийское море) поворачивал на север и подходил к верхней границе карты. Вскоре за Южным материком закрепилось название «Terra Australis».

Видный историк, знаток древней географии Р. Хенниг так оценил вклад Птолемея в мировую науку: «В самый подходящий момент, когда максимально раздвинулись пределы известного древним мира, великий гений Птолемея объединил в единое целое всю совокупность географических знаний и подал их в блестящей рамке широких обобщений. Несмотря на допущенные ошибки мир, по Птолемею, все же просуществовал целых 1250 лет как всеми признанный высший предел познания лика Земли. Вплоть до XVI в. труд Птолемея оставался, можно сказать, библией географических знаний, служившей основой для всех дальнейших исследований» [56, с. 21].

Благодаря трудам Помпония Мелы, картам Птолемея и книгам Макробия гипотеза о существовании в южном полушарии громадного Южного материка просуществовала до пос-

Портрет Васко да Гама.

ледней трети XVIII в. Многие средневековые ученые представляли себе Южный континент простирающимся от субэкваториальных широт до Южного полюса.

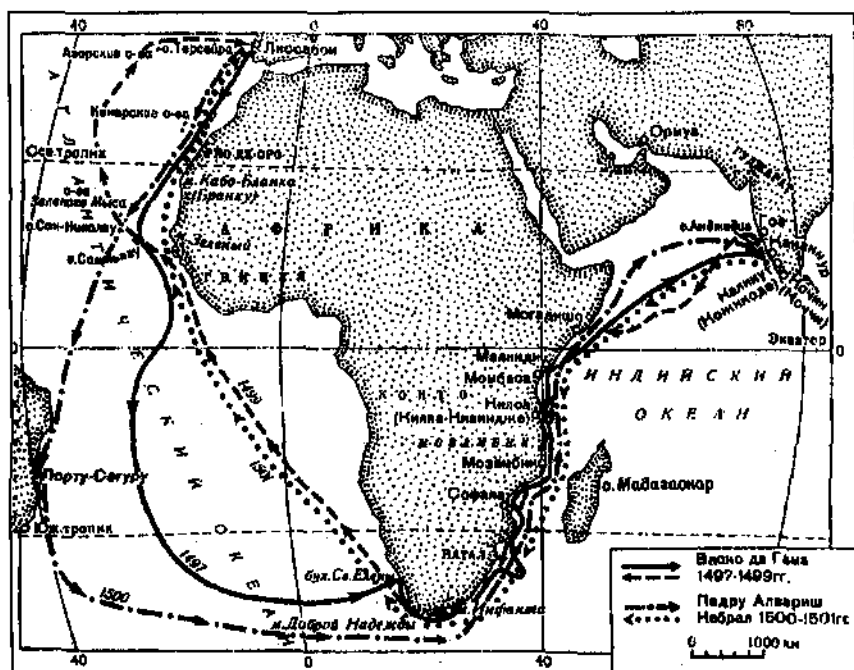
Уже в начале эпохи Великих географических открытий в 1515 г. на известном глобусе Шенера впервые в новое время был показан огромный южный материк «Terra australis», охватывавший в виде разомкнутого кольца океан у Южного полюса и отделенный проливом от «Бразилии» — вновь открытых земель Южной Америки.

Во второй половине XVI в. в существовании «Terra australis» были убеждены многие именитые географы того времени. Южная Земля совершенно отчетливо изображена на карте фламандца Авраама Ортелиа 1570 г. Знаменитый Гергард Меркатор не только нанес ее на карту, но и заявил, что наличие такого массива суши в южном полушарии совершенно необходимо, чтобы уравновесить соответствующие массивы в северном полушарии. Таким образом, гипотеза симметричного расположения суши на земной поверхности по-прежнему волновала умы ученых [49, с. 175].

Гипотетический южный континент искали испанцы в XVI—XVII вв., голландцы в середине XVII в., затем англичане и французы в XVIII в. и, наконец, русские в 20-х гг. XIX в. В ходе поисков Южного континента совершено множество замечательных географических открытий.

Первый удар по гипотезе существования Неведомой Южной Земли нанесло плавание португальской экспедиции во главе с Васко да Гама вокруг Африки в Индию в 1497—1498 гг. В ходе экспедиции было точно установлено, что Африка не соединяется с Южным материком, к югу от нее на значительном расстоянии простирается океан.

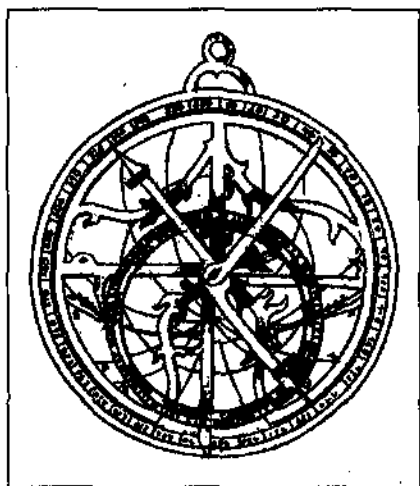
После возвращения 6 сентября 1522 г. в Испанию «Виктории», единственного из пяти кораблей экспедиции Ф. Магел-

Пути В. Гама и П. Кабрала

лана, и осмысления факта первого кругосветного плавания вокруг Земли ученые вновь заговорили о существовании неизвестного Южного материка. Магеллан назвал южную землю, отделенную от Южной Америки найденным им проливом, «Землей Огня» (на наших картах она называется Огненной Землей). Эту землю географы того времени посчитали северным выступом Terra Australis incognita — Неведомой Южной земли.

Только после того, как в 1578 г. английский мореплаватель-пират Френсис Дрейк открыл к юго-западу от Огненной Земли свободное водное пространство, стало ясно, что Огненная Земля, вероятнее всего, не выступ Южного материка, а архипелаг, за которым к югу простирается беспредельное море, а Неведомая Южная Земля если и существует, то значительно южнее. Окончательно в этом убедились в ходе голландской экспедиции Ле-Мера-Схаутена в 1616 г., когда был открыт мыс Горн, южная оконечность архипелага Огненная Земля, к югу

Австралия (ок. 1450 г.)

от которого на 1000 км простираются океанские воды пролива, названного в честь Френсиса Дрейка.

Кстати, обнаруженные профессором Тэйлором уже в XX в. несколько новых документов, касающихся кругосветного плавания Ф. Дрейка в 1577—1579 гг., показали, что первоначально Дрейк, по-видимому, должен был идти не к Молуккским островам, а исследовать показанную на карте Ортелиуса 1570 г. «Неизвестную Южную Землю». Правда, некоторые соратники Дрейка доказывали, что

плавание вдоль побережья этой неведомой земли с востока на запад невозможно из-за постоянно дующих в южной части Тихого океана западных ветров [49, с. 135].

За такой же выступ Южного материка посчитали географы и вновь открытые у экватора земли в Восточном полушарии. 1 ноября 1542 г. из новых испанских колоний в Америке вышла к Филиппинам флотилия из четырех больших и двух малых судов под общим командованием Руя Лопеса Вильяловоса. Экспедиция должна была открывать, исследовать и осваивать новые земли в Тихом океане. Открыв ряд островов Маршалловой группы и Каролинского архипелага, флотилия добралась до Филиппин, а оттуда до Молуккских островов.

В попытках добраться обратно до Мексики Вильяловос 16 мая 1545 г. отправил туда из гавани на Молуккских островах корабль под командой Иньиго Ортиса Ретеса, который решил пересечь океан в экваториальной полосе. Плывая на восток, он наткнулся на землю, которую еще в 1526 г. открыл португалец Жоржи Минезиш, — северо-западный выступ Новой Гвинеи. Продвигаясь на восток, Ретес неоднократно высаживался во многих пунктах северного побережья огромной земли, в глубине которой виднелись высокие горы. На испанцев несколько раз нападали местные темнокожие жители на

больших челнах с высокими надстройками, на которых находились воины. Ретес назвал эту землю Новой Гвинеей. Может быть, он посчитал, что местные жители схожи с туземцами африканской Гвинеи.

Ретес прошел вдоль побережья в юго-восточном направлении по его расчету 230 лиг (около 1400 км), а затем направился на север. Вскоре он уступил требованиям измученных моряков и возвратился на Молукки.

Впервые название Новая Гвинея появилось на карте мира Г. Меркатора в 1569 г. Все европейские картографы посчитали ее за экваториальный выступ Terra Australis incognita.

Затем испанцы стали искать другие северные выступы полуострова этой загадочной земли. Владельцы перуанских рудников и плантаций мечтали заменить «слабосильных» индейцев сильными, выносливыми чернокожими жителями Южной земли, наподобие тех, которых увидели Ретес и его моряки. Разумеется, все посчитали, что на неведомых землях имеется много золота.

19 ноября 1567 г. из перуанского порта Кальяо вышли для поиска побережья Южного материка два судна экспедиции Альваро Менданья де Нейра. Ему было дано поручение найти «известные острова и континент» в Южном океане, «поскольку многие очень опытные в математике мужи вывели заключение, что таковые должны находиться в тех местах» [49, с. 135].

Только 15 января 1568 г. у 7 градуса ю.ш. был открыт небольшой обитаемый, покрытый кокосовыми пальмами коралловый остров. Вероятно, это был один из островов Эллис в Экваториальной Полинезии. Неблагоприятные ветры мешали испанцам высадиться на нем, и суда поплыли далее на запад.

7 февраля у 8 градуса ю.ш. экспедиция подошла к «большой земле», огражденной от океана цепью коралловых рифов (о. Санта-Исабель). На острове видны были горы, покрытые тропическим лесом. Испанцы увидели на берегу селения с темнокожими жителями. Менданья решил, что им открыта на Южном материке страна Офир, куда согласно Библии, царь Соломон посылал корабли, вывозившие оттуда золото для украшения Иерусалимского храма.

Испанцы высадились на о. Санта-Исабель и построили там небольшой бриг. Плавая на нем, они открыли на юго-востоке

большие острова Малаита и Гуадалканал, на северо-западе — Шуазель. Затем во время вторичной разведки был открыт на юго-востоке от Санта-Исабель крупный о. Сан-Кристоваль. Открытый архипелаг Менданья назвал Соломоновыми островами.

В августе из-за стычек с воинственными туземцами островов экспедиция оставила архипелаг и направилась к берегам Южной Америки. Встречные ветры в южном полушарии заставили Менданью подняться к северу за Северный тропик, на что ушло много времени. Начался голод, многие заболели цингой и умерли. Только в январе 1569 г. экспедиция достигла побережья Мексики.

Возвратившись в Перу, Менданья объявил, что открыл библейскую страну Офир, где живут чернокожие люди и имеется много золота. Последнее было явно плодом его фантазии. *Власти оценили открытия более реалистично. В официальном отчете указывалось: «...хотя они и слышали о лучших землях, они не нашли ни золота, ни серебра, ни каких-либо товаров или какого-либо другого источника прибыли, и все встреченные ими туземцы были нагие дикари»* [49, с. 135].

Только через 25 лет Менданье удалось убедить испанские колониальные власти послать новую экспедицию к Соломоновым островам. На этот раз экспедиция отплыла на запад от перуанских берегов 16 июня 1695 г. на пяти судах.

21 июля флотилия достигла крайнего юго-восточного острова из архипелага, названного в честь перуанского вице-короля маркиза Каньете Маркизскими островами. Встреча с туземцами закончилась кровопролитием: были убиты и ранены многие из островитян. Запасшись продовольствием на других островах архипелага, испанцы поплыли на запад. Во время шторма один корабль пропал без вести.

7 сентября экспедиция открыла группу островов, названных Менданьей Санта-Крус. Вскоре Менданья скончался и начальником экспедиции объявила себя его вдова. В обратный путь флотилию вел опытный мореход, португалец на испанской службе Педро Эрнандо Кирос. Потеряв в пути еще одно судно, он достиг Филиппин 10 февраля 1596 г. Только через 2,5 года Кирос привел два уцелевших судна в Акапулько.

Ему удалось убедить колониальные власти организовать еще одну экспедицию для поиска Южного материка. В декабре 1605 г. три корабля под его начальством отплыли на запад из

Кальяо (Перу). В феврале следующего года он открыл ряд атоллов архипелага Южной Полинезии, за которыми впоследствии закрепилось название Туамоту. Затем им были открыты еще ряд островов, где обитали стройные, красивые туземцы с кожей темно-золотистого цвета.

Только 7 апреля испанцам удалось высадиться на один из островов и запастись пресной водой, дровами и свежими фруктами. Местный вождь сообщил им, что на юге поблизости есть несколько десятков малых островов (Санта-Крус), а подальше лежит «большая земля». Направившись на юг, Кирос ее обнаружил. Моряки увидели высокий берег, который уходил, казалось, далеко к юго-востоку. Корабли стали на якорь в глубокой бухте. Кирос решил, что открыл Южный материк, и назвал его «Австралией Духа Святого».

Моряки сошли на берег 1 мая 1606 г. и торжественно заложили на вновь открытом «материке» первый христианский город — Новый Иерусалим. Через пять недель стоянки в бухте Нового Иерусалима Кирос на одном корабле отплыл в обратный путь. Сам он объяснял поспешное бегство тем, что во время обследования берега штормовой ветер отнес его в океан и он не смог вернуться. Вероятнее всего, он поспешил возвратиться в Мексику, чтобы сообщить всему христианскому миру о великом открытии Южного материка и быстрее получить права на управление этими землями и разработку ее богатейших, как он думал, недр.

Кирос сочинил об «Австралии Духа Святого» несколько фантастических отчетов, в которых реальные наблюдения перемежались вымышленными подробностями. На самом деле он открыл не очень большой архипелаг, позднее названный Новыми Гебридами.

Капитаны двух оставшихся в бухте Нового Иерусалима судов Диего Прадо-и-Товар и Луис Ваэс Торрес обследовали открытую землю, обошли ее кругом и убедились, что это не оконечность материка, а группа островов. Затем они поплыли на запад и, впервые пересекая Коралловое море, 14 июля у 11 градуса 30 мин. ю.ш. достигли, как думал Торрес, оконечности Новой Гвинеи. Видимо, он принял за нее один из островов архипелага Луизиады. Затем корабли прошли вдоль цепи коралловых рифов и небольших островов. Далее на запад уже несомненно находилась Новая Гвинея.

Затем корабли поплыли на запад мимо южного побережья этого острова (второго в мире по площади после Гренландии) и доказали, что Новая Гвинея не соединяется на юге ни с какой землей, то есть что она не является частью южного материка.

Испанское правительство засекретило открытие Торреса, и мир узнал о нем только через 150 лет. Около 1765 г. копия отчета Торреса попала в руки английского гидрографа Александра Далримпла, и он предложил назвать пролив между Новой Гвинеей и Австралией именем этого испанского моряка.

В течение 10—40-х гг. XVII в. голландские моряки открыли и нанесли на карты часть северо-западного, западного и юго-западного побережья Австралии. Они назвали вновь открытые земли Новой Голландией и считали их не отдельным континентом, а гигантским выступом еще не исследованного Южного материка, занимавшего все южное полушарие, выступом, который протянулся от Новой Гвинеей до точки пересечения южного побережья Австралии с меридианом 133 градуса 30' в.д.

Но проведенные исследования так и не позволили определить истинные размеры предполагаемого Южного материка, а также выявить его богатства. Поэтому в 1642 г. главный правитель владений Нидерландов в Индонезии Антон Ван-Димен направил на о. Маврикий из Батавии (теперь Джакарта) на Яве два судна во главе с опытным мореходом Абелом Тасманом. От Маврикия экспедиции надлежало направиться на юг, чтобы обнаружить Южный материк, а затем попытаться обогнуть с юга Новую Голландию и, пройдя мимо Соломоновых островов, возвратиться в Батавию.

8 октября 1642 г. Тасман отплыл от Маврикия на юг, а затем повернул на восток, держась в полосе 44—49 градуса ю.ш. и продвигаясь вперед под воздействием западных штормовых ветров. 24 ноября он открыл высокий берег, названный им Вандименовой Землей (теперь о. Тасмания). Он посчитал эту землю выступом Новой Голландии и направился далее на восток.

13 декабря моряки увидели высокую землю — Южные Альпы Южного острова Новой Зеландии. Голландцы проследили около 600 км побережья этой вновь открытой земли. 18 декабря произошла первая встреча с местными жителями Новой Зеландии — маори, которая закончилась трагически. Абориге-

ны убили трех моряков, по утверждению Тасмана, без малейшего повода.

Затем корабли поплыли на север. Тасману стало ясно, что Новая Голландия не является частью Южного материка, а вот открытое им побережье Новой Зеландии он принял за выступ таинственной Южной земли. Плывя на северо-восток, Тасман открыл острова Тонга и оттуда повернул на северо-запад и направился к Яве.

Корабли прошли через район бесчисленных коралловых рифов и атоллов, была открыта восточная группа архипелага Фиджи, и затем Тасман повернул на запад. Только 22 марта экспедиция добралась до Соломоновых островов. Затем, проследив северный берег Новой Гвинеи на протяжении 1000 км, экспедиция через моря Серам и Яванское возвратилась 15 июня 1643 г. в Батавию.

Таким образом, экспедиция Тасмана установила, что Южный материк в районе Индийского океана не существует севернее 45 градуса ю.ш., и точно доказала, что Новая Голландия не является его частью.

В XVIII в. к поискам Южного континента присоединились французы и англичане. Расскажем о наиболее важных их экспедициях, связанных с поисками Южного континента.

В 1683 г. английский капитан-пират Джон Кук, в составе команды которого был ученый Уильям Дампир, захватил в Гвинейском заливе голландское судно и направился на нем к мысу Горн. Огибая его, пираты в середине февраля 1684 г. попали в сильный шторм, отбросивший судно к 60 градусу 30' ю.ш. Благодаря этому Кук и Дампир доказали, что на этой широте никакого Южного континента нет, а если он и есть, то только далее к югу.

Воин с Соломоновых островов. Гравюра на дереве XIX в.

Портрет Вильяма Дампира

В августе 1721 г. голландская Вест-Индская компания снарядила флотилию из трех судов под командой Якоба Роггевена для плавания в южную часть Тихого океана через Магелланов пролив и поиска Южного материка. В середине января 1722 г. Я. Роггевен добрался до мыса Горн и достиг почти 61 градуса ю.ш. Продвижению вперед мешали западные ветры, моряки постоянно наблюдали крупные айсберги, плывущие с юга. Роггевен понял, что неподалеку располагается Южный материк: «Такие массы льда могут дать только земли, где царит всеобщий холод». Действительно, примерно в 320 милях юго-восточнее находился Антарктический

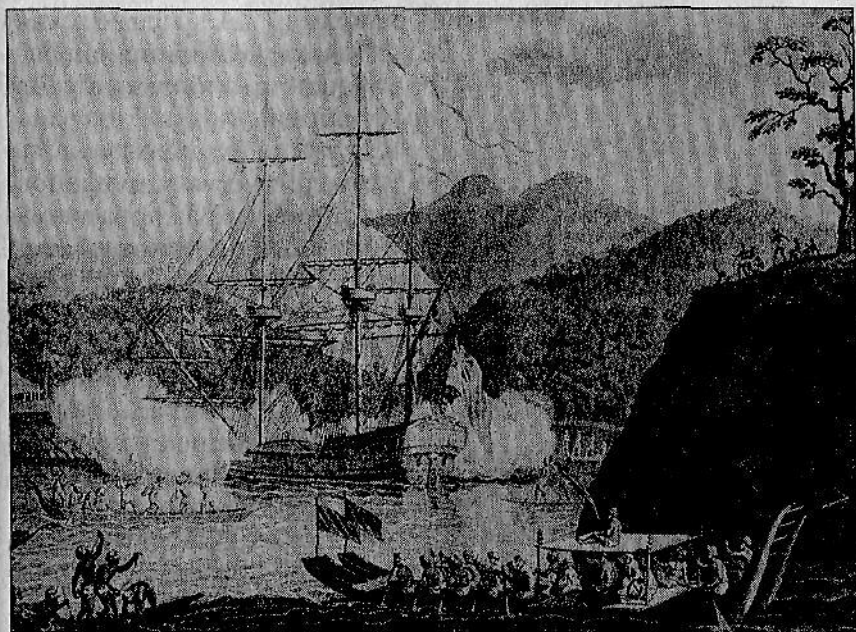
полуостров с выступающей далеко на север до 63 градуса 13' своей узкой частью — Землей Грейама.

Голландцы повернули на северо-запад. Роггевен открыл таинственный о. Пасхи с величественными каменными статуями на берегу. Голландцы открыли также несколько островов в более низких широтах, но никакого Южного материка там не обнаружили.

В 60-х гг. XVIII в. на поиски Южного материка и островов в Тихом океане отправились несколько английских и французских экспедиций.

В 1768 г. француз Луи Антуан Бугенвиль в Меланезии разыскал «Землю духа Святого» Кироса и окончательно доказал, что этот остров к Южному матерiku никакого отношения не имеет. 28 июня того же года он обнаружил, наконец, Соломоновы острова, которые были потеряны из-за неточного определения испанцами долготы места их расположения.

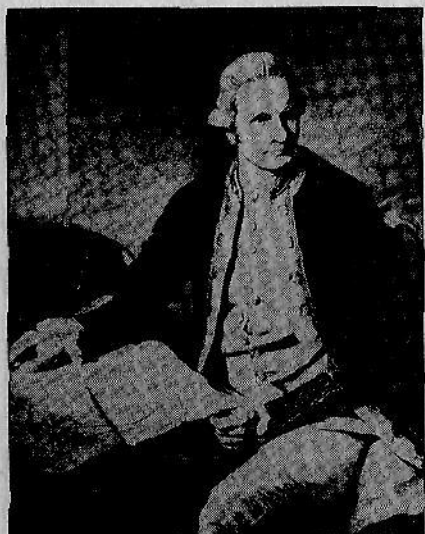
2 июня 1769 г. из Пондишерри (Индия) вышло в Тихий океан судно под командованием француза Жан-Франсуа-Мари Сюрвиля. Он прошел вдоль цепи Соломоновых островов и

Сражение во время высадки Уоллиса на Таити. Гравюра XVIII в.

доплыл до о. Северный Новой Зеландии. Плывая на восток в неизвестных дотоле водах в пределах 34—40 градусов ю.ш., Сюрвиль не обнаружил никакой земли на протяжении почти 5000 миль и этим значительно уменьшил размеры Южного континента, «отодвинув» его к югу — за 40 градус ю.ш. В начале апреля судно достигло южноамериканского побережья, выполнив первое пересечение Тихого океана в южных широтах с запада на восток.

Выдающуюся роль в решении вопроса о местонахождении Южного континента сыграли экспедиции англичанина Джеймса Кука. 26 августа 1768 г. из Плимута в Тихий океан вышло трехмачтовое судно — барк «Индевор» («Попытка») водоизмещением 375 т под командой выдающегося моряка-исследователя лейтенанта Джеймса Кука. В ходе своего первого кругосветного плавания 1768—1771 гг. он точно установил, что Новая Зеландия, открытая Тасманом, является двойным островом, а не частью неизвестного Южного материка. А во время плавания в 30—40-х широтах он окончательно развеял на-

Портрет Джеймса Кука

дежды на нахождение в умеренной зоне южного полушария какого-либо неизвестного материка.

Для поиска Южного материка в более высоких широтах была направлена вторая экспедиция Д. Кука на двух кораблях: «Резольюшен» («Решимость»), которым командовал сам Кук, и «Эдвенчер» («Приключение») под командой Тобайаса Фюрно. Впервые в истории мореплавания экспедиция использовала для точного определения долготы новый навигационный прибор — хронометр.

13 июля 1772 г. корабли отплыли из Плимута и 30 октября прибыли в Капстад (ныне Кейптаун в Южной Африке). Там Кук узнал, что за 8 месяцев до того француз Ив Кергелен-Тремарек открыл на меридиане о. Маврикий какую-то землю у 48 градуса 30' ю.ш. 23 ноября корабли направились на юг. Температура резко упала, и 10 декабря у 50 градуса 40' ю.ш. Кук встретил первые плавучие льды, а затем появились и большие ледяные поля. Лавируя между айсбергами, корабли продолжали двигаться к югу. В полдень 17 января 1773 г. впервые в истории корабли Кука пересекли Южный полярный круг.

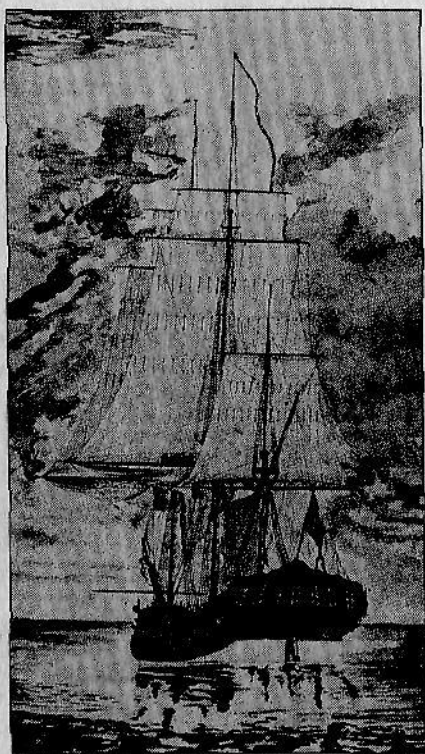
Когда корабли дошли до 67 градуса 15' ю. ш., путь им преградили тяжелые льды. Кук повернул к северу. Корабли разлучились и далее плавали самостоятельно.

18 декабря 1773 г. в снежную погоду, в густом тумане Кук вторично пересек полярный круг и 23 декабря у 137 градуса 20' з.д. остановился на 67 градуса 20' ю.ш. перед сплошным ледяным барьером. Кук временно отступил, но 26 января 1774 г. он в третий раз пересек полярный круг (на 109 градуса 31' з.д.) и 30 января достиг 71 градуса 10' ю.ш. Фактически он находился приблизительно немногим более 100 миль от ближайшего выступа Антарктиды — полуострова Терстон у моря

Амундсена, чего, естественно, не мог знать. Вскоре с грот-мачты можно было увидеть сплошной ледяной барьер, простиравшийся нескончаемо с востока на запад. Он вынужден был повернуть на север, так как далее к Южному материку пути не было.

В ноябре 1774 г. Кук открыл в южных широтах Атлантики о. Южная Георгия и Землю Сандвича (Южные Сандвичевы острова) и возвратился в Англию 29 июля 1775 г. Фюрно прибыл на родину еще 14 июля 1774 г.

Кук справедливо оценил результаты своих исследований в высоких широтах южного полушария: «Я [первый] обошел Южный океан в высоких широтах и... неоспоримо отверг возможность существования здесь материка, который, если и может быть обнаружен, то лишь вблизи полюса, в местах, недоступных для плавания... Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля там есть и, возможно, что мы видели часть ее [«Земля Сандвича». — Авт.]... Это земли, обреченные природой на вечную стужу, лишенные тепла солнечных лучей. Но каковы же должны быть страны, расположенные еще дальше к югу... Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос, и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы». А в другом месте он написал: «Риск, связанный с плаванием в этих необследован-

Корабль Д. Кука «Резолюши»,
на котором он плывал
к Южной неизвестной земле.
Акварель Г. Роберта

нужно было повернуть на север, так как далее к Южному материку пути не было.

ных и покрытых льдами морях в поисках материка настолько велик, что я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы» [106, с. 434].

В этом великий мореплаватель ошибся. 15 января 1820 г. шлюпы «Восток» и «Мирный» впервые в истории российского флота пересекли Южный полярный круг. На следующий день, 16 января, «достигли мы широты 69 градусов 23', — писал позже командир шлюпа «Мирный» лейтенант Михаил Петрович Лазарев, впоследствии адмирал, — где встретили матерый лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный тогда вечер, смотря на салингу [площадка в самой верхней части стеньги — продолжения мачты. — *Авт.*], простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять за-пасмурило, и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе 2 градуса 35' от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой

Смерть Кука. Гравюра по рисунку Джона Веббера

к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда встречали льдинный материк не доходя 70 градусов. Кук задал нам такую задачу, что мы принуждены были подвергаться величайшим опасностям, чтобы, как говорится, «не ударить лицом в грязь» [107, с. 151].

Это было знаменательное время в истории географических открытий. Российские моряки вопреки прогнозам Кука открыли «льдинный материк» Антарктиду и подошли к нему менее, чем на две мили.

Шлюпы, продолжив исключительно опасное плавание среди айсбергов, при плохой видимости, штормовом ветре и снежных зарядах 21 января вновь приблизились к ледяному барьеру южного материка.

Прошла еще неделя сложнейшего лавирования парусных шлюпов среди айсбергов. К концу января «Восток» и «Мирный» выбрались на чистую воду, но уже 2 февраля начальник экспедиции и командир шлюпа «Восток» капитан 2-го ранга Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (впоследствии адмирал) вновь отдал распоряжение повернуть на юг. Вечером следующего дня шлюпы в третий раз пересекли Южный полярный круг.

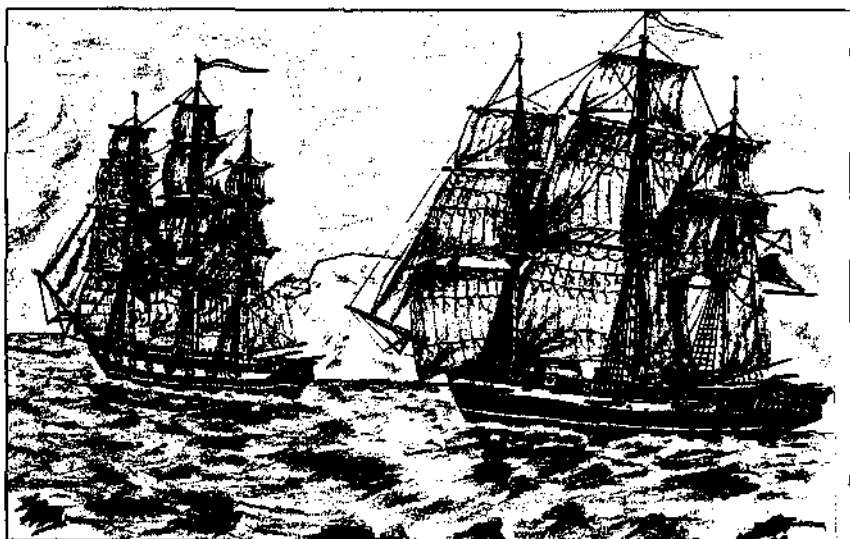
Утром 5 февраля прямо по курсу кораблей, на самом горизонте показалась широкая блестящая полоса — верный признак льдов. К полудню моряки вновь увидели ледяной барьер.

Портрет М. Лазарева

Портрет Ф. Беллинсгаузена

Шлюпы «Восток» и «Мирный» у берегов Антарктиды

В своем донесении, посланном впоследствии на родину уже из Австралии, Беллинсгаузен писал: «Здесь [то есть на 69 градусе 7' 30" ю.ш. и 16 градусов 15' в.д., где шлюпы находились 5—6 февраля 1820 г. — *Авт.*] за ледяными полями мелкого льда и островами [айсбергами. — *Авт.*] виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу подобно берегу. Плоские ледяные острова, близь сего материка находящиеся, ясно показывают, что они суть отломки сего материка, ибо имеют края и верхнюю поверхность подобную материке» [107, с. 147].

Это был звездный час первой российской антарктической экспедиции, важнейшим событием которой явилось открытие новой части света — «льдинного материка», «материка льда», позже названного Антарктидой. К ее берегам российские моряки подходили 9 раз, в том числе четырежды на расстояние не более двух—восьми миль. Впоследствии усилиями многих смелых исследователей из разных стран, в том числе и из СССР и России, удалось описать всю береговую линию Антарктиды и изучить ее внутренние районы. Первыми это начали российские моряки.

ГЛАВА 27. СТРАНА СЕМИ ГОРОДОВ

*Над крутыми волнами в ненастные дни,
И в тропический штиль, и в полярном тумане
Нас своими огнями все манят они,
Острова в океане, острова в океане...*

Александр Городницкий

*По побережью шествуют солдаты,
Лицом различны и цветно одеты,
Решимостью и храбростью богаты,
Чтоб новые разведать части света.*

Луис Ваш де Камоэнс. «Лузнады»

На самом древнем из известных нам земных глобусов, изготовленном в Нюрнберге под руководством знаменитого географа и путешественника Мартина Бехайма в 1492 г., имеется надпись около острова в Атлантике, расположенного далеко к западу от Канарских островов: «В 734 г. от Рождества Христова, после того, как всю Испанию уже завоевали африканские язычники, был заселен вышеописанный остров Антилия, названный Sete cidade [Семь городов. — Авт.], архиепископом из Порту, в Португалии, с шестью епископами и другими христианами — мужчинами и женщинами, которые бежали из Испании на корабле, со скотом, имуществом и скарбом. Примерно в 1414 г. побывал там последний корабль из Испании». Безусловно, никто никогда не бывал на этом острове и никакой испанский корабль туда не приплывал.

Дело в том, что сообщение Бехайма базировалось на красивой легенде, распространившейся среди христиан разгромленного вестготского королевства, отступивших почти вплоть до Пиренеев после завоевания Пиренейского полуострова мусульманами-маврами (североафриканскими берберами и арабами) в начале VIII в.

Легенда гласила, что в период кровавого наступления мавров с полуострова бежали семь португальских епископов с большим числом прихожан. Им удалось на кораблях добраться до какого-то острова в Атлантическом океане, где было основано семь городов. Согласно легенде жители этих городов в один из дней возвратятся на полуостров и помогут своим соотечественникам-португальцам и испанцам победить завоевателей-мавров.

Постепенно эта красивая легенда стала известна и в других странах. В XII в. арабский географ Идриси, работавший долгое время при дворе сицилийского короля Роджера II, упомянул в своей книге, написанной около 1170 г., об острове Сахелия в Атлантическом океане, на котором когда-то было семь городов. Города эти процветали до тех пор, пока их жители не уничтожили друг друга в ходе междоусобных войн.

К концу XIV в. остров с семью городами начал появляться в Северной Атлантике на многих испанских и итальянских географических картах. На одних из них семь городов размещали на о. Бразиль, но чаще всего они появлялись на о. Антилия. Французская карта 1546 г. была, наверное, первой, на которой в Атлантике появился остров с названием о. Семи Городов.

После появления первых карт с указанием части побережья Северной Америки, начиная примерно с 1508 г., на некоторых из них картографы размещали мифические семь городов прямо на побережье нового материка [114, с. 100].

В первой половине XV в. в Португалии ходили слухи о том, что будто бы корабли, посланные для открытия новых земель в Атлантике, попали в ураган, были сбиты со своего курса и пристали к острову Семи Городов. На этом острове жители говорили на португальском языке и спрашивали у моряков, по-прежнему ли мавры владеют на Пиренейском полуострове. И, как очень часто бывало в те времена, по слухам, моряки доставили с острова Семи Городов золотосный песок.

В 1486 г. наместник одного из Азорских островов Фернан Дулму получил даже грамоту португальского короля Жуана II, в которой было сказано: «Фернан Дулму сообщил Нам, что намеревается открыть какой-то большой остров, либо множество островов, либо материк, который он считает островом

Семи городов, и сделать это на собственные средства и на свой риск. Он просил Нас дать ему в награду в виде королевского дара названный остров или острова, или материк, которые он откроет сам или при помощи других лиц. Мы передаем названный остров, или острова, или материк как королевский дар, будь они обитаемыми или безлюдны... со всеми доходами и правами... названному Фернану Дулму, его наследникам и потомкам... Дано в Нашем городе Сантарене 3 марта в году Господа нашего Иисуса Христа 1486-м» [89, с. 132].

Многие выдающиеся географы были убеждены в существовании острова Семи городов. Известный флорентийский врач и естествоиспытатель Паоло Тосканелли в письме португальскому канонику Фердинанду Мартиншу, духовнику португальского короля Афонсу V, еще в 1474 г., обосновывая необходимость посылки экспедиции на запад в Атлантику для достижения богатых стран Азии, писал: «От также известного острова Антилия, который вы называете островом Семи городов, до весьма знаменитого острова Чиппангу [Япония. — *Авт.*] 10 отрезков [по расчетам Тосканелли каждый отрезок равен 250 милям. — *Авт.*]» [89, с. 138]. Так как считается, что среди многих стимулов, побудивших Колумба предпринять свое знаменитое плавание, приведшее к открытию Америки, известную роль сыграло, видимо, мнение Тосканелли о нахождении острова Антилия и сравнительной близости берегов Азии от Западной Европы, а также рассказы о намерениях Фернана Дулму отправиться в 1486 г. на запад для отыскания о. Семи Городов (эта экспедиция, вероятнее всего, даже не начала осуществляться), то легенда об острове Семи Городов невольно в этот раз сыграла как бы определенную положительную роль в истории географических открытий и изучения подлинного лика Земли.

Убеждение в реальности существования острова Антилия с семью городами было в Португалии так велико, что король Афонсу в 1474 г. пожаловал будущие доходы с этой еще не открытой земли инфанте Беатрисе как вдовью часть наследства.

Еще одно конкретное упоминание об о. Семи Городов имеется в отчете испанского посла в Англии Педро де Аяла, написанном в 1498 г. В нем указывается, что бристольтские купцы посылали корабли в Атлантику на поиски островов Бра-

зила и Семи Городов. Историк географических открытий Р. Рамсей по этому поводу считает, что испанский посол включил в качестве одной из целей экспедиций бристольтцев о. Семь Городов, вероятнее всего, по своему собственному предположению, что этот остров как раз лежит к западу от Англии в Атлантике [114, с. 101].

Легенда об о. Семи Городов будоражила географов и составителей карт весь XVI в. Он был нанесен на карты мира известных картографов Ортелия (1571 г.) и Меркатора (1587 г.).

Поскольку легендарного острова так и не оказалось в Северной Атлантике, то ряд географов XVI в. перенесли эти таинственные города во вновь открытый материк — Америку.

Один из самых кровавых конкистадоров, руководитель завоевательных походов испанцев в Мексике в 1526—1529 гг., Нуньо Гусман в 1530 г. услышал от раба-индейца, родом из северной (по отношению к Мексике) области «Техос», рассказ о богатой стране «Сивола», где якобы он видел «Семь Городов», каждый из которых величиной с Мехико, и в каждом целые улицы заняты лавками ювелиров. Индеец сообщил, что дорога в Сиволу идет через пустыню и добраться туда можно за 40 суток.

Гусман собрал отряд из 400 испанских солдат и нескольких тысяч индейцев и вышел в поход на север на поиски мифических городов. Отряд шел по приморской низменности вдоль горной цепи Западная Сьерра-Мадре, но из-за трудностей похода Гусман прекратил дальнейшее движение на север. Он основал у юго-восточного берега Калифорнийского залива город Кульякан, который позднее стал базой для испанских экспедиций на север.

В 1528 г. во Флориде высадился отряд Панфило де Нарваэса. После почти восьмилетних скитаний, к испанским владениям вышли только четверо из всего состава экспедиции. Отряд был уничтожен индейцами. Уцелели лишь коронный контролер экспедиции Альваро Нуньес Кавеса де Вака, мавр (марокканец) Эстефан и еще два человека. В ходе своих странствий они пересекли Примексиканскую низменность севернее побережья Мексиканского залива. Во время этих скитаний Кавеса де Вака впервые увидел и описал бизона, называя его «коровой». Скитания де Вака и трех его спутников закончились в апреле 1536 г., когда они вышли к городу Кульякану.

В отчете королю о своих странствиях де Вака рассказал о том, что прошел через обширные земледельческие области, засеянные маисом и бобами, где жили мирные индейские племена. Де Вака и его спутники утверждали, что на севере, в горных районах, есть города с домами в 4—5 этажей, а комнаты в домах украшены дорогими тканями и драгоценными камнями.

Испанцы были убеждены или очень хотели верить в то, что реально в Северной Америке помимо ацтекского существуют другие богатые индейские государства. Тем более что многие легенды северных индейцев, доходившие до них, свидетельствовали об этом. Так, например, у ацтеков существовала легенда о Семи пещерах, находившихся где-то на севере, откуда пришли их предки. А поскольку речь шла о пещерах, неизбежно представлялись сокровища, спрятанные в них.

Все эти рассказы де Вака и легенды индейцев приняли в Новой Испании, как называли испанцы завоеванную Мексику, за подтверждение слухов о стране «Сиволе» и «Семи Городах». По поручению вице-короля Новой Испании Франсиско Васкес Коронадо комендант Кульякана направил в марте 1539 г. монаха Марко де Ниса вместе с мавром Эстеваном и индейцами-проводниками на север, чтобы найти «Сиволу». На разведку первым был послан Эстеван. За ним следовал монах, который все больше убеждался в наличии где-то недалеко впереди большого города. Вскоре монах узнал, что Эстеван убит именно в этом городе. Но это не остановило его. Он хотел хоть издали увидеть этот чудесный город.

Монах сообщал позже, что это ему удалось. Среди широкой равнины, на крутом холме возвышался город, который, по его мнению, был больше Мехико. Из его рассказа следовало, что он также боялся погибнуть в этом городе и поэтому повернул обратно. В сентябре 1539 г. он представил свой отчет вице-королю.

Коронадо, выслушав Марко, 17 ноября направил на север конный отряд капитана Мельчора Диаса с носильщиками-индейцами, так как не очень поверил монаху. Наступила зима, и Диас, не дойдя до р. Хила, повернул назад. В своем отчете Диас был более осторожным, чем монах, но все же заявлял, что «Семь Городов» действительно существуют и среди них главный — «Сивола».

На основании отчетов от монаха и капитана Диаса вице-король отправил в «Сиволу» весной 1540 г. крупный отряд под командой Коронадо. В его составе было 1000 испанцев и индейцев. Только после тяжелейшего перехода на север отряд достиг места, где, по словам монаха, располагался «город» (вероятно, у 35 градуса с.ш.). Там всем стала ясна лживость монаха. Построенный из камня и глины на уступах скалы так, что плоские крыши нижних домов находились на одном уровне с полом верхних домов, «город» мог вместить не более 200 воинов. Испанцы легко выбили из него индейцев. Сокровищ никаких испанцы не обнаружили, а «прекрасные города», окружавшие «столицу», оказались своеобразными большими домами — селениями местных индейцев, которых испанцы называли пуэбло (pueblo — большой поселок или население большого поселка).

Коронадо, заняв «Сиволу», выслал во все стороны небольшие отряды для исследования страны. Один из них под командой Гарсиа Лопеса Корденаса направился на северо-запад. Он проследовал по плато Колорадо около 300 км и в середине сентября вышел к южному краю Большого каньона (у 36 градуса с.ш.). Испанцы были просто потрясены открывшимся видом глубокой пропасти (глубина каньона до 1800 м). Три дня бродил Корденас вдоль каньона, пытаясь отыскать спуск к реке, текущей в каньоне, но безрезультатно. По возвращении разведывательного отряда Коронадо узнал об этом поразительном природном образовании.

Восточный разведывательный отряд под командой молодого капитана Эрнандо Альварадо открыл большую реку, текущую на юг (Рио-Гранде), и по ней дошел до крупного индейского поселения, насчитывавшего, по его словам, 15 тыс. жителей.

В верховьях р. Пекос Альварадо встретил флоридского индейца, который переходил от одного племени к другому, пока не очутился в тысячах км от своей родины. Этот индеец показался испанцам толковым и надежным проводником. Но наряду с правильными сведениями о странах, расположенных на восток до Флориды, о гигантской судоходной реке (Миссисипи), индеец передал испанцам фантастические сведения о стране «Кивире». Будто бы ее верховный вождь проводит свой полуденный отдых под ветвями огромного дерева, уве-

шанного золотыми колокольчиками, и дремлет под их тихий перезвон, что жители «Кивиры» пользуются только золотой и серебряной посудой, а на носках их челнов установлены большие золотые орлы. При этом рассказчик добавил, что верховный вождь «Кивиры» и ему подарил золотые вещи, которые лишь недавно отнял у него местный вождь.

Альваро потребовал от местного вождя вернуть золотые вещи, но индейцы в один голос назвали флоридца лжецом и обманщиком. Естественно, что поход главного отряда Коронадо в «Кивиру» показал, что никакого золота там и в помине не было. Коронадо все же верил в существование страны золота и хотел весной 1542 г. повторить поход и дойти до глубин «Кивиры», но болезнь заставила его отказаться от дальнейших поисков. В июне 1542 г. он вернулся в Кульякан. Ясно, что и все дальнейшие попытки испанцев найти новую золотую страну «Кивиру» на просторах между реками Пекос, Рио-Гранде и Миссисипи и далее на восток не увенчались успехом.

Эрнандо де Сото, разбогатев в колониях, предложил испанским властям план завоевания Флориды, за которой он мечтал найти мифическую страну «Семи Городов». Он отплыл с Кубы и 28 мая 1539 г. высадился с 600—900 солдатами и 200—350 лошадьми (по разным источникам) на западный берег Флориды (у 26 градуса 30' с.ш.). Отряд двинулся на север и встретил крупные селения, в некоторых из них было до 600 домов. Продвижение по заболоченной лесной местности проходило медленно, мешало сопротивление индейцев.

После зимовки в марте 1540 г. Сото пошел на поиски «Семи Городов» на северо-восток по «богатой, плодородной... прекрасно орошаемой» стране индейцев криков. От индейцев испанцы не раз слышали о «провинции... Куса, изобильной стране с очень большими городами». Вождь одного из местных племен вызвался сопровождать испанцев и 16 июня 1540 г. привел их в крупный поселок, лежащий на берегу большой реки (среднее течение р. Алабама). Поселок был окружен высоким земляным валом и бревенчатым забором со сторожевыми башнями и двумя воротами.

Сам поселок состоял из 80 больших деревянных домов, некоторые из них были так велики, что там якобы размещалось по 1000 человек. Испанцы атаковали поселок, ворвались

в укрепление и подожгли дома. С ними сражались и мужчины, и женщины. Сото был ранен, но не покинул строя. Индейцы мужественно сопротивлялись, но пожар вынудил их покинуть поселок.

Испанцы потеряли в бою 83 солдата и 45 лошадей. Конечно, *никакого золота и серебра в поселке не было. Преодолев уныние своих подчиненных, Сото сумел повести их далее на запад, но дисциплина в отряде падала, охрану почти перестали выставлять.* В начале марта 1541 г. индейцы ночью ворвались в занятый испанцами поселок и подожгли дома. В ночном бою погибло 40 солдат, было убито 50 лошадей. Сото повел своих людей дальше, подвергаясь беспрестанным нападениям со стороны индейцев. Отряд дошел до Миссисипи, построил баржи и переправился через великую реку. После зимовки Сото вернулся на Миссисипи и спустился по ней до устья, где он, уже тяжелобольной, скончался.

К марту 1543 г. испанцы построили семь бригантин и поплыли вниз по реке. На двадцатый день плавания они достигли моря и поплыли на запад вдоль побережья в Новую Испанию. С большим трудом до испанских поселений удалось добраться лишь 311 испанцам и индейцам из всего отряда Сото.

Так закончилась еще одна авантюрная экспедиция, связанная с поиском «Семи Городов» и приведшая в конце концов к большим географическим открытиям в Новом Свете [15, с. 184—194].

ГЛАВА 28. СКАЗОЧНАЯ СТРАНА НОРМАННОВ СВАЛЬБАРД

*Промышляли мы дородно
И отчалили привольно,
Нагрузили мы ладью
И пошли на Матеру.
Прощай, батюшка Грумант!
Доведется ли бывать?
Ты, Грумант-батюшка, страшен,
Весь горами овышен, торосами окружен.*

Старинная песня поморов,
плававших на Грумант (Шпицберген)
[108, с. 153]

В исландских летописях помещено сообщение за 1194 г.: «Найден Свальбард», то есть «Холодный берег» — самая северная земля, известная норманнам. А в «Норвежской истории» (ок. 1200 г.) записано: «Когда несколько мореходов, намеревавшихся совершить обратное плавание из Исландии в Норвегию, были противным ветром отнесены к северу, их прибило в конце концов к какой-то суше между Гренландией и Биармией [земли по побережью Белого и Печорского морей], где они, по их словам, встретили необычайно высоких людей и обнаружили страну девственниц, будто бы беременных от питья воды. Гренландия отделена от них покрытыми льдом шхерами».

В «Саге о Самсоне Прекрасном» (ок. 1350 г.) сказано: «Россия расположена к востоку и северу от Балтийского моря, а северо-восточнее России находится страна, именуемая Йотунхеймар. Там живут тролли и горные духи; по направлению от этой страны к Гренландии простирается страна под названием Свальбард. Там живут различные племена» [все предыдущие цитаты из 56, с. 462].

До сих пор ученые не пришли к единому мнению, о какой стране идет речь, какую страну следует отождествить со Свальбардом. Особенно часто считали, что это северо-восточное побережье Гренландии или Шпицберген. Первое предположение не очень убедительно: в ряде древних источников восточное побережье Гренландии упоминается наряду со Свальбардом. А в истории, когда несколько мореходов в бурю были прибиты к незнакомому берегу, восточное побережье Гренландии отпадает, так как оно было всегда закрыто мощным ледяным барьером.

Второе предположение наряду с другими активно защищал великий полярный исследователь и знаток истории плаваний викингов Ф. Нансен. Он отмечал, что моряки, плывшие из Северной Исландии вдоль границ дрейфующего льда на север, должны были почти автоматически натолкнуться на Шпицберген [56, с. 463].

Но Свальбард по старинным источникам был населен, а на Шпицбергене следов древнего населения (ранее XVI в.) не обнаружено. Здесь нужно сделать скидку на то, что большинство письменных памятников норвежской истории того периода буквально пронизано сказочными сюжетами.

Известный историк древнего мореходства Р. Хенниг считает вполне достоверным, что именно архипелаг Шпицберген был обнаружен норманнами в 1194 г. и назван Свальбардом. Так называется Шпицберген в современных норвежских официальных документах. Тем более что буквально до XVII в. продержалось среди географов заблуждение о том, что якобы Северо-Восточная Европа и Гренландия соединены сушей (элементами этой суши и считали, видимо, Шпицберген и Новую Землю). Об этом свидетельствует сообщение в так называемой «Грипле», отражающей географические представления XII в.: «От Биармии на север тянутся пустынные земли до страны, которая зовется Гренландией» [56, с. 464]. И на известной карте Северо-Западной Европы, составленной в 1427 г. Клавдием Клавусом Нигером (латинизированное имя датчанина Клавдия Клауссена Сварта), Гренландия помещена к западу от Исландии как часть Европы, соединенная с последней узкой полосой суши. Именно поэтому в XV—XVI вв. Шпицберген в представлении скандинавских правителей, ученых и моряков являлся, видимо, частью Гренландии.

Следов хозяйственной деятельности и освоения архипелага Шпицберген в XII—XVI вв. со стороны норвежцев не обнаружено. Зато достоверно известно, что там не раз бывали наши поморы. Член-корреспондент АН СССР С.В. Обручев писал, что судя по развитию полярного мореплавания, поморы должны были в погоне за морским зверем появиться в шпицбергенских водах уже в XII или XIII вв. Именно в это время началось освоение Мурманского побережья выходцами из Новгорода и с берегов Северной Двины, стали все более оживленными морские плавания, сначала вдоль берегов Кольского полуострова, а потом и дальше в море [109, с. 6].

О том, что поморы в последней четверти XV в. точно посещали Шпицберген и считали его владением Московского государства, известно из письма нюрнбергского картографа и врача Иеронима Мюнцера португальскому королю Жуану II, написанного в 1493 г. Письмо было послано для того, чтобы побудить короля организовать экспедицию в Западную Атлантику с целью «отыскать восточную богатейшую страну Катая». Но в письме были фразы, которые особо интересны нам в связи с рассматриваемой темой. Мюнцер писал королю: «Тебя уже восхваляют как великого государя немцы, итальянцы, руссы, поляки, скифы и те, которые живут под суровой звездой арктического полюса, так же, как [восхваляют. — *Авт.*] и великого герцога Московии, ибо недавно открыт большой остров Груланда, берег которого тянется на 300 легуа и на котором находится величайшее поселение людей под сказанным господством сказанного сеньора герцога». Р. Хенниг приводит несколько другой вариант перевода письма Мюнцера: «Несколько лет как стал известен... большой остров Гренландия, на котором расположено большое поселение подданных названного господина герцога» [90, с. 426].

Ясно, что «великим герцогом Московии» или «господином герцогом» Мюнцер называл великого князя Московского Ивана III и речь в письме шла о поселении русских промышленников на Шпицбергене. С.В. Обручев считал, что Мюнцер мог узнать о северных владениях Ивана III от русских послов, посетивших Нюрнберг, и имперского посла Поппеля, посетившего Московскую Русь в 80-е гг. XV в., то есть уже после того, как в 1478 г. Иван III присоединил к Московскому

государству все земли Великого Новгорода, в том числе и все его северные владения.

Историки географических открытий И.П. и В.И Магидовичи утверждают (и с ними нельзя не согласиться), что, вероятнее всего, более или менее регулярные плавания к Шпицбергену за морским зверем поморы наладили уже к концу XV в. Возможно, к этому времени они обошли архипелаг с севера и установили, что Грумант (так они называли Шпицберген) состоит из трех островов: Большого Беруна (Западный Шпицберген), Полуночной Земли (Северо-Восточная Земля) и Малого Беруна (о. Эдж) [35, с. 224].

О плавании поморов к Шпицбергену в Скандинавских странах было хорошо известно уже во второй половине XVI в., а вполне вероятно, что и ранее. Пингель еще в 1845 г. опубликовал в Копенгагене среди исторических материалов о Гренландии письмо датского короля Фредерика II Людвигу Мунку, статгальтеру Норвегии (которая в то время входила в состав Датского королевства), датированное 11 марта 1576 г.: «Людвигу Мунку об одном русском, который посещает Гренландию, как следует далее.

Известно нам стало из твоего сообщения, что прошлым летом несколько тронтгеймских бюргеров вступили в Варде в сношения с одним русским кормщиком Павлом Никичем [видимо, Никитичем. — *Авт.*], живущем в Мальмусе [Коле. — *Авт.*] и обыкновенно ежегодно около Варфоломеева дня плавающим в Гренландию, который уведомил их, что если за его труды ему дадут некоторое вознаграждение, он, пожалуй, сообщит им данные об этой земле и проведет туда их суда. Поэтому прошу тебя узнать, какие издержки потребуются для исследования вышеназванной земли, и рядом с этим сообщить, найдутся ли в Тронтгейме бюргеры, которые бы пожелали отдать под фрахт для этого [путешествия. — *Авт.*] свои суда, как ты сообщил далее. Ибо мы все милостивейше согласны, каковы бы ни оказались издержки при такого рода [предприятии. — *Авт.*] для исследования вышеназванной земли, принять с удовольствием их на себя и уплатить. И нам угодно поручить тебе сторговаться с вышеназванным русским кормщиком, чтобы он предоставил себя в распоряжение для такого рода предприятия, а равно условиться с несколькими бюргерами из Тронтгейма, чтобы они предоставили свои суда для

этого, так, чтобы это путешествие могло состояться в текущую осень. Фредерик 11 марта 1576 г.» [109, с. 10].

Исследователь, разыскавший и опубликовавший это письмо, также упомянул, что в 1579 г. король Фредерик снарядил экспедицию в Гренландию, не достигшую, однако, цели из-за лавучих льдов.

Пингель в комментарии к письму отмечает, что под Гренландией явно следует понимать Шпицберген, который русские поморы называли Грумант, так как в Скандинавии в то время предполагали, что эта посещаемая поморами земля является продолжением Гренландии или частью перешейка, соединяющего Гренландию с Северной Европой. На многочисленных картах позднего Средневековья и начала нового времени Шпицберген показан как часть огромного полуострова Гренландии, протянувшегося с северо-востока Европы до мыса Фарвель на южной оконечности Гренландии.

Характерно, что голландец Баренц, достигший этого архипелага в 1596 г., сначала назвал его Гринеланд (Greeneland). Голландцы вначале предполагали, что они вновь открыли Гренландию. Название «Шпицберген» впервые появилось на карте мира Герита в 1612 г.

Даже первый исследователь Гренландии нового времени Эгедэ еще во второй половине XVIII в. не был уверен в том, является ли Шпицберген «отделенным от Гренландского материка островом» и не соединяется ли Гренландия на северо-востоке с «Азией и Тартарией», хотя полагал, что с другой стороны она «отделена от Америки лишь узким проливом» [56, с. 466].

То, что русские поморы в XVI в. точно, а, вероятнее всего, и ранее, в XV в., часто бывали и осваивали острова архипелага Шпицберген, подтверждено археологическими исследованиями, которые проводились на архипелаге. С 1978 г. там работала археологическая экспедиция Академии наук СССР. Ученые установили, что наиболее древние поселения, известные на сегодняшний день, относятся к середине XVI в. и связаны с пребыванием там русских поморов.

За годы работы на архипелаге отечественные ученые раскопали несколько десятков русских поселений, погребений и больших поморских крестов. Так, на западном берегу о. Западный Шпицберген были исследованы остатки русского

дома, некогда стоявшего вблизи р. Стаббэльва. Здесь были найдены детали поморского судна, фрагмент шахматной доски, четыре надписи, вырезанные ножом на различных деревянных предметах. Эти надписи воскрешают имена отважных «груманланов», как называли себя поморы, ходившие на Шпицберген задолго до плавания туда голландца Баренца. Это Галах Кабачев, Иван Петров, Вапа Панов. Палеографический анализ древесины установил, что дом был срублен в 1556 г.

Установлено, что еще раньше, в 1552 г., появился дом на берегу лагуны Гравшен в 14 км от Стаббэльвы. Там также найден текст, вырезанный на деревянном предмете: «Представился мирининь от города» («умер житель города»). Эта надпись — память об одной из жертв Арктики. Самый древний поморский дом, остатки которого найдены на Шпицбергене, построен в 1545 г. К 80-м гг. XVI в. относится постройка в заливе Бельсунн, с которой связана еще одна надпись и имя «Ондрей», процарапанное на китовом позвонке.

18 русских надписей найдено при раскопках на Шпицбергене, шесть из них датированы XVI в. Это еще одно наглядное подтверждение открытия архипелага поморами и развития ими хозяйственной деятельности на его берегах задолго до плавания Баренца.

Активный участник раскопок на Шпицбергене, сотрудник Института археологии РАН д.и.н. В.Ф. Старков сообщил немало новых сведений о культуре поморов — мореходов и зверобоев, о таких находках, как шахматы, деревянные календари, деревянный крест, покрытый тонкой филигранной резьбой, алфавит, вырезанный на трехгранной планке. Он подчеркнул, что «большой интерес для ученых представили и другие находки, такие как орудия промысла (гарпуны, копья, рогадины, ножи, детали ловушек, рыболовные сети и крючки, фрагменты огнестрельного оружия), а также многочисленные образцы домашней утвари, свидетельствующие о прочном, хорошо налаженном быте, рассчитанном на долговременное обитание» [110]. В свете последних археологических находок новым смыслом для нас наполняются слова старинной песни груманланов, приведенной в эпиграфе.

Плавание поморов на Грумант проходило обычно от Новой Земли вдоль кромки льдов. Этот маршрут был более длинным, чем прямой путь от Колы к Шпицбергену, но зато более

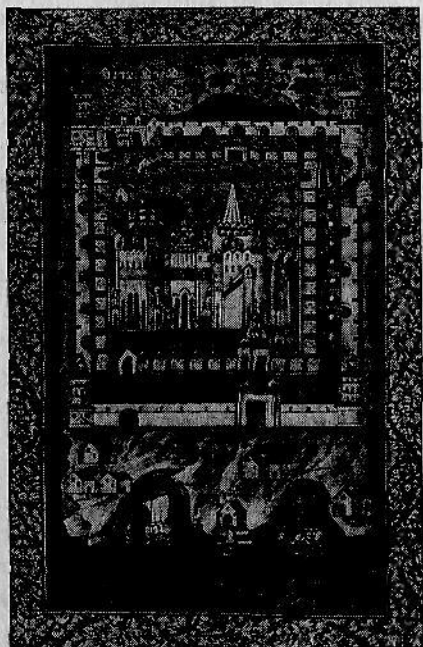
безопасным. Плывая вдоль кромки льдов, поморские суда были защищены от действия сильных северных ветров в Баренцевом море. Именно новоземельским вариантом плаваний на Грумант д.и.н. М.И. Белов объяснял отсутствие в русских документах XVI—XVII вв. сведений об этих походах. До наших дней дошла таможенная документация той эпохи, которая велась в портах Поморья. В ней отмечены плавания поморов к Новой Земле. Видимо, таможенников не интересовал дальнейший маршрут движения и они указывали только ближайший пункт — Новую Землю [75, с. 69].

Успешные плавания поморов к Новой Земле и Груманту стали возможны потому, что они удачно приспособили свои суда для плавания в северных морях.

Наиболее важным изобретением явилась особая конструкция корпуса судов, предназначенных для плавания во льдах. Они придали корпусам судов примерно яйцеобразную форму, то есть характерной чертой их была округленность бортов. Благодаря этому при сжатии льдов такие суда выжимались на поверхность ледового покрова. Именно такую форму корпуса имел легендарный «Фрам» полярного исследователя Ф. Нансена, корпус которого вынес неоднократные сжатия льдов при дрейфе судна от Новосибирских островов на запад через Северный Ледовитый океан. И обводы современных ледоколов также напоминают обводы поморских судов.

Нос и корма поморских судов были примерно одинаковой формы, а ширина корпуса — больше одной трети длины, что облегчало маневрирование во льдах. Интересно, что форштевень и ахтерштевень — носовая и кормовая балки этих судов составляли в своей нижней части угол до 30 градусов с линией киля, что облегчало вытаскивание судна на берег или на льдину. Впоследствии, возможно, именно эта особенность поморских судов подтолкнула русского купца Бритнева в 1864 г. придать такую же форму форштевня первого в истории парового ледокольного судна «Пайлот» для облегчения вползания на льдину и продавливания льда массой носовой части парохода.

К днищу поморских судов прикреплялись полозья для облегчения вытаскивания лодей, кочей и карбасов на берег и на льды, а также для перетаскивания их через волоки и ледовые перемычки. Вместе с тем сплошные полозья и выступавший

Чертеж острова и крепости
Соловецкого монастыря
в начале XVII в.

Землю и Грумант, а в более позднее время (XVIII в.) для так называемых «раньшин» (роньших лодей), то есть судов, выходивших ранее других на весенний промысел тюленя во льдах Белого моря.

На поморских судах устанавливалось парусное вооружение довольно простое, но зато надежное. Поморы не использовали рифсезни — концы для подвязывания парусов и уменьшения их площади при плавании в штормовых условиях. Ведь при частом обледенении парусов рифсезни были бы просто бесполезны. Именно поэтому основными у них были штормовые паруса. При слабых попутных ветрах поморы увеличивали площадь парусов, прикрепляя к основным штормовым парусам особые полотнища — «прищепы».

Из-за возможности обледенения парусных полотнищ они освоили использование ровдушных (замшевых, выделявае-

из корпуса киль уменьшали качку и боковой снос судна при плавании под парусом.

Считается, что технология соединения досок наружной обшивки поморских судов путем сшивания гибкими прутьями или другим подобным материалом наилучшим способом соответствовала условиям ледового плавания. Корпуса сшитых судов были более гибкими и упругими, чем сколоченные при помощи железных гвоздей. Технология сшивания обеспечивала лучшее предохранение от расшатывания досок обшивки при постоянных ударах корпуса о льдины.

Описанные особенности формы корпусов были характерны в первую очередь для промысловых карбасов и кочей, плававших на Новую

мых из шкур оленей) парусов, которые не столь быстро покрываются ледяной коркой. А прочные и мало обмерзавшие веревки и канаты изготавливались ими из кожи моржа.

На поморских карбасах имелись переносные ворота — «бабы». Такая «баба» состояла из березового кола и просверленного вдоль продольной оси бревна, которое надевалось на кол. Укрепив кол на льдине или на берегу оттяжками, бревно вращали с помощью поперечной жерди и наворачивали на него пеньковый канат, закрепленный на судне, которое таким образом вытаскивали на берег или лед.

Именно поморам принадлежит открытие действия жира морских животных — моржей и тюленей — на морское волнение. Еще в 1787 г. академик Николай Яковлевич Озерецковский отмечал: «Средство сие состоит в ворванном сале, которое во время заплескивания судна льют в море, или пускают подле боков судна мешки, наполненные оным. Средство сие издревле нашим поморянам известно, и за многие годы прежде было у них в употреблении, нежели европейские ведомости о сем средстве, как некоем важном открытии были наполнены» [74, с. 16].

О высокой мореходной культуре поморов свидетельствует изобретение ими деревянного компаса задолго до широкого использования магнитного. Такой компас назывался ветрометом (от поморского выражения «метать ветер», то есть определять направление). Ветромет представлял собой сферический сегмент диаметром 600—700 мм и толщиной около 50 мм. По краю диска, разбитого на 32 румба, против каждого румба просверливались углубления диаметром 7—8 мм, в которые вставлялись деревянные стержни. Для восьми основных румбов, соответствующих направлениям господствующих в северных широтах ветров и называвшихся поэтому «ветрами», стержни были повыше, для восьми промежуточных (межников) — несколько ниже, а для остальных (стриков) — маленькие.

В центре диска вставлялась длинная палочка, служившая для определения по солнцу в полдень направления север—юг. Основные румбы носили названия: «сивер» — север, «полуношник» — северо-восток, «восток» — восток, «зимняк» или «обеденник» — юго-восток, «полуденник» — юг, «шелонник» — юго-запад (от названия р. Шелони, которая течет с

юго-запада и впадает в оз. Ильмень), «западник» — запад, «побережник» — северо-запад (когда ветер дул вдоль Мурманского берега, береговая линия которого имеет направление с северо-запада на юго-восток).

Вблизи берега компас ориентировали по поморским крестам, установленным на островах, мысах и приметных вершинах как опознавательные знаки и всегда вполне определенно установленным по отношению к частям света. Чтобы определить нужный курс судна с точностью до одного румба, достаточно было сориентировать компас через центральный стержень (в створе с другим) на крест, когда он обращен к наблюдателю боком — линией север—юг.

В открытом море с помощью ветромета определяли местонахождение по Солнцу, а также брали пеленг на Полярную звезду. Такой компас использовался наряду с магнитным до конца XVII в, а в прибрежном плавании и значительно позднее [111, сс. 94, 95; 112].

В XVII в. и, видимо, ранее, во второй половине XVI в., магнитные компасы («матки») уже широко использовались на поморских судах. В приходно-расходных книгах Соловецкого монастыря за 1645 г. сказано, что монастырь «купил лодейных 8 маток, дано 24 алтына». В конце XVII в. на поморских судах уже использовался для размещения компаса карданов подвес и нактоуз. Так, из другого документа известно, что в 1696 г. Холмогорский архиерейский дом купил «матку в Мурманский ход на новую лодью. Куплено у холмогорца у Аврама Дудина. Матка на дугах [в кардановом подвесе], в дубовом станку [в нактоузе], добрая, дано 20 алтын» [75, с. 214].

Поморы изготавливали специальное противоцинготное средство, употребление которого и давало возможность им плавать в северных морях и зимовать на Груманте, не заболевая страшной болезнью цингой — бичом моряков того времени. Они брали в плавание кислое питье, называемое по-поморски «ставкой», — лучшее противоцинготное средство того времени на Русском Севере. Сохранилось описание способа его приготовления. Молоко томили в печи, пока оно не приобретало кремовый цвет. Затем его разливали в бочки и там сквашивали, а после этого там же смешивали с морошкой.

Известен рассказ помора и опытного промышленника, выгорецкого раскольника Амоса Кондратьевича Корнилова

о противочинготных средствах, применяемых поморами в XVIII в. и в более ранние времена в плавании и на зимовках: «Берут с собой ягоду морошку, да сосновые шишки, да там под горами в таких местах, где птицы гнезда вьют, растет трава, которая называется салата [ложечная трава], а тою де травою от оной болезни промышленники пользуются, для чего же оную траву и в зиму запасают». И далее он привел способ приготовления «салаты»: «В летнее де время свежую салату парят в печи и варят на огне в воде и квасу, а как упрет, то оную воду и квас пьют теплое, а и свежую, по нужде, кто пожелает, есть можно, а в зиму запасают квашеную наподобие капусты сеченой и секут так, как капусту, и варят вместо шей, с мясом и с рыбой и постное употребляют так, как щи, а сушеной не запасают для того, что она трава сушеная быть не может, но отсыревает и от этого портится. А растет та трава вышиной в четверть аршина [18 см. — *Авт.*] и повыше, а листы у нее круглые, величиной в нынешний медный грошевик, а стебелек тонкий, а берут ее и употребляют те стебельки с листьями, кроме корений, а корений не берут и не употребляют» [113, с. 26].

Многолетние плавания на полярный промысел позволили поморам практически определить целесообразный состав запасов продовольствия и одежды для промысловиков. Обязательный ассортимент продовольствия включал ржаную муку, горох, овсяную и гречневую крупу, соленую и сушеную рыбу, коровье и растительное масло, сало. Запас продуктов для зимовщиков на Груманте рассчитывали на 8—9 месяцев. Зимовщики старались употреблять и свежую пищу: свежую оленину, морскую и озерную дичь, свежие птичьи яйца.

Каждый помор-промышленник получал бахилы — кожаные безрантовые сапоги, оленью постель, шубу, шапку и рукавицы. Широко использовалась одежда, заимствованная у ненцев: малица (неразрезанная одежда из оленьего меха шерстью внутрь) и совик (верхняя неразрезанная одежда шерстью наружу с пришивной шапкой).

При отплытии на промысел на кочи грузили запас дров. Если предполагалось проводить промысел на новых местах, то на кочи грузили в разобранном виде рубленные избы, которые затем устанавливали на побережье вблизи района промысла.

Команда коча включала обычно до 14 мореходов-промышленников, а палубного карбаса — 7 мореходов. Во главе про-

мышленной артели всегда ставился опытный мореход-кормщик, который с момента выхода судна в море являлся полновластным главой экспедиции.

Приплыв в район промысла морского зверя, поморы заводили коч в безопасное место, сгружали на берег провизию и приступали к промыслу. При охоте на моржей поморы старались застать их спящими на берегу. Промышленники незаметно подкрадывались к лежбищу со стороны моря и неожиданно нападали на стадо.

При этом старались колоть тех зверей, которые были ближе к воде, а остальных загоняли дальше на берег, так как на суше моржи были менее подвижны и поворотливы. К гарпунам, которыми поражали зверя, привязывали веревку, называемую обором. К другому концу обора прикрепляли бочку, с тем, чтобы раненый зверь не утонул и его можно было подтянуть к судну.

Охота на моржей была довольно опасной. Не редко случалось, что разъяренный раненый зверь бросался на карбас и ударом клыков проламывал днище. Белух ловили длинными прочными сетями, связанными из тонких веревок. Такие сети ставили в узких заливах от берега к берегу и оставляли в них узкий проход. Часто промышленники уплывали от становища в поисках добычи на 100 и более верст. В становищах они производили предварительную разделку добытого зверя: разделявали его тушу, отделяя жир от кожи, и наполняли жиром бочки. Особо ценной добычей были моржовые клыки.

В архивах сохранилось довольно яркое описание зимовки поморов на Новой Земле и Груманте в XVII—XVIII вв.: «В зимнее время, когда за темнотою наскоро ездить не можно, промышленники оставляют в становищах своих одного или двух человек для присмотру над судном; сами же для улова горних зверей располагаются на зиму в расстоянии от 20 до 100 верст от становища, по два человека в малых избушках, запасаясь харчом, порохом и разными инструментами. А как зимою на Новой Земле в октябре, декабре и январе, а на Груманте с половины ноября до февраля солнечного света совсем не бывает, то промышленники занимаются ловлею белых и голубых песцов, для чего расставляют по высоким и низким местам, чтобы не занесло снегом, западни или пасти, клав в них для приманки сало морских зверей; медведей же, оленей

стреляют более в осеннее и весеннее время, когда бывает по-светлее; случается, что два человека в зиму при благополучном промысле на свою избушку ловят до 300 песцов. Когда наступает весна и солнечный свет покажется, то около Благовещения и далее все промышленники из рассеянных по разным местам своих хижин собираются в становища, совокупив в одно место каждым приобретенную добычу и онаю вместе с другой, погрузив в свою лодью, отправляются в Архангельск».

Далее автор сообщал любопытные подробности о поведении промышленников во время зимовки: «Когда промышленники во время зимы живут в разных избушках, то, ходя на лыжах, проводывают друг друга; при случае таковых переходов каждый запасается дня на два или более хлебом, который везет на небольших дровенках, называемых чуня, имея обыкновенно при себе небольшую деревянную лопатку. Случается часто, что в пути застает сильная метель, препятствующая продолжать путь, тогда, избегая опасности, или стараются выбрать ровное место, дабы совсем не покрытыми быть снегом, или из отвердевшего на земле находящегося, наделав глыб, обкладывают себя оными тем выше, чем больше около них увеличивается куча нанесенного снега».

Автор специально отметил умение поморов ориентироваться по звездам при дальних поездках. «День с ночью различают промышленники по Луне и по восхождению звезд, особливо по созвездию, которое называется Лосем», а также по Большой Медведице и Полярной звезде [75, сс. 60—62].

Все сказанное несомненно подтверждает, что именно русские поморы со своей солидной традицией мореходной и хозяйственной деятельности в полярных морях и на полярных островах могли еще в глубокой древности открыть и начать хозяйственное освоение Шпицбергена — поморского Груманта.

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Астролябия — угломерный прибор, служивший морякам до XVIII в. для измерения высоты светил над горизонтом.

Ахтерштевень — брус, составляющий заднюю оконечность корабля.

Банка — а) участок дна, глубина над которым заметно меньше окружающих глубин; б) доска, служащая на лодке сиденьем.

Барк — парусное судно, имеющее две мачты с прямыми (прямоугольными) и кормовую мачту с косыми (треугольными) парусами.

Барка — а) морское парусно-гребное беспалубное небольшое судно; б) легкое быстроходное судно типа галеры эпохи позднего Средневековья; в) речное судно типа баржи, применявшееся на реках России в XVIII—XIX вв.

Бизань-мачта — третья мачта, считая с носа. Бизань — косой (треугольный или четырехугольный) парус на бизань-мачте.

Бимс — поперечный деревянный брус, соединявший правую и левую ветвь шпангоута, служил для поддержания палубы и для создания поперечной прочности корабля.

Брандер — в эпоху парусного флота судно, груженное горючими и взрывчатыми веществами и предназначенное для поджигания вражеских кораблей.

Брас — снасть, закрепленная за конец (нок) рея и служащая для разворота паруса в горизонтальном направлении.

Бриг — небольшое парусное судно с двумя мачтами и прямыми (прямоугольными) парусами.

Бригантина — небольшое парусное судно с косыми (треугольными) парусами.

Бушприт — горизонтальное или наклонное рангоутное дерево, выдающееся с носа судна.

Ванты — канаты, поддерживающие мачту с бортов судна.

Верфь — предприятие для постройки или ремонта кораблей.

Верста — старинная мера длины, равная 1066 м.

Водоизмещение — количество воды, вытесненное судном на плаву, равно массе судна со всеми находящимися на нем грузами.

Галера — гребное военное судно с парусами как вспомогательным двигателем.

Гафель — рангоутное дерево, подвешенное на мачте под углом и направленное к корме судна. Гафельные паруса — паруса, прикрепляемые к гафелю.

Грот-мачта — вторая мачта, считая от носа судна. Грот — прямой, самый нижний парус на грот-мачте.

Долгота географическая — географическая координата, служащая вместе с широтой для определения положения точки на земной поверхности, представляет собой угол при полюсе между плоскостями принятого начального (гринвичского) меридиана и меридиана данной точки, измеряемый дугой экватора между этими же меридианами.

Зенит — точка пересечения отвесной линии с небесной сферой над головой наблюдателя.

Каноз — гребная лодка, на которой гребут короткими веслами — гребками, сидя на коленях или стоя лицом к носу.

Каравелла — парусное трех-, четырехмачтовое судно обычно с косыми парусами, распространенное в XIV—XVI вв. в странах Средиземноморья.

Карбас — небольшое промысловое парусно-гребное судно поморов.

Карданов подвес — приспособление для подвески компаса, допускающее качание опор при сохранении его неподвижности.

Катамаран — двухкорпусное судно, на котором корпуса соединены поперечными связями.

Киль деревянный — массивный продольный брус, находящийся в основании корпуса судна, служит для создания продольной прочности корабля.

Кливер — косой треугольный парус впереди фок-мачты.

Коломенка — старинное речное парусно-гребное судно на Руси.

Кормчий — управляющий движением судна в древнее время и в период Средневековья.

Коч — парусное судно поморов, приспособленное для плавания во льдах.

Лодья — старинное парусно-гребное судно на Руси.

Лоция — описание морского водоема и руководство для плавания.

Лоцман — моряк, являющийся специалистом по проводке судов в труднопроходимых районах моря или реки.

Миля (морская) = 1852 м.

Мол — оградительное сооружение порта, примыкающее корневой частью к берегу.

Муссон — сезонный ветер, возникающий вследствие разницы давления воздуха от неравномерного нагревания суши и моря. В северной части Индийского океана зимой муссон дует с северо-востока, а летом — с юго-запада.

Нактоуз — небольшой шкаф, закрепленный на палубе для установки на нем котелка компаса.

Осадка судна — величина углубления корпуса судна в воде.

Остойчивость корабля — его способность при крене под воздействием волн или ветра возвращаться в прямое положение после прекращения действия внешних сил, вызвавших крен корабля.

Палуба — горизонтальное перекрытие в корпусе и надстройках судна, простирающееся по их длине.

Парусное вооружение — совокупность парусов, мачт и реев, а также всех снастей для крепления мачт и управления парусами.

Пассаты — ветры, дующие непрерывно в океанах с довольно постоянной силой в северном полушарии с северо-востока, а в южном — с юго-востока.

Пеленг — направление на какой-либо предмет от наблюдателя, измеряемое углом между линией север — юг и линией наблюдатель — предмет.

Пиллерс — вертикальная стойка, служащая опорой для палубы.

Пинасса — беспалубный гребной катер.

Пирога — длинная, узкая лодка туземцев Америки и Океании.

Планшир — верхняя планка набора корпуса, в деревянных корпусах — горизонтальная планка, укладываемая поверх кромки бортовой обшивки и шпангоутов.

Рангоут — мачты, реи, гафели, бушприты и прочие рангоутные деревья (круглые брусья), на которых ставят паруса.

Рей — деревянный брус, прикрепленный к мачте горизонтально палубе и перпендикулярно к диаметральной плоскости корабля, служит для крепления к нему парусов.

Роза ветров — графическое изображение направления действия ветров в данном районе моря и их наименования.

Румб — а) направление на предметы, б) угол, равный $11\frac{1}{4}$ градуса.

Румпель — рычаг, жестко закрепленный к рулевому веслу или верхней части руля и служащий для поворота последнего рулевым.

Снасти — все канаты, применяемые для подъема и уборки парусов, а также для управления ими.

Степс — гнездо на киле, в которое вставляется нижний конец (шпор) мачты.

Стрингер — продольная балка набора корпуса судна, совокупность которых обеспечивает продольную прочность последнего.

Струг — старинное речное судно на Руси.

Такелаж — все снасти на судне, служащие для укрепления рангоута (стоячий такелаж) и для управления рангоутом и парусами (бегучий такелаж).

Таран — выдающаяся вперед подводная часть носовой оконечности корабля, служащая для проламывания борта вражеского корабля.

Топ — верхний конец мачты.

Траверз — направление, перпендикулярное к курсу корабля.

Узел — мера скорости судна, один узел равен одной миле в час.

Уключина — приспособление, служащее упором для весла.

Фалы — снасти, служащие для подъема реев, гафелей, парусов, флагов и пр.

Фальшборт — ограждение верхней палубы, выполненное либо как сплошное продолжение борта, либо в виде решетки,

Форштевень — брус, образующий носовую оконечность корабля (продолжение киля в носовой части)

Фок-мачта — передняя мачта судна. Фок — прямой, четырехугольный парус, самый нижний на фок-мачте.

Фут = 12 дюймов = 0,305 м.

Шверт — устройство в виде плавника, служащее в опущенном положении средством против сноса судна ветром.

Широта географическая — географическая координата, служащая вместе с долготой для определения положения точки на земной поверхности, измеряется дугой меридиана от экватора до данного пункта от 0 до 90 градусов в обе стороны от экватора (северная и южная широта).

Шлюз — гидротехническое сооружение для подъема или опускания судов с одного уровня на другой.

Шлюп — трехмачтовый военный корабль в российском флоте первой половины XIX в. с пушками на верхней палубе.

Шпангоуты — ребра судна, придающие ему поперечную прочность, к ним крепится обшивка корпуса.

Шпринт — рей, закрепленный внизу мачты и поднятый под углом по отношению к палубе, служит для растягивания паруса между им и мачтой или между двумя шпринтами.

Штаг — снасть стоячего такелажа, расположенная в диаметральной плоскости судна и поддерживающая с носа мачту. Штаг, идущий от рангоутного дерева к корме, называется ахтерштоком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варшавский А.С. Вначале были легенды. М.: Знание, 1982.
2. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима, составитель А.А. Нейхарт. М.: Правда, 1987.
3. Снисаренко А.Б. Курс — Море Мрака. М.: Мысль, 1982.
4. Снисаренко А.Б. Властители Черного моря // Катера и яхты, № 3, 1984.
5. Страбон. География. Л.: Наука, 1964; нумерация страниц по международной системе.
6. Хенниг Р. Неведомые земли. Т. I. М.: Изд-во иностран. лит-ры, 1961.
7. Ланицки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. М.: Прогресс, 1982.
8. Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979.
9. Снисаренко А.Б. Властители античных морей. М.: Мысль, 1986.
10. Гомер. Илиада. М.: Худож. лит-ра, 1978.
11. Вулих Н.В. Овидий. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1996.
12. Златковская Т.Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М.: из-во АН СССР, 1961.
13. Томсон Дж.О. История древней географии. М.: изд-во Иностран. лит-ры, 1953.
14. Забелин И.М. Возвращение к потомкам. Роман-исследование жизни и творчества Александра Гумбольдта. М.: Мысль, 1988.

15. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. II. М.: Просвещение, 1983.
16. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. I. М.: Высшая школа, 1980.
17. История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. М.: Наука, 1990.
18. Кобищанов Ю.М. На заре цивилизации. М.: Мысль, 1981.
19. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
20. Ханке Х. Люди, корабли, океаны. Л.: Судостроение, 1976.
21. Ельницкий Л.А. Древнейшие океанские плавания. М.: изд-во «Географ. лит-ры», 1962.
22. Хейердал Т. Древний человек и океан. М.: Мысль, 1982.
23. Большаков В.А. Царица Хатшепсут // «Вопросы истории», № 4—5, 2000.
24. Хрестоматия по истории Древнего Востока. М.: Высшая школа, 1963.
25. Матье М.Э. Искусство Древнего Египта. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1961.
26. Бибби Дж. В поисках Дильмуна. М.: Наука, 1984.
27. Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965.
28. Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1959.
29. Послесловие В.И. Гуляева к книге Дж. Бибби «В поисках Дильмуна»...
30. Войтов В.И. В треугольнике древних цивилизаций // Древние мореплаватели. М.: Знание, 1979.
31. Хейердал Т. Мальдивская загадка. М.: Прогресс, 1988.
32. Оппенгейм А.Л. Древняя Месопотамия. М.: Наука, 1990.

33. Бодянский Б., Герасимов О., Медведко Л. Княжества Персидского залива. М.: Прогресс, 1970.
34. Хейердал Т. Экспедиция «Тигрис». М.: Физкультура и спорт, 1981.
35. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. I, М.: Просвещение, 1982.
36. Успенский Ф.И. История Византийской империи VI—IX вв. М.: Мысль, 1996.
37. Шумовский Т.А. Арабское мореплавание до ислама// Страны и народы Востока. Выпуск I. М.: Из-во восточ. лит-ры, 1959.
38. Гомер. Одиссея. М.: Худож. лит-ра, 1986.
39. Геродот. История в 9-и книгах. Л.: Наука, 1972, указаны номера книг и параграфов.
40. Ханке Х. Седьмой континент. Л.: Гидрометеоиздат, 1964.
41. Шифман И.Ш. Финикийские мореходы. М.: Наука, 1965.
42. Скрягин Л.Н. Якоря. М.: Транспорт, 1979.
43. Аппиан. Римская история // Вестник древней истории № 4. 1950.
44. История Африки. Хрестоматия. М.: Наука, 1979.
45. Снисаренко А.Б. «Великий Лжец» из Массалии // Предисловие к книге Ф. Лаллемана «Пифей. Бортовой журнал античного мореплавателя». М.: Прогресс, 1986.
46. Лаллеман Ф. «Пифей. Бортовой журнал...»
47. Дитмар А.Б. В стране олова и янтаря. М.: изд-во «Географ. лит-ра», 1963.
48. Ельницкий Л.А. Знания древних о Северных странах. М.: изд-во «Географ. лит-ра», 1961.
49. Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М.: изд-во «Иностран. лит-ры», 1950.
50. Свет Я.М. По следам путешественников и мореплавателей Востока. М.: из-во «Географ. лит-ры», 1955.

51. Косамби Д.Д. Культура и цивилизация древней Индии. М.: Прогресс, 1968.
52. Шумовский Т.А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. М.—Л.: изд-во АН СССР, 1957.
53. Псевдо-Арриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // Вестник древней истории. № 2, 1940.
54. Нойкирхен Г. Мореплавание вчера и сегодня. Л.: Судостроение, 1977.
55. Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком IV—VI вв. М.—Л.: изд-во АН СССР, 1951.
56. Хеннинг Р. Неизвестные земли. Т. II. М.: изд-во иностр. лит-ры, 1961.
57. Северин Т. Путешествие на «Брендане». М.: Физкультура и спорт, 1983.
58. Тысяча и одна ночь. Избранные сказки. Т. II. М.: Худож. лит-ра, 1987.
59. Шумовский Т.А. Арабы и море. М.: Наука, 1964.
60. Шумовский Т.А. По следам Синбада-морехода. Океанская Аравия. М.: Мысль, 1986.
61. Милославский Г.В. Ибн Баттута. М.: Мысль, 1974.
62. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982.
63. Даркевич В.П. Аргонавты Средневековья. М.: Наука, 1976.
64. Русская народная поэзия (Эпическая поэзия). Л.: Худож. лит-ра, 1984.
65. Мавродин В.В. Начало мореходства на Руси. Л.: изд-во ЛГУ, 1949.
66. Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку. СПб., 1875.

67. Висковатов А.В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. М.: Воениздат, 1946.
68. Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.
69. Белавенец П.И. Материалы по истории русского флота. М.-Л.: Гос. воен.-мор. изд-во НК ВМФ, 1940.
70. Мавродин В.В. Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском с древнейших времен до XVI в. включительно). Симферополь, Крымиздат, 1955.
71. Владимиров И.Н., Ципоруха М.И. Человек строит корабль. М.: Наука, 1992.
72. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II, Т. 3. М.: Мысль, 1988.
73. Дыгало В.А., Нарбеков Н.Н. Новгородское судно XII в. // Катера и яхты, № 2, 1979.
74. Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: изд-во «Геогр. лит-ра», 1954.
75. Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. I. М.: Морской транспорт, 1956.
76. Архив Маркса и Энгельса. Т. 8. М.: ОГИЗ, 1946.
77. Ланге Пауль В. Горизонты Южного моря (История морских открытий в Океании). М.: Прогресс, 1987.
78. Те Ранги Хироа (Питер Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М.: изд-во «Географ. лит-ра», 1959.
79. Куиличи Ф. Океан. М.: Мысль, 1976.
80. «За рубежом» № 13—19. 06. 1986 (перепечатка из «Сьянс э ви»).
81. Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1979.
82. Книга Марко Поло. М.: изд-во «Геогр. лит-ра», 1955.
83. Марквардт К.Х. Рангоут, такелаж и паруса судов XVIII в. Л.: Судостроение, 1991.

84. Боголюбов Н.П. История корабля. Т. I. М.: 1879.

85. Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая, тт. V, VI, VII, VIII. М., Книга, 1989 (репринтное воспроизведение пятого издания в трех книгах, СПб., 1842), т. VI, гл. VI.

86. Перевод Н.И. Прокофьева текста рукописи Афанасия Никитина по Эттерову списку на современный русский язык // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.: Совет. Россия, 1980.

87. Перевод Троице-Сергиевского списка рукописи Афанасия Никитина на современный русский язык // Хождение за три моря Афанасия Никитина (Литературные памятники). М.—Л.: изд-во АН СССР, 1948.

88. Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. М.: Наука, 1980.

89. Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. IV. М.: изд-во иностр. лит-ры, 1963.

90. Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. III. М.: из-во иностр. лит-ры, 1962.

91. Харт Г. Морской путь в Индию. М.: изд-во геогр. лит-ры, 1959.

92. Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л.: Гидрометеоиздат, 1969.

93. Морской энциклопедический словарь. Т. 11. СПб., Судостроение, 1993.

94. Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М.: изд-во географ. лит-ры, 1950.

95. Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. М.—Л.: из-во Главсевморпути, 1948.

96. Фрадкин Н.Г. Образ Земли. М.: Мысль, 1974.

97. Русская народная песня (Библиотека поэта. Большая серия). Л.: Сов. писатель, 1987.

98. Рылеев К.Ф. Думы. Л.: Лениздат, 1984.

99. Скрынников Р.Г. Далекий век (Иван Грозный, Борис Годунов, сибирская одиссея Ермака). Л.: Лениздат, 1989.
100. Соловьев С.М. Сочинения. Книга III, тт. 5—6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989.
101. Дитмар А.Б. География в античное время. М.: Мысль, 1980.
102. Античная география. Под редакцией М.Я. Боднарского. М.: Высшая школа, 1953.
103. Куприн А.М. Слово о карте. М.: Недра, 1987.
104. Исаченко А.Г. Развитие географических идей. М.: Мысль, 1971.
105. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. III. М.: Просвещение, 1984.
106. Кук Д. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света. М.: Географгиз, 1948.
107. Лазарев М.П. Документы, Т. I. М.: Военмориздат, 1952.
108. Корякин В.С. Семь экспедиций на Шпицберген. М.: Знание, 1986.
109. Обручев С.В. Русские поморы на Шпицбергене в XV в. и что написал о них в 1493 г. нюрнбергский врач. М.: Наука, 1964.
110. Старков В.Ф. Древний Грумант: открытия, гипотезы // Правда, 10. 01. 1984.
111. Бадигин К.С. По студеным морям. М.: изд-во «Географ. лит-ра», 1956.
112. Глазман А.Б. Деревянный компас поморов // Судостроение № 1, 1970.
113. Ставницер М. Русские на Шпицбергене. М.—Л. Главсевмориздат, 1948.
114. Релей Р. Открытия, которых никогда не было. М.: Прогресс, 1977.
115. Колл. авторов. История Сибири. Т. I. Л.: Наука, 1965.
116. Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. МИФ ОБ АРГОНАВТАХ	7
ГЛАВА 2. СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ СТРАНА АМАЗОНОК?	28
ГЛАВА 3. АРИСТЕЙ ИЗ ПРОКОННЕСА	39
ГЛАВА 4. ПЛАВАНИЕ САМОСЦА КОЛЕЯ В ТАРТЕСС	54
ГЛАВА 5. ПУНТ — ТАИНСТВЕННАЯ СТРАНА БОГА	62
ГЛАВА 6. ПЛАВАНИЕ В ДИЛЬМУН — РАЙСКУЮ СТРАНУ ДРЕВНИХ ШУМЕРОВ	77
ГЛАВА 7. ГДЕ НАХОДИЛАСЬ БИБЛЕЙСКАЯ СТРАНА ОФИР?	92
ГЛАВА 8. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПЛАВАНИЯ ФИНИКИЙСКИХ МОРЕХОДОВ	98
ГЛАВА 9. ПУТЕШЕСТВИЕ ПИФЕЯ	121
ГЛАВА 10. ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ «ПЕРИПЛ КАСПИЙСКОГО МОРЯ»	135

ГЛАВА 11. КОГДА КОРАБЛЕМ ПРАВИЛ БОТХИСАВА — ВОПЛОЩЕНИЕ БУДДЫ В ОБРАЗЕ КОРМЧЕГО	142
ГЛАВА 12. ПУТЕШЕСТВИЯ КОСЬМЫ ИНДИКОПЛОВА	160
ГЛАВА 13. ПЛАВАНИЯ СВЯТОГО БРЕНДАНА В АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ	173
ГЛАВА 14. ▷ СИНБАД-МОРЕХОД	185
ГЛАВА 15. СКАЗОЧНАЯ БИАРМИЯ	203
ГЛАВА 16. КУДА ПЛАВАЛИ САДКО И ДРУГИЕ НОВГОРОДСКИЕ ГОСТИ?	214
ГЛАВА 17. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ДАЛЬНИЕ ПЛАВАНИЯ ЛЮДЕЙ КАМЕННОГО ВЕКА	234
ГЛАВА 18. БАЛЬСОВЫЕ ПЛОТЫ ИНКОВ	258
ГЛАВА 19. ▷ ПРОНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНИХ МАЛАЙЦЕВ НА МАДАГАСКАР	267
ГЛАВА 20. КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АНГЛИЙСКОГО РЫЦАРЯ ДЖОНА МАНДЕВИЛЯ	282
ГЛАВА 21. ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ	298
ГЛАВА 22. В ПОИСКАХ СКАЗОЧНОГО ГОСУДАРЯ — СВЯЩЕННИКА ИОАННА	314

ГЛАВА 23. НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПЛАВАНИЯ ДЖОНА И СЕБАСТЬЯНА КАБОТОВ	327
ГЛАВА 24. В ПОИСКАХ ЭЛЬДОРАДО	342
ГЛАВА 25. ОСТРОВА ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ	353
ГЛАВА 26. «TERRA AUSTRALIS INCOGNITA» — «НЕВЕДОМАЯ ЮЖНАЯ ЗЕМЛЯ»	359
ГЛАВА 27. СТРАНА СЕМИ ГОРОДОВ	379
ГЛАВА 28. СКАЗОЧНАЯ СТРАНА НОРМАННОВ СВАЛЬБАРД	387
СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ	400
ЛИТЕРАТУРА	405

Ципоруха М.И.

**Ц67 Древние мореходы и загадки планеты. — М.: Вече, 2005. — 416 с.
(Тайны веков)**

ISBN 5-9533-0637-7

В этой увлекательной и познавательной книге рассказывается о почти фантастических для своего времени морских путешествиях древних людей, о необычайном мужестве и выносливости человека, о том, как он расширял свои знания об окружающем мире.

Мифы и легенды о древних мореходах автор осмысливает с точки зрения современных научных данных, раскрывающих реальную картину истории мореплавания и кораблестроения.

Книга будет полезной всем, кто интересуется древней историей и культурой.

ЦИПОРУХА МИХАИЛ ИСААКОВИЧ
ДРЕВНИЕ МОРЕХОДЫ И ЗАГАДКИ ПЛАНЕТЫ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *А.В. Абрамов*
Корректор *Б.И. Тумян*
Верстка *И.М. Сорокина*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Д.В. Грушин*

Гигиенический сертификат № 77.99.02.953.П.001857.12.03
от 08.12.2003 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский Дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.12.2004. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага газетная. Печ. л. 26,0.
Тираж 7000 экз. Заказ № 0416460.

Отпечатано
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

